

ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ
XX ВЕКА

Советский
издатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор),

И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,

Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, [В. М. Жирмунский].

К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов

[А. А. Прокофьев], А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,

Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде, И. Г. Ямпольский

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА

*Вступительная статья,
составление и примечания
В. Галиниса*

*Редакция поэтических переводов
Н. Л. Брауна и Л. А. Озерова*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1971

Настоящий сборник является первой на русском языке антологией богатой литовской поэзии XX века. В книгу включены произведения более сорока поэтов (среди них — Л. Гира, Ю. Балтрушайтис, Ю. Янонис, В. Миколайтис-Путинас, С. Нерис и др.), представляющих самые значительные школы и направления литовской поэзии XX века. Большинство стихотворений, вошедших в сборник, на русский язык переведены впервые.

ЛИТОВСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА (1900—1940)

Первые десятилетия XX века были особенно бурными в развитии литовской поэзии. Поэзия этого периода во многих случаях прокладывала новые пути для всей литовской литературы, в ней наглядно отразились самые острые противоречия всего литературного процесса.

Литовская поэзия вступила в XX век под знаком Майрониса — крупнейшего поэта национально-освободительного движения. Он был общепризнанным авторитетом и большим мастером поэтического слова. Но уже к концу первого десятилетия нашего века в поэзии началось брожение. Молодое поколение поэтов, начавшее свою творческую деятельность в орбите Майрониса, вскоре отказалось следовать его традициям и бросилось искать новых путей.

Литовская литература, которая до сих пор развивалась довольно обособленно, преодолела национальную замкнутость и включилась в общий процесс развития мировой литературы. Происходило быстрое освоение опыта других литератур, и ко всем явлениям родной литературы стали прикладываться мерки другого, более крупного масштаба. Это было определено общими закономерностями исторического развития, новыми сдвигами, происшедшими в исторической судьбе литовского народа.

В литовской поэзии, как и во всей литературе, возникли новые идейно-эстетические направления и течения, определилась более четкая их поляризация. Новое в поэзии завоевывало место в борьбе против застоя художественного мышления и консервативности общественных идеалов, преодолевая устаревшие поэтические каноны, уже ставшие готовыми стереотипами. Происходило непрерывное накопление новых качеств, которые во многом определили дальнейшее развитие литовской поэзии уже в советский период.

Первые десятилетия XX века (до 1940 года) не составляют цельного исторического периода в развитии литовской поэзии: они распадаются на два разных этапа. Первый этап (от начала века до конца 10-х годов) — это своеобразное переходное время: патристически-романтическая традиция, непосредственно связанная с национально-освободительным движением, стала иссякать, начались еще несмелые поиски новых общественных и эстетических идеалов. Рубеж этого этапа — крушение царской империи, в состав которой входила Литва, и Октябрьская революция, по-новому определившая судьбу литовского народа. Второй этап (20—30-е годы) отличается особенно сложным и противоречивым характером — литовская литература впервые развивалась в условиях самостоятельного буржуазного государства. В литературе возникали и исчезали новые направления и течения (символизм, «Четыре ветра», «Третий фронт»), решительно пересматривались многие традиции и навыки, происходила острая борьба между разными идейно-эстетическими тенденциями. На этом этапе окончательно оформилось и все более укреплялось революционно-демократическое направление литовской поэзии. Этот этап закончился в 1940 году — со вступлением Литвы в состав СССР, с включением литовской литературы в многонациональную советскую литературу.

Цель данной статьи — охарактеризовать главные особенности и тенденции развития литовской поэзии в период первых четырех десятилетий XX века, проследить возникновение новых художественных направлений, а также определить вклад наиболее выдающихся поэтов в общее развитие поэзии.

1

Развитие литовской поэзии в начале XX века находилось под сильным влиянием конкретных исторических условий национальной жизни литовского народа.

Литовский народ все еще находился под двойным — социальным и национальным — гнетом. Царские власти усердно преследовали литовскую печать. Литовские книги и газеты издавались за границей (большею частью в Восточной Пруссии) и тайно распространялись в Литве. О большом масштабе тайного проникновения литовской литературы в Литву свидетельствует хотя бы и такой факт — в 1901—1903 годах лишь только на пограничных таможах одной Ковенской губернии было конфисковано семьдесят девять тысяч литовских книг и газет. Книги через границу доставлялись и рас-

пространялись книгоношами. По примеру книгонош, а нередко и с их помощью, через Литву в Россию переправлялась и лепинская «Искра», на страницах которой поднимался голос и против национальных притеснений со стороны царских властей.

Как и прежде, царские чиновники запрещали преподавание на родном языке. Дети обучались у матерей, которые одновременно и пряли, и учили грамоте детей, или детей обучали более грамотные сельские люди, называемые «даракторами». Царские власти жестоко преследовали и заключали в тюрьмы как книгонош, так и даракторов.

Усиление литовского национально-освободительного движения, революционный подъем в России, вызванный поражением в русско-японской войне, заставили царское правительство пойти на некоторые уступки. 24 апреля 1904 года был издан декрет об отмене запрещения печатать литовские книги латинскими литерами. Борьба литовского народа за право иметь свою печать, читать на родном языке, продолжавшаяся целых сорок лет, закончилась победой. В этой борьбе литовский народ поддержали прогрессивные силы русской общественности, многие русские ученые. Образовались более благоприятные условия для развития литовской национальной культуры, для распространения передовых и революционных идей. Это стимулировало рост литовской литературы, облегчало ее путь к читателю.

В начале XX века в Литве, как и на всей территории царской империи, обострились социально-политические конфликты, нарастало революционное движение, возросла роль рабочего класса как руководителя революционной борьбы, назревала буржуазно-демократическая революция. Революция 1905—1907 годов потрясла основы жизни всей страны, вовлекла в освободительное движение широкие слои населения. Она укрепила решимость всех людей труда бороться против царизма и эксплуататоров, сопротивляться царской политике национального притеснения. Передовые слои литовской общественности требовали решить национальный вопрос демократическим путем.

Революция 1905—1907 годов оказала большое воздействие на развитие прогрессивной литовской культуры, усилила в ней демократические и социалистические тенденции. Подавление революции и последовавшая за ней реакция были не в сила окончательно заглушить пробудившиеся в народе надежды и чаяния.

Царский гнет, тяжелое экономическое положение заставляли многих крестьян искать хлеба и заработка за пределами родины. Они хлынули в Лиепаю, Ригу, Петербург, Москву и в другие

промышленные центры России и там волились в ряды пролетариата. По этим же причинам, а также и в силу возрастающих репрессий со стороны царских властей, усилилась эмиграция за границу — в Германию, Англию, США. По данным статистики, с 1899 по 1914 год в США уехали 252 тысячи литовцев. Там, где литовские эмигранты селились более или менее компактными группами, стали издаваться газеты, даже книги на литовском языке. Тема эмиграции занимала много места в художественных произведениях литовской литературы той поры.

В связи с большими сдвигами, происшедшими в общественном сознании, вопросы взаимоотношений литературы и общества, литературы и передовых идей современности стали особенно актуальными.

В литовской поэзии начала XX века еще сильна была прежняя патриотическо-демократическая традиция. Автор поэмы «Времена года» К. Донелайтис служил образцом для тех поэтов, которые искали связей с народной жизнью. Творчество певца «Аникшчяйского бора» А. Баранаускаса поддерживало романтико-патриотические традиции — поиски поэзии в красоте родной природы, в жизни людей своего края. Но наибольшее воздействие на литовскую поэзию начала XX века оказал Майронис — самый выдающийся поэт национально-освободительного движения.

В творчестве Майрониса наиболее ярко отражены стремления национально-освободительного движения, наиболее полно высказаны надежды и настроения широких народных масс. В книге «Весенние голоса» (1895), которая многократно переиздавалась и пополнялась новыми стихами, в поэмах и балладах Майронис прославлял красоту родного края, его славное прошлое, воспевал любовь к родине, жажду освобождения от царского ига. Его патриотическая лирика приобрела популярность в широких массах народа и сыграла большую роль в воспитании их национального самосознания. Поэзии Майрониса свойственны глубокие и искренние чувства, романтические устремления, ненависть к пошлости, к рутине.

Майронис — это целая эпоха в литовской поэзии, надолго предопределившая ее развитие. Но творчество Майрониса не было однородным явлением: наряду с прогрессивными, патриотическими мотивами в некоторых его произведениях, особенно в поэмах, проявились и консервативные идейные тенденции, религиозные настроения, которые отвечали интересам клерикального крыла литовского общества.

Традициям Майрониса верно следовали почти все литовские поэты, начавшие свою творческую деятельность в конце XIX века.

По своим воззрениям многие из них были связаны с правым, клерикальным крылом национально-освободительного движения. В их творчестве отражались консервативные идеологические и социальные взгляды, основанные на ортодоксальном католичестве.

Эти воззрения нашли наиболее яркое отражение в общественной и творческой деятельности А. Якштаса — поэта, которому свойственно было рациональное мировосприятие. Некоторые его стихотворения, воспевающие красоту родной природы, по своему духу были близки народу. В свое время пользовались большой популярностью и многие сатирические стихотворения А. Якштаса. По своим взглядам ему были родственны поэты М. Дагилелис и Маргалис, наиболее ревностные последователи Майрониса. Они считали поэзию Майрониса непревзойденным образцом искусства, своеобразным эталоном, которого следует придерживаться. Они испытали на себе влияние также поэтов А. Баранаускаса и А. Венажиндиса. Все это оставило определенные следы эпитонства в их творчестве. Все же в лучших стихах данных поэтов было нечто такое, что привлекало внимание тогдашнего читателя. М. Дагилелис в своих стихах, по духу и по форме близких народным песням, воспевал родную природу. Пейзажные стихи являются лучшей частью творческого наследия и поэта Маргалиса. Он писал также и юмористические стихи, эпиграммы. Дарование этих поэтов было ограничено их консервативным мировоззрением, а также стремлением к открытой дидактике и нравовучению, хотя это и вызывалось просветительскими целями, которые они ставили перед поэзией.

Значительно оригинальнее было поэтическое дарование Й. Жилюса, поэта более демократических взглядов. В его стихах изображается тяжелое положение Литвы под игом царизма, звучит призыв к борьбе против насилия. Его патриотическая лирика, внушавшая надежду на национальное освобождение, отличалась активностью, боевым духом, возбуждала решимость к сопротивлению. Поэт некоторое время жил в США, превосходно знал жизнь литовских эмигрантов, поэтому их тяжелая доля, настроения, чаяния очень убедительно раскрыты в его стихах. Й. Жилюс первый в литовской поэзии воспел рабочего-шахтера, глубоко переживая его трагическую судьбу. Определенную ценность представляют и довольно объемные поэтические произведения Й. Жилюса, по жанру близкие к поэме — «Крестины» и «Свадьба». Они основаны на интонациях и ритмах литовских народных песен и являются своеобразным развитием и продолжением юмористической поэзии XIX века (А. Страздас, К. Алякнавичюс).

По новому пути во многих отношениях пошло творчество М. Густайтиса. В его стихах звучат патриотические и общественные мотивы, но больше всего поэта привлекала интимная лирика, «пламя внутренних бурь». Источник драматизма его лирики — это столкновение запросов духовно развитой личности с нравственными нормами и традициями косной среды. Постоянное углубление в свой внутренний мир, бегство от действительности в мир мечты заставляли поэта пользоваться аллегорическими и символическими средствами самовыражения. М. Густайтиса можно считать одним из родоначальников символистского направления в литовской поэзии.

Эти поэты старшего поколения, продолжая традиции ранней литовской поэзии, окончательно утвердили в ней силлабо-тоническое стихосложение и характерные для него ритмические и строфические формы. Поэтическая школа Майрониса оказала сильное влияние и на молодое поколение литовских поэтов, которые выступили после 1905—1907 годов. Традиции Майрониса еще тяготеют над ранней лирикой Л. Гиры, Ю. Янониса, Б. Сруоги, В. Миколайтиса-Путинаса. Тем не менее это поколение поэтов начало активные поиски новых путей в поэзии, стремилось к обновлению не только поэтики, но и самого объекта творчества. Некоторые из этих поэтов широко использовали фольклорные традиции, другие, хотя еще и робко, искали иные, более современные средства выражения.

2

На дальнейшем развитии литовской поэзии не могли не сказаться тенденции, которые возникли в литовской литературной жизни в начале XX века. В своем тяготении к новаторству многие молодые писатели стали придавать художественной форме самодовлеющее значение, преувеличивать чисто эстетические цели искусства, пытались оградить его от так называемого утилитаризма, служения переходящим потребностям своего времени.

Новые веяния впервые обнаружались в альманахе «Габня» (1907). Редактор альманаха Ю. Хербачяускас (1876—1944) был непосредственно связан с польским литературным движением «Молодая Польша». Некоторые своеобразно трансформированные идеи «Молодой Польши» он пытался приспособить к литовским условиям. В статьях, опубликованных в альманахе, и в своей книге «Терновый венок» (1908) он провозглашал лозунг автономного искусства, призывал к поискам «национального духа» и «национального гения», который прежде всего можно обнаружить в народном творчестве. Он критически относился ко всей прежней литовской литературе

(с его точки зрения слишком народной, слишком крестьянской), высмеивал «классическое стенание» в поэзии, сентиментальное бытописание в прозе. По мнению Хербачяускаса, писатель должен ориентироваться на интеллигенцию, на «элику», вследствие чего из концепции «национальной литературы» устранялось понятие народности. Призывая ввести литовское слово в «культуру общечеловеческую», он обрушивался на узкодидактическое понимание литературы, ратовал за ее художественное обновление. Его критическое отношение к состоянию тогдашней литовской литературы имело известное положительное значение, но его программа обновления литературы основывалась на идеалистической философии и эстетике, открыто противопоставлялась эстетике реализма.

Вслед за Ю. Хербачяускасом С. Чюрлионене тоже предлагала искать «национальную форму» в народном творчестве, в котором, по ее мнению, скрыта глубочайшая символика. Ратуя за высокий художественный уровень литовской литературы, она, однако, считала, что реализм в ней уже исчерпал себя. «Появляется жажда чего-то более глубокого, нежели глубокая психология человека, — писала она, — появляется жажда всеобъемлющих символов, чего-то необъяснимого, высокого, мистического».¹

Эстетические взгляды Ю. Хербачяускаса и С. Чюрлионене, особенно их выпады против реализма и мистификация национального начала, получили отпор со стороны многих писателей-реалистов. Г. Пяткявичайте-Бите, Л. Гира защищали принципы реализма. Высоко оценивая народное творчество, они вместе с тем высказались против попыток отыскать в нем какую-то мистику.

Но вскоре и Л. Гира стал во многом критически относиться к состоянию литовской литературы, к ее утилитаризму и бытописанию, основное внимание уделяя повышению ее художественного уровня, эстетической стороне литературного произведения. Первый литовский литературный журнал «Вайворикште» («Радуга», 1913—1914), редактором которого был Л. Гира, призывал писателей создавать литературу, руководствуясь идеалами абсолютной красоты: «создавайте такие произведения искусства, которые дали бы лишь эстетическое наслаждение: только для таких произведений будет предоставлено место в „Вайворикште“». ² Тенденция к эстетизму,

¹ С. Чюрлионене (Кимантайте), В Литве, Вильнюс, 1910, с. 55 (на литовском языке). В дальнейшем все ссылки на источники на литовском языке в каждом отдельном случае специально не оговариваются.

² Л. Гира, Литературные беседы, «Вайворикште», 1913, кн. 1, с. 205.

равнодушие к социальной тематике особенно сильно ощущались в альманахе «Пирмасај барас» («Первая полоса», 1915).

Новые веяния сказывались не только в программных декларациях, но и в поэзии Людаса Гиры. Поэт яркой индивидуальности и большого лирического дарования, он сыграл важную роль в обновлении литовской поэзии первых десятилетий XX века.

Свой творческий путь Л. Гира начал как продолжатель народных и патриотических традиций Майрониса. В ранней его поэзии главное место отведено социальной тематике, тяжелому положению литовского крестьянина, стонущего под гнетом царизма. В его стихах — картины народного горя, нарисованные искренне, с грустью и состраданием («люди рыдают, в нужде погибая...», пахарь «то за плугом, то с косою он с рассвета дотемна. Но не справиться с нуждою, камнем давит грудь она», «пахарь о счастливой доле лишь вздыхает там порой...»).

В стихотворениях Л. Гиры о горькой крестьянской доле преобладают минорные тона, своеобразно окрашивающие картины социального гнета. Непосредственная, даже интимная связь поэта с объектом изображения — одна из характерных черт поэзии Л. Гиры.

Патриотическая лирика Л. Гиры отмечена чертами, общими для романтического направления поэзии в целом. Подобно другим романтикам, Л. Гира воспел героические подвиги литовцев в прошлом, любовь к отчизне, к родному языку, к родному краю. С наибольшей силой это выражено в «Песне курганов», в основу которой легли легенды о героической защите замка Пиленай от крестоносцев. В «Песне курганов», которая по своей структуре близка поэтическому сказу, героизм, самопожертвование во имя свободы родины, единство и солидарность литовцев в прошлом Л. Гира противопоставляет их серости, нищете и раздробленности в настоящем. Истоки национального возрождения и силы он ищет в прошлом. В условиях царизма такая поэзия будила и обостряла национальное сознание и патриотизм, воодушевляла на борьбу за попранные права народа.

По своим идейным тенденциям патриотическая лирика Л. Гиры еще близка лирике Майрониса, но стихотворения его отличается иная тональность. В патриотической лирике Л. Гиры нет мощных ударов меча, нет патетики, страстного призыва к борьбе. На первый план здесь выступает лирическая сосредоточенность, раздумье, желание выяснить, почему настоящее так бедно и скудно по сравнению с прошлым. Это как бы непосредственный разговор поэта с читателем о прошлом и настоящем родной страны, волнующий и тревожащий их обоих.

Гражданская лирика Л. Гиры исходила из его глубокой уверенности, что поэзия должна играть большую роль в духовной жизни всего народа. Поэт — это глашатай народного духа, пророк и вдохновитель, словно древний вайдила¹ прославляющий героические подвиги предков. Эти взгляды на призвание поэта Л. Гира выразил в нескольких своих стихотворениях («Народ и поэты» и др.).

Использование мотивов и форм народных песен в поэзии для Л. Гиры — в отличие от некоторых его предшественников — имело программное значение. Он создал ряд стихотворений, в которых жив дух народных песен («Песня курганов», «Три дубка», «Не пестрые соколики...», «Ой, валит, ломает...» и др.). В архитектонике этих стихов характерные для народных песен параллелизмы, персонификация явлений природы, обилие диминутивных форм. Под пером творца поэтика народных песен становилась более гибкой, «цивилизованной», способной выразить сложнейшие переживания человеческой души и общественные мотивы.

Внимание Л. Гиры к народному творчеству понятно: фольклором интересовались многие литовские поэты той поры. В нем они находили неиссякаемый живительный источник творчества, богатый материал для произведений искусства, основу для создания национального стиля. Был поднят вопрос о собирании, хранении и публикации произведений народного искусства. Этому содействовали и активно помогали писатели — народные песни собирали В. Креве-Мицкявичюс, Ю. Янонис и др. Обращение к народному творчеству означало также и стремление поэтов быть кровно связанными с народом, с его жизнью и интересами. Это соответствовало духу времени, было определено потребностями исторического развития общества.

Умелое использование богатства народной поэзии — это сильная сторона лирики Л. Гиры; одновременно обогатившая и всю литовскую поэзию. Но вместе с тем в недостаточно критическом и творческом обращении к народной поэзии таились и определенные опасности. Л. Гира, как и некоторые другие поэты той поры, иногда удовлетворялся лишь стилизацией фольклора, механически перенося поэтические средства народного творчества в свою лирику.

Хотя Л. Гира написал много стихов на социальные и патристические темы, однако мир внутренних переживаний был ближе его сердцу. В его стихах раскрывается своеобразная индивидуальность творца, очень чуткая к различным внешним и внутренним переменам, личность импульсивная и чувственная, иногда до сентименталь-

¹ В древности так называли в Литве народных певцов.

ности. Эти стихи, словно исповедь поэта, — интимны, искренни, без предвзятой позы. В них отражены внутренние противоречия, сомнения, колебания поэта, его недовольство повседневной жизнью, постоянной борьбой за существование. У лирического героя быстро меняющиеся настроения — он то счастлив, радостен, то грустен, подавлен, то мечтает о любви, то теряет последнюю надежду.

Итак, корни лирики Л. Гиры — в его внутренних противоречиях, в его борьбе с «враждебной долей». Непрерывный и переменчивый поток чувств, искренняя интимность лирики Л. Гиры были во многом новым и самобытным явлением в литовской поэзии первых десятилетий XX века.

Несмотря на некоторые противоречия и слабости творчества Л. Гиры, оно сыграло довольно значительную роль в обновлении литовской поэзии. Как указал В. Миколайтис-Путнас, «Л. Гира начал новый, послемайронисовский период нашей поэзии: оживил ее содержание новыми мотивами и настроениями, обновил ее форму и стиль более свободным соотношением как мысли, образа и слова, так и иной, более свободной техникой письма».¹ Демократический, народный дух, большая искренность и простота, поэтическое мастерство принесли поэзии Л. Гиры большую популярность в широких кругах общественности.

По пути обновления поэзии, намеченному Л. Гирой, пошел молодой поэт З. Геле (1894—1912). Он умер, едва успев обнаружить первые ростки своего большого, многообещающего дарования. Этот юноша отличался очень серьезным взглядом на литературный труд, он верил в высокую миссию поэта: по его словам, поэт должен жить со своим народом, должен нести народу слово правды и утешения. Его волновали и социальные проблемы: в его стихах слышны отзвуки революции 1905—1907 годов.

Для поэзии З. Геле характерным является юношески ясное мироощущение. Картины родной природы в его стихах проникнуты бьющей ключом радостью жизни, любовью или тоской, светлым, иногда несколько мпнорным раздумьем о цели и сущности человеческого бытия. З. Геле восхищается сельским бытом, сельскими людьми, воспевает любовь сельских девушек и парней. Сильная фольклорная струя, нежный лиризм, мелодичность стиха определили самобытность молодого поэта.

За демократизм и народность З. Геле очень ценил Ю. Янонис. Потрясенный преждевременной смертью своего ровесника, Ю. Яно-

¹ В. Миколайтис-Путнас, Сочинения, т. 8, Вильнюс, 1962, с. 348.

пис писал: «Осеннею ночью — в период несбывшихся мечтаний, желаний, целей, упадка духа, когда многие безнадежно смотрели на будущее, не ожидая от него ничего хорошего, он один, до сих пор никому не известный, затронул самые чувствительные струны своей золотой лиры».¹

Лирическое начало очень сильно в ранней поэзии К. Бишкиса, В. Миколайтиса-Путинаса, Б. Сруоги, А. Ластаса. Они воспевали красоту мира и полноту жизни, интимные переживания и драматические конфликты человеческого духа. В стихотворениях этих поэтов преобладал лирический субъективизм. Они избегали логически строгой композиции стихотворения, на первое место ставили свободное течение эмоций, неясных ощущений и сложную метафору или инсказание предпочитали вещественному образу.

В лирике некоторых молодых поэтов уже более определенно наметились модернистские тенденции. В стихотворениях молодого Э. Стяпонайтиса, умершего в самом начале своего творческого пути, на первый план выдвигаются мысли, настроения, ощущения и мечты самого поэта, а единая картина жизни дробится на множество разрозненных частей. Сходным путем развивалась и лирика К. Юргяллониса, поэта особенно чуткого к голосу сердца. Наряду с жизне-нерадостными мотивами в его стихотворениях появились ноты разочарования, склонность к туманным, расплывчатым образам.

В развитии литовской поэзии того времени сказывались сложные и противоречивые тенденции. Возникновение новых литературных школ и течений, в частности символизма, было ознаменовано не только отдельными достижениями и даже открытиями, но и известными потерями — прежде всего ослаблением гражданского пафоса в поэзии.

3

Новым очень важным фактом в развитии литовской поэзии первых десятилетий XX века явилось не только укрепление ее демократического крыла, но и зарождение революционного и пролетарского направления, выступление первых поэтов, непосредственно связанных с рабочим движением.

Первые элементы литовской революционной поэзии появились в конце XIX века — в поэзии Я. Мачиса-Кекштаса. Он воспевал человека труда, его борьбу против эксплуататоров, будил антицарские настроения, говорил о приближающейся революционной буре. Я. Ма-

¹ Ю. Янонис, Сочинения, т. 2, Вильнюс, 1957, с. 7.

чис-Кекштак переводил на литовский язык стихи революционных поэтов других народов: Ф. Фрейлиграта, В. Серошевского, Ш. Петефи, Г. Гервега.

В начале XX века революционные настроения появились в поэзии выдающегося литовского новеллиста Й. Билошаса. Лозунги революционной борьбы он провозглашал с молодым задором, призывал поднимать «красное знамя», сбросить «цепи неволи». По пути революционной поэзии пошли и активные участники революционного движения, работники социалистической печати Ю. Балтрушайтис-Мемяле, Й. Шпяйтис, стихи которых еще не отличались высокими художественными достоинствами. Они также переводили на литовский язык русские и польские революционные песни. Й. Шпяйтис был первым переводчиком «Интернационала» на литовский язык. С революционным движением и социалистической печатью тесно связано творчество В. Диджюлите, в искренних лирических стихах которой ярко отразилась и идейная верность бойца революции, и его разносторонний духовный мир.

Первых литовских революционных поэтов с рабочим классом и с пролетарским движением сблизил и тесно связала революция 1905—1907 годов, всеобщий подъем антицарских настроений.

В развитии демократической и революционной литовской поэзии начала XX века видную роль сыграло творчество Йовараса. Сельский парень, самоучка, бывший дарактор и книгоноша, он в литературу пришел вместе с поднимающейся волной революции. Приближение революции он почувствовал как назревание чего-то нового, красивого, обнадеживающего. Эти свои предчувствия и надежды поэт выражал радостно, словно пророчил приход цветущей весны после долгой, мучительной зимы.

В этот период в литовской поэзии не было другого поэта, так радостно, восторженно воспевавшего революционную борьбу, предсказывавшего ее победу. Революционные настроения чаще всего он высказывал аллегорическими, традиционными в передовой литовской поэзии образами *зари, света*. Эта заметная черта поэтического почерка Йовараса оказала влияние на творчество других литовских поэтов демократического и революционного направления.

Поэзия Йовараса была близка фольклорной традиции: она привлекала красочными картинками родной природы, нежным лиризмом и духовной ясностью. Хотя поэту иногда и не удавалось избежать риторики, некоторой абстрактности, сентиментальности, однако в его лучших стихах лозунги революционной борьбы естественно вытекают из пейзажных аллегорий, они проникнуты живой эмоциональной реакцией самого поэта.

Революционные настроения Йовараса еще не носили пролетарского характера: в его творчестве преобладали общедемократические тенденции, абстрактные лозунги свободы, равенства, братства, утопические мечтания о будущем. Йоварасу вообще лучше удавались те стихи, в которых он вел разговор не столько о непосредственных революционных или социальных явлениях, сколько высказывал свои настроения, вызванные этими явлениями. Это искреннее, лирическое отношение поэта к провозглашаемым идеям было особенно замечательной и ценной чертой его творчества, оказавшей влияние на дальнейшее развитие революционной поэзии.

В поэзии Й. Билюнаса, В. Диджюлите, Йовараса уже намечаются истоки социалистической идеологии, стремление связать свое творчество с революционным движением народных масс. Однако литовская революционная литература как самостоятельная часть всей литовской литературы окончательно сложилась значительно позже, в годы нового подъема революционного движения, когда активную литературную деятельность развернули В. Мицквичюс-Капсукас и Ю. Янонис.

Для утверждения революционного направления в литовской поэзии большую роль сыграло творчество Ю. Янониса. За свою короткую жизнь Ю. Янонис успел создать такие образцы революционной лирики, которые прочно вошли в золотой фонд литовской литературы и поражают нас ранней зрелостью его поэтического таланта. Его лирика по праву считается вершиной литовской революционной поэзии. Нас привлекает и сам Ю. Янонис — личность удивительно цельная, полная редкой моральной красоты и благородства, до конца преданная раз и навсегда сознательно избранному пути. Свою поэтическую деятельность Ю. Янонис начал в русле общедемократической литературы, однако вскоре решительно повернул к пролетариату, уверенно пошел по пути революции и социализма. «Пусть Маркс нас ведет за собой!» — сказал он в стихотворении «Из катехизиса рабочего», избрав путь поэта-революционера, открыто связав свое творчество с революционной борьбой пролетариата, включившись в деятельность большевистской партии.

Лирика Ю. Янониса — новое явление в литовской поэзии, но она появилась не вдруг и не на пустом месте. Его поэтическая школа богата и разносторонняя. Ему близка была поэзия П. Вайчайтиса, особенно его впечатляющие картины природы, сельского быта и социальных явлений. Он восхищался юношеским энтузиазмом и боевым задором лирики Майрониса, в которой провозглашались идеи самоотверженного служения обществу. На поэзию Ю. Янониса влияние оказала также и фольклорная традиция, ожившая в творче-

стве Л. Гиры. Ю. Янонис воспринял и опыт литовской революционной поэзии, особенно опыт творчества Йовараса. Большое впечатление на него произвела революционная символика латышского поэта Я. Райниса, русская революционная поэзия и песни, творчество бундиста революции — М. Горького. Освоив творческий опыт этих различных писателей, Ю. Янонис пошел по своему, только ему одному свойственному пути, как художник самобытной поэтической индивидуальности.

Ю. Янонис начал писать тогда, когда в литовской литературе усиленно провозглашались призывы воспевать прекрасное. Ю. Янонис в своих ранних стихах писал, что также хочет наслаждаться миром красоты и гармонии, жаждет затронуть «волшебные струны души», но эстетство ему было чуждо по существу. В одной статье он писал: «У нас умеют красиво рассуждать о «чистом» искусстве, о том, что нельзя им пользоваться в целях дешевой агитации, и... пальцами тычут на дешевую агитацию лишь тогда, когда она идет во вред буржуазии, а флаги «свободного» искусства почти всегда реют над стихами выразителей буржуазных идей».¹

Молодой поэт вскоре пришел к убеждению, что искусство имеет общественное назначение, что нельзя быть счастливым, когда миллионы людей в беде и в нищете, что нельзя закрывать глаза на социальные конфликты и противоречия. Осознав все это, поэт поднялся выше личных страданий и несчастий, которые казались незначительными по сравнению с горем всего народа. Его идеалом стал человек-боец, твердый духом и преисполненный высокими устремлений, смелый и несгибаемый, сущность жизни которого в борьбе за свободу трудящихся (стих. «Я мал, но я хочу владеть...», «Он»). Ю. Янонис открыто высказывался, что поэт должен быть певцом пролетариата, предвестником революции. Этот взгляд на задачи поэта он ярко выразил в стихотворении «Поэт», написанном на русском языке:

Поэт — не жрец, курящий фимиам
И шепчущий в ночной тиши молитву,
Поэт — трубач, зовущий войско в битву
И прежде всех идущий в битву сам.

Свой поэтический талант Ю. Янонис всецело отдал пролетариату, революции. Революционная борьба, которая перестроит мир на новый лад, идеи социализма — таковы главные объекты поэзии Ю. Янониса. Основа многих его стихов — столкновение враждебных

¹ Ю. Янонис, Сочинения, т. 2, с. 142.

социальных сил, а главный герой — трудящийся. С такой полнотой, как Ю. Янонис, до него ни один литовский поэт не сумел раскрыть горестного положения трудящихся в капиталистическом обществе. Л. Гира в 1937 году охарактеризовал творчество Ю. Янониса следующими словами: «Он писал кровью своего сердца, слезами своих братьев и сестер». ¹ До него ни один литовский поэт не призывал так открыто к революционной борьбе, с такой силой не воспел борцов революции. Он страстно возмущал наступление Нового Утра — новой жизни. Даже в предсмертном стихотворении «Ave, vita!..» («Здравствуй, жизнь!..»), написанном весной 1917 года, прощаясь с жизнью, он приветствовал нарождающийся новый мир, «что вот-вот начнет цвести».

Лирика Ю. Янониса — новаторское явление в литовской поэзии. В ней нет разрыва между провозглашенными идеями и лозунгами борьбы с одной стороны и личными эмоциями поэта — с другой. Она стала основополагающей для формирования социалистического реализма в литовской поэзии. У Ю. Янониса учились А. Рягратис и Б. Пранкус-Жалионис, В. Монтила и К. Боруа — целая плеяда представителей литовской прогрессивной и революционной поэзии. «Мы понесем дальше факел, который зажег Янонис — родоначальник социалистической поэзии и сознательный боец», ² — писал в 1941 году В. Монтила. Поэзия Ю. Янониса оказывала и продолжает оказывать плодотворное влияние на литовскую советскую поэзию.

4

Новый этап в развитии литовской поэзии начался после Октябрьской революции.

Победа Октября ознаменовала начало нового поворота в истории литовского народа. «На Россию теперь обращены глаза всего горемычного, кровью истекающего, поработанного пролетариата; в ней его надежда, его чаяние, его сила, его гордость», ³ — писал в середине 1918 года В. Мицкявичюс-Капсукас, первый литовский критик-марксист, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Литвы. Он звал литовский пролетариат по примеру русских трудящихся взять власть в свои руки.

¹ Л. Гира, Сочинения, т. 5, Вильнюс, 1963, с. 247.

² В. Монтила, По пути Юлиуса Янониса, «Тисса», 1941, 5 апреля.

³ В. Капсукас, Сочинения, т. 7, Вильнюс, 1964, с. 365.

Огромные массы литовцев (беженцев войны и солдат) оказались не только свидетелями революционных событий в России, но и их активными участниками. В России стали создаваться новые ячейки литовских коммунистов при местных организациях РСДРП(б), появились первые газеты коммунистического направления. К концу 1918 года волна Октябрьской революции достигла и Литвы: в Вильнюсе было образовано Временное революционное правительство во главе с В. Мицкявичюсом-Капсукасом, которое объявило в Литве советскую власть. В скором времени Советы были учреждены на большей части территории Литвы. Начались социалистические преобразования, борьба за дальнейшее укрепление и победу пролетарской революции.

Восстановление литовской государственности явилось непосредственным результатом Октябрьской революции. Но советская власть в Литве продержалась лишь несколько месяцев и была жестоко подавлена. При помощи зарубежных империалистов власть захватила литовская буржуазия.

Пролетарская революция, борьба за власть Советов в Литве оставили неизгладимый след в сознании трудящихся, оказали огромное воздействие на всю литовскую культуру. Идеи Октября и социализма вдохновляли всех прогрессивных деятелей искусства и литературы. С революцией свою судьбу связали литераторы — активные участники рабочего движения и борьбы за советскую власть (В. Мицкявичюс-Капсукас, А. Рягатис, В. Рякашюс, Й. Виткаускас и др.). С революционным правительством сотрудничали и те деятели литовской культуры, которые не были сторонниками социализма и революционных преобразований, но лояльно относились к советской власти и ее культурной политике. Идеи Октября ускорили процесс идеологической дифференциации писателей, привлекая на свою сторону лучших представителей демократического крыла литовской литературы. Под воздействием социализма и советской культуры возрастали силы революционной и антифашистской литовской литературы.

После образования литовского буржуазного государства создавалась новая историческая ситуация. Советская Россия признала независимость Литвы и в 1920 году подписала с ней мирный договор, а в 1926 — договор о ненападении. Советский Союз не раз на международной арене защищал интересы Литвы, поддерживал ее против захватнических притязаний буржуазной Польши и гитлеровской Германии.

Придя к власти, литовская буржуазия жестоко расправилась со сторонниками революции. Была запрещена коммунистическая пар-

тия, введена военная цензура. Все буржуазные партии и их печать единодушно обрушились на коммунизм, призывали к созданию против него единого фронта всей «государственно мыслящей» общест-венности. Но революционные уроки не прошли даром: стоящие у власти классы должны были пойти на некоторые уступки трудящимся — объявить земельную реформу, ввести парламентарную систему управления.

Буржуазно-парламентарная система в Литве просуществовала недолго. В декабре 1926 года произошел военный переворот, вследствие которого к власти пришла буржуазно-националистическая партия «таутишинкай», которая и возглавила так называемый авторитарный режим, ориентировавшийся на фашизм. Ее лидер А. Сметона стал президентом и фактическим диктатором Литвы. Новая власть уничтожила даже формальные остатки демократических свобод, преследовала коммунистическую партию и революционное движение.

Все эти события оказали непосредственное влияние и на развитие литовской литературы. Завоеванный государственный суверенитет, особенно в первые годы, вызывал оптимистические надежды на будущее у многих писателей. Развитие событий в скором времени показало, что эти надежды не имели под собой реальной почвы. С критикой культурной политики правящих кругов не раз выступали и те писатели, которые не принадлежали к оппозиционным слоям общества. Даже Майронис, с энтузиазмом приветствовавший образование суверенного государства, через несколько лет написал сатирические стихи, в которых выразил глубокое сожаление о том, что взлелеянные идеалы не соответствуют действительности, и сурово обличал «героев дня», спешащих из независимости состряпать себе капитал, пожить за счет государственной казны. К сатире обратился и поэт-символист Ф. Кирша, в своей поэме «Пепел» с жаром обличавший пороки и своекорыстие «вождей народа». Негативные стороны первых лет существования нового государства занимают центральное место и в романе А. Венуолиса «Перед днем». Такие построения свидетельствовали о том, что в среде творческой интеллигенции зрело недовольство существующим положением, беспокойство о судьбе национальной культуры.

В развитии литовской литературы 20—30-х годов происходили сложные процессы. Несмотря на отдельные моменты застоя, литовская литература развивалась довольно интенсивно.

Но вместе с тем глубокие и непримиримые социально-идеологические противоречия в общественной жизни не могли не сказаться и на развитии литературы. В литературе происходила ожесточенная

борьба между реакционным официальным и прогрессивным направлениями, обозначилось более глубокое разделение на различные идейно-эстетические течения. Появление модернистских течений еще более обострило противоречивое развитие литературы. В сложных общественных условиях постепенно набирало силы прогрессивное направление литовской литературы.

Перед многочисленным отрядом литовских писателей, начавших свою литературную деятельность в середине или конце 20-х годов, с первых их шагов на литературном поприще встал вопрос — какой избрать путь. По словам критика и поэта К. Корсакаса, они должны были дать ясный ответ на вопрос: «С кем идти в жизни и творчестве: с Ромелом Ролланом, с Максимом Горьким, с Теодором Драйзером, с новым течением, с пролетарской литературой или с приходящей в упадок буржуазией, с различными мистиками Запада и Литвы». ¹

Прогрессивная литовская литература особенно выросла и окрепла в середине 30-х годов. Многочисленный отряд талантливых писателей, связавших свой путь с передовыми общественными идеями, завоевывал важнейшие позиции в литовской литературе и оказывал сильное влияние на широкие слои читателей. Прогрессивные писатели закалялись в непримиримой борьбе против фашизма, против официальной, поддерживаемой государственными институтами литературы. Прогрессивные и революционные писатели нередко подвергались репрессиям со стороны буржуазных властей. Длительное время (иногда по нескольку лет) провели в тюрьмах писатели К. Борута, А. Гудайтис-Гузявичюс, К. Корсакас, А. Магнискас, К. Малинаускас, В. Монтивила, К. Якубенас, А. Ясутис и другие, многие из них были лишены гражданских прав.

Эта общественная ситуация, сложившаяся в Литве в годы буржуазного господства, определила и процессы, происходившие в поэзии: появление новых направлений, большие идейно-эстетические сдвиги, которые выявились уже в начале 20-х годов.

5

Из модернистских течений в литовской литературе раньше всех сформировался символизм. Первые символистские стихи появились еще в годы первой мировой войны, а в начале 20-х годов вышли сборники символистских стихов Б. Сруоги, Ф. Кирши, В. Миколай-

¹ К. Корсакас - Раджвилас, Статьи о литературе, Каунас, 1932, с. 245.

тиса-Путинаса. (Примечательно, что в других европейских литературах символизм в то время был на исходе, а иногда и уже пройденным этапом.)

Литовские символисты объявили борьбу утилитаризму в искусстве и примитивизму в области формы, провозгласили право писателя руководствоваться только законами красоты. Молодой Б. Сруога в одной статье с жаром восклицал: «Пора изгнать из искусства этнографню, историю, догмы нравственности и гражданственности!»¹ Цель писателя — чисто художественная: при помощи совершенной, искусной формы выразить «душу народа» или свой внутренний мир, воплотить то, что, по словам В. Миколайтиса-Путинаса, «в час творчества озаряет художника его вдохновение».² Такие чисто эстетические цели особенно характерны для поэзии. «Лирика, — говорил поэт-символист Ф. Кирша, — не любит гражданственности, тенденциозности, вещественности».³

Литовские символисты полагали, что искусство должно создать свою действительность, свой новый мир, что художник должен стремиться прежде всего к «открытию души», к выражению своего внутреннего мира. Они хотели вслушаться в вечное и непрестанное волнение человеческой души, якобы не признающей никаких заранее данных законов. Но они подчеркивали, что не отгораживаются от реальной действительности, ищут в ней не случайностей, а сущности, которую от художника прячут преходящие явления, повседневный, «скучный» быт. «Путь к символу только через жизнь»,⁴ — говорил В. Миколайтис-Путинас. Реальная действительность в поэзии символистов отражалась в деформированном виде или переводилась в абстрактно-философскую сферу.

От всех невзгод «жестокой действительности» символисты чаще всего скрывались в созданном ими мире мечты и сказки. Ненавистному повседневному быту они противопоставляли свои поэтические видения, убегая «от тьмы глухой ночи» в «неведомые просторы иного бытия» (В. Миколайтис-Путинас). В запутанных и непреодолимых противоречиях реальной жизни они чувствовали себя враждебно, словно таинственные лебеди из стихотворного цикла Ф. Кирши «От-

¹ *Notunculus* (Б. Сруога), Осколки, «Лестувос жиннос», 1915, 17/30 мая.

² В. Миколайтис, Определение искусства, «Жидинис», 1926, № 12, с. 284.

³ Ф. Кирша, Три поколения писателей в нашей художественной литературе, «Вайрас», 1929, № 2, с. 152.

⁴ В. Миколайтис, В. Стонис, «Слезинки», «Жидинис», 1924, № 1, с. 69.

звуки эха». Символисты драматично осознавали несоответствие между идеалом и действительностью.

Лирический герой символистов — вечный странник, «блуждающий среди вершин и бездн», между мечтой и реальностью, порой трагически воспринимающий несовершенство бытия, съедаемый неверием и скептицизмом. Он одинок и разочарован. Пессимистические настроения были предопределены в творчестве литовских символистов не только убежденностью в том, что мир и человек не соответствуют нормам абсолютной красоты и добра, но отчасти и разочарованием в тех идеалах, которые раньше лелеяла буржуазия.

Наиболее часто в литовской символистской поэзии встречаются образы-символы: *звезда, солнце, лебедь, незнакомка, королева, раб, светильник, башня* и т. д. Мысль и образ в стихах символистов распадаются на множество составных частей, оттенков, неясных ощущений, теряют строгие контуры. Символисты сознательно избегали ясности мысли, пользовались ассоциациями, не имеющими прочной логической связи, сложными, замысловатыми образами, говорили полунамеками.

Лирика литовских символистов изобиловала романтическими мотивами и настроениями, особенно творчество В. Миколайтиса-Путинаса, отчасти Б. Сруоги, Ф. Кирши, П. Вайчюнаса. Они иногда называли себя и неоромантиками. Многие из них интересовались фольклором, стремясь найти в нем «особенности литовского духа» и символические образы. Как выразился Ф. Кирша, народное творчество им нужно «как результат народного духа для индивидуального художественного творчества».¹ По сравнению со взглядами Л. Гиры и других поэтов начала XX века, это была уже новая точка зрения на связь фольклора с литературой. Такое понимание фольклора оставило следы в поэзии Б. Сруоги, Ф. Кирши.

Литовские символисты не только ввели в поэзию новую проблематику. Они значительно обновили стихотворную технику, добиваясь предельной музыкальности и гибкости стиха. Тем самым они открыли неведомые до них возможности литовского поэтического слова, его мелодичность и звучность. Особенно они усовершенствовали искусство метафоры и принципы ассоциативного объединения образов. Они первыми в литовской поэзии стали писать большие циклы стихов, объединенных общей темой, единой мыслью и настроением,

¹ Ф. Кирша. Три поколения писателей в нашей художественной литературе, «Вайрас», 1929, № 2, с. 159.

культивировали жанр небольшой лирической поэмы, которая стала популярной и в творчестве младшего поколения поэтов.

Творчество литовских поэтов-символистов во многих случаях было шире их эстетических деклараций. Об этом свидетельствует хотя бы поэзия Б. Сруоги. Руководствуясь положением, что поэзия — это выражение «вечного хаоса души», Б. Сруога прежде всего стремился к передаче контрастных, диссонирующих, противоречивых настроений. Его лирический герой — это сложная личность, раздираемая внутренними противоречиями, непостоянством чувств и настроений. Он мечется между бытием и небытием, ему противна серая повседневность, он вечно сомневается и ищет, стремясь осознать тайну жизни и смерти, человека и вселенной, любви и природы.

Сквозь туманные символистские образы и запутанную конструкцию в стихах Б. Сруоги часто прорывается живое, горячее чувство, раскрывается сложный противоречивый внутренний мир лирического героя («Песни заката», цикл «Тропоею богов»). Этот внутренний драматизм, вечное горение, раздумье о главных проблемах человеческого бытия обогатили в интеллектуальном отношении всю литовскую поэзию. Глубокое чувство, сильные переживания характерны и для любовной лирики Б. Сруоги. Иногда сквозь символистскую ткань в его стихотворениях прорываются и совсем «земные», «плотские» чувства. Человек и природа в поэзии Б. Сруоги — это две однопозначные стихии, которые переплетаются, скрещиваются, но до конца не сливаются («Шепчутся, шепчутся листья зеленые...», цикл «В Альпах»).

Звучные, очень мелодичные стихи Б. Сруоги отличаются оригинальной поэтической структурой. В его лирике нет цельного образа, в ней господствуют раздробленные, внезапно меняющиеся построения и еле ощутимые душевные состояния, не имеющие четких контуров. Стихийный, иногда даже несколько экзальтированный поток эмоций течет свободно, а связь отдельных настроений и чувств с первого взгляда кажется хаотичной, ассоциаций — произвольными. Сам поэт так охарактеризовал структуру своих стихов: «Дается один контур, рядом — антитеза этого контура, затем опять совершенно противоположный контур, и все это должно создать общую гармонию контуров, которые между собой связывает необъяснимое словами непосредственное действие».¹ Некоторые литовские советские критики (например, К. Настопка) в этом усматривают сходство

¹ Б. Сруога, Сочинения, т. 6, Вильнюс, 1957, с. 40.

с композицией народных песен, возвращение к поэтике народных песен, основанной на принципе метонимического параллелизма. Как бы там ни было, лирика Б. Сруоги открыла путь к свободному сочетанию явлений далеких сфер и различных стихий, к созданию из этого противоречивого разнообразия цельного поэтического мира.

От абстрактной символики Б. Сруога обратился к актуальным вопросам реального мира. В «Городе» отразилась действительность капиталистического города, его противоречия и социальные конфликты. Поэта тревожили антигуманные взаимоотношения людей, мелочность мещанского быта, безнадежная пустота жизни.

Для дальнейшего развития литовской поэзии особенно большую роль сыграло творчество В. Миколайтиса-Путинаса. В центре его лирики — мыслящая личность, стремящаяся к гармонии и духовной свободе, но не могущая еще избавиться от сложных внутренних конфликтов. Эта личность болезненно переживает столкновение идеального начала и земной реальности. На жизненный путь человека В. Миколайтис-Путинас смотрел с большим трагизмом, нежели Б. Сруога. Внутренняя драма лирического героя В. Миколайтиса-Путинаса своеобразно отражала и противоречия реальной действительности, и трагические коллизии времени, и конфликты, рожденные жизненными обстоятельствами самого поэта. Субъективные переживания поэта были проникнуты высокими этическими устремлениями, глубокой философской мыслью, благородством и искренностью.

В ранней лирике В. Миколайтиса-Путинаса отчетливо выступает романтический взгляд на действительность, стремление уйти от серой повседневности в поэтический мир природы и мечты. Большое внимание здесь сосредоточено на драматических противоречиях души человека. Утешение поэт искал в романтических мечтах, в картинах грустного захода солнца и «меркнувшей зари», которые служили своеобразным противовесом скучной повседневности, мучительным сомнениям и разочарованию.

В символистской лирике В. Миколайтиса-Путинаса господствуют образы крупных масштабов, выдвигаются кардинальные проблемы бытия. Иногда поэту кажется, что мир — это «темный хаос», а люди — слабые существа («на вечном пути глухи и слепы»), блуждающие между «двумя зорями». Воспевая соколов, которые «презрели земные манящие сны», поднялись ввысь и не вернулись («Пестрые соколы»), поэт символически выразил свое несогласие с ничтожеством окружающей жизни.

Тема одиночества человека, его духовных конфликтов и неразрешимых противоречий с особенным трагизмом прозвучала в цикле

«Тимны пессимизма». В стихах, проникнутых острой горечью, встает образ человека, безнадежно запутавшегося в своих внутренних противоречиях, с сарказмом и мифистофельской иронией рассуждающего о «блеске и ничтожестве жизни», о всепобеждающей слепой необходимости. Однако безнадежность и тоску поэта по поводу лишней смысловости, не соответствующей его идеалам жизни порой застилает внутренний мятеж личности, ищущий большого счастья и гармонии.

Поэзия В. Миколайтиса-Путинаса не ограничивается трагическим миром индивидуалистических настроений. Поэт не мог примириться со злом, с устаревшими догмами, он прославлял устремление человека подняться из сумерек, обрести духовную свободу и большое счастье. Такой оптимистический взгляд поэта на человека уже выявился в небольшой поэме «Раб». Здесь поэт с большой художественной силой раскрывает драму одинокой индивидуалистической личности, поднявшей бунт против внутренних и внешних оков, ищущей выхода на манящие просторы живой жизни, борющейся за свободу и счастье.

Поэзия В. Миколайтиса-Путинаса по своей природе рефлексивна, внешний мир преломляется в ней сквозь призму внутреннего видения поэта. Она привлекает классической стройностью поэтического выражения, эмоциональной сдержанностью, художественной законченностью. Она не так музыкальна, как лирика Б. Сруоги, ибо опирается не столько на звуковую инструментовку, сколько на гармоническое сочетание всех элементов стихотворной структуры. Поэзия В. Миколайтиса-Путинаса является глубоко национальной, в ней очень тонко и своеобразно преломились романтический пафос Майрописа, поэтика фольклора, соединенные с многослойной символикой и драматичностью мысли и чувства. Поэт создал свою модель сложного и противоречивого мира современной ему эпохи.

Путь для философской лирики прокладывал и Ф. Кириша. Мир он осознал с позиций идеалистической философии. Внутренняя жизнь человека — переживания, лишённые ясно очерченных контуров, неопределённое чередование мыслей и настроений — составляет основу его лирики. Но лирика Ф. Кириши, в отличие от лирики Б. Сруоги и В. Миколайтиса-Путинаса, более рассудочна, в ней отсутствует стихия непосредственности в выражении человеческих эмоций.

Некоторые черты символизма были присущи и творчеству П. Вайчюнаса, особенно первым сборникам его стихов. Но в его поэ-

зии много особенностей, характерных для романтической поэзии: возвышенная интонация, оптимистическое мироощущение, склонность к аллегориям. Следы символизма заметны также и в лирике А. Ластаса, М. Вайткуса, в ранних стихах Л. Скабейки, С. Нерис и других.

Литовские символисты несомненно испытывали влияние русских собратьев, но особенное воздействие на них оказала поэзия литовца Ю. Балтрушайтиса, в то время одного из главных представителей русского символизма. Его стихами зачитывался молодой Э. Стяпонайтис, ими увлекались В. Миколайтис-Путипас («очень мне нравилась и поэзия Юргиса Балтрушайтиса», — отмечает он в своей автобиографии¹), Ф. Кириша, А. Ластас. Еще учеником реального училища Б. Сруога полюбил поэзию Ю. Балтрушайтиса, а будучи студентом он лично познакомился с этим выдающимся поэтом. В письмах, написанных в эти годы, Б. Сруога называет Ю. Балтрушайтиса «нашим духовным отцом». Несомненно, что русская поэзия Ю. Балтрушайтиса содействовала развитию философского направления в литовской поэзии.

Прославившийся в русской поэзии Ю. Балтрушайтис позже стал писать стихи и на литовском языке. Переключение на другую поэтическую традицию давалось нелегко и продолжалось довольно длительное время. И в литовской его поэзии сохранились те же философско-эстетические основы, что и в сборниках его русских стихов «Земные ступени» и «Горная тропа», однако картины литовского пейзажа, сельского быта, реалии из повседневной жизни литовского крестьянина придавали стихам, написанным на литовском языке, характерный оттенок. В отличие от изысканной музыкальности русских стихов литовские стихи Ю. Балтрушайтиса кажутся угловатыми и грубо обтесанными, к тому же они эмоционально более сдержанные. Поэт сознательно избегал ритмического разнообразия.

Ю. Балтрушайтис уже с юных лет был оторван от родного края, от литовской литературной среды, поэтому он мог использовать лишь те пласты национальных традиций и быта, которые отложились в его сознании в детские годы. Так, в его лирике возродилась увиденная в детстве обстановка Литвы конца XIX века, атрибуты патриархальной деревни — избушка, крытая соломой, шумящие леса, нищий крестьянин и нескончаемые его горести, монотонное чередование времен года. Этот колорит давно ушедшей в прошлое

¹ Писатели Советской Литвы (Автобиографии), Вильнюс, 1957, с. 164.

жизни, речь людей того времени, несколько архаичная лексика, по-черпнутая из сочинений К. Донелайтиса, А. Страздаса, А. Баранаускаса, — все это создало самобытный, неповторимый характер поэтического стиля Ю. Балтрушайтиса.

Ю. Балтрушайтис внешние реалии черпает из жизни старинного литовского села, а покосившуюся деревенскую избушку воспринимает как символ всего земного бытия. Он прославляет щедрость жизни, единство человека и природы. Для него и человек, и полевица, и трель жаворонка над просторами полей — это все элементы одной неразделимой «стройной хоровой песни вселенной». Поэт на все смотрит сквозь призму вечности, стремясь везде найти божественное начало («ткач дней», «отец вечности», «отец всемогущий»). И вместе с тем в поэзии Ю. Балтрушайтиса царит утверждение жизни и человека, упорная воля и духовная выносливость, спокойствие и удивление перед вечными загадками человеческой жизни. В литовской поэзии Ю. Балтрушайтиса нет внутреннего самоанализа, мучительной дисгармонии.

В лучших его стихах, как отметил критик В. Кубилюс, «мысль дышит духовным напряжением, пылом сердца... спонтанными взрывами... она предельно ясна и проста».¹ Литовская поэзия Ю. Балтрушайтиса появилась в то время, когда символизм уже давно сошел со сцены, когда вся литовская литература и читатели жили другими интересами, поэтому она казалась уже несколько архаичной, воспринималась как большая, но в некотором смысле уже музейная ценность.

Символизм как литературное течение в литовской литературе иссяк уже к концу 20-х годов, однако отдельные его черты, по-новому модифицированные и слившиеся с элементами других модернистских течений, существовали в творчестве писателей, начавших свой путь в более позднюю пору. Характерно, что самые выдающиеся представители литовского символизма Б. Сруога и В. Миколайтис-Путинас со временем пошли по другому пути, по пути сближения с реальной жизнью, отказались от абстрактной символики. Драмы Б. Сруоги, роман В. Миколайтиса-Путинаса «В тени алтарей» и его поэзия советского периода наметили вехи для развития действительно перспективных направлений новой литовской литературы.

В лирике 30-х годов В. Миколайтис-Путинас отказался от сложных метафор и туманной символики, стремясь к непосредственному

¹ В. Кубилюс, Путь Юргиса Балтрушайтиса. — В кн.: Ю. Балтрушайтис, Поэзия, Вильнюс, 1967, с. 52.

выражению своих эмоций, к пластическому и осязаемому образу. Его рефлексии стали более объективными. Поэт обратился и к социальной тематике, а его стихотворения, написанные накануне войны, проникнуты трагическими предчувствиями.

6

Заметный след в литовской поэзии оставили и футуристы — группа «Четыре ветра», свое название получившая от выпускаемого ими журнала «Кятури вей» («Четыре ветра», 1924—1928; всего вышло четыре номера). Первые произведения футуристского характера в Литве появились в 1921 году. Признанным руководителем литовских футуристов стал поэт К. Бинкис. Литовские футуристы представляли собой небольшую, но довольно слаженную группу, состоявшую преимущественно из молодых писателей, не имевших ни положения в обществе, ни известности в литературе (кроме разве одного К. Бинкиса) и тяготевших к богеме.

В своих манифестах группа «Четыре ветра» объявляла борьбу против символизма и эстетизма вообще, ополчилась против салонной поэзии и «стариков» — писателей старшего поколения и их традиций. Они отрицательно отнеслись и к романтической литературе, воспевавшей прошлое древней Литвы, к псевдопатриотическим лозунгам, обещая «своими широкими подошвами» вытоптать устаревшие «цветники поэтического садика». Они поднимали бунт не только против устаревших поэтических канонów, но и против мещан, жаждущих, чтобы «искусство нежно и осторожно чесало их пятки», против отсталости и провинциализма культурной жизни буржуазной Литвы. В их шумном протесте против фракром прикрывающего свою «душевную бедность» мещанина, который не только упорно пробивался к господствующей верхушке, но и пытался навязывать свои вкусы в искусстве, отчасти отражались взгляды и настроения демократической общественности страны.

Создавая новую эстетику, футуристы отбросили сентиментальную чувствительность. Они утверждали, что им приятнее слушать «мычание коровы», нежели трели соловьев и жаворонков. В противовес символистам, футуристы отрицали поэтическое вдохновение как устаревший «опасный для художника предрассудок». Они считали, что поэт — это «рабочий слова», профессия которого так же важна, как и других умеющих делать свое дело мастеров. Подобно футуристам других стран, литовские футуристы провозглашали своеобразный «культ слова», утверждая, что язык «должен быть сделан не хуже любой хорошей машины».

Отрицая многие литературные традиции, поэты группы «Четыре ветра» обратились к народному творчеству, надеясь создать из его «примитивной простоты», как из здорового зерна, искусство будущего. Отрицая традиции представителей старшего поколения, они обращались к наследию К. Донелайтиса и А. Страздаса, стремясь в их творчестве прежде всего найти достойные внимания принципы употребления конкретного, сочного слова.

Литовские футуристы, пренебрегая излюбленным символистами и романтиками мечтательным спокойствием, прославляли динамику и смелый полет, молодость и жизнерадостность, провозглашали обнаженный, грубый витализм. Воспевая технику, машины, движение, темп, они ввели в поэзию урбанистические мотивы, восхищаясь новыми техническими достижениями и изобретениями, писали «радио-поэмы», культивировали «космический стиль». Им казалось, что высокая цивилизация уже сама собою может принести счастье человечеству. Футуристы прославляли нового человека, надеящегося на ум и знание, отбросившего предрассудки и мистику, полного энергии и кипучей силы. И напротив, они высмеивали традиционные нормы буржуазной морали и респектабельного мещанина, который боится любого новшества и нарушения устоявшегося уклада жизни.

Группа «Четыре ветра», несмотря на очевидные связи с футуризмом и отчасти с экспрессионизмом в других европейских литературах, сохранила свой особенный характер, вытекающий из конкретных условий литовской жизни и литературного развития. Она обновила литовскую поэтику новыми принципами, в поэтический арсенал выразительных средств были введены плакатность, разговорная интонация, автоирония, смелые и неожиданные метафорические сопоставления, виртуозная звукопись, было упразднено деление объектов на поэтические и непоэтические. Участники этой группы первые в литовской поэзии отказались от внешней симметрии стихотворения, широко пользуясь асимметричным стихом, вводя новые типы рифм. В поисках новых принципов поэтического слова, оригинальных тропов и фигур они иногда пускались и в чисто формальные эксперименты.

Черты футуризма с наибольшей полнотой выражены в творчестве талантливого поэта К. Бинкиса. К футуризму он пришел, будучи уже зрелым поэтом, снискавшим популярность своими лирическими стихами, отличавшимися демократическими настроениями. Традиции Майрониса он обогатил поэтизацией повседневных явлений действительности, естественностью ощущений, гибким и мелодичным языком.

В ранних стихах К. Бинкиса пульсирует дух и настроения крестьянина. О первом сборнике своих стихов поэт говорил: «Родились они на селе, туда они хотели бы и вернуться».¹ И действительно, поэт на все в мире смотрит как бы с крестьянского двора, все преломляет сквозь призму крестьянской психики, удивляясь, что в мире столько чудес. Очень конкретные, осязаемые детали сельского быта и природы окрашены светлыми, чарующими красками, они являются как бы противовесом горькой доле «грустного пахаря». Природа для поэта объективная реальность, красива сама по себе и достойна пристального внимания. Такое изображение природы было во многом новым для литовской поэзии.

Современники встретили сборник стихов К. Бинкиса «100 весен» (1923) как манифест нового направления в литературе. В новых стихах К. Бинкиса уже не было нежности, мелодичного лиризма, тонких любовных переживаний. В них царили острый диссонанс, бунтарские декларации и через край бьющая энергия, оголенное, лишённое всякой сентиментальности чувство, непривычные метафоры и гиперболы. Бунтарское слово поэта уже не вмещалось в строгих рамках традиционной ритмики, ломало структуру классической строфы.

Теперь уже К. Бинкис призывал молодых выйти «на улицу, на свободу аллея», «в просторы жизни», с жаром отрицал мешанскую косность. Человек в новой поэзии К. Бинкиса преисполнен весенней радости и вечно неунимающегося духа, бьющей, кипучей энергии. Это беззаботное «дитя ветра», удивленные глаза которого созерцают все вокруг, у которого «зрачки чудесами просвечены до донца». Он «свой» не только в современном городе, но и в природе, в космосе. К космосу и природе поэт относится без какой-либо идиллии и преувеличенного уважения. Автомобиль мчится по «небесной ржи и лугам», «где спит бог», устрояя ангелов и святых. К просыпающейся весенней земле поэт обращается фамильярно: «Земля, старушка, пошевеливайся». Связь солнца и человека приобретает обратный смысл: больной в жару хочет «небо согреть сорокаградусными целями». Бурная динамика природы, ее ритм сочетаются с темпераментом лирического героя, с его неукротимым жизнелюбием.

Узаконенные К. Бинкисом поэтические принципы — плакатный размах, переосмысление традиционных образов и перенос их на непривычную плоскость, уничтожение границ между разговорным и поэтическим языком, своеобразный лирический тон, возвращающий поэтическому слову конкретность и сочность, — открыли новые воз-

¹ К. Бинкис, Стихотворения, Каунас, 1920, с. 3.

возможности для литовской поэзии. Ими по-своему пользовались многие литовские поэты, вступившие в литературу несколько позднее — К. Борута, В. Монвила, Т. Тильвитис, А. Мишкинис, В. Сириос-Гира.

В группе «Четыре ветра» обратил на себя внимание также поэт Ю. Тислява. Он не отказался от сдержанного акварельного лиризма, музыкальности, не увлекался слишком грубыми, прозаическими деталями, шокирующими контрастными сопоставлениями. Как и в поэзии К. Бинкиса, человек Ю. Тислявы очарован цивилизацией города, он полон энергии и радости жизни, но ему не чужды и романтические наклонности, раздумье, восхищение силами природы. Для лирики Ю. Тислявы характерным является сильное стихийное чувство, оригинальные ритмические интонации, певучая поэтическая фраза, сверкающая яркими красками и метафорами.

В творчестве других членов группы «Четыре ветра» (С. Шямарис, Ю. Жлабис, А. Римидис, к ним некоторое время примыкали Бутку Юзе и Т. Тильвитис) также было много бунтарства, поисков нового видения мира и просто формальных экспериментов.

«Четыре ветра» считали себя левой авангардистской литературной группой. В их манифестах, высказываниях, произведениях содержится немалая доза критики в адрес буржуазного общества и искусства, много революционных фраз, обещаний вывести искусство на улицы, приблизить его к массам. Члены группы «Четыре ветра» заявляли, что они «свою деятельность связали с новой подрастающей силой, с демократией, с трудящимися»,¹ что «новый хозяин наших дней — класс рабочих производства» отказывается от норм устаревшей эстетики.² Член этой группы А. Римидис в одном из стихотворений с пафосом восклицал: «Человек, всемогущий водитель земли, поверни немного влево профиль мира». Некоторые члены группы «Четыре ветра» действительно были связаны с левыми, большей частью социал-демократического типа молодежными организациями и их печатью.

В стремлении «четырёхветровцев» переустроить жизнь и искусство отразились, хотя и косвенно, отзвуки революционных боев и идей. Члены группы увлекались немецкими экспрессионистами, русскими и польскими футуристами, хорошо знали поэзию В. Маяковского, восхищались его повздорством, его стихотворениями «Приказ по армии искусства» и «Левый марш», изучали статью «Как делать

¹ Доклад Ю. Пятренаса, сделанный по радио на концерте поэзии, «Кятури веяй», 1926, № 2, с. 8.

² П. Ян а л ю н а с, Веспа Казиса Бинкиса, «Кятури веяй», 1924, № 1, с. 45.

стихи», читали журнал «Леф». По словам К. Бинкиса, «Маяковский со своей группой первый почувал ритм революционного марша». ¹ Маяковскому был послан и первый номер журнала «Четыре ветра», в котором был опубликован перевод его стихотворения «Братья писатели!».

Исторически прогрессивные взгляды группы «Четыре ветра» торжественно декларировались и менее всего осуществлялись в литературной практике. Поэтому их бунтарство против мещанина, против рутины буржуазной жизни ограничивалось лишь левыми фразами. Большею частью это было бунтарство в искусстве, не связанное с идеями радикального революционного переустройства жизни. Отсутствие позитивной общественно-эстетической программы было причиной того, что движение «Четырех ветров» не привлекло на свою сторону широких литературных кругов и передовых читателей.

Шумный марш «Четырех ветров» в литературе вскоре потерял свою напористость, группа распалась, а некоторые ее члены нашли приют в той самой низкопробной буржуазной печати, над которой они еще так недавно издевались. Однако движение «Четырех ветров» все же проветрило заплесневевшую литературную атмосферу той поры. С другой стороны, оно ясно показало, что индивидуалистический бунт только в искусстве, хотя и с революционным оттенком, при отсутствии ясных и стойких идеологических принципов может завести писателя в тупик. Этот урок пошел на пользу тем передовым молодым писателям, которые появились на закате этого движения.

7

Литературные движения символистов и «четыреветровцев» уже были на исходе, когда в литературу пришло еще одно поколение поэтов. В начале своей литературной деятельности они почти все находились под воздействием символистов или группы «Четырех ветров», но к ним не примыкали. Они сами мечтали создать свое собственное движение или направление, не похожее ни на символизм, ни на футуризм.

Свое собственное движение пытались создать и та часть молодых поэтов, которая идеологически была связана с правыми, клерикальными или националистическими кругами общества. Вокруг своих альманахов или журналов (кстати, быстро прекративших свое существование) они стремились собрать большой круг единомышлен-

¹ К. Бинкис, Литературные «Магнитострон», «Бангос», 1932, № 2, с. 35.

пиков, но в конце концов они так и не смогли сплотить единую группу с четкой эстетической программой. И все-таки из разных деклараций и высказываний этих поэтов выявились кое-какие общие объединяющие их принципы, которые во многом связаны с неоромантизмом.

Молодые неоромантики (К. Инчюра, Й. Коссу-Александравичюс, Г. Радаускас, М. Лишкявичюс, П. Каружа, а также в некоторых чертах и Б. Бразджионис, А. Мишкинис, Й. Грайчюнас, В. Сирнос-Гира), как и символисты, полагали, что между идеалом и реальностью стоит непреодолимый барьер, а противоречивый и раздробленный мир враждебен личности творца. Творец достигнет гармонии только тогда, когда будет не копировать действительность, а создавать в искусстве более совершенный и гармоничный мир, служа прежде всего прекрасному. Поэтому они убегали от банальной повседневности, а настоящие ценности и красоту находили чаще всего в области духовного мира человека.

Романтическое углубление в «море голубой тоски», в волшебную страну поэтических химер вводило поэтов от реального мира, от злободневных проблем. Действительность бросала лишь бледную тень на их поэтические исповеди и самоанализ. Явления внешнего мира в лирике неоромантиков — порой только знаки или символы внутренних состояний.

Призывы к прекрасному не мешали неоромантикам писать также стихи, где в духе официальной буржуазной идеологии выражались патриотические мотивы, создавались романтизированные идиллические картины литовской деревни. В их лирике довольно часто встречались и религиозные мотивы, мир и человек воспринимались с точки зрения христианской эсхатологии. В своей публицистике они нередко уже открыто защищали политику и идеологию правящих кругов, нападали на прогрессивные идеи и литературу.

В 30-е годы значительно окреп поэтический талант А. Мишкиниса, с новыми поэтическими сборниками выступил В. Сирнос-Гира. Главным выразителем эстетизма и субъективизма в поэзии стал Й. Коссу-Александравичюс, а как ведущий поэт религиозно-католического крыла выдвинулся Б. Бразджионис. В творчестве эстетствующих поэтов царил дух идеалистической философии и декадентского неверия в человека. Многие из них все еще старались не видеть социальных конфликтов в действительности, пытались от всех жизненных противоречий укрыться в дебрях «чистой поэзии».

Как видим, в формировании разных литературных групп и новых направлений все большую роль стали играть не только эстетические, но и идеологические установки поэтов. Значение идеологи-

ческих принципов еще более возрастает в становлении и развитии революционного и демократического крыла литовской поэзии. Представители этого крыла были открыто связаны с революционным или антифашистским движением.

Особенно трудными оказались условия развития революционной поэзии. Многие ее представители были непосредственно связаны с коммунистической партией, с революционным движением, поэтому публиковать свои произведения могли только нелегально или за границей. В послереволюционные годы в Москве небольшая группа литовских писателей в 1921 году создала Союз литовских пролетарских писателей и поэтов им. Ю. Янониса (позже на правах национальной секции эта группа вошла в МАПП). В Союз вошли поэты А. Рягратис, А. Мярките, а вскоре их ряды пополнили Б. Пранкус-Жалионис, Ф. Вапшворас, А. Дабулявичюс и другие. По примеру Ю. Янониса, они считали главной своей задачей создание пролетарской поэзии, непосредственно служащей интересам рабочего класса, целям революционной борьбы. Они были вдохновлены идеями Октябрьской революции, примером первого в мире социалистического государства, огромной культурной революцией, создающей новое советское искусство и литературу. «Социалистическая Советская Россия, которая является неиссякаемым источником коммунистических идей, Очагом и Маяком революции для пролетариев всего мира, эта Новая Россия и в области искусства и поэзии открывает дверь в Эру Нового Мира»,¹ — писали в декларации Союза литовских пролетарских поэтов и писателей его основатели.

Идейно-эстетические основы литовской революционной поэзии создавались под влиянием марксистских идей и политики коммунистической партии. Литовские поэты во многом переняли организационную и творческую практику русских пролетарских писателей (Пролеткульта, РАППа), не избегнув и характерных для этих групп противоречий и ошибок. Они подчеркивали классовую сущность своей поэзии, утверждали, что их поэзия — это орудие борьбы пролетариата, а ее адресат — широкие слои пролетариата. Поэтому они прославляли социализм, призывали всех к революционной борьбе, надеялись на силы рабочего класса, верили в его победу. Другие темы, касающиеся личного, интимного мира человека, они считали не только не актуальными и не важными, но даже препятствующими достижению основной цели. От революционного писателя требовалось быть активным борцом революции. «Без революционной борьбы

¹ З. В а л а й т и с, Й. С т а ш я л и с, Слово Союза пролетарских писателей и поэтов, «Раудоний велява», 1921, № 3.

в рядах пролетариата не может быть и революционно-пролетарской поэзии и пролетарской литературы вообще»,¹ — утверждал В. Мицкявичюс-Капсукас в 1931 году. Эта мысль и раньше неоднократно высказывалась в литовской коммунистической печати.

Первым из литовских поэтов, в творчестве которого достойное место заняли темы советского строительства, был А. Рягратис. Он называл себя «певцом советской земли». В стихотворении «Ты знаешь ли край?» А. Рягратис впервые в литовской поэзии дал резко контрастное сопоставление буржуазной Литвы и Страны Советов. Этим приемом позднее пользовались многие революционные поэты Литвы. Образ революции в творчестве А. Рягратиса, А. Мярките и других поэтов той поры иногда приобретал универсальное содержание, а величие революции выражалось космическими метафорами (например, стих. «Бездны в огне...» А. Рягратиса или стих. «Искры» А. Мярките). Романтическая, патетически-риторическая трактовка темы революции соответствовала духу времени, настроением самих поэтов, хотя в некоторой мере такое восприятие революции было навеяно подобными образами в поэзии Пролеткульта и «Кузницы». Некоторую долю конкретности в поэзию той поры внесла тема революционной борьбы литовских трудящихся и политзаключенных в творчестве Б. Пранскуса-Жалиониса и Ф. Вайшнораса.

Б. Пранкус-Жалионис в своих стихах ярко выразил мысли и чувства революционера, борющегося за свободу трудящихся или томящегося в застенках, куда его бросила реакция. Он не только глубоко раскрывал переживания политэмигранта, оторванного от родного края, но обратился и к тематике советской действительности. Б. Пранкус-Жалионис и другие революционные поэты, вступившие в литературу в начале 30-х годов (А. Магинскас, А. Ясутис, К. Малинаускас), уже больше внимания уделяли внутреннему миру человека, политические и идеологические лозунги теснее связывали с личностью. Лирика, утверждал Б. Пранкус-Жалионис, должна показать «глубину души нового социалистического человека, богатство его переживаний и всю сложность его психики, тем самым воспитывая в этом духе широкие массы».²

Пролетарские поэты еще не могли окончательно избавиться от догматических постулатов, ограничивающих их поэтические возможности, в их стихотворениях еще сохранились следы дидактической

¹ В. Капсукас, Настоящее лицо «Третьего фронта», «Прекалас», 1931, № 3-4, с. 93.

² В. Велявинис (Б. Пранкус), О нашей лирике, «Прекалас», 1935, № 10, с. 631.

риторики, им не хватало эмоциональной глубины. Им мешала и некоторая обособленность от общего развития всей литовской литературы.

Определенные трудности встретило на своем пути и общедемократическое крыло литовской поэзии. Процесс его становления и роста был довольно продолжительным.

Демократическое крыло литовской поэзии в начале 20-х годов не отличалось ни силой, ни сплоченностью, но отдельные его представители уже обратили на себя внимание общественности. Первым среди них был Бутку Юзе, для творчества которого характерны не только демократические, но и революционные мотивы. В его поэзии ярко выражены настроения, вызванные революционными событиями, п общий мятежный дух времени. Но поэту не чужды были и мотивы стихийного бунтарства, так как на мир он смотрел с точки зрения крестьянина. Оппозиционные настроения выявились и в творчестве А. Ластаса, особенно в его поэме «Судьба литовского книгоноши» (1925). Но А. Ластас отдал известную дань и эстетизму. Склонность обоих поэтов к абстрактной символике ограничивала действенность их лирики.

Положение существенно изменилось, когда в середине и в конце 20-х годов в литературу пришел новый отряд молодых поэтов, которые с юношеским пылом вступили в борьбу за попранные буржуазией демократические свободы, разоблачали произвол властей. К. Борута, В. Монтвила, К. Якубенас, Й. Шимкус, П. Цвирка, А. Венцлова, К. Корсакас свое творчество адресовали трудящимся массам, откликались на их потребности. Многие из них были близки левым организациям молодежи, увлекались идеями социализма, а некоторые поддерживали связь с революционным подпольем (В. Монтвила, А. Ясутис, К. Корсакас). Все они были врагами фашизма, мещанства, буржуазного искусства. Постепенно от общедемократических и гуманистических настроений они поднимались до сознания того, что надо бороться против буржуазии в рядах одной «армии труда».

Формирование их эстетических взглядов определила идеологическая борьба, происходившая как в общественной, так и в литературной жизни. Многие из этих молодых поэтов критически относились к творчеству старшего поколения литовских писателей и полагали, что новое, прогрессивное содержание можно передать только при помощи новых художественных форм. В их высказываниях звучат обещания объединить прогресс с модернизмом и авангардизмом, ибо, как утверждал в 1929 году один из левых молодежных журналов, «пролетарская поэзия теперь не может иначе создаваться,

как только в тесной связи с созданием новых форм». ¹ Поэтому многих молодых поэтов привлекали эксперименты «Четырех ветров», работы экспрессионистов и конструктивистов. Но они уже хорошо сознавали, что должны пойти дальше и смелее, чем движение «Четырех ветров». Они брали пример с революционной поэзии Ю. Янониса, следили за поисками прогрессивных писателей Запада, интересовались советской литературой.

В сплочении молодых антифашистски настроенных писателей известную роль сыграл журнал «Тряхые фронтас» («Третий фронт», 1930—1931). В программных статьях и в художественных произведениях, публикуемых на страницах журнала, сначала было много абстрактного бунтарства, революционных фраз, лишенных конкретного политического содержания. Постепенно и журнал, и его сотрудники эволюционировали в сторону марксизма, стали искать связей с революционной борьбой трудящихся, не раз выступали с заявлениями, направленными против капитализма и фашизма. Как взрыв бомбы было воспринято вступление С. Нерис в ряды «третьефронтцев». В своем заявлении поэтесса писала: «Отныне я сознательно выступаю против эксплуататоров рабочего класса и постараюсь свой труд сочетать с действиями угнетенных масс, чтобы моя поэзия в будущем стала оружием их борьбы и выражала их чаяния и цели этой борьбы». ²

Эти слова поэтессы выражали убеждения и некоторых других «третьефронтцев». Они признавали классовый характер искусства, его общественные функции. Они выступали против разных теорий «чистого искусства», отрицательно относились и к литовским романтикам, символистам, и к неоромантикам. Полагая, что реалистические традиции должны быть обогащены «новыми элементами», «третьефронтцы» некоторое время пропагандировали новый метод литературы — неореализм, который они представляли себе как синтез реализма, экспрессионизма и футуризма, говорили о «ренессансе реализма», т. е. о его обновлении опытом авангардистских направлений. Однако вскоре они отказались от этих теорий и пришли к выводу, что с многими авангардистскими и формалистическими экспериментами им не по пути. Эти противоречивые поиски помогли им в конечном счете глубже осознать и усвоить принципы реализма. На эти поиски определенное влияние оказали и советские эстетические теории

¹ А. Раг, Спящая земля и спящая пролетарская поэзия, «Жайздрас», 1929, № 2-3, с. 10.

² С. Нерис. Сочинения, т. 3, Вильнюс, 1957, с. 113—114.

конца 20-х годов, и позиция журнала немецких пролетарских писателей «Linkskurve» («Левый поворот»), и немецкий экспрессионизм, и некоторые особенности развития прогрессивных литератур в соседних странах (особенно в Латвии).

Поэты «Третьего фронта» были убеждены, что поэзия должна отражать объективный мир со всеми его противоречиями, а поэт — быть борцом за освобождение трудового народа, отдать свой голос, по примеру В. Маяковского, «атакующему классу». В поэзии нет места индивидуализму, самовыражению или «открытию души», она прежде всего действительное и активное оружие борьбы — таково одно из программных положений участников «Третьего фронта». Поэтому они сознательно стремились к созданию боевой, агитационной поэзии «пролетарского слова», кровно связанного с трудящимся народом. В творчестве этих поэтов звучали страстные призывы к действию. Они вернули литовской поэзии гражданский пафос, от которого отреклись символисты и другие эстетствующие поэты. «Третьефронтовцы» значительно обогатили и поэтические жанры, культивировали лирическую поэму, сюжетный, плакатный или лозунговый стих, успешно продемонстрировали новые и более свободные формы ритмической и звуковой организации стиха (интонационная и асимметричная структура стиха, ассоциативные принципы соединения образов, ритмические перебои, соответствующие декламационной концепции стиха и т. п.).

Демократическое крыло литовской поэзии умножило свои силы в 30-х годах, когда в его ряды вступили Т. Тильвитис, А. Жукаускас, Ю. Кекштас, А. Рукас, Ю. Круминас, когда в полной мере расцвел поэтический талант С. Нерис и К. Боруты. Но и в эти годы не потерял актуальности вопрос идейно-политического самоопределения поэтов.

Особенно большой отклик в обществе вызвала идейная эволюция поэта Л. Скабейки, раньше писавшего символистские стихи, а одно время даже отрицавшего общественное содержание поэзии. Постепенно освобождаясь от индивидуализма, он пришел к убеждению, что поэт должен быть связан с общественной борьбой. В стихотворении «Слово по поводу литературной акции» (1931) он уже призывал: «Литература, качнись влево!» В предсмертном «Завещании» поэт сожалел, что долго блуждал «различными ложными путями капиталистического индивидуализма», и с глубоким убеждением провозглашал: «Со всеми вами прощаюсь я навеки, веря, что каждый честный человек, в сердце которого горит любовь и тоска по будущему, будет содействовать созданию на земле социалистиче-

ского мира, веру и любовь к которому я беру с собой в могилу». ¹ В то время это было действительно волнующим и необычайно смелым вероисповеданием, свидетельствующим о том, что социализм становится путеводной звездой не для одного литовского поэта.

Словно предчувствуя надвигающиеся большие исторические потрясения, поэт К. Якубенас в одном стихотворении 1935 года решительно спрашивал: «Отвечай, с кем пойдешь ты в сраженья? На кого наведешь пулемет?» Л. Гира, поэт старшего поколения, решительно пересмотрел свои прежние позиции и примкнул к лагерю прогрессивной литературы. «Поэт наших дней, — писал он в начале 1940 года, — должен быть таким, какими были все гении и великие таланты всех народов, начиная с Данте, кончая Маяковским, — непреклонным судьей всего того зла, что должно быть изгнано из жизни общества, народа и всего человечества, и неустанным глашатаям всего того, что несет свободу и благополучие человеку». ² Идейность поэзии, общественная роль поэта, его связь с прогрессивным движением своего времени — эти вопросы с особенной силой встали перед многими литовскими поэтами накануне больших исторических событий и перемен.

8

Литовская прогрессивная поэзия 30-х годов закрепляла и развивала те плодотворные творческие принципы, которые уже раньше выявились в процессе ее развития. Поэты не ограничивали цели и задачи поэзии только социальными и агитационными мотивами и признавали необходимость в поэзии углубленного лиризма.

В прогрессивной поэзии было много хороших и разных поэтов, которые к общей цели шли своим самостоятельным путем. В их творчестве по-своему раскрываются общие закономерности развития всей литовской поэзии.

В этом смысле большой интерес представляет творчество К. Боруты. В ранней поэзии К. Боруты по-новому раскрывается мотив города. В отличие от «четырёхветровцев» город в его поэзии изобилует социальными противоречиями. Его лирический герой — «заблудившийся парень из деревни», которому город представляется в виде «мертвого леса», угнетающего душу человека, вызывающего страх и беспокойство. В городе он видит лишь холодную материю, враждебную его деревенской душе. При помощи гиперболических, экспрессивных, контрастных сопоставлений города и деревни поэт

¹ Л. Скабейка, Площади в полночь, Вильнюс, 1964, с. 196.

² Л. Гира, Сочинения, т. 4, Вильнюс, 1962, с. 147.

выражает и свой социальный протест против буржуазной действительности. Со временем боевой пыл поэта получил более строгую идейную направленность: в его лирике возник трагический образ страны, где повсюду слышен лишь «кандальный звон», где родина «на всех крестах, раздета донага, от муки выгибается она» или томится «за крепкой, тюремной — из камня — стеной». С возмущением и скорбью поэт говорил о расстрелянных палачами антифашистах, о слезах матерей, о скованной льдами земле и подавленном стане. Поэт создавал обобщенный символический образ страны, где царит произвол. В лирических поэмах «Бунт пахарей», «Поэма о батраке» К. Борута воспел крестьянский бунт, стихийную борьбу пахарей против господ. Идея крестьянской революции долгое время была близка сердцу поэта.

Мотивы любви, дружбы в лирике К. Борута нераздельно связаны с мотивами борьбы. Многие его стихотворения — это боевые песни, средства «агитации за свободную республику труда». Да и вообще через всю его лирику проходит один главный лейтмотив — поэтизация жизни и борьбы. Сила его поэзии заключается прежде всего в характере яркого лирического героя — революционера, бунтаря или просто смелого, озорного парня. Это личность твердой воли, но ей не чужды и острые, порой трагические противоречия или конфликты. От агитационного, публицистического тона ранней лирики поэт со временем перешел к более глубоким раздумьям о смысле жизни и борьбы, от смелых гипербол и экспрессионистических образов — к более сдержанному и чистому слову. Романтическая символика, фольклорные параллелизмы — это столкновение различных стилистических планов получило новое осмысление в поэзии К. Борута и открыло неожиданные возможности поэтического слова вообще.

Поэзия К. Борута оказала известное влияние на творчество современников. Особенно близок ему был К. Якубенас. В антифашистской поэзии К. Якубенаса звучат мотивы борьбы за свободу, его герой не покоряется произволу. Для его поэзии характерны настроения стихийного бунтарства и протеста, жажда свободы, выраженные несложными аллегорическими образами. В отличие от боевого духа и активности К. Борута, в поэзии К. Якубенаса немало минорных настроений, печальной иронии. Крестьянский характер его поэзии подчеркивается ее близостью к фольклорной традиции. Его поэзии также свойственна романтико-лирическая интонация повествования, элементы портретной или сюжетной зарисовки.

Много общего с поэзией К. Борута и в творчестве В. Монтивилы.

Ранняя лирика В. Монтвилы проникнута романтическим пафосом борьбы за правду и свободу, пафосом протеста против мещанства и духовного измельчания.

В напряженных поисках единственно правильной дороги, «что все другие выбрали народы», поэт проделал большую идейную эволюцию: к концу 30-х годов приблизился к марксистскому мировоззрению. В его стихах ярко раскрывается личность поэта — его революционная устремленность, решительность и вера в победу трудящихся.

В стихах В. Монтвилы о революционной борьбе слышатся и трагические тона, однако поэт никогда не переставал верить в победу революционных сил и в уничтожение фашизма, был убежден, что социализм решит все наболевшие общественные вопросы. В отличие от К. Боруты и К. Якубенаса враждебное отношение к старому миру у В. Монтвилы сразу приобрело точный социальный адресат и ясную перспективу на будущее, а образ свободы — конкретное социальное содержание. Продолжая развивать традиции революционной поэзии Ю. Янониса, В. Монтвила смело воспроизводил в своих стихах яркие картины социального антагонизма, гневно разоблачал и обвинял капиталистическое насилие и фашизм. Его поэзия полна внутреннего напряжения и революционного пафоса.

Гражданская поэзия К. Боруты и В. Монтвилы отличалась открыто выраженным боевым духом и революционным пафосом. Человек в ней воспринимался прежде всего как социальная единица, над которой довлеют внешние условия, но они, однако, не могут ее сломить. Внутренний мир лирического героя-борца раскрывался в драматических столкновениях.

Несколько по-иному сложился творческий путь Т. Тильвитиса. Издав два сборника литературных пародий и футуристскую поэму «Распродажа души», он постепенно отошел от футуризма «Четырех ветров» и включился в ряды прогрессивных поэтов. То, что он меняет свои поэтические веши, раньше всего засвидетельствовала поэма «Пахари». Современную историю своего народа поэт раскрыл не через конкретные события, а через обобщенные образы двух враждебных социальных сил — буржуазии и народа. Ему удалось соединить лирическую и сатирико-гротескную интонацию, изобретательность с простотой склада народной песни.

Еще большую известность Т. Тильвитису принесла сатирическая поэма «Владас Дичюс». Желчная пропия, остроумные эпиграммы, цельный и бьющий наповал сатирический образ были направлены против всей официальной жизни тогдашней Литвы. Беспощадно

разоблачая правящую верхушку, поэт не видел в ее среде никаких идеалов, а лишь алчность и ложь. Оторванность от народа, карьера в буржуазной среде губит честного деревенского парня, губит молодого человека как личность — такова основная идея поэмы. Привлекает в поэме и удачное сочетание сатирического и лирического начала, легкий, забавный тон повествования, мастерство эпиграммных портретов и афоризмов, сочность реалистических образов. Поэма «Владас Дичюс» поставила Т. Тильвитиса в один ряд с поэтами, для которых гражданственность — основной нерв искусства.

В литовской прогрессивной поэзии набирало силы и другое направление, для которого характерным было лирическое отношение к действительности, стремление раскрыть эпоху через переживания и чувства самого поэта.

В этом направлении особенно больших успехов достигла С. Нерис, по своей природе очень тонкий и одаренный лирик. Ранние ее стихи — легкие, изящны, радостны, окрашены светлой романтикой. Мир поэтессы как сказка — чудесная и таинственная, а восторг перед красотой жизни — постоянное духовное ее состояние, источник ее эмоций и несложных рефлексий. Выражение неповторимых мгновений жизни не имело в ее лирике ясных контуров, настроения возникали прямо из сердца, словно со страниц интимного дневника, подчиняясь только своей внутренней логике. Этот полет в голубые дали и бескрайние просторы связывал раннюю лирику С. Нерис с неоромантизмом.

Поэтессе пришлось преодолеть много внутренних противоречий, прежде чем она нашла наиболее соответствующую ее индивидуальности форму поэтического выражения. Она пробовала писать в декларативной, плакатной манере, однако вскоре поняла, что ее сила — лиризм и что язык интимной лирики, в литовской поэзии достигший высокого совершенства, способен передать тончайшие оттенки всех человеческих эмоций. И сквозь призму этого лиризма она выражает теперь свое отношение к ежедневной борьбе за свободу и хлеб, к столкновению старого и нового мира.

Революционные устремления, борьба против социальной несправедливости, идеи самопожертвования во имя блага человечества в поэзии С. Нерис пропускаются сквозь призму тончайших эмоций и настроений, передаются как ее личный опыт и глубокое убеждение. Такое лирическое отношение к жизни, к борьбе является характерным для многих стихотворений, прославляющих революционный размах, мужество и отвагу борцов, провозглашающих веру в будущее, в победу гуманизма. Характерная для всей демократической

литовской поэзии символика *грозы, сокола, бури* в лирике С. Нерис приобретает новую глубину и новое звучание.

В поэзии С. Нерис, национальной по своему духу, пропизанной неповторимыми деталями литовской природы и быта, часто возникает образ *всей* земли, *всего* нашего мира со *всеми* его драматическими проблемами и противоречиями. Ее лирический герой — это всегда ищущий, беспокойный человек, пытающийся разгадать тайны своей эпохи и вечных вопросов бытия. Контрастно сопоставляя жизнь и смерть, бытие и небытие, поэтесса утверждала красоту мира и бессмертие жизни. В предчувствии всеразрушающей войны поэтессу радовали самые простые проявления жизни, любви и материнства, все человеческие богатства, которым угрожали злые силы старого мира. В ее лирике появились и трагические картины эпохи («песня пушки и бомбы фугасной», «землю твою война растерзала», «в громе канонады, под дождем свинцовым» и т. п.), внесшие много драматического во внутренний мир поэтессы, но они в ней возбуждали не пессимистические настроения, а наоборот — духовную активность, решимость защищать человека и человечность от нависшей опасности. Все это исходило из благородного и чуткого романтико-героического мироощущения поэтессы. Романтика борьбы и высоких душевных полетов была и осталась свойственной поэтессе. «Не могу сделать из себя реалиста, романтиком и умру, — записала она в свой дневник в 1935 году. — Мне ужасно надоела та серая повседневность, та человеческая мелочность и ничтожество».¹

Необыкновенна тесная связь С. Нерис с родной землей, с традициями литовского народного творчества, которые она по-новому переосмыслила в своей поэзии, резко отказавшись от стилизации народной песни. Общечеловеческие темы единства мира и человека, вечности природы поэтесса решала, основываясь на принципах художественного претворения действительности, свойственных народным песням. Связанное с традициями народного творчества мироощущение поэтессы определило общий колорит и неповторимую самобытность ее лирики. Как никто другой из поэтов ее времени, С. Нерис естественно объединила современную культуру поэтического мышления с глубоко национальными традициями литовской поэзии. Поэтическую традицию она обновила и обогатила песенными и мелодичными стихами, тонкими эмоциями. Мелодия в ее лирике не только элемент стихотворного метра или эвфонии, но и непосредственное выражение чувства или настроения.

К. Боруа, В. Монтивла, С. Нерис и другие прогрессивные ли-

¹ С. Нерис, Сочинения, т. 3, Вильнюс, 1957, с. 399.

толские поэты интересовались русской поэзией, хорошо знали творчество лучших советских поэтов. Еще в 1925 году К. Борута перевел «Левый марш» В. Маяковского. У Маяковского учился В. Монтвила, которому советский мастер художественного слова был особенно близок своей боевой направленностью.

Прогрессивная литовская поэзия снискала признание широчайших кругов общественности. Действенность прогрессивной поэзии определялась не только талантливостью ее представителей, но и тесной их связью с эпохой, с революционным и антифашистским движением. «Задача поэта — обновить мир»,¹ — говорила С. Нерис, как бы выражая мнение всех поэтов, близких народу.

Как и прежде, идейный пафос всей прогрессивной поэзии 30-х годов — это защита демократических свобод и гуманизма, защита мира и человека от надвигающегося фашистского варварства. Поэты теперь обращались не только к пролетариату или крестьянам, а ко всему народу, ко всем честным людям, борющимся за свободу и против социальной несправедливости. Они понимали, что над всеми культурными и духовными ценностями человечества нависла угроза фашизма и войны.

На своем пути передовые поэты столкнулись с разными модернистскими и авангардистскими направлениями и взглядами. Преодолев свое увлечение модными течениями и стилями, они не отказались от того действительно новаторского, что было в развитии мировой поэзии XX века. Они понимали, что национальные традиции необходимо постоянно обновлять и обогащать, иначе им грозит косность и эпигонство. Некоторые представители прогрессивной поэзии уже сознательно приближались к принципам социалистической литературы, к методу социалистического реализма (Ю. Японис, В. Монтвила, С. Нерис).

* * *

За полувековую историю новой литовской поэзии произошли большие изменения, коснувшиеся всей системы поэтического мышления. Можно смело утверждать, что были обновлены многие пласты национальной поэтической традиции, обогащена ее жанровая структура и стихосложение. Значительно обогатилась и усовершенствовалась поэтическая речь, инструментовка стихотворного языка, техника рифм, поэтический синтаксис. Продолжалось усовершенствование силлабо-тонического стихосложения и поиски новых ритмических интонаций.

¹ С. Нерис, Сочинения, т. 3, Вильнюс, 1957, с. 117.

В литовской поэзии этого периода, прежде всего в творчестве поэтов революционно-демократического ее направления, уже стали складываться такие черты, которые вскоре обеспечили естественный переход поэзии на путь социалистического реализма. Закономерно и органично первыми ведущими литовскими советскими поэтами стали В. Монтвила, С. Нерис, Л. Гира, Т. Тильвитис. Именно они создали основу для дальнейшего развития литовской советской поэзии.

В поэзии прошлое и настоящее не отделены друг от друга непреодолимой стеной, и проблема преемственности и традиций отнюдь не потеряла своей злободневности. Некоторые явления литовской поэзии данного периода безвозвратно ушли в прошлое. Другие сохранили свое значение до настоящего времени и оказывают определенное воздействие также и на современную литовскую советскую поэзию. Лучшие поэты этой эпохи — Л. Гира, Ю. Янонис, Б. Сруога, К. Бинкис, В. Миколайтис-Путинас, С. Нерис, К. Борута, В. Монтвила — во многом определили основные направления литовской поэзии и на современном этапе ее развития. Без них нельзя себе представить Э. Межелайтиса, Ю. Марцинкявичюса, А. Балтакиса, А. Малдониса, Я. Дягутите и других видных современных литовских поэтов.

В. Галинис

СТИХОТВОРЕНИЯ

Адомас Якштас — псевдоним поэта и литературного критика Александра Дамбраускаса.

А. Якштас родился 8 сентября 1860 года в деревне Куропис (теперь Кедайняйский район). После гимназии он учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, но, не окончив его, поступил в Каунасскую духовную семинарию. В семинарии началась и его литературная деятельность. В 1884—1888 годы А. Якштас учился в Петербургской духовной академии. За участие в литовском национально-освободительном движении он был сослан царскими властями на 5 лет в Устюжну (1889—1893). Вернувшись из ссылки, он стал профессором Каунасской духовной семинарии, а потом Петербургской духовной академии (1902—1905). С 1906 года А. Якштас в Каунасе редактировал журналы клерикального направления «Драугия» и «Атейтис» («Общество» и «Будущее»). А. Якштас был видным деятелем правого клерикального крыла литовской буржуазии. Консервативные взгляды А. Якштаса сказались не только в его общественно-публицистической, но и литературной деятельности. Умер в Каунасе 19 февраля 1938 года.

А. Якштас издал сборники стихотворений «Шкатулка песен» (1894), «Ночные видения» (1906), «Осеннее эхо» (1911), «Лирика» (1930), много работал и в области сатирической поэзии. Долгое время А. Якштас был ведущим критиком консервативно-клерикального направления, выпустил литературно-критические книги «Экспрессионизм в искусстве и поэзии» (1921), «Наша новая поэзия» (1923), «Наша новая проза» (1924), «Погасшие светила» (1930), «Проблемы художественного творчества» (1931), а также несколько работ по вопросам философии, лингвистики, математики.

Стихи А. Якштаса на русский язык переводятся впервые.

1. ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦА

Литва, ты растила
Меня с материнским участием,
Лишь ты подарила
Мне в юности толику счастья.

Исполнен печали,
Хотел бы я сделаться птицей
И, вымеряв дали,
В родную Литву возвратиться,

Чтоб там наглядеться,
Как Неман несет свои воды,
Где бегало детство,
Где юность встречала восходы.

Родными ветрами
Насытиться, прежде чем сгннуть,
С души своей камень
В текучую воду закинуть.

Увидеть тот край,
Мой родимый, любимый от века,
И, крикнув «Прощай!»,
Превратиться опять в человека...

1889

2. МОРЕ В ПАЛАНГЕ

Дочерей у моря тыщи,
Их никто не сосчитает.
Если ветер вдруг засвищет,
Волны танцы начинают.

Поднимаясь, опускаясь,
Все, довольные собою,
Пляшут, берега касаясь
Платьев пенной бахромою.

То вперед несутся рьяно,
Отдают себя прибою,
То ведут, назад отпрянув,
Разговор между собою.

И на долю не в обиде,
Радости они не прячут,
Но когда Литву увидят,
То не плещут волны — плачут.

На песчаные откосы
Янтаря летят крупницы,
Словно сестринские слезы, —
Жаль им братьев жемайтийцев. . .

1901

3. ПОВЕЯЛО УЖЕ ВЕСНОЙ

Пугая зиму звонким смехом,
Спеши, весна, в Литовский край,
Скорей в полях, покрытых снегом,
Свою работу начинай.

Мосты на реках ледяные
С веселым грохотом разбей,
Метелей вихри снеговые,
Как дым, как облако, развей!

Заставь забыть сады о грусти,
Заставь ты жаворонков петь.
Пусть тучи на землю опустят
Дождя серебряную сеть.

И у моих усталых братьев
Согрей усталые сердца.
Пускай раскроет им объятья
Весна без края и конца.

Скажи им — кончилось господство
Зимы, творящей столько зла,
Что твой приход — как первородство
Надежды, света и добра.

Ничто не остановит — поздно! —
Напора этих дружных сил:
Ни ветер северный, морозный,
Ни март, что льда не растопил.

Вы, братья все мои и сестры,
И ты, босая детвора,
Пойдем весну встречать и просто
Давайте крикнем ей — «ура!».

7 апреля 1904

4. «ДИПЛОМАТ»

Полон такта сей мужчина.
Он нигде не пропадет.
Перед сильным гнет он спину,
Ну а слабого — прибьет!

Поглядите, как вошел он
В дом, что чванной знати полон;
Поглядите, как он честен,
Как в передней (вот чутье!)
Оставляет с шляпой вместе
Также мнение свое. . .

(1911)

5. СОСНЫ

Вздыблены ветром, вымыты морем,
Дюны, как волны, здесь громоздятся.
Ввысь поднимаясь, в синем просторе
В яркое солнце сосны глядятся.

А у подножия узкие тропки
Дачников манят к соснам и травам.
Так и бродил бы по мхам этим топким,
Так и прилег бы в бору величавом!

Ветер в ветвях нестихающий слушать
Иль голоса, что звучат в отдаленье,
Или, проникнув Прибалтике в душу,
Мыслью стремиться в родное селенье...

1925

6. ДОБРОЕ УТРО, МОРЕ!

Привет тебе, шумящий неустанно
Морской простор, врачующий меня!
Вдали восходит солнце из тумана,
Вокруг бросая отблески огня.

Ты ласковым, как мать, порой бываешь,
А если буря — ходишь ходуном.
На парусник рыбачий налетаешь
Гривастых волн несметным табуном,

Чтоб завершить победой бой жестокий
И моряка пустить в тартарары.
Но ты и путь ему даешь далекий,
На стол ему несешь свои дары.

То ласково ты плещешься, синяя,
То хмуришься до полной черноты.
Зло иль добро в твоей душе сильнее,
Какому богу, море, служишь ты?

Ты, человек, пути земные меря,
Спроси у сердца — знает ли оно:
Зачем, покою ни на миг не веря,
Оно бурливо, страшно и темно?..

12 июля 1927

Поэт, переводчик и литературовед М. Густайтис родился 27 февраля 1870 года в деревне Рокай близ Каунаса. Учился в Марьямпольской гимназии, Сейшайской духовной семинарии, в университетах Регенсбурга, Рима и Фрибурга, защитил докторскую диссертацию о «Крымских сонетах» А. Мицкевича. Долгое время был директором и преподавателем гимназии. Умер 23 декабря 1927 года в городе Лаздияй.

М. Густайтис начал печататься с 1893 года, сотрудничал в газетах клерикального направления, в литературном журнале «Вайворикште» («Радуга»). Издал поэтические сборники «Слезы родины» и «Тернистой тропой» (1916), «Аккорды души» (1917), «Колокольчики» (1925), поэму «Любовь» (1914), ораторию «Ореол» (1914). Как поэт, М. Густайтис был предтечей литовского символизма. Он перевел на литовский язык «Крымские сонеты» А. Мицкевича, произведения Ю. Словацкого, М. Сарбевиюса, античных классиков Вергилия, Овидия и Горация. Он является автором оригинального учебника «Стилистика» (1923), монографических работ о творчестве А. Татаре, П. Кряучюнаса, И. Басанавичюса, А. Мицкевича и др. В своей литературной деятельности Густайтис придерживался позиций идеалистической эстетики.

Стихи М. Густайтиса на русский язык переводятся впервые.

7. ИЗ ЦИКЛА «ИЗ ПЕНСИЛЬВАНИИ»

Лирический пейзаж

1

Шяшуле, Нямунас, Нерис!
Я вас в душе моей сберег
С лугами, плесов серебром,
Вы в памяти моей сплелись.

Бывало, дунет ветерок,
Коснется волн своим крылом,
И ты качаешься в челне,
В хрустальной отразься волне,
Себя в ней видишь, облака,
Холмы в цветах и берега.
Хоть за морем далеким я,
Ты — в сердце, родина моя!
Когда пройдет моя беда
И я вернусь? Когда, когда?

2

А здесь — другая сторона.
Тут реки, что смола, черны,
Вода в них рыбе не годна,
В ней и лягушки не видны...
Кругом встающие хребты
Речонку норовят схватить
И пастью адской черноты
Ее бесследно поглотить...
Окрестные леса, поля —
Пустая, мертвая земля...
Ты помнишь ли родимый дом,
Кукушки голос за холмом?
Там соловей на зорьке пел
И сад ему в ответ звенел.

(1914)

8. ИЗ ЦИКЛА «ТЕРНИСТОЙ ТРОИЦЫ»

Безымянным жертвам войны

Шел пахарь в поле, чтоб сеять горе,
Он полной горстью горячко сеял.
Жестокий ветер дул через взгорья —
И разлеталось по свету семя.

Вскормила горе земная сила:
Оно бушует, над полем взвито!
Недаром землю кровь оросила
И удобряли тела убитых.

Деревья скорби, раскинув ветви,
Над миром встали чашею тесной —
И горько плачут на белом свете,
Как плачут звезды во тьме небесной.

Ой, бор зеленый их горю внемлет,
Ой, всходят росы и опадают,
Как будто к небу вздымают землю,
Как будто небо к земле склоняют!

Нет, это плачет не бор зеленый,
Не травы чистой блестят росой —
То раздаются бездомных стоны
И слезы льются горячей мглой...

(1916)

9. ИЗ ЦИКЛА «СВОБОДА»

Разбита цепь рабства и стона,
Что долго томила людей,
Душила, как Лаокоона
Душил разъярившийся змей.

Вставайте, берите, народы,
Богатства, что ваши теперь,
Вы этой достойны Свободы,
Вам — Счастья распахивать дверь.

Не реки бурлят, набухая,
Не звонниц церковных трезвон —
Восставшие толпы, шагая,
Ликут под сенью знамен.

Мы братья, мы равные люди
Пред ликом небес и земли.
Пусть в дружбе с трудом нашим будет
Свобода, что мы обрели!

(1917)

10. НА МОГИЛЕ ЮНОСТИ

Дни веселые умчались
В край беззвездный, в область духов,
В те незримые владенья,
Где не слышно даже звуков,
Где не видно тени,
Нет ни болей, ни печали...

Где-то рыбы проплывают
В неоглядном океане.
Может быть, не рыбы это,
Может, дни мои в тумане,
В мертвом царстве где-то
Проплывают тихой стаей.

Словно отзвуки затишья
Давних дней моих беспечных,
Отпылал огонь навечно,
Будто Юность волны смыли,
В бездне потопили...
Пусть рассудит их всевышний!

Как на кладбище унылом,
Вновь я слышу тайный голос:
«Вот из камня крест тяжелый,
А под ним Ее могила —
Трепетная сила
Здесь навек отговорила».

Вместо дней весны далекой
Тени бродят за спиною,
И струятся с тишиною
Не ручьи, что юной мощью
Напоили рощу, —
Кровь тех лет бежит потоком!

Но опять луга земные
В ароматах небывалых...
Пусть судьба цветы сорвала —
Кто-то вновь рукой влюбленной
Им раскрыл бутоны...
Годы как цветы живые!

Словно у могилы свежей,
Я стою, а надо мною
Хор берез шумит листвою:
«То не ветер плачет в долах,
 Это слышен голос
Песен Юности безбрежной...»

Стонет птица, распевая
Над невидимой могилой,
Ветви клонятся уныло:
«То не птица, верно, стонет,
 Грусть ветвей не тронет, —
То любовь моя бывая,

Невозвратных дней обитель...
Как в цветах, в их взорах милых
Гаснет Юности светило,
Каждый крохотный цветочек
 Молодит мне очи...
Души юные, цветите!»

11. РЕШИМОСТЬ

О, сколько раз, давая
Обеты в трудный час,
Я забывал слова их,
И вопрошал не раз,
Терзая горем грудь:
Взойду ль на новый путь

Иль впереди всё та же
Маячит колея?
Огонь в душе отважной
Как обуздаю я?
Рассветы дней моих
Не сдержат бурь ночных...

Молчи, страстей природа!
В душе я слышу звон —

Под звездным небосводом
Гудит призывно он,
Вливая в грудь мою
Целебную струю.

12. ТОСКА

Ты куда, звезда золотая,
От меня в рассветной рани
Удаляешься, взлетая?
Кто же здесь светить мне станет?
Я люблю тебя, мой свет,
Сам взлетел бы — крыльев нет!
И глаза в разлуке сами
Застылаются слезами,
Вянет молодость с годами...
Ты же в дальние края
Улетаешь, жизнь моя,
Но во мгле ночей
Свет твоих очей
Чудится во сне —
Ты летишь ко мне...

Дорогая,
Что ж почамы,
Возникая
Пред очами,
Манишь, увлекая?
Здесь без ясной,
Без тебя,
Годы гаснут,
Жизнь губя...
Друг мой милый,
Ты послушай:
Новой силы
Влей мне в душу!
Ретивое
Болью дышит —
Дай покоя!..

Нет, не слышит,
Не внимает —
Всё спешит, спешит, взлетает
Выше, в небосвод,
И плывет, плывет...
Ты, звезда моя золотая,
Ты скажи мне, улетаю
В дали, в небо голубое, —
Мы увидимся ль с тобою?

Поэт и переводчик Й. Жилюс (известен также под псевдонимом Йонила) родился 18 октября 1870 года в деревне Домейкай (теперь Капсуковский район). Учился в Мариямпольской гимназии, окончил духовную семинарию в Плоцке, но позже отрекся от духовного сана. Эмигрировав в США, редактировал литовский журнал «Тевине» («Родина»). С 1908 года учился в университетах Цюриха и Берлина. Возвратившись в Литву, работал в административном аппарате, участвовал в общественной и культурной жизни Литвы. Умер 2 марта 1932 года в Клайпеде.

Литературную работу начал еще в конце XIX века, писал стихи и поэмы («Свадьба» и др.), в которых изображал быт и обычаи литовской деревни конца XIX века, используя мотивы и интонации народных шуточных песен. Й. Жилюс выпустил трехтомное собрание «Сочинений и переводов в стихах» (1907), написал драму «Дети Йонаса» о революции 1905—1907 годов в Литве. Он перевел на литовский язык поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод», «Гражина» и вторую часть «Дзядов».

Стихи Й. Жилюса на русский язык переводятся впервые.

13. ВОСХИЩЕНИЕ

Я — парень молодой и по чужим краям
 Поколесил немало:
 Спросите, так порой не вдруг припомнишь сам,
 Где наша не бывала?

Где снег, как рис, валил, дождь, как вино, бурлил,
 Где солнце с лаской царской —
 В Валахии бывал, во Франции живал,
 Гулял в стране швейцарской.

Швейцарии простор покрыли гряды гор,
Где всюду видишь лес ты;
В Валахии, в тиши, долины хороши;
Во Франции — невесты.

Но где такой рубеж, чтобы нашлась земля
Милей, чем край наш ясный?..
Здесь воздух чист и свеж, здесь лучше всех
поля,
Невесты — всех прекрасней!

(1907)

14. ОН УЖЕ ИЗ ШАХТЫ ВЫШЕЛ...

Горы. Город. Кров убогий.
А в горах бушует ветер.
Все уснули, только месяц
Сквозь окно в лачугу светит.

Женщина лежит в постели,
Двух детишек обнимает,
Гладит светлые головки,
А сама навзрыд рыдает.

«Мама, мама, ты всё плачешь? —
Дети у нее спросили. —
Плачешь об отце, наверно,
Вспоминаешь, как мы жили?»

А отец — он был шахтером,
В шахту уходил из дому,
Там его несчастье ждало,
Ждал обвал скалы огромной.

Днем рабочие и ночью
Грунт сверлили и долбили.
Но отца не отыскали
В темной угольной могиле.

Ночь. В лачуге хмурой тихо.
Ветер буйствует в округе.

Задремала мать и слышит:
Кто-то ходит по лачуге.

«Ты ли это, мой родимый?» —
Говорит она, вздыхая.
Он как будто ей несмело
Отвечает: «Я, родная!»

Он шагает к ней навстречу...
Смотрит мать, ей как-то странно.
«Почему, скажи, мой милый,
Ты в такой одежде рваной?»

— «В шахте трудная работа,
Я домой поторопился,
В темноте за острый камень
Ненароком зацепился.

Что одежда? ..» — и шагает,
Кутая в лохмотья тело.
«Что ж лицо твое, мой милый,
Так смертельно побледнело?»

— «В шахте трудная работа,
И к концу ее сильнее
На лице сияет радость,
Оттого оно бледнеет...

Что лица немая бледность?
Что разорванные полы?» —
К детям он, к жене подходит,
Их целует. Он — веселый.

Раз, другой жёну целует;
А она ему: «Мой любимый,
Почему похолодели,
Онемели мои губы?»

— «Мама, мама! — вдруг раздался
Крик детей в ночном затишье, —
Снилось нам, отец вернулся, —
Он уже из шахты вышел!»

— «Он уже из шахты вышел...» —
На колени мать упала,
На помин души с мольбою
«Отче наш» в слезах шептала.

(1907)

15. ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Я с вами прощаюсь, поля и покосы,
Родители, братья и нежные сестры.
И ты, о любимая, в дальнем пути
Меня не кляни, позабудь и прости!

В то утро, когда я отчизну покинул,
Свет звезд предрассветных мне в душу
Лишь милые лица, что знал столько лет,
С порога печально глядели мне вслед,
не хлынул,

Все птицы, бывало, так радостно пели;
В то утро, я помню, не слышал их трелей,
Лишь близкие, тесной собравшись гурьбой,
Заплакали вдруг над моею судьбой.

Ничто на чужбине не будет мне мило...
А мать за ворота меня проводила
И думала молча про наше житье:
Ведь горе на свете повсюду свое.

Но ты, о мой друг, дальше всех провожала —
Туда, где ветвится дороги начало,
Просила, чтоб письма писал и, скорбя,
Молила, чтоб взял на чужбину тебя!

(1907)

16. ТОСКА

Где людям на земле всё близко и знакомо
Так, как в родном селе под крышей из соломы,
Над Неманом-рекою?

И если б только мог я странствовать свободно,
Сюда б на бережок я ездил ежегодно,
Искал бы здесь покоя!

Мечтал бы в дни весны в приеманских долинах,
Когда сады полны напевов соловьиных,
И соловьев бы слушал!

И как по вечерам в нарядном хороводе
Сестренки здесь и там песнь дружную заводят,
Вложив в нее всю душу!

Нарушив тишину, летит напев маящий,
Летит через волну, через поля и чащи —
Их песня льется всюду!

И где бы я ни плыл — в любом далеком море,
И как бы я ни жил — в богатстве или в горе, —
Свой край я не забуду!

1907

Микалоюс Дагилелис (псевдоним поэта Миколаса Шейжиса) родился 20 сентября 1874 года в деревне Шякштонис (теперь Пасвальский район). Учился в Кульдигской и Елгавской гимназиях. В 1898 году окончил Каунаскую духовную семинарию и до конца жизни (умер в Пакруоисе 8 августа 1950 года) был ксендзом.

Стихотворения Дагилелис начал печатать еще в 1899 году, сотрудничая в клерикальной печати, а также в литературном журнале «Вайворикште» («Радуга»). Издал два сборника стихотворений: «Песни и сказы» (1903) и «Песни, песенки» (1909). От литературной деятельности впоследствии совсем отказался. Известную ценность представляет его пейзажная и патриотическая лирика. Поэзия Дагилелиса не лишена религиозной дидактики и нравоучения.

Стихи М. Дагилелиса на русский язык переводятся впервые.

17. ВЕРНИСЬ, ВЕСНА

Ой, вернись, весна-веснянка,
К нам вернись ты поскорей,
Чтобы пташечка-зарянка
Пела песенки звончей.

Выйду к речке, чтоб в осоке,
На песочке, где тепло,
Солнце щеки на припеке
Мне загаром обожгло.

Встречу с дудкой пастушонка —
Ой, как песня хороша,
Ой, как песня льется звонко —
В ней поет его душа.

Дождались весны-веснянки,
К нам опять она летит,
Льется песенка зарянки,
Лес и поле — всё звенит.

(1909)

18. ЗИМА

Зима! Зима! Пушистый иней
Запорошил сады, дома —
И длится сон протяжный, синий,
И всюду царствует зима.

Где летом красовались пышно
Поля и пестрые луга,
Там всё мертво и неподвижно
И всё укутано в снега.

Где птичьи голоса звенели,
Стрекозы реяли в траве —
Сегодня там поют метели
И стынет солнце в синеве.

Зима! Зима! Но кто ж не любит
Румяной зимушки-зимы,
Ее снегов пушистой глуби?
О ней поем, тоскуя, мы!

Люблю я на снегах широких
Холодный, жгучий солнца блеск.
Как древний пращур у дороги,
Стоит в морозной шубе лес.

Люблю в безмолвье снежной дали
Лихой разбег моих саней,
Забыв на время все печали,
В тулуп закутаться теплей.

По глади льда мне любо мчаться
На легких, как стрижи, коньках,
И славно так проголодаться,
И вкус борща воспеть в стихах.

Бой закончен на ней! Трубы трубят сильней,
Стране возвещая победу.
Грозно блещут клинки, едут братьев полки —
Лишь наши три брата не едут!

С буйной вешней красой луг покрылся росой
И трели весенние льются.
Лишь сестрица грустна, всё рыдает она,
Всё ждет, когда братья вернуться.

Свищут птицы в лесах. Кони ржут на полях —
Пусты их скрипучие седла:
Братья в грозном бою жизнь сложили свою,
В бою против рыцарей подлых!

И сестрица — она, как сиротка, одна —
Отправилась в чащу лесную:
У зеленых кустов, у душистых цветов
Рыдала, по братьям тоскуя.

Только в сердце тоска до сих пор велика —
Вы слышите крик над опушкой?
То сестра с тех времен исторгает свой стон,
Рябой обернувшись кукушкой.

16 апреля 1909

Маргалис (псевдоним поэта Юозаса Шнапштиса) родился 17 марта 1877 года в деревне Маргяй (теперь Радвилишкский район). Учился он в Паневежской гимназии, а в 1899 году окончил Каунасскую духовную семинарию. Долгие годы был ксендзом в разных захолустных селах, ибо духовные власти часто перемещали его из одной окраины в другую. Вынужденный отрыв от культурно-литературной жизни, тяжелые лишения наконец сломили его как поэта. Обязанности ксендза тяготили Маргалиса, он начал интересоваться медициной, лечил своих прихожан. Умер в Судейкяй 24 марта 1921 года.

В сборниках стихотворений Маргалиса «Иволга и жаворонок» (1907) и «Слезинки» (1918) наибольшее внимание заслуживает пейзажная лирика, юмористические стихи. Его «Песня» стала популярной народной песней. В поэзии Маргалиса сильны религиозные настроения.

Стихи Маргалиса на русский язык переводятся впервые.

20. ИЗ ЦИКЛА «ВЕСНА»

Широк и гол полей простор,
 Ручьи с горы снега смывают,
 И воды речек и озер
 Мосты ледовые ломают.
 И улыбаясь, как во сне,
 Земля становится светлее,
 Теплее воздух, горячее
 Смеется солнце по весне.

1899

21. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

На дворе трещат заборы,
Слышен лай собаки.
Вьюга, взвив сугробов горы,
Бесится во мраке.

Ставни крепкие потрогав,
Крышу рвет с разлета,
Куролесит у порога,
Бьет-стучит в ворота.

В сад ворвавшись, ярый ветер
Клонит яблонь ветви,
Припадает к бревнам клетки,
Ломится в повети.

Скот в хлеву ревет уныло,
Ржет темно-гнедая...
Разгулялись злые силы,
Что-то затевая.

Слышишь, мама? Мама, встанем,
Погрустим о прошлой жизни;
Песню горькую затынем
О родной Отчизне.

Расскажи мне сердцем чистым
О времени этом,
О проснувшейся Отчизне,
Озаренной светом.

Ветер мчится по отрогам,
Вечер мглист и снежен...
Пусть же будет хоть немного
Сои твой безмятежен.

Только воет-свищет ветер
И сугробы месит.
Будто плачет всё на свете.
Будем плакать вместе...

1900

22. КАК ДУША ОТДЫХАЕТ...

Элегия

Как душа отдыхает,
Когда сад наш в цветенье
И над ним не стихает
Пчел прилежных гуденье;
Когда кличет кукушка
И щебечет синица
И вдали на опушке
Запеваает сестрица;
Когда речка весною
Закипает бурливо,
Пробегаает листвою
Ветерок шаловливо.

Тогда сердце сильнее,
С новой радостью бьется,
Песня звонче поется,
И ты любишь нежнее.
День, исполненный света, —
Как душа им согрета!

Но когда же ночью
Тьмою землю обложит —
Ноет сердце больное
И тоска его гложет.
Тяжело нам живется —
Как на каторге вечной...
Человек тяжело бьется
Век с бедой бесконечной...

1900

23. ПЕСНЯ

В край родной пустите,
В отчий край, домой!
Сердце воскресите,
Дух взбодрите мой!

Там, лишь свод небесный
Зорька обагрит,
Сразу новой песней
Сердце зазвонит.

Тут все чувства вянут,
Сердцу здесь — тюрьма;
На Литву же гляну —
И растает тьма!

Снова вдохновенье
Овладеет мной,
Дружно вторить пенью
Будет шум лесной.

Дали нелюдимы
В чуждой стороне!
Отчий край родимый
Часто снится мне.

Неман украшают
Дивные леса;
Сердце утешают
Милых голоса.

1903

24

Отброшены Немана зимние пути,
Лучами простор беспредельный окутан,
Теплом потянуло из далей;
И реки взыграли в счастливом бурленье,
Как сердце певца, где поет вдохновенье, —
Весенние сроки настали.

Ты слышишь, как жаворонок поднебесный
Нам праздник весны возвещает чудесный,
Людей на поля созывая?
«Не слишком ли песня твоя тороплива?
Как на поле выйти? Мокра еще нива,
Земля еще вязнет сырая».

— «Нет, буду взлетать я и петь буду снова,
За песни меня не браните сурово», —
 Певец откликается людям.
И май расцветет еще теплыми днями,
И наши леса он украсит цветами,
 И петь соловей еще будет...

1905

И. Билюнас — выдающийся литовский прогрессивный писатель, повеллист и поэт, впервые в литовской литературе ярко изобразивший жизнь и революционную борьбу пролетариата.

И. Билюнас родился 8 марта 1879 года в деревне Нюронис близ Аникшчяй. В 1899 году он окончил гимназию в Лиелае, поступил в Тартуский университет, но вскоре был исключен за участие в студенческом движении против царизма. Он принимал участие в деятельности литовских социал-демократов, сотрудничал в социалистической печати. В 1903 году И. Билюнас уехал за границу, учился в университетах Лейпцига и Цюриха. Он умер в Закопане 8 декабря 1907 года от туберкулеза.

За свою короткую жизнь И. Билюнас успел проявить себя как замечательный новеллист. Его новеллы отличаются психологической глубиной, чувством социальной справедливости. Скромное по объему поэтическое наследие И. Билюнаса собрано в первом томе его «Сочинений» (1954).

На русский язык переведено всего несколько стихотворений И. Билюнаса.

25. ТОВАРИЩАМ

Товарищи! Молодость с нами всегда
И жертвенность юного пыла,
И руки упорны, и воля тверда,
И жажда борьбы не остыла.

В грядущее прямо и смело глядим —
Заря поднялась над землею.
Мы бережно веру в свободу храним,
Зовем бедняков за собою.

Нам слабость неведома, слезы чужды,
Кипит наша кровь молодая.
Народ нас зовет: «Становитесь в ряды,
Свободу свою защищая!»

Ни шагу назад! Лишь вперед и вперед!
Пусть спящих призыв наш разбудит!
И цепи покорности сбросит народ,
И рабство навеки забудет.

Товарищи! Каждый к восстанью готов!
Так пусть же в немеркнущей славе
Незыблемым будет союз бедняков
И царствует равноправье!

Колонны смыкать и голов не склонять,
Но драться с владыками мира,
Бесстрашно и смело к свободе шагать,
Нешадно топча их кумиры!

На пытки мы мстью ответим врагам,
Мы вражьих угроз не боимся!
Тогда лишь победа достанется нам,
Когда воедино сплотимся.

Весенних касаток звенят голоса, —
Мы к братьям приходим с весною,
Чтоб светом свободы зажглись небеса
Над нашей несчастной землею.

Над миром наш громкий призыв загудел,
Победы приход возвещая. . .
Пусть слава великих стремлений и дел
Над юностью нашей сияет!

Товарищи! Молодость с нами всегда
И жертвенность юного пыла,
И руки упорны, и воля тверда, —
К отчизне любовь не остыла.

Смелей же, товарищи! Станем в ряды
Бойцов народного строя!
Над родиной нашей, над царством нужды
Мы солнце зажжем золотое!

1901

26. ЖЕЛАНИЕ

Я хочу увидеть знамена свободы,
Я хочу любить в молодые годы,
Но не знают свободы в моей стране,
Где любовь моя — неизвестно мне.
Я хочу увидеть людей друзьями,
Но повсюду подлость царит меж нами.
Я хочу, чтоб всюду любовь царила,
Чтобы клады счастья земля открыла,
Но мы стонем только, с нуждой борясь...
Где же счастье наше? Втоптали в грязь!
Как хотел бы я, о моя страна,
Снять с тебя кошмар векового сна,
Чтоб лучи свободы тебя коснулись,
Чтобы все мои земляки проснулись!
Стаи черных туч надо мной нависли,
Не успев расцвести, увядают мысли,
Стаи черных туч густеют над нами,
Кто бороться звал — гремит кандалами...
Неужели склониться перед силой черной?
Неужели руки сложить покорно?!

(1902)

27. НАДЕЖДА

Когда в житейской нашей суете
Измучен дух борьбою постоянной
И пламень сердца никнет бездыханно
И спит в глубинах тела, в темноте;

Когда витает в тяжелой пустоте
Холодный пепел мысли бесталанной

И самый ум шатается как пьяный,
Утратив все желанья в нищете, —

Тогда, держа венок воздушными перстами,
Как ангел, ты слетаешь с высоты
И льнешь к душе чудесными устами —

И воскресают в ней все прежние мечты,
И в мыслях, что опять свежи и юны,
Слышны ее божественные струны. . .

6 января 1905

28. ОТЗВУКИ ДЕТСТВА

Как святы воды, что из дальней дали
Струит Швянгойи! А кругом — леса.
И берег поднимает в небеса
Деревню, где жилось мне без печали.

Я пас гусей, глядел во все глаза,
Ловил язей и спал на сеновале.
Когда лентяю трепку задавали,
Обида забывалась в полчаса.

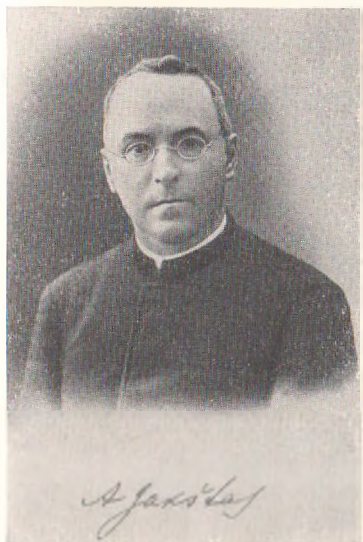
Где полдни те, отлитые из солнца?
Где мой венок, сплетенный из ромашек,
Белеющих, бывало, в изобилье?

Теперь лишь горе, горе с неба льется
И молодость рукою в поле машет,
А на душе безверье и бессилье. . .

16 января 1905

29. В ГОРАХ

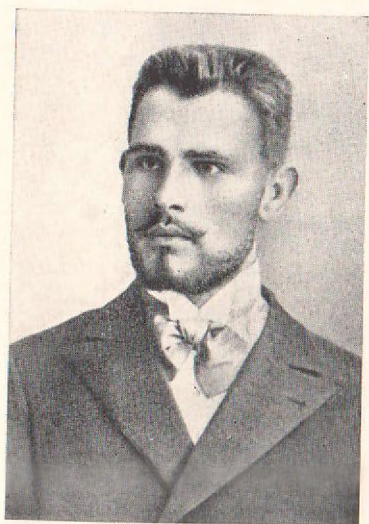
Ну-ка, мне руку дай посмелей —
Будет и легче и веселей!
В гору да в гору вьется тропа,
Алых тюльпанов встала толпа,
Ветер бушует в кронах зеленых,
Реки резвятся на крутосклонах.

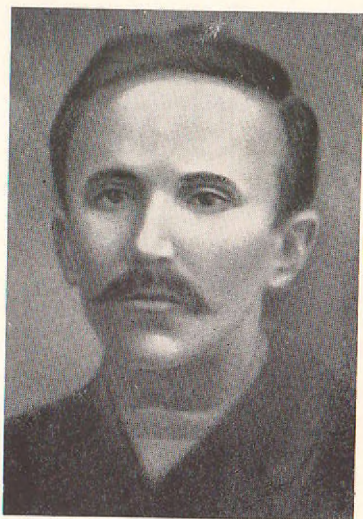
А. Якштас

М. Густайтис

И. Билюнас

Иоварас

Не надышагься воздухом гор!
Хочется песней влиться в простор,
Хочется с криком вскинуть крыла
Вдаль, где вершина светит, бела, —
Взором окинуть полдень влекущий,
Зелень долины, райские куши.

Эй, осторожно, не поскользлись!
Небезопасна ясная высь.
Было бы страшно в нее упасть:
Вон как зияет темная пасть
И под зыбучей тропой перевала
Вон как свирепо скалятся скалы.

О, посмотри-ка: там, трепеща,
Кружится сойка, пищу ища!
Ну-ка, постой-ка, птица, постой,
Мы же родные души с тобой:
Там, у Швянтойи-реки над обрывом,
Крылья дала ты детям крикливым.

1905

Йоварас (настоящее имя Йонас Кркиционас) родился 12 января 1890 года в деревне Қальнишкяй близ города Шяуляй, в семье бедного крестьянина. Научившись читать и писать, он стал дарактором и обучал грамоте других детей. Позже Йоварас включился в литовское национальное движение, тайно доставлял из-за границы запрещенные газеты и книги, в том числе социалистического содержания (во время одной такой переправки был ранен выстрелом царского жандарма). Он начал писать корреспонденции, а потом рассказы и стихи, которые с 1903 года печатались в прогрессивной и социал-демократической печати. Йоварасу, как поэту, помогли сформироваться Жемайте и П. Вишинскис, которые были его первыми литературными наставниками. Писать ему приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях, по его словам, «сидя где-нибудь на краю канавы или в поле с карандашом в руках». Днем он пахал и боронил, ночью пас коней, стихи же сочинял в редкие промежутки между работой. Литовская буржуазия травила поэта за его прогрессивные и революционные идеи.

Основную часть своей лирики Йоварас создал до 1917 года, но стихи писал и в старости, уже в советские годы. В 1949 году он вступил в ряды Коммунистической партии. Умер поэт 21 января 1967 года.

Йоварас выпустил несколько поэтических сборников: «Подснежник» (1906), «Поэзия» (1908), «Искры чувств» (1908), «Голос сердца» (1908), «Первые цветы» (1909), «Отзвук души» (1913), «Вечные песни» (1914), «Избранные стихи» (1923), «Стихи и песни» (1947), «Березка» (1955).

Поэт особенно известен стихотворением «Березка», которое стало народной песней.

Отдельные стихотворения Йовараса переводились на русский язык.

30. СОЛНЦЕ ВСЁ СИЛЬНЕЙ

Солнце всё сильнее
Будет плавить лед.
Станут дни теплей,
Там жара придет.

После холодов
Лето прилетит.
Зеленю садов
Будет мир обвит.

Птицей и зверьем
Оживут боры.
Мы всем сердцем ждем
Летней той поры.

Луг наш запестрит —
В мотыльках, в цветах...
Дружно зашумит
Жито на полях.

Песни позовут
На простор полей,
И дождется люд
Новых, светлых дней.

10 февраля 1904

31. ТЫ ВОСКРЕСЛА, ПРИРОДА

Ты воскресла, природа, и сонной земле
Ты свою посылаешь надежду.
Снег растаял уже, и растрескался лед,
И в холодное море унесся.

Ты воскресла, природа, и мощью своей
Подавила враждебные силы.
Ты красой засияла в полях и лугах,
В честь твою расцветает подснежник.

Ты воскресла, природа, а туч пелена
Голубой небосвод затянула,
Ярко вспыхнули молнии, гром загремел,
И гроза над землей разразилась.

Ты воскресла, природа, ярка, молода
И прекрасна в наряде зеленом.
И цветы запестрели в широком лугу,
И над ними пчела зажужжала.

Ты воскресла, природа, и в яркий наряд
Ты творенья свои одекаешь.
Уж проснулись букашки и звери в лесах
И веселые птицы запели.

Ты воскресла, природа, поправ холода,
Но так много людей не проснулось...
Разве мощью своей не разбудишь ты их?
Не умеешь будить — иль не хочешь?

Ты воскресла, природа, и молнии гроз
Устреми на врагов беспощадно,
Рабство ты уничтожь, слуг его порazi,
Дай и хлеб и свободу рабочим.

Ты воскресла, природа, ты так молода,
Ты любовью весь мир озарила.
Только горестно людям, что всем не дано
Брать дары твои равною мерой.

Горемыкам извечным — голодным, босым, —
Нам и теплое солнце не в радость...
Нам — страдать и трудиться, с бедой воевать:
Нас ведь так богачи угнетают.

1904

32. РАССКАЖИ

Расскажи мне, голубка родная,
Почему так задумалась ты?
Может, душу твою окрыляя,
В небо синее манят мечты?

Расскажи, как звезда проплывает
И кому она светит в ночи?
И зачем это гром гроыхает
И свирепствуют молний мечи?

И пред кем этот месяц печальный
Появляется из облаков?
И куда он дорогою дальней
Устремляет полет высоко?

Расскажи, почему нарушают
Эти бури природы покой?
Почему это море вздыхает
И шумит неумной волной?

Расскажи мне, куда эти реки,
По камням пробегая, спешат,
Почему, как заклеты навеки,
Эти камни угрюмо молчат?

Расскажи, почему зарастают
У Дубисы лозой берега?
Как давно она тут протекает,
Заливая весною луга?

И кому соловей среди луга
Ночь поет на ольхе у реки?
Почему же целуют друг друга
Средь полей на ветру колоски?

Почему распускаются розы,
И кукушке зачем куковать?
Почему зашумели березы?
Почему надо нищим стонать?

23 июня 1905

33. ВЕСЕННЕЕ УТРО

Мелькание первых рассветных минут,
Мерцание бликов летучих.
Как лодки по Неману тихо плывут,
Так по небу движутся тучи.

И птицы шумливо встречают рассвет,
И всё оживает в природе,
И, новому дню посылая привет,
Рачительный пахарь выходит.

На дудочке тонкой подпасок дудит
И стадо на пастбище гонит.
Всё блеет, гогочет, и ржет, и мычит,
И, словно от счастья, стонет.

И пахарь идет по полям молодым,
Любую травинку приметит,
И птицы щебечут, летая над ним,
И солнце над пахарем светит.

Чернеют поля — борозда к борозде,
Работает пахарь как надо.
Надежды сбываются в честном труде,
А труд — это наша отрада.

1905

34. МНЕ ПРАВЯТСЯ...

Всем сердцем к цветам я приникнуть готов,
Прошу я и жду их ответа.
Мне нравятся запахи свежих цветов,
Дрожащих от легкого ветра.

Трава луговая до боли светла,
А дали теряются в небе.
Неслышно в цветок заползает пчела,
И плавно качается стебель.

Широкое озеро нравится мне
И медленной лодки скольженье,
Мне видно: песок проступает на дне
И водорослей сплетенье.

Люблю я рассветного неба привет
И в темени ночи хрустальной

Луны-полуночицы призрачный свет,
Мерцание звездочки дальней.

Прекрасную песню любовь мне поет —
Не ту, что всю душу терзает,
Другую, которая силы дает
И в завтра зовет, и дерзает.

1905

35. УЖЕ СВЕТАЕТ...

Уже на востоке бушует пожар,
И гул непомерный вдали
Потряс тяжело — за ударом удар —
Просторы широкой земли.

Вдали над полями
Неистовый пламень.
Заря наливается кровью...

А свет пробивается быстро вперед
И гонит нависшую ночь,
Шагами огромными день к нам идет,
И мрак изгоняет он прочь.

И мира основа
Меняется снова, —
Грядут к нам великие годы...

Уже небосвод полыхает огнем
Рассветных невиданных дней.
Мы знаем, что с каждой неделей и днем
Грядущее наше видней.

И зримо и мудро
Желанное утро
Встает над полями родными...

Пусть совы боятся рассветных лучей,
Пусть филинам тени милы, —

Рождается утро во мраке ночей,
Заря возникает из мглы.

Рассвет пробуждает,
Рассвет побеждает
Глухие нависшие тучи...

1905

36. КОГДА ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

Песня времен революции 1905 года

Солнце встает и пылает,
Время подняться и нам!
Тьма перед ним отступает,
Свет засиял и слепцам.

Люди, презревшие страх,
В трудный шагайте поход!
Стиснув оружие в руках,
Братья, на битву — вперед!

Кровью омыты багряной,
Братья в неволе живут,
Царь нас гнетет непрестанно,
Бары-драконы гнетут!

Люди, презревшие страх,
В трудный шагайте поход!
Стиснув оружие в руках,
Братья, на битву — вперед!

Бледные, спали мы, братья, —
Хватит обманчивых снов!
Грозной поднимемся ратью,
Вырвем народ из оков!

Люди, презревшие страх,
В трудный шагайте поход!
Стиснув оружие в руках,
Братья, на битву — вперед!

1905

37. БУРИ

Ударил молния в тучу с размаха,
И ветер проснувшийся начал полет,
И дрогнуло сердце у леса от страха,
Что буря все листья его оборвет.

Стволы зашатались, волнуются ветви,
А буря бушует всё злее и злей.
Листва застонала в неистовом ветре,
А гром всё грохочет сильнее и сильнее.

Наохлились птицы и ясной погоды
Всё ждут не дождутся в зеленом краю.
Их гнезда — красу вековечной природы —
Злой град уничтожил, как жертву свою.

А путники в море грозу проклинаят —
Но к берегу судно упрямо плывет.
Могучие волны корабль сотрясают —
Но в бухту сквозь бурю он смело идет.

Дерзаньем сердца молодых пламенеют,
Ни бури, ни штормы борцам не страшны:
Они и свободу и правду лелеют,
И жаждой великих исканий полны.

А бури бушуют в морях и на суше,
И горе тяжелое губит людей. . .
Покоя не знают усталые души,
С надеждою ждут они солнечных дней.

26 апреля 1906

38. БЕРЕЗКА

Березка, о чем загрустила?
Откуда такая печаль?
Что листья свои опустила,
Чего тебе, горестной, жаль?

Ты плачешь, березка-отрада?
Зачем омрачаешься ты?
Иль светлomu утру не рада,
Иль жалко ночной темноты?

Не плачь, одинокая, — скоро
Ночная развеется тень.
Опять над тобой, белокорой,
Блеснет удивительный день.

Опять зачирикают птицы,
Опять затрепещет листва,
Опять над тобой заструится
Глубоких небес синева...

«Я плачу, ведь я одинока, —
Послышалось вдруг в тишине, —
В болоте, у ямы глубокой
Должна я стоять в стороне.

На что мне зари позолота,
Сияние летнего дня?
Гниющие рядом болота
Всю жизнь отравляют меня.

От леса судьба отлучила,
Одной горевать всё трудней...
Болота зловещая сила
Мне давит на грудь всё больней.

Кукушка — залетная птица —
Возьмет с моей ветки слезу
И прочь улетит и садится
На ветку в ближайшем лесу.

Здесь ветры повсюду шныряют,
Мою обрывают листву.
Все птицы в леса улетают,
А я одиноко живу.

Там птицы поют о веселье,
А здесь лишь одно воронье,

Да тусклая пыльная зелень,
Она — украшение мое.

Я буду сгоять здесь, покуда
Не срубят меня топором,
Пусть жизни зеленое чудо
По телу струится теплом.

Живу одиноко на свете,
Но даже и здесь, в стороне,
Лихой не согнет меня ветер, —
Мечтаю о будущем дне.

Мечтаю, что буду веселой
И выбегу с песней на луг,
И встретят меня новоселы —
Десятки березок-подруг.

И, вспомнив тяжелые годы,
Обрадуюсь новому дню.
Я видела в жизни невзгоды —
Я счастье свое оценю...»

1906

39. ТЫ СКАЖИ МНЕ, ЛИТВА ДОРОГАЯ

Ты скажи мне, Литва дорогая,
Долго ль нам еще тяжко страдать?
Далека ли свобода святая?
Долго ль будут нас так угнетать?

Долго ль будет в полях богатеев
Литься пот безземельных рабов?
Долго ль те, кто живет всех беднее,
Знать не будут своих же врагов?

Загорятся ль и нас не обманут
Дорогие нам воли огни?
Скоро ль все угнетенные встанут
И утешат ли братьев они?

Сколько раз холодам возвращаться?
Сколько раз реки льдами скует?
Долго ль братству людей разрушаться?
Сколько витязей в землю уйдет?

Скоро ль равенства солнце зажжется,
Всем желанный покой принесет?
Скоро ль светлой свободы дождется
Брат наш — темный, забитый народ?

Завоюем мы счастье в сраженье
За свободу и правду навек,
Чтоб, откинув и страх и сомненье,
Мог для мира творить человек.

12 января 1907

40. ТИХИЙ ВЕЧЕР

Тихий вечер. Засыпая,
Поле отдыхает.
В небе синем золотая
Тучка проплывает.

Птицы замерли в дубравах,
Реки отшумели,
И в руках у парней бравых
Косы отзвенели.

Девушки в лугах росистых
С песнею гуляли
И цветов — слезинок чистых —
Для венков нарвали.

Светят звезды золотые,
Люди отдыхают.
Сердца чувства молодые
К милой увлекают.

12 июля 1908

41. СТОСКОВАЛСЯ Я ПО ЛЕТУ

Стосковался я по лету
Без угрюмых облаков,
По лазоревому цвету
Без колючек и шипов.

Мил мне луг необозримый
И его цветной наряд,
Мне милы глаза любимой,
Что живой красой горят.

Как роса, пролив прохладу,
Освежит иссохший луг,
Так краса, даря отраду,
Снимет боль душевных мук.

Лето красное, золотое,
Мне так мил твой день любой.
Ты чаруешь красотой,
Будь же щедрым на любовь...

Нежно ты согрей мне руки,
Плечи сильные расправь.
От душевной тяжкой муки
И тоски меня избавь.

Пойте, птицы, всё чудесней
Всем оркестром по лесам,
Я своею звонкой песней
Подпою сердечно вам.

1 февраля 1936

Революционная поэтесса В. Диджюлите родилась 12 мая 1881 года в деревне Грежионеляй (теперь Аникшчяйский район). Она училась в Елгавской гимназии и в Петербургском художественном училище, окончила курсы стоматологов. С 1904 года участвовала в революционном движении и сотрудничала в социалистической печати. В 1912 году В. Диджюлите подготовила к печати сборник стихов, который пропал во время обыска. Несколько стихотворений, отмеченных революционным настроением, она написала и на русском языке.

Впоследствии В. Диджюлите литературной деятельностью не занималась. В 1913—1933 годах она жила в Ялте, а потом вернулась в Литву. Расстреляна гитлеровскими оккупантами 21 июля 1941 года. В советские годы стихотворения В. Диджюлите были опубликованы в разных антологиях.

Стихи В. Диджюлите на русский язык переводятся впервые.

42. ДРУГУ

Друг мой далекий, друг мой любимый,
Где ты сейчас?
Мыслью глубокой, жаждой неутолимой
Светится взгляд милых глаз.

Может, порою как цветок безуханный
Никнешь ты, брат,
Или героя славой живешь ты бранной,
Смелых собравши солдат?

Может, доволен жизнью своею, судьбою,
Мирно живешь,
Или в неволе за железной стеною
Жадно свободы ты ждешь?

Славою честной живешь иль угрюмо,
С вечной тоской?
Друг мой чудесный, лишь о тебе все думы:
Где ты сейчас и какой?

(1912)

43. ДОЛГАЯ, ТЕМНАЯ НОЧЬ...

Темная ночь за окном,
Скоро ли кончишься ты?
Тщетно ищу я кругом
Света дневного следы.

В черных узорах окно,
Холод и мрак за окном,
В небе недобром черно,
Месяц не светится в нем...

Молнией мысль парит,
Сумрак полночный гоня,
В сердце усталом живет
Снова предчувствие дня...

Ранены крылья мои,
Бьются о выступы скал,
Я поднимался с земли,
Нынче я снова упал.

Темная ночь за окном,
Скоро ли кончишься ты?
Тщетно ищу я кругом
Света дневного следы...

(1912)

44. СПИ, ДИТЯ!

Спи, усни, моя дочурка!
Звездочка мигает.
Кукла спит, и кошка Мурка
Уже засыпает.

Спи, уже уснули птицы
В тишине укромной.
Иве старой сладко спится
Над водою темной.

Дед молчит, хоть сказок древних
Знает он немало,
Братик спит, сестрица дремлет —
Ткать уж перестала.

Помолясь, спит в уголочке
Бабушка в покое.
Спи! А завтра дам я дочке
Яблоко большое.

Все уснете — и тогда я
До рассветной зорьки,
Об отце всё вспоминая,
Буду плакать горько.

(1912)

45. ТЫ НЕ ПОДУМАЙ, БРАТ...

Ты не подумай, брат,
Что, страшной тьмой окружен,
И от беды и утрат
Мужества стал я лишен.

Мне откровенно скажи:
Слышишь, как сердце стучит?
Против бесправья и лжи
Мщенья огонь там горит.

Вообразить не смей,
Что в звездных грезах, мечтах
Я мог забыть людей,
Скорбь в их усталых глазах.

Небо сквозь ночь вижу, брат,
Край свой люблю, как любил...
Пусть и не стал я крылат —
Всё же такой, как и был.

(1913)

Л. Гира — выдающийся литовский поэт, драматург и литературный критик.

Он родился 27 августа 1884 года в Вильнюсе, но детство провел у родственников в провинции. Окончил Вильнюсскую духовную семинарию, но духовного сана не принял. Рано начал сотрудничать в литовской печати, писал рассказы, стихи и вскоре стал известным поэтом. Работал в разных газетах буржуазного направления, редактировал первый литовский литературный журнал «Вайворикште» («Радуга»). В 1921—1926 годах он был директором Государственного театра в Каунасе, работал в Министерстве просвещения, позднее некоторое время редактировал писательскую газету «Литературос ноуенос» («Литературные новости»).

Долгое время Л. Гира придерживался политики и идеологии господствующих буржуазных кругов Литвы. Под воздействием крепнущего революционного движения в его взглядах произошел перелом, и после 1936 года он перешел в оппозицию к существующему режиму. Будучи председателем Общества литовских писателей (1938—1939), он содействовал развитию контактов с советскими писателями. В 1940 году Л. Гира был назначен заместителем народного комиссара просвещения, с 1945 года — член Академии Литовской ССР. В годы Отечественной войны вступил добровольцем в литовское соединение Советской Армии. Умер в Вильнюсе 1 июля 1946 года.

Л. Гира начал печатать стихи с 1903 года и издал несколько поэтических сборников: «Дудочка, ду-ду» (1909), «Зеленый луг» (1911), «По дорогам родины» (1912), «Песни полей» (1912), «Искры» (1921), «Походные думы» (1928), «Шаги веков» (1929), «Шелковые нити» (1929), «Насилне и решимость» (1942), «Литва Грюнвальда» (1942), «В дальних дорогах» (1945) и др. Он подготовил ряд антологий литовской поэзии, перевел на литовский язык сборник избранных стихотворений Т. Шевченко (1912), переводил русских, польских,

украинских поэтов. Среди его драматических произведений наиболее известной является историческая трагедия «Мечь» (1910). Как литературный критик (свои статьи подписывал псевдонимом Е. Радзикаускас) он особенно много и плодотворно работал в 20-е годы. Опубликовал книгу «Литературно-критические сочинения» (1928), исследование «Формирование и развитие литовского стихосложения в XVI—XVIII в.» (1934), занимающие видное место в литовском литературоведении и критике.

Стихотворения Л. Гиры многократно переводились на русский язык.

46. КТО НЕ НАЙДЕТ САМООБМАНА В ЭТОМ?

Кто не найдет самообмана в этом,
Кто подтвердит мне правоту мою,
Не обзовет мечтателем отпетым?
Но я на том действительно стою,

Что доброта и состраданье к бедам
Людскому сердцу свойственной всего:
Как с братом брат живет сосед с соседом,
И плачет сам, слышав плач его.

Сердца, в которых затаилось горе,
Излечит нежной искренности час.
Стою на том, что помощь и подспорье
Необходимы каждому из нас.

И с непосильной ношей за плечами
Я побреду, измученный вконец.
Я верю: люди подсобят мне сами
И я не рухну наземь, как мертвец.

Кто не найдет самообмана в этом,
Кто подтвердит мне правоту мою,
Не обзовет мечтателем отпетым?
Ведь я на том действительно стою!

1905

47. ПЕСЕНКА ЦЕПОВ

«Кампе тупи, кампе тупи...» —
На току работа.
Голодать не хочешь, братец,
А жалеешь пота.

Чтоб ни зернышка в соломе
Нынче не осталось,
«Кампе тупи, кампе тупи...» —
Прочь гони усталость.

«Кампе тупи, кампе тупи...»
Цепы скачут рядом.
Дело первое — с долгами
Рассчитаться надо.

Запасти семян для сева —
Вот второе дело.
Но цепи не зря ведь пляшут
На пшенице спелой.

А остатки, те, что сладки,
Сами кушать станем.
«Кампе тупи, кампе тупи...»
Заживем как пане!

1905

48. НОЧЬЮ

Затихло всё. Уснули люди,
Забыв о горечи забот.
Но лишь меня тревога будит,
И сон ко мне лишь не идет.

Кто знает — злой ли, доброй вестью
Наутро примет жизнь меня;
Как встречу завтра — неизвестно:
Благословляя иль кляня.

И грудь терзает молодую
Неясность дальнего пути,
Надежду гонит золотую
И шепчет: счастья не найти!

1905

49. МОИ КРАИ

Край один в Литве я знаю.
Мой народ из года в год
На плечах своих в том крае
Бремя нищеты несет.

Льется Нямунас чуть слышен,
Травы тихие встают.
Но еще, я слышал, тише
Стонет пахарь в том краю.

То за плугом, то с косою
Он с рассвета дотемна, —
Всё не справиться с нуждою,
Камнем давит грудь она...

Не родит пшеницу поле,
Луг не радует травой.
Пахарь о счастливой доле
Лишь вздыхает там порой.

И глядит с тоской на небо,
И годами чуда ждет:
Может, будет вдоволь хлеба,
Счастье с неба упадет.

Но лишь ветер то и дело
Кружит на поле пустом.
В волны Нямунаса белым
Он швыряется песком.

И летит куда желает, —
Сам себе он голова.

То он рощицу ломает,
Что и так едва жива,

То свистит он что есть мочи,
Волей тешится своей
И над пахарем хохочет:
«Ты год от году бедней!»

Говорят, стеной стояли
Здесь леса в былые дни
И от ветра заслоняли
Грудью край родной они.

Тех лесов уж нет в помине.
Лишь кой-где среди полей
Великан дуплистый ныне
Дремлет, дряхлый, без ветвей.

Скоро рухнет он, усталый,
Не оставив никого —
Ни сынов, ни внуков малых,
Чтоб оплакали его.

Лишь дивчина молодая,
То ль с веселья, то ль с тоски,
Будет, сено подгребая,
Петь печально у реки

О парнишке, что уехал
В край далекий воевать.
Ей теперь одна утеха:
Песни петь да друга ждать...

Лишь кургана грудь крутая
Всё хранит о прошлом сон.
В сказках старцев угасает
Тихо жизнь былых времен...

Край один в Литве я знаю.
Мой народ из года в год
На плечах своих в том крае
Бремя нищеты несет...

1906

50. МОЯ ДУДОЧКА, ДУ-ДУ

Одну я песню знаю,
Ее я напеваю,
Все дни ее твержу я,
Всё ту же, но иную.

Моя дудочка, ду-ду,
Краше милой не найду.

Ту песенку, поверьте,
Люблю всем юным сердцем,
Люблю всей силой, страстно,
Хоть ничего не даст мне.

Моя дудочка, ду-ду,
Краше милой не найду.

Ах, девушку я знаю,
Во сне ее встречаю
И с каждой зорькой алой,
И всё мне мало, мало!

Моя дудочка, ду-ду,
Краше милой не найду.

Люблю ее и знаю:
Любовь меня терзает.
Но я люблю, как всё же
Никто любить не может!

Моя дудочка, ду-ду,
Краше милой не найду!

1908

51. НЕ ПЕСТРЫЕ СОКОЛИКИ...

Не пестрые соколики
В Принеманье слетались —
А только парня горькие раздумья
За долею гонялись.

Не пегая кукушка
Крылом в капкане билась —
А только мне, бедняге-горемыке,
Дивчина полюбилась.

Не солнышко всходило,
Не расцвели цветочки —
А только в очи, в очи мне взглянула
Полей родимых дочка.

Не соловей защелкал,
Не липа шелохнулась —
А только дочь полей моих родимых
Словечко мне шепнула.

1908

52. ШАГАЛ Я ПОЛЕМ...

Шагал я полем, другим да третьим —
Повсюду ржа земная.
Мне здесь не встретить счастливой доли,
Печали не развеять!

Шагал я лугом, другим да третьим —
Вокруг сухие стебли.
Не блещут косы под солнцем ярим,
Не слышно песен звонких.

Шагал я лесом, другим да третьим —
Пеньки торчат гнилые...
Ни там кукушки, ни там сестрички,
Ни там судьбы веселой!

Шагал двором я, другим да третьим —
Цветут в садочках руты.
«Скажите, руты, где разыщу я
Свое большое счастье?»

И золотые шепнули руты
Мне, парню молодому:
«Там, на пригорке, на светлом пригорке —
Твое большое счастье!»

Белоголовый отец-кормилец,
Старуха мать седая
Не для себя взрастили дочку —
Для парня молодого.

Ступай, красавец, на светлый пригорок,
Ступай с земным поклоном.
Проси невесту, проси подружку,
Проси у старых дочку!

Проси невесту, проси подружку,
Проси у них ты дочку.
На светлом пригорке, в чистой светелке
Твоя судьба-подружка!»

1908

53. ГДЕ КРАСОТА СНОВ...

Где же грез отрада,
Где же те мечты?
Нет, ничто не манит
Сердца немoty...

Нет, ничто не тешит...
Песни лишь печаль
Из груди несется
Вдаль, куда-то вдаль...

Где же эти грезы,
Счастье светлых снов?
Не зажглось... Но завтра,
Может, вспыхнет вновь?

1909

54. КОСИ, КОСА!

Луг мой некошенный — беды людские,
Зеленью плещутся травы густые!
Коса, по прокоосу летай поживей!

Я с песнею скорби хожу, как с косою.
Из горя отлита, отбита нуждою...

Коса, по прокосу летай поживей!

Луг расцветает, а люди рыдают,
Рыдания песня моя повторяет...

Коса, по прокосу летай поживей!

Люди рыдают, в нужде погибая,
Песней своей я Литву пробуждаю.

Коса, по прокосу летай поживей!

Я поднимаю пахарей в поле,
Скиньте нужду, закалите волю!

Коса, по прокосу летай поживей!

Выковав волю, испробуйте силу.
Как песня, не бойтесь, что б вам ни грозило!

Коса, по прокосу летай поживей!

1910

55. ОЙ, ВАЛИТ, ЛОМАЕТ...

Ой, как гнет деревья ветер,
Рошу всю ломает!
Трудно парню жить на свете —
Горе угнетает...

Ой, гудят деревья в чаще,
Только ветки гнутся;
Ой, как с горя парень плачет,
Только слезы льются...

Гибнет за листом листочек,
Облетев с березы;
Ой, у парня сухи очи —
Выплаканы слезы...

Рошу снегом засыпает,
В воздухе морозно.
Только парень всё рыдает,
Тихо и бесслезно...

1910

56. ПЕСНЯ КУРГАНОВ

(Отрывки из поэмы)

1

Вы, братцы дорогие
И юные сестрицы,
Красивы и стройны, как демядис, растете,
Как лилии, цветете.

И батюшка доволен
И матушка довольна,
Что пашете легко и бороните ровно,
Холсты вы ткете тонко.

О братцы дорогие
И юные сестрицы,
Невинны и чисты, ведь радуетесь сами
Вы юности веселой.

Но что бы вам сказали
И прадеды и деды,
Которые навек в земле сырой уснули
Под тяжестью курганов!

Когда б они поднялись,
Наверно бы, спросили:
«Скажи нам, паренек, ответь же нам, сыночек:
А где твой меч булатный?»

А где твой меч булатный,
Серебряные шпоры?
А где твой конь гнедой, лихой, рысистый?
Где шелкова уздечка?»

Ой, что сказал бы, парень,
В ответ на их вопросы?
Ведь с малолетства ты, в нужде и горе росший,
Меча в глаза не видел.

«Ржавеет меч булатный,
Потомками запахан,

Где пашня заросла, где ржавое болото,
Где старые курганы.

В соху впряженный крепко,
Запуганный кнутами,
Ржет жалобно мой конь, с рассвета до потемок
На полюшке потеет».

Когда б поднялись деды,
Они б тебя спросили:
«Скажи, скажи нам, дочь, девица молодая,
А где же твои песни?»

А где же твои песни,
Звеневшие когда-то?
Где янтари твои — от матушки подарок?
Где шелковы платочки?»

Ой, что бы ты сказала
На это, горемыка,
От матушки давно ушедшая из дому
К неласковой свекрови?

«Янтарь мой по задворкам
Пораскидали дети,
Шелковые платочки годны лишь на портянки,
А песни стали плачем».

Тогда бы вам сказали
И прадеды и деды:
«Уж лучше б нам сейчас в сырой земле холодной
Лежать не просыпаясь!»

Земля сырая лучше,
Чем горестные вести,
Чем родину свою, Литву родную, видеть
В позоре и упадке».

Ой, братцы дорогие
 И юные сестрицы,
 Да почему же вы не слушаете ночью,
 Что говорит вам Неман?

Что говорит вам Неман,
 И вам и всей отчизне?
 Как плачут сосны там, как плачут безутешно,
 В зеленой роще стонут?

«Отцы не научили,
 Не рассказали деды:
 До ноченьки с утра они лишь за работой
 Трудились, хлопотали».

Ой, батюшка-родитель
 И матушка седая,
 Ой, почему же вы своих несчастных деток
 Ярмо влачить учили?

Ярмо влачить учили,
 Смиряться молчаливо.
 Ой, как же, почему ж вы их не научили
 Любить, ценить свободу?

Любить, ценить свободу,
 Летать с орлами в небе,
 Вы их не научили, как тьму разбить ночную,
 Чтоб зорька запылала?

«Ой, как же мы научим,
 Когда не знаем сами.
 Наш род из века в век — не первый,
 не последний —
 Влачит нужды оковы».

Вы, братцы дорогие
 И юные сестрицы,
 И вместе с ними вы, родители седые,
 Послушайте хоть песню!

Она в беде родилась,
Слезами умывалась,
Но было песне той завещано судьбою
До облаков подняться.

1910

57. АСТРЫ

В саду прохладном, под окном,
Раскрылась астра пышным цветом,
Но мне не жаль расстаться с летом,
Не жаль, что осень входит в дом.
В саду прохладном, под окном,
Раскрылась астра пышным цветом.

Лазурь, отрадная для глаз,
Что лишь вчера манила взоры,
Как мотылька цветов узоры,
Завесой туч обволоклась.
Увянут астры до рассвета
В саду прохладном, под окном,
Но мне не жаль расстаться с летом,
Не жаль, что осень входит в дом.

Свои у сердца времена,
Своя зима, весна и осень.
Когда любовь мы в сердце носим,
То расцветает в нем весна.
Коль радостью душа полна,
Кладет плоды нам в руки лето,
А если скорбь в ней без просвета —
Повсюду осень лишь одна.

То осень, коль средь нищеты
Скорбишь о светлых сновиденьях
И ловишь призрачные тени
Своей несбывшейся мечты.
Слезами горя плачешь ты,
Когда хороним мы в печали
Мечты, что в нас огнем пылали,

Те, что наш разум не возвел
На светлый, солнечный престол —
Мы сил своих не рассчитали.
Когда хороним мы в печали
Мечты, что в нас огнем пылали,
Что были нашим вожаком,
А сами тоже смерти ждем.

В саду прохладном, под окном,
Раскрылась астра пышным цветом,
Но мне не жаль расстаться с летом,
Не жаль, что осень входит в дом.

1911

58. ЗДРАВСТВУЙ, ВИХРЬ!

Утро было прозрачным, а полдень такой,
Что деревья, без ветра уснув, онемели.
И казалось, что вечером будет покой,
Мать младенца баюкала в колыбели.

Не спугнет его сна тяжким грохотом гром,
Не сожжет его глаз полыхание молний,
Когда мать свет потушит, забудется сном.
Рад младенец, и радости старец исполнен.

Ну а мне по душе буйных вихрей полет,
Задыхаюсь в любимом другими покое.
Я один не усну. Может быть, небосвод
Ночью тучей порадует грозовою...

Вот на западе, еле заметно сперва,
Появилось пятно, лик грозы неминучей.
Поднебесье закрыла ее синева.
«Здравствуй, туча!» — кричу я, приветствуя тучу.

Поднимается ветер. Верхушки дубов
И березок склонились, под ветром бушующ.
Вот уж слышен ребенка испуганный зов.
И один на крыльцо поглядеть выхожу я,

Как пылит и дымит вихрей круговорот,
До карниза со свистом вздымается рьяно.
Ни на миг не стихая, он мечет и рвет,
Словно вдруг обезумел, от ярости пьяный.

Вихри кружатся, в лес полетели они,
Гнут старушку сосну, молодую березку,
Ствол у дуба ломают — им дуб не склонить,
Улетают, вдали их слышны отголоски.

Здравствуй, вихрь! Ты мне друг, ты приносишь всегда
Вдохновенье певцам, к канклям тянутся руки.
Ведь прекрасные песни слагают тогда,
Когда в музыке гроз мы заимствуем звуки.

1911

59. ТРИ ДУБКА

1

Три дубка средь поля
Зеленеют рядом;
Три дубка между собою
Повели беседу.

«Был бы пареньком я,
Всадником удалым,
Я мечом взмахнул, сверкнул бы —
Солнце б засияло».

— «Был бы пареньком я,
Пахарем прилежным —
Всё бы горе, что на свете,
Запахал сохою!»

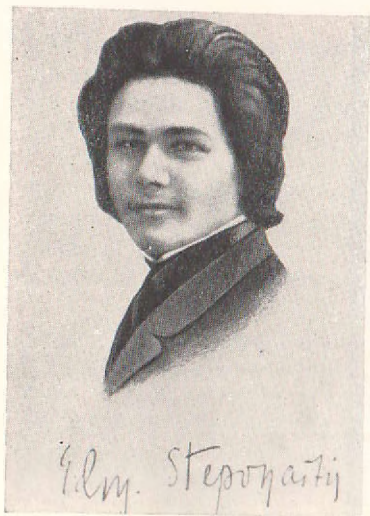
— «Был бы пареньком я,
Батюшкиным сыном —
Я вскочил бы на гнедого,
К девице помчался!

Л. Гира

К. Юргялионис

Э. Стяпонайтис

З. Геле

К девице помчался,
Как к зеленой липе,
Приголубил бы, утешил,
Назвал бы своею!»

2

Во поле три липы
Зеленеют рядом,
Три раскидистые липы
Повели беседу.

«Девницей была бы я,
Жницей молодою —
Со всего бы света слезы
Собрала в передник».

— «Девницей была бы я,
Молодой ткачихой —
Я ткала бы дни и ночи
Звездные узоры!»

— «Девницей была бы я,
Матушкиной дочкой —
Я бы весточку послала
Парню молодому,

Парню молодому,
Зеленому дубу,
Приголубила б, согрела,
Прогнала б кручину!»

1911

60. НАРОД И ПОЭТЫ

Что канкли без струн —
Без поэтов народы:
Кто нам предвещал бы
День светлой свободы?

Кто б звал молодежь
И к труду, и в сраженье,
Когда б не поэтов
Могучее пенье?

Кто сердце сиротки
Утешил бы бедной?
Кто слезы смахнул бы
Со щек ее бледных?

Наш дух оживляя
В минуты печали,
О славе героев
Чьи песни звучали б?

Они разрушают,
Они воздвигают
И людям в грядущее
Путь озаряют.

Отзывчивы сердцем
К несчастью любого,
Но люди не слышат
Их стона глухого,

Но люди не слышат,
Но люди не знают,
Что горе и беды
Поэтов терзают.

Не просят поэты,
Чтоб им помогли вы, —
Как звезды, сгорают
Они молчаливо.

Но в песне поэта,
Правдивой, суровой,
Веками живет
Неподкупное слово.

И в буре великой,
Набатною вестью
Народ пробуждая,
Звучать этой песне!

И тысячи раз
Ободрять его будет,
И не перестанет
Служить она людям.

А в годы тоски
По сынам своим павшим
Она, как бальзам,
Раны вылечит наши.

И станет звенеть,
Когда буря промчится,
И гимном ликующим
Вновь возродится!

И станут потомки все
Снова и снова
Его повторять —
То чудесное слово.

1912

61. КОГДА-ТО

Сколько в море воды утекло с той весны,
Когда виделась мне только светлые сны.

Снилось мне: барабаны о подвигах бьют —
К вам подобные сны никогда не придут.

Был я в снах наделен королевской судьбою,
Любовались прекрасные девушки мною.

Светлым «завтра» моим был наполнен мой сон.
И с восторгом твердя, что поэтом рожден,

Я его ожидал, как дождя земледел.
Ожиданием жил и от счастья хмелел.

Мир лежал предо мной — край заветной мечты,
Где и дети и взрослые рвали цветы.

И я верил, что самый красивый цветок
В тот извечно сияющий ляжет венок,

Что однажды возложат на голову мне.
Так когда-то мечтал я о завтрашнем дне.

О прохладные сны! Где ваш светлый покой?
Только память о вас неразлучна со мной. . .

Сколько, сколько воды утекло с той весны,
Когда виделись мне только светлые сны!

Всё давно унеслось, испарилось, как хмель,
И уже не достичь мне желанных земель.

Не осталось тех снов, их волшебных красот —
Всё куда-то ушло. . . И никто не поймет,

Как хранил я их бережно в сердце своем.
О безоблачных днях я мечтал в те года.

Только всё это рухнуло разом, когда
Еле слышным повеяло вдруг ветерком.

Разметало те сны, как песок по пустыне.
До желанных вершин не подняться мне ныне.

Но на горечь судьбы я не сетую зря
И спскойно живу, сам себе говоря:

«Сны мои! До могилы я в вашем плену!
Вы мне песню соткете еще не одну!»

1912

62. ЛИТВЕ

Почему тебя так я люблю, о Литва, —
Ты сильнее, чем жизнь, в моем сердце жива!

Я тебя полюбил горячей, чем мечту,
Чем ту славу, которой я больше не жду.

Для себя ничего я не жду. Лишь бы ты,
Как звезда, полыхала земле с высоты.

Так за что же, Литва, дорогая земля,
Я твои небеса полюбил и поля?

За отцовскую доблесть, за славу веков,
За Анапилис древний — жилище богов.

За почет их былой и печальный закат.
Нам поныне они, словно факел, горят.

За очаг разоренный святилищ пустых —
На рассвете никто не приветствует их.

За могилы бойцов — их последний приют,
Что, как вечные стражи, тебя берегут.

И за предков, чья память в народе жива, —
Вот за что тебя так полюбил я, Литва!

Я, как сын, пред тобою склоняюсь, любя,
За обиды твои, что терзали тебя.

И за слезы твои, что, как росы, горят, —
Может быть, нашу землю они оживят.

За несчастья твои и за множество бед
Тех, что станут фундаментом будущих лет!

За великую мощь, за могучий порыв,
За всё то, что таишь, в своих недрах сокрыв.

И твои, о Литва, мне дороже края,
Чем удача моя или слава моя.

1912

63. УТРО

1

Раскинул свет зари восток
По всей земле широкой,
Везде он алый свет зажег.
Раскинул свет зари восток...
Свободной, новой жизни ток
Несут ее потоки.
Раскинул свет зари восток
По всей земле широкой...

2

Сияет лучами объятая высь,
Рассеяно черное царство,
Туманы редуют. И ты озарись!
Сияет лучами объятая высь...
Ужель ты не рад, что просторы зажглись,
Что сгнула сила коварства?!
Сияет лучами объятая высь,
Рассеяно черное царство...

3

Сражался с черными ночами
Восток в неравной той борьбе —
То будет помниться веками...
Сражался с черными ночами
И победил. Свободы пламя
Зажглось навек в его судьбе.
Сражался с черными ночами
Восток в неравной той борьбе.

1913

64. НЕРИС ЛЕТОМ

По равнинным полям, вдоль зеленых лесов
Лентой шелковой вьется Нерис, убегая,
Млечный Путь отражая и отсвет миров,
По равнинным полям, вдоль зеленых лесов.
Пусть померкнет лазурь меж твоих берегов —
Вся, как в райских цветах, ты струишься, играя...
По лугам и полям вдоль зеленых лесов
Нерис шелковой лентой течет в даль веков.

1917

65. НЕРИС ВЕЧЕРОМ

1

Сокрытая мраком, вещает Нерис
Волшебные, древние были,
Но я не пойму затаенный их смысл.
Сокрытая мраком, вещает Нерис...
Увы, вековечных не сбросить ей риз
С тех чар, что ее полонили.
Сокрытая мраком, вещает Нерис
Волшебные, древние были...

2

Нерис туманы спеленали,
Совсем исчезла в них река,
И берега ее пропали.
Нерис туманы спеленали.
И грусть и радость, словно в дали
Глядишь сквозь годы и века.
Нерис туманы спеленали,
Совсем исчезла в них река...

3

Подымается отвесно
И плывет туман ко мне,
Что-то шепчет бессловесно,
Подымается отвесно,

Обнимает всю окрестность —
Всё исчезло в белизне.
Подымается отвесно
И плывет туман ко мне...

4

Нерис, о река ты родная!
Свой сон бесконечный храня,
Ты стонешь в бреду, дорогая.
Нерис, о река ты родная!
Ужель и тебя угнетает
Та дума, что губит меня?!
Нерис, о река ты родная,
О чем ты рыдаешь, звеня?!

1917

66. ГИМН ТРУДУ

Тебе, труду великому,
Для гимна, тебе равного,
Слова, как ты, великие
Хотел бы я найти!

Но только канкли звонкие
И голоса дрожащего
Я в сердце, тайны любящем,
Настроить не могу.

Какой поэт в душе своей
Могучие и сильные,
Тебя, о труд, достойные
Аккорды отыскал?!

Мы все свси мучения,
Свою надежду робкую,
Лучи любви горячие
Умеем воспевать!

Но только нам не выразить
Всю красоту особую

И бурную мелодию
Величья твоего!

Уничтожаешь слабых ты,
Ведешь к свободе смелых ты,
И, как титан, поистине
Могуч ты и велик!

Толкаешь ли безжалостно
Нас, гибнущих безвременно,
В могилу беспросветную,
Надежду погасив,

И на могиле новую
Ты жизнь украсишь зеленью,
Иль щедрою наградою
Усталых пробудишь —

Велик ты одинаково,
Безмерен одинаково,
С особыми законами
Идешь своим путем!

И умалить не в силах мы,
И изменить не в силах мы,
Воспеть тебя не в силах мы,
Твой путь не преградить!

И только жизнь, которая,
Как ты, границ не ведает,
Соткет тебе, великому,
Тебя достойный гимн!

1917

67. КРАСНЫЕ МАКИ

Маки цветут в моем сердце, маки,
Красные маки, лишь красные маки.

Небу с землей посылают поклоны,
Что-то и мне сулят непреклонно.

Радости праздник, битвы бряцанье?
Как истолкую я их предсказанье?

Верно, их думу я не отгадаю, —
Где ж отгадать, что сулят мне, пылая?

А почему ни цветка не увяло,
Как моя молодость увядала?

А почему они, словно весною,
Всё улыбаются небу с землею?

Вот уже знойное кончилось лето —
Они не боятся стужи и ветра.

Осеннее солнышко их не греет,
Август прошел, но они алеют.

Сентябрь паутинки бросает на травы,
И макам давно увянуть пора бы.

Но яркие маки зовут, соблазняя.
Радостно жить, умирать, не страдая.

Всё так же бросают взамен увяданья
Песни без отзвука, взгляд ожиданья.

Будят всё той же пьянящей тревогой,
К счастью манят запретной дорогой.

Маки цветут в моем сердце, маки,
Красные, всё еще красные маки.

1929

68. ЛЕТО

Зеленое, синее было
То лето — для доброго роста.
Хоть солнце не вдосталь светило,
Но корма собрали мы вдосталь.

Бывали и грозы, и даже
Невзгоды случались порою,
Но всё ж кое-что на продажу
Мы сможем свезти и зимою.

Небес синева. Зелень поля.
Мне сердце лазурь озарила,
И вместо напасти-недоли
Любовь к нам прийти не забыла.

Для лета все лучшие в мире
Слова мне б могли пригодиться.
Хоть времени года четыре —
В нем все они смогут вместиться.

1929

69. СУД НАРОДА

Путь Литвы — путь народной невзгоды,
Годы рабской недоли твоей,
Где от слез, в ожиданье свободы,
Слепли очи твоих матерей.

Но всё ближе рассвета сиянье,
День желанный придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

И как царские слуги лихие,
Так свои же «вожди», над тобой
Издеваясь, твои кладовые
Грабят хищной и жадной рукой.

Но всё ближе рассвета сиянье,
День желанный придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

Слишком долго терпели мы беды,
Да не век нам терпеть суждено, —
Скоро светлое солнце победы
Из-за туч к нам заглянет в окно.

Но всё ближе рассвета сиянье,
День желанный придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

Крепнут силы с надеждою новой,
Мы в борьбе обретаем права, —
Как весна снеговые оковы,
Сбросит тяжкое иго Литва.

И для вас, как рассвета сиянье,
День отмщенья придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

Лето 1939

70. РАДОСТНЫЕ ДНИ

Уж осень. Листья желтые, слетая,
Шуршат, шуршат, сухие, под ногами,
А в сердце май поет не умолкая
И радости река не ладит с берегами.

Пусть не цветут ни маки, ни пионы,
Но завтра буйным цветом, красным-красным,
Всех роз прекрасней расцветут знамена
Над родиной, как никогда прекрасной.

Пусть листья пожелтевшие слетают,
Пусть в небе сером редко солнце светит, —
Великий праздник завтра все встречают,
Все ждут его: и старики, и дети.

Дней радостнее, дней прекрасней этих
Не видела Литва, и я не знаю,
Пусть завтра лист последний сбросит ветер, —
И в октябре весну я вспоминаю.

Моя страна впервые завтра встретит
С шестою частью мира праздник жизни,
Из новых стягов новый свет засветит,
Победы песня прозвучит в отчизне!

Пусть листья пожелтевшие, слетая,
Шуршат, шуршат, сухие, под ногами,
А в сердце май поет не умолкая
И радости река не ладит с берегами!

1940

71. ДЮТ ВЕТРЫ ОТ УРАЛА

Липы ветви наклоняют
Горестно в полях.
Песни жалобно стенают
О родных сынах.
Но придут, настанут сроки
Липам расцветать,
И ничем на полдороге
Нас не удержать!

Дуют ветры от Урала,
Что ни день — сильнее!
Время мести, ты настало,
Мести сыновей!

Мы победною дорогой
К западу пойдём,
Где любимые с тревогой
Ждут нас в отчий дом,
Где глаза в потемках мглистых
Проглядела мать,
Где бесчинствуют фашисты,
Не дают дышать.

Мы фашистов, где ни встретим,
Будем бить всегда,
Чтоб захватчиков на свете
Не было следа!
За убитого врагами
Брата своего
В землю извергов отправим —
Сто за одного.

Города, поселки, села
Встретятся сынам,
Лес, тенистый и веселый,
Улыбнется нам.
Хоть земля в руинах будет —
Солнце в каждый дом
И большую радость людям
Нашим принесем.

И когда пройдем Смоленском —
С первого холма
Встретит ветра теплым плеском
Нас Литва сама.
А когда пройдем мы мимо
Белорусских сел,
То на нас повеет дымом
Опаленный дол.

Мы спасем страну от муки,
От фашистских пут.
Побегут враги в испуге,
Но не убегут!
Острых пуль у нас немало
И остры штыки.
Здесь умрут, как встарь бывало,
Лютые враги.

Скосим нечисть, вырвем с корнем, —
Цель у нас одна.
Воли ждет, тоскуя в горе,
Наша сторона.
Всё слабее враг проклятый,
Скоро он падет.
Мы должны быстрее, ребята,
Двигаться вперед!

За обиды, за глумленья
Над родной землей
Воздадим врагу отмщенье,
Воздадим с лихвой!
Воздадим за беды эти,
Нам неведом страх,

Жизнью собственной ответит
Озверелый враг.

Будет суд наш беспощадным!
Мы его свершим
Над убийцей кровожадным,
Над врагом своим!
И пособники-иуды
Тоже не уйдут, —
Отвечать народу будут,
Ждет их грозный суд!

И когда отчизну нашу
Мы освободим,
То придем к могилам павших,
Честь им воздадим!
А кого найдем живыми,
Обласкаем тех,
Братьев и сестер обнимем,
Расцелуем всех.

Дуют ветры от Урала,
Что ни день — сильнее!
Время мести, ты настало,
Мести сыновей!

1941

Большую часть своей жизни поэт К. Юргялионис прожил далеко от родного края. Он родился 1 января 1886 года в маленьком городке Панямунелис. За участие в революции 1905—1907 годов он был заключен в тюрьму, но бежал и уехал за границу, сначала в Шотландию, где редактировал литовскую рабочую газету «Ранкельшис» («Наемный рабочий»), а позже учился в Краковском университете. В 1909 году поселился в США, окончил Чикагский университет, занимался адвокатской практикой и журналистской работой. Умер в Риверсайде 24 декабря 1963 года.

Стихи начал печатать с 1906 года, подписывая их псевдонимом Каледу Кауке. Ранняя лирика К. Юргялиониса отмечена революционными настроениями, позднее в его поэзии стала преобладать эгоцентрическая тематика. В 1916 году выпустил сборник стихотворений «Грустит-таится», опубликовал в периодике стихотворную драму-сказку «Запретное желание» (1917), роман «Семья Макала» (1930), исследование о творчестве поэта А. Венажиндиса (1910), перевел на литовский язык трагедию Шекспира «Макбет».

Стихи К. Юргялиониса на русский язык переводятся впервые.

72. ИЗ ЦИКЛА «СКАЛА»

1

Высоко, где тучи пушистые дремлют,
Где первые светятся блики рассвета,
Войдя глубоко основанием в землю,
Взметнулась скала нелюдимая эта.

А жизнь бушевала в долинах зеленых,
Внизу, где извечные страсти метались,
Леса на дыбы разъяренно вздымались,
И слышались дýхов испуганных стоны.
Дрожали сердца и молитвы звучали,
И плакальщиц слезы струились в печали...
Скала же спокойно и невозмутимо,
Как Праамжюс древний, что в небе летает,
Глядит, как столетья проносятся мимо,
И стонов не слышит, и не отвечает.

2

А стоны с долин — только ловишь одно ты, —
К скале поднимаясь, и нежно и грозно
Звучат одиноко, как жалкие ноты,
Что в сердце вонзаются жалобой слезной,
Рыдают, и давят, и сердце терзают,
Полками несметными кружат, взлетая,
Как хищных орлов кровожадная стая, —
Внизу они даже гигантов ломают...
Они, как войны смертоносные звуки,
Они, как чумы наступающей муки,
Плывут, надвигаются... Их — миллионы.
А с ними летят и веселые ноты,
И ноты, звенящие радостным тоном, —
Всего человечества жизнь и заботы.

8

Бескрайна небес голубых панорама,
В просторах царит безмятежность покоя,
Как будто в господних бесчисленных храмах.
И грустно, так грустно вокруг... И по пояс
Скала возвышается в небе над нами,
Подобно душе, той, что, кротко и свято,
Великим безмолвьем во храме объята, —
Она лишь всё видит своими очами.
Великие, грозные звуки земные
Сбегаются — маленькие и большие:

Они прямо в сердце скалы проникают,
Бушуют в мелькании мрака и света —
И, может, снова борьбу начинают. . .
Но камень скалы разве чувствует это?

1908—1909

73. МОРЕ И ДЕВУШКИ

Девушки сгребают сено,
Я на берегу стою.
Плещет море, брызжет пена,
Ветер дует в грудь мою.

Встал на море вал белесый,
Блещет светлым серебром,
Расплелись, желтеют косы,
Отливая янтарем.

Юго-западный дул ветер,
Поднимался круче вал.
Девушки смеялись эти,
Я к себе их громко звал.

Разыгралась на просторе
Моря вздыбленная гладь,
Я и девушек и море
Мог в объятия принять.

1911

74. СКАЗКА

Где крутых ветров смятенье,
Где же эти бури злые,
Где желанья, где стремленья,
Муки сердца молодые?

Тихо здесь в лесном покое,
Средь пеньков, во мху торчащих,
Молча дерево глухое
В опустевшей сохнет чаще.

Слушать сказку надоело,
Что, на корточки присевший,
Черт всё тянет обомшелый,
Кривоногий, окосевший.

Ветра ждешь и ждешь в тумане,
Бури нет, и жизни тоже,
Нет мучительных желаний,
Даже смерть прийти не может.

Грустно мне в такой пустыне,
И безмолвной, и проклятой,
Даже кровь уныло стынет,
Закипавшая когда-то.

Всё по полкам осторожно
Разложил мой ум заране,
И уйти уж невозможно
Из тюрьмы мне для скитаний.

Тяжко сердцу молодому
В этой пустоши унылой,
Не вернуться уж к былому,
Стынет кровь, и всё постыло.

1911

75. ПУСТО

Пусто, уже не хватает дыханья —
А в сердце нет грез и желанья.
Пусто... хотя и бывает на свете,
Что в тусклом, туманном рассвете
Не видно еще, что скрывает
Та дымка, что медленно тает.

Пусто, как на одинокой могиле,
Где нет уж увянувших лилий.
Пусто, как там, где замолкли рыдания,
Оставив тебе на прощанье
Частицу души своей милой,
Печальной, скорбящей, унылой.

{1916}

76. ВОСПОМНЕНИЕ

Долгое руки касанье,
Первое в любви признание,
Сновидений легких рой. . .

Сколько радости неожиданной,
Блеска глаз во мгле туманной,
В сердце, в сердце жар живой!

Ах, всё это было, было,
Но сгорело и уплыло. . .
Только грусть одна со мной.

{1916}

77. НЕ ЗНАЮ, О ЧЕМ. . .

Поднимаю глаза, вопрошая,
Только сам я не знаю, о чем.
И лишь музыка ветра глухая
Мне отвечает в поле ночном.

Простираю я руки в томленьи,
Всё, скучая, я жду — но кого?
И всё мнится — невидимой тенью
Чье-то тихое реет крыло.

{1916}

Э. Стыпонайтис прожил только шестнадцать лет, но успел заявить о своем незаурядном таланте. Он родился 28 февраля 1892 года в Синтаутай. Окончив двухклассную школу, он в дальнейшем учился самостоятельно и работал наборщиком в типографии. Удивляет ранняя зрелость этого юноши, его серьезное отношение к жизни и к поэтическому творчеству. Четырнадцатилетним подростком он уже переписывался с Л. Толстым, перевел на литовский язык его книжку «Как освободиться рабочему народу (Письмо крестьянину)», задумал написать биографию Л. Толстого. Потом он увлекся Вл. Соловьевым, поэзией Ю. Балтрушайтиса. Скоропостижно скончался 6 сентября 1908 года.

Свои стихи и рассказы Э. Стыпонайтис печатал в разных периодических изданиях. Сборник его «Сочинений», подготовленный Л. Гирой, вышел посмертно, в 1912 году.

Стихотворения Э. Стыпонайтиса на русский язык переводятся впервые.

78. ДВЕ КАРТИНКИ

Наш древний Нямунас прекрасен
Под Каунасом в час, когда
Его рассветная окрасит
Заря. Когда вздохнет вода,
Чуть воздух ласково коснется
Ее, и тихо встрепетается
На мачте птица. Тишина...
Сосна прибрежная кивает,
Ей словно снится жизнь былая,

Иные светят времена...
И нас целует свежесть мая.

Наш древний Нямунас прекрасен
Под Каунасом в час ночной,
Когда чуть слышную волной
Он моет месяц, разукрасясь
Узором звезд, и опоясан
Весь город звездами, и гасят
Они свой отсвет в глубине.
Как тихо лодки колыханье!
Как звонко песенки журчанье,
Баюкающей в тишине!
Какой гармонии дыханье!

8 декабря 1907

79

Давно из глубины лесов
Ушла красавица Диана,
Земля под саваном снегов,
Туманы на лесных полянах.

В тяжелых тучах небосвод.
День долгой паутиной вьется,
В пустых полях метель метет,
И свищет ветер у колодца.

Но чудится сегодня мне,
Что за окном — не плач метели,
А шум деревьев по весне,
Не ветра свист, а птичьи трели.

Как будто больше нет зимы,
Растаяли ее оковы,
И вместо снежной кутерьмы —
Цветение садов вишневых.

1907 или 1908

80. ПОЭТУ

Я помню, однажды под рокот рояля
Ночной мотылек бился в струнных каскадах,
И струны, как травы под ветром, шептали,
Зефир обвевал мою душу прохладой.

Никто б не подумал, что скорбь и страданье
Ноктюри породили, столь нежный для слуха;
И тремоло пело, как радость свиданья,
И долъче звучало отрадой для духа.

Но в струнах, как в путах, что сжаты до боли,
Томилось желанье любви совершенной,
И, вольную лиру забыв поневоле,
Стонала мелодия музыки пленной.

Как Немапа волны плывут по теченью,
Плыла эта музыка к людям безвестным,
Но знают они лишь ветров дуновенья
И глухи всегда к откровеньям чудесным.

17 января 1908

81. МУЗЫКА

Сквозь Эоловой арфы живое дыхание,
Где Вселенной вибрации, чуть уловимые,
Разливается музыки мира звучание,
Человеческой болью земною томимое.

И как в ночи летит соловьиное пение,
Так взлетают к Создателю гимны нетленные,
И, как роз ароматы в разгаре цветения,
К небу тянет природа богатства бесценные.

Раскрывается музыка чувств переливами
И венком перед взором Создателя светится,
И чудесными полнится в небе мотивами,
И уходит нежнейшим аккордом в созвездия.

И, как голос природы, безмерно ликующей,
Гимн Создателю мира могучий рождается
И плывет, всех в едином порыве связующий,
Ароматом цветущих садов разливается.

И взлетает, и звездными дышит просторами,
И в лучах шелестит, и сплетает их ласково,
Драгоценными разума блещет уборами,
И сердца одаряет таинственной сказкою.

И спокойны все души, в эфире звенящие,
Эхо музыки тает во мгле мироздания.
И слова поднимаются, душу манящие,
И в святилище чувства зовет их звучание.

1907 или 1908

З. Геле (в переводе — цветок) — псевдоним молодого поэта Зигмаса Гайдамавичюса.

З. Геле родился 26 апреля 1894 года в деревне Найсяй, недалеко от города Шяуляй, в семье управляющего имением. В 1912 году он окончил Шяуляйскую гимназию и поступил на филологический факультет Киевского университета. Внезапно скончался 4 ноября 1912 года.

Писать стихи З. Геле начал еще в младших классах гимназии, а с 1909 года уже сотрудничал в печати. Демократические настроения, любовь к родной стране, яркие, теплым лиризмом проникнутые картины деревенского пейзажанискали его стихам популярность в широких кругах общества. В 1912 году поэт подготовил к печати сборник стихотворений «Цветник», но не успел его издать; пополненный стихами из рукописного наследия, сборник был издан в советские годы (1948, 1963).

82. ЧТО НАМ? ..

Что нам, друг, за нужда
 Горем сердце сушить?
 Нас не сможет беда
 Вечно гнуть и крушить...
 Нас лелеет земля.
 На земле ведь всегда
 Зеленеют поля,
 Лишь пройдут холода.

1910

Буйный ветер-ветерочек
дует-поддувает;
ждет девчонка дни и ночи,
меня поджидает.

У окошка ждет подолгу
в горести унылой,
смотрит, смотрит на дорогу —
что ж не едет милый? . .

Ой, и мне бы с милой встречи
поскорей дождаться,
далеко она, далече —
трудно повстречаться. . .

Буйный ветер-ветерочек
дует-поддувает.
Я помчусь к ней что есть мочи, —
конь дорогу знает.

(1911)

Не гляди на меня с укоризной
и моих поцелуев не жди.
Избалованной став и капризной,
отступись от меня, отойди!

Ты же знаешь, в страданиях скольких
я иду и сбиваюсь с пути.
Мне от мыслей тревожащих, горьких
и во сне никуда не уйти.

За невзгоды в судьбе моей дикой
попросить я прощенья готов.
Тот, кто любит тебя, — горемыка
без надежды, без песен и снов.

Горемычные песни — он весь в них.
О тебе, задыхаясь, он пел.
И жалеет о том лишь, что в песнях
он всего досказать не успел. . .

(1911)

85. СКАЖИ...

Ты скажи мне, мой друг, почему, объясни,
Люди стонут и ночи и дни?
Еще птичьи в лесах не шумят голоса,
Еще только в лучах заблестела роса,
А уж пахари горькую долю бранят
И на раннее солнце с опаской глядят.

Ты скажи мне, мой друг, почему же в беде
Молодые не слышатся песни нигде?
И мелодии чистые в голых полях,
Их мотивы лучистые в ясных лучах
Только-только рождаются в утренней мгле,
И встают, и летят по пустынной земле.

Ты скажи мне, мой друг, почему день и ночь
Беспокоюсь, мечтаю
И мечту догоняю? . . .
Почему облака, что уносятся прочь,
В постоянном движенье,
В беспокойстве, волненье,
Так сурово нахмурясь, на землю глядят,
Хоть на ясном востоке зарницы дрожат,
Пламенеет заря в отдаленье? . . .

(1911)

86

Настала ночь, людей и всю ночную
природу усыпив.
Но в сердце ощутил как наяву я
священных сил прилив.

Я мог бы в этот миг для утешенья
Вселенную без дна
вобрать в себя, покуда без движенья
покоится она.

Ведь день придет для тяготы обычной —
она уже близка,
и на людей в их доле горемычной
навалится тоска.

(1911)

87. ДРУЗЬЯМ

Друзья мои, прошу я вас,
Поверьте мне: тот горький час,
Что выпадет на долю нам,
Для нас подобен смутным снам.
Ведь наша молодость светла
И наша песня весела,
А наши дерзкие мечты
Совсем по-юному чисты!

Ведь всё в природе мило нам:
Мы рады зимним холодам
И дням осенним, если в них
Мы не встречаем козней злых.
Не оттого ли мы поем,
Что чувства в нас горят костром?

Когда ж наступит поздний час,
И одолеет время нас,
И гробовой откроет вход,
И песню смерти запоем
Над нами — и тогда, друзья,
Своей печали не тая,
Мы песни давние споем:
Они напомнят нам о том,
Что в те, бывлые времена
Была надеждой грудь полна,
Что в мире вечно справедлив
Страстей живительный порыв!

(1911)

88. ЖАРА

Жара и тишь. Ни ветра дуновенья,
ни облачка, и так чиста лазурь!
Природа будто смотрит сновиденья,
и ей ничто не предвещает бурь.
Дорога пыльная, и рядом с ней
стоит береза в тишине ветвей.

И, словно зачарованное снами,
молчит, как будто вымерло, село.
Лишь дуб над ним прошелестит ветвями,
да птичье изредка мелькнет крыло.
Всё здесь напоминает о былом,
здесь пела жизнь, гремел сраженный гром.

Вишневый сад разросся, вытесняя
громады старых груш по сторонам,
и тоже, о былом напоминая,
как бы сквозь слезы улыбался нам.
Его томит жестокая жара,
и трудно ждать от засухи добра.

Здесь всё вокруг объято тишиною,
и щедро сыплет золото лучи.
И темный бор стоит сплошной стеною,
и городище древнее молчит.
Жара ему — как память о былом,
когда гремел здесь жаркой битвы гром.

11 мая 1911

89. У ОКНА

Я сижу у окна, я к нему как прирос.
Осень хмурая смотрит сердито...
Ветер желтые листья сдирает с берез,
Эти листья — как души убитых.

Их по мокрой земле гонит ветра волна
На дорожку, которой ходил я
Той порой, когда рута была зелена

И о чем-то сердечном мне пела она,
И которую очень любил я...

И всё это погибло. Где были цветы,
Лишь остался безлиственный стебель.
А веселых закатов живые мечты
Осень гасит на сумрачном небе.

Я сижу у окна, в моих думах печаль,
Будто нынче утратил кого-то.
Всё я знаю — и желчь, и разящую сталь,
Хоть мой путь в этой жизни короток.

Были дни, словно солнца живительный свет, —
И, как жаворонки на просторе,
Мои песни звенели, встречая рассвет,
А теперь жизнь судила мне горе.

Пусть на путь мой грядущий кошмаром легла
Ночь, в которой не видно просвета, —
Буду верить мечте: ведь не вечна же мгла,
Что окутала душу поэта.

5 октября 1911

90

Где ты, муза? Откликнись! Куда ты ушла?
Кровь бурлит в эти миги ночные.
Траур крыльев несет мне угрюмая мгла,
А грядущее — дни золотые.

Я бы песню запел, очарован тобой,
Чтоб звенела любовь в каждом слове.
Мне не нужен мечами бряцающий бой,
Мне лишь надо кипение крови!

Где ж ты, муза? Иди поскорее ко мне:
Звезды небо усыпали роем.
Златозвездный дворец в изумительном сне
Для любимой моей мы построим.

Будет жить она там королевою снов
В окружении эльфов прекрасных...
Не прожить мне, о муза, без ласковых слов
И без песен твоих сладкогласных!

14 октября 1911

91

Когда отхлынет шум дневных забот,
и ночь, в часы благие,
накинёт, словно саван, небосвод
на все дела людские,

когда под ветром георгин листва
за окнами моими
тревожит девушку крестьянскую, едва
уснувшую под ними, —

тогда наедине с моей судьбой
сiju я до рассвета.
Душа готова петь тебе одной,
но всюду пусто... Где ты?

14 октября 1911

92. ОСЕНЬ

Подходит осень. Луг цветущий
желтеет. Старится земля.
И рощи стонут, и под тучей —
пустые черные поля.

В окно холодный дождь стучится,
и дует ветер в щели рам.
По выгонам туман влачится,
и ни звезды по вечерам.

И сердце, жившее мечтами,
осенней затянуло мглой.
И слезы так и льются сами
от неуютности земной...

1 ноября 1911

93. СЕГОДНЯШНИЙ СОН

В час, когда будет нынешний мрак погребен
И забрезжит рассвет над былою тюрьмой, —
Верь, мой друг, наш сегодняшний солнечный сон
По сравненью с Грядущим покажется тьмой.

1911

94. РОДИНА

Я люблю всем сердцем
Родины раздолье!
Вижу я: дорожка
Убегает в поле.
Слышу горькой песни
Голос человечесий.
Колокол ударил,
Значит, скоро вечер.
Вижу: старый пахарь
С песней невеселой
Тащится по ниве
Сумрачной и голой.
Ширь родного края
Сердцем озираю.
Свой народ люблю я,
Его горе знаю.

1911

95. ПЛАЧ

День за днем летят быстрее орлицы,
мимо, мимо...
Не придет домой, не возвратится
мой любимый.

Нет без милого нигде покоя,
грустно, больно...
Днем и ночью слезы без него я
лью невольно.

Не придет ко мне мой день, ликуя, —
горьким будет...

Знаю, люди за любовь такую
лишь осудят;

никогда им не понять, наверно,
силы властной
горестной любви моей безмерной
и прекрасной;

сладких снов, печали одинокой,
всё, что знала, —
мне война любовь мою жестоко
растоптала...

Не попятить им ни душевной муки,
дум сердечных,
ни моих горячих слез разлуки
бесконечных...

Милого я днями и ночами
жду в тревоге:
дома, в поле, с первыми лучами
на дороге.

Не придет с войны, не возвратится
мой любимый,
день за днем летят быстрее орлицы,
мимо, мимо...

(1912)

96. ВЫХОЖУ НА ЛУГ

Выхожу на луг зеленый,
Где цветы пестрели,
Вижу: на засохших стеблях
Слезы заблестели.

Эти слезы, эти росы
Тихо трепетали —

Их заря рукою щедрой
Бросила в печали.

Люди-братья тоже плачут
(Часты ли утехи?),
Если даже засмеются —
Боль услышим в смехе.
Истари они горюют,
Издавна рыдают,
Жалобу-обиду дедов
Часто вспоминают.

Люди-братья! Ваши стоны,
Слышу, нестерпимы.
Были б крылья — полетел бы
В край родной, любимый,
Земляков своих встречая
На родимом поле,
Я бы пел об их тяжелой,
Горемычной доле.

Может быть, от этой песни
Мне спокойней будет?
Может быть, сильнее и чище
Жизнь полюбят люди?
Может быть, от этой песни
Будут глуше боли?
Песня — в этом жизнь поэта,
Страсть его и воля!

1912

97. ТОПОЛЬ

Красуется у моего окна
Высокий тополь, к солнцу устремленный,
Он мне напоминает времена
В краю родном, где лес шумел зеленый.

Могуч и строен, солнцем озарен,
Прекрасный тополь зеленою сияет,
Былое счастье мне напомнил он —
Душа теперь о счастье лишь мечтает.

Но твердо верю: через год-другой
Огнем зеленым, радостно-шумливым
Всю жизнь мою осветит тополь мой,
Придет любовь, и стану я счастливым.

1912

93. СОВЕТ

От душевных пыток,
от больших утрат
тяжко не стони так,
дорогой мой брат.

Настроеньем смутным
не вводи в обман,
ведь и солнце утром
прячется в туман.

И под дуновеньем
северных ветров
никнут во мгновенье
лепестки цветов.

Не вздыхай так горько,
брат мой дорогой.
Верь, что в песнях только
ты найдешь покой.

Есть ли что чудесней,
чем мечты полет?
Гряньте жарче песни,
если люди — лед.

4 марта 1912

Выдающийся литовский революционный поэт Ю. Янонис родился 5 апреля 1896 года в деревне Бержиняй, недалеко от города Биржай, в семье сельских пролетариев. В детстве он был пастухом у богатых крестьян и только с большим трудом, испытывая многие лишения, мог учиться. После окончания четырехклассной школы в Биржае, он учился в гимназиях Шяуляя, Воронежа, Петрограда. Стихи начал писать очень рано, с 1912 года уже печатался в прогрессивных изданиях. От ранних стихов общедемократического направления молодой Ю. Янонис в 1914 году решительно повернул в сторону революционной поэзии, непосредственно связанной с рабочим социал-демократическим движением. Он сотрудничал в рабочей газете правдистского направления «Вильнис» («Волна»), вел пропагандистскую работу среди пролетариата. В Петрограде он активно включился в революционное движение, в конце 1916 года — в этом же году он вступил в РСДРП(б) — был арестован и заключен в тюрьму.

После Февральской революции Ю. Янонис работал в литовской большевистской газете «Тиеса» («Правда»), был секретарем литовской секции при Петроградском комитете РСДРП(б). Суровые условия жизни, напряженная работа, тюрьма вконец разрушили слабое его здоровье. Он заболел чахоткой и в отчаянии 30 мая 1917 года бросился под поезд близ Царского Села. Свое предсмертное письмо друзьям он закончил словами: «Да здравствует социализм! Да здравствует за него борющаяся революционная социал-демократия!».

Свой поэтический талант Ю. Янонис целиком отдал пролетариату и революции. Впервые в литовской поэзии Ю. Янонис провозгласил идеи пролетарской революции и социализма. Революционные мотивы звучали в его стихотворениях «Кузнец» (1914), «Из катехизиса рабочего» (1914), «Армия труда» (1915), «Мозолистым рукам» (1916) и других. В его творчестве нашла широкое отражение революция 1905—1907 годов (поэма «В полночь осени 1906 г.»), тема борьбы против реакции и призыв к новому революционному подъему. Творческая жизнь Ю. Янониса была короткой, но необычайно интенсивной и разнообразной. Он выступал и как поэт-сатирик, и как политический

публицист, популяризатор идей марксизма, борец против литовских буржуазных националистов. Его стихи, отдельными книгами изданные уже посмертно (в 1918 и 1922 годах), оказали большое влияние на поэтов-современников. Творческие традиции Ю. Янониса продолжены в лучших произведениях П. Цвирки, С. Нерис, В. Монтвилы и других литовских поэтов. Полное собрание его «Сочинений» в двух томах издано в 1957 году. В городе Шяуляе создан мемориальный музей Ю. Янониса.

Стихи Ю. Янониса многократно переводились на русский язык.

99. МОИ ПЕСНИ

Песни мои — вы чистые слезы,
Песни мои — вы кровь молодая,
Что родниками в зной и морозы
К людям стремятся, не иссякая.

Песни мои, нужда вас кормила,
Голод баюкал, ночь пеленала, —
Не воспевали ласточек милых,
Ясного солнца, лютиков алых.

Звуки печалью душу понижут,
В слове рождается буря глухая.
Тот, кто их помнит, тот, кто их слышит,
Верит, тоскуя, плачет, вздыхая.

1912

100. МОЯ МУЗА

Моя муза — нужда, моя муза — беда,
Моя муза проста и скромна.
Не богиня она, не светла, не стройна —
Как ненастная полночь темна.

Муза входит ко мне не весталкой во сне —
Низко гнется под ношей труда.
Сердце музыки болит, а надежда молчит,
И жестокая длится страда.

1912

Пусть страдает душа оттого, что, дыша
 Тьмой и холодом, ночь верховодит,
 Что далекий восток свой пожар не зажжет —
 Не восходит заря, не восходит.

Пусть страдает душа оттого, что, круша
 Всё живое, бунтует природа,
 Что нужда нас гнетет, что в раздорах народ,
 Что слабы еще силы народа.

Пусть страдает душа оттого, что, страша
 Наказаньем, сгущаются тени,
 Что стремленье господ — угнетать свой народ,
 И что нет у них лучших стремлений.

1912

102. ОН

Не умел пред владыками шапку ломать,
 Не умел бедняков унижать он,
 Не умел, как камыш над стоячей водой,
 Гнуться по ветру и выпрямляться.
 Был могучий и стойкий, как дуб вековой:
 Корни — в почве, вершина — под солнцем.
 Непокорный, без страха глядел в небеса
 И боролся отважно и стойко.
 Но гроза поражает порой и дубы.
 Так и он — жизнь его погубила.
 Он боролся за нас. Он погиб за народ.
 Мы, потомки, его не забудем.

1912

103. ВЕСЕННИЕ ЗВУКИ

Сияет солнышко, смеется,
 Широко и ясен небосклон.
 Залетный жаворонок вьется,
 И слышится со всех сторон
 Весенних звуков перезвон.

Вода, журча, бежит в ложбины,
Ложбина каждая — затон.
Река спешит и кружит льдины,
За льдинами бежит вдогон
Весенних звуков перезвон.

Листовою клейкою и нежной
С утра озеленился клен.
Разбуженный грачом подснежник
Услышал, крайне удивлен,
Весенних звуков перезвон.

В семье, измученной нуждою,
Забыт на время плач и стон.
Нужда и горе спят весною
И слышат, тихие, сквозь сон
Весенних звуков перезвон.

1913

104. МЫ

Дни нашей жизни бредут осторожно
Без идеала, борьбы и тревог,
Вянут, как сбитый погой подорожник
На перепутье, у старых дорог.

Робкие души и ум неглубокий
Цели борьбы не способны понять.
Наших мытарств и страданий истоки
Нам неизвестны — боимся искать.

Судим других, беззастенчиво, в раже —
Дар красноречия при этом нам дан —
И, возгордясь, называем себя же
В глупом бахвальстве — гигант и титан.

(1913)

Окна открыты. Ветер, играя,
Листья колышет. Звезды мерцают.
Так почему же, то замирая,
То оживая, сердце страдает?

Снова сомнение мучит, тревожит,
Не доверяю слабой надежде.
Смелая дума взвиться не может,
Страхи в душе возникают, как прежде.

Но, не сдаваясь, буду бороться!
Пусть не смолкают грома раскаты,
Пусть не дождусь я скорой расплаты,
Пусть в домовину лечь мне придется.

(1913)

Бывало не раз, у окна, перед сном
Я долго стоял в тишине.
Казалось, что ты меня ждешь за окном,
Что ты улыбаешься мне.
Но тщетно: то были неверные сны
Той ласковой доброй весны.

Я вновь у окна. За окном тишина.
Звезда окликает звезду.
Все звезды на месте, и только одна
Упала, сгорев на лету.
Мне грустно: звезда, окликающая звезду,
Сулит мне печаль и беду.

Стою у открытого настежь окна.
Мир дышит прохладой ночной.
А может, тревоги напрасны? Луна
И звезды, как прежде, со мной.
Мечтаю счастливый, спокоен и тих.
И чувства вплетаются в стих.

1913

107. КУЗНЕЦ

Ну-ка, в сторону — разве не видишь? — кую.
Мне с тобою болтать недосуг.
Поглазеть захотелось? .. Ты, вижу, барчук...
Что ж, глазей, как в поту, за полушку свою
День и ночь я кую да кую.

Не понравился, вижу, тебе этот труд? ..
Ха-ха-ха... А по мне — благодать...
Мне нетрудно пудовой кувалдой махать,
Но детишки от голода сохнут и мрут, —
Лучше всех нищоброды живут!

Лучше всех — ха-ха-ха... Но наступит пора,
Когда лопнет терпенье у нас,
Когда освободимся от сытых, от вас.
Разговор будет короток: прочь со двора!
Скоро эта наступит пора.

(1914)

108

В мировых просторах
Нет конца-начала.
До конца не познан
Облик идеала.

Но влекут вершины
Правдой непреложной.
Так стремись к победе,
Знай — она возможна.

Посмотри, как грозно,
Увлеченный боем,
Берега штурмует
Белый вал прибоя,

Как орлы летают,
Высь не уступая,
И спроси сурово:
«Так ли поступаю?»

(1914)

Звезда золотая, ночная звезда,
 Ты так далека и светла.
 В эфире твой свет не оставит следа.
 Звезда золотая, ночная звезда,
 Поближе бы ты подошла.

В надземных просторах достаточно звезд,
 Не нужен твой свет вышине.
 А я здесь во мраке родился и рос.
 В надземных просторах достаточно звезд,
 Одну б они отдали мне.

Прошу я, но знаю, что мне никогда
 Услышанным быть не дано.
 Погасла моя золотая звезда.
 Прошу я и знаю; мольба никогда
 До звезд не дойдет всё равно.

(1914)

110

Я мал, но я хочу владеть
 Орлиными крылами,
 Хочу летать, хочу гореть,
 Шагать с богатырями.

Мне вихрем хочется кружить
 По вольному простору,
 Бороться, верить и любить,
 Открыть безбрежность взору.

И всё равно... Пусть на лету,
 На светлом небосводе
 Я гибель скорую найду,
 Но устремлюсь к свободе!

(1914)

111. ПЕРЕД БУРЕЙ

Буря — ждем ее, не ждем ли —
Никого не обойдет.
Слабый духом будет сломлен,
Сильный духом в бой пойдет.

Солнце выйдет после бури,
И наступит светлый день.
Море ясное лазури
Смоет с лиц усталых тень.

(1914)

112. ЗА СВЕТОМ, ЗА СЧАСТЬЕМ

За светом, за счастьем
В метель и в ненастье
Народы шагают упорно, давно.
Осилить природу,
Дать волю народу
Борцам за свободу в пути суждено.

Возможно, усталый
Споткнется о скалы,
Отступится трус от опасных высот,
Но храбрый — в походе,
И песнь о свободе
В грядущее рвется, вершины берет!

1914

113. КЛОУН

Гремит на моем колпаке погремушка.
Вам, сытым, в угоду наряд шутовской
Надел и кривляюсь весь день за полушку,
А вы говорите: «Веселый какой!»

Приятно из зала смотреть на подмостки,
Где я беспричинно смеюсь и пою:
Наклеенный нос и веселые блески
Скрывают от публики муку мою.

Конечно, богатым бездельникам скучно,
И, в ложе купив дорогие места,
Хлопками меня награждает дружно
За смех мой — позор и обиду шута.

И вы говорите: «Как счастлив, как рад он!
Как весело клоуну нас забавлять...»
Умерьте ваш пыл, господа, — на эстраду
Привел меня голод... Но вам не понять...

Вы морщитесь — правду вам знать неохота.
Ходить ходуном? Хохотать невпопад?
Извольте... Иначе лишусь я работы.
А дома голодные дети не спят.

1914

114. ДВЕ СУДЬБЫ

Два ровесника однажды
Встретились с судьбою.
«Что мне, — спрашивает каждый, —
Ты несешь с собою?..»

Одному кафтан по росту,
Меч, коня и волю.
А другому — душу просто,
Бедность и недолю.

Всюду знатного венками
Девушки встречали.
Он топтал цветы ногами,
И цветы молчали.

Бедняку цветы живые
Даже не встречались.

После богача сухие
Стебли оставались.

Всадник гордый и богатый
Добрым людям встречным
Угрожал мечом булатным,
Словом бессердечным.

Бедный, путников встречая,
В задушевной ласке
Пел им песни, утешая,
Говорил им сказки.

Богача прелаты скопом
В храме отпевали.
Умер бедный — шли за гробом
Нищие в печали.

1914

115. РОСА ПРИ ЛУНЕ

Роса при луне холодна на лугу,
Но из дому даже босая сбегу.

Пусть жжет она ноги — я выйду к нему,
Руками своими его обниму.

Пока загорятся края облаков,
Гирлянду сплету я из ласковых слов.

Мы не отзовемся — зови не зови,
Мы будем всю ночь говорить о любви.

А утром, когда соловей запоеет,
Любимый проводит меня до ворот.

1914

116. ИЗ КАТЕХИЗИСА РАБОЧЕГО

«Скажи, почему миллионы,
Что создали блага земные,
Встают и ложатся со стоном,
Измученные и больные?»

— Они потому так угрюмы,
Нуждаются, пот проливают,
Что кровь их сосут толстосумы,
Что их богачи обирают.

«Однако не велено ль богом
Богатым жить праздно, просторно,
А бедным уныло, убого,
Судьбе подчиняясь покорно?»

— Нет, поровну делит природа,
Родник ее неисчерпаем.
Богатый — душитель народа,
Богатого мы обвиняем.

«Но как беднякам и рабочим
С нуждой и бесправьем расстаться,
Из тягостной выбраться ночи,
Счастливого утра дожждаться?»

— Мольбой ничего не добьемся,
Мы счастья добьемся борьбою.
Все силы на это — клянемся!
Пусть Маркс нас ведет за собою!

1914

117. ПЕСНЯ БОРЦОВ

Кто цепи не сбросит неволи позорной,
Останется жалким рабом.
Кто на смерть идет по-воловы покорно,
Навеки нам будет врагом.

Мы ищем свободу. Мы ей посвятили
Все силы. Мы ею живем.
Мы освободим человечество или
В борьбе за свободу умрем.

Покой навсегда потеряли тираны,
Они перед нами дрожат.
В грядущее, братья! Прочь тех, кто обманом
Велит нам вернуться назад!

1914

118. ПАРАЛЛЕЛИ

1

Пахарь пашет и вздыхает,
Тихо сивку понукает.
Сам устал, и сивка в мыле,
Клин тяжелый, не по силе,
Сыро, холодно на поле.
Пахарь кашляет, он болен.

Мимо, в белых клубах пыли,
Мчат быки-автомобили.
Господа спешат в именье,
С любопытством и презреньем
Смотрят на поле, смеются.
А бедняк и конь плетутся.

2

Барчуку живется сладко,
Он как сыр в сметане гладкий,
Барчуку и рук не надо,
Только открывает рот.
А возьмет его досада,
Так на слуг своих орет.

Вот сынишка батрака:
Из худого армяка
Острые торчат лопатки.

Он подпасок — хлеб несладкий,
Как щенка, его пинают,
На глазах мальчонка тает.

1914

119. НОВОЕ УТРО

1

Порывы ветра зелень жгли,
Прошли над лугом и цветами.
Больную грудь моей земли
Одели ржавыми цепями.

В лесу не слышно птиц давно,
Поля безлюдны и унылы.
Без солнца на небе темно.
Кругом бурьян, кругом могилы.

Однако песнь уже зовет
На правый бой и на восстанье.
Свободы чувствую звучанье
И утра нового приход!

2

Утро, утро наступает,
Землю в пурпур одевает,
Что же нам несет оно?

Грохот, крики, гром сражений,
Люди падают, как тени,
Там, где всё еще темно...

3

Видишь над землей пожар рассветный?
Слышишь в тишине набат победный?
Слышишь песнь о счастье, о свободе?
Это Утро Новое восходит.

Знаешь, что свободу освятили,
Что рабы себя освободили?
Если знаешь — пой, забыв ненастье:
«Приходи скорее, Утро Счастья!»

1914

120. ПЕСНЯ БАТРАКА

Но-о, гнедой, тащись, гнедой!
Вышел барин мой да твой.
Закричит он: «Что же ты
Не вспахал ни борозды?!»

Борозд много — мочи нет,
Борозд столько, сколько бед.
Но-о, гнедой! Один конец!
Строим барину дворец.

Я ж лицом к лицу с бедой,
Ем мякину с лебедой,
Лапти драные ношу,
Хоть пашу, пашу, пашу.

1914

121

Прекрасных образов создать я не могу.
В рассветный час,
Когда заря мне озарит строку,
Светло лучась,
Я вижу хмурых каторжан в цепях,
Их слышу зов,
И для прекрасных образов в стихах
Нет нужных слов.
Бредут на муку грозные ряды
Друзей моих.
И в сердце рвутся образы беды,
Как буйный вихрь.

(1915)

122. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Поля под снегами белы и огромны.
Луна наклонилась к пустынному бору.
Морозно и тихо. Мир спит в эту пору.
Один только ветер плурует бездомный,

Да кляча бредет по проселку пустому.
Завьюжена грива, бока поседели.
А сани кренятся, и путник в шинели,
В санях, на соломе, тоскует по дому.

(1915)

123

Пройди Россию вдоль и поперек,
От Немана и дальше на восток,
К Чукотке, и, вернувшись, расскажи,
Видал ли ты людей, что от души
Не просят мира? Много ли домов
Увидишь ты, где мать своих сынов
Не потеряла, где старик отец,
Седой, больной, не выбился вконец
Из сил? .. Печальна, как и встарь,
Россия. .. Только подлый царь
Не опечален — хищники его
Всё просят крови новой. . .

(1915)

124. ПРОХОДЯТ ВОЙСКА

.. Был день осенний. В блеклой синеве
Светило солнце. В листьях и в траве
Дремали тени. За рекой, вдали,
Где голубой прозрачный небосклон
Чертою от дороги отделен,
Клубилась пыль и кто-то брел в пыли. . .
Я догадался — там идут войска.
«Скорей!» — друзей позвал я на большак
И, первый добежав до большака,
На узкой бровке оборвал свой шаг.

За ротой рота шла, за взводом взвод.
Вот так, подумал я, война людей берет...
Солдаты шли невесело. В рядах
Кричали песню. Тихо на плечах
Штыки качались — скоро в кровь и в пот
Они их окунут. Вот так на смерть идут...
Война, подумал я, вершит свой грозный суд...
Колонна шла, отбрасывая тень.
Сиял бездумный, теплый, летний день.

(1915)

125. ЗИМА

Стужа всем давно постыла.
Даже солнышко застыло.
Что ж, зашло бы — я не скуп,
Подарю ему тулуп.

Я на печке... Слышу — кто-то
В дверь стучит, стучит в ворота.
Это ветер-баламут,
Думает, что отопрут.

Перед ветром я не струшу —
Не впущу: напустит стужу,
В холоде дрожи потом.
Не для ветра теплый дом!

«Дверь не здесь...» И ветер верит,
И напрасно ищет двери,
И кричит мне: «Я ворвусь!»
Дверь закрыта. Не боюсь.

1915

126. ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ

После ветра и метели,
Оглядев пустынный луг,
Ворон сел на ветку ели,
На высокий черный сук.

Каркнул хрипло и невнятно
И поднялся тяжело.
По полю струились пятна,
Словно чем-то снег прожгло.

Машут вороны крылами,
Будят сонные леса,
Низко кружат над телами,
Мертвецам клюют глаза.

1915

127. БЕЖЕНЦЫ

В полях темно и хмуро.
С утра туман клубится.
Они идут понуро,
Черны худые лица.

Они идут сурово.
В глазах тоска, истома.
Они давно без крова,
Они давно без дома.

Идут с детьми, с больными,
С буренкой, с горем древним.
А в темноте, за ними,
Горят уже деревни.

1915

128. ПОВЕГИ

Гулкий гром и грозный ливень,
Буйный ветер, крупный град
Повалили лес зеленый
Десять лет тому назад.

Гибли белые березы,
Сосны, спавшие в тени.
Ветер превратил деревья
В неприкаянные пни.

На опушке, где подлесок
Золотился от дождя,
По ночам гуляет ветер,
Завывая и гудя.

Слышен писк летучей мыши,
И у сваленных стволов
Злые филины и совы
Стерегут своих птенцов.

Только изредка увидишь
Между серых пней одну
Тонкоствольную березу
Да отшельницу-сосну.

Видно, на́долго лишились
Люди свежести лесной.
Не украсит дуб зеленый
Землю кроной навесной.

Но взгляни: у пней и кочек,
На заре раскрыв листки,
Выбиваются побеги
И упрямые ростки.

1915

129. АРМИЯ ТРУДА

На утренних улицах топот и гуд:
Угрюмо голодные толпы идут —
Рабочее войско шагает.

Их клумпы гремят по камням мостовых,
На дымных окраинах мастеровых
Котлы и станки ожидают.

До сумерек длится безрадостный труд.
Надсадно и сипло сирены ревут,
Визжа, замирают машины.

И снова по гулким камням мостовых
Шагает толпа оборванцев худых
С мальчишеских лет до кончины.

1915

130. В ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Ветер в дверь стучится, бродит у ворот,
Как бродяга в поисках ночлега,
Как жандарм, что по следам побега
В избы ломится и ставни с петель рвет...

Старший брат картошку чистит и молчит.
Младшая сестра грызет сухую корку.
Я на печке. Мать за прялкой нить сучит.
«Морем шел Иус, — плывет скороговорка, —
И его веленьем, — крестит грудь, —
Ветры враз переставали дуть...»

Заскрипела дверь, и хмурый, весь в снегу,
Возвращается отец из леса.
Засыпаю... Сладить с дремой не могу...
Всё плотнее темная завеса...
Не дождался я картошки. Тишина.
В тишине прядется нитка сна.

1915

131. ВИДАЛ ЛИ ТЫ?

Видал ли ты,
Как, воротясь домой,
Мастеровой в сырой дыре своей
Нашел убитых голодом детей,
Как на бульваре девушки зимой
Гостей бесстыжим смехом подзывали,
А в сердце юность горько проклинали, —
Видал ли ты?

Видал ли ты,
Как с гиком на толпу
Казачи в портупях и в ремнях
Летели на откормленных конях,
Слышал ли свист нагаек и пальбу —
Не вздрогнули ни сердце их, ни руки,
Что обрекли сирот и вдов на муки, —
Видал ли ты?

Видал ли ты,
Как мать, сорвав платок,
Бежала в лес, печали не тая:
В лесу ее погибли сыновья,
Как плакала, упав на бугорок
Лесной могилы, как всю ночь, рыдая,
Бежала по лесу, безумная, седая, —
Видал ли ты?

Я это видел,
Но пока узнал
Жестокий мир нужды, бесправья, зла,
Себя я тоже раненым считал,
Но понял я, что боль моя мала,
Что испытал я только каплю горя
Безбрежного, бескрайнего, как море, —
Я это видел!

1915

132. ПОЭТ

Поэт — не жрец, курящий фимиам
И шепчущий в ночной тиши молитву,
Поэт — трубач, зовущий войско в битву
И прежде всех идущий в битву сам.

Поэт — борец, и лишь в борьбе одной
Он может воплотить порыв души свободной.
А песня что? Лишь отзвук благородный
Порывов дерзостных, не сломленных грозой.

Поэт — творец, но песня не псалом,
Псалмы — удел болезненных эстетов,
Творенье ж гениев и истинных поэтов —
Лишь жизнь сама, оружие их — лом.

1915

133. ГОРОД

Город шумный, многодомный
Весь окутан мраком ночи,
Лишь в предместии, где домны,
Дико блещут чьи-то очи.

Целый лес из труб высоких
Извергает тучи дыма.
Несмолкающих, стооких
Фабрик жизнь неумоима.

У калиток же чугунных
С дикой жадностью голодных
Ждут среди ночей безлунных
Дела толпы безработных.

(1916)

134. ВЕСНА

Зиме гостить довольно.
Наскучили морозы.
Березам, видно, больно,
Роняют с веток слезы.

У речки, на приволье,
Взойдя в лучах несмелых,
Пригрело солнце поле
В заплатках черно-белых.

С толпой ребят курносых
Бегу бегом, вприпрыжку
К осинам и березам
За воробьем-трусиской.

(1916)

135. ОСЕНЬЮ

Журавли нас покидают.
Пахнут сыростью овраги.
Все в деревне надевают
Домотканые сермяги.

Подобрав одну штанину,
Уминаю грязь и глину —
Полям убранным, колючим
В лес иду густой, дремучий.

Там дубы без шапок, точно
Перед приставом крестьяне.
Солнце скрылось, как нарочно,
Из низин прохладой тянет.

Ветер воет злей и чаще.
Холодно. Шумят деревья.
Погуляв, бреду из чащи
В теплый дом, к себе, в деревню.

(1916)

136. ДРУЗЬЯ

Эх, горе — не горе, беда — не беда!
Страданье — дружок мой, подруга — нужда.

Мой друг и подруга привыкли ко мне,
Они навещают меня и во сне.

Гони, не гони их — стоят за спиной.
Пойду я — шагают, как тени, за мной.

За плугом на ниве, в ночном у огня
До гроба они не покинут меня.

Да, горе — не горе, беда — не беда!
Страданье — дружок мой, подруга — нужда.

(1916)

137. ПЕВЕЦ БУДУЩЕГО

Милые музы спросили певца:
«Что ты желаешь — венец ли лавровый,
Женскую ласку и звон бубенца,
Или же бедности жребий суровый?»

Не пожелал он жены и венца,
Не захотел он расстаться с друзьями,
«Я, — попросил он, — хочу до конца
Жить с бедняками, страдать с бедняками».

Выслушав эту душевную речь,
Милые музы певцу молодому
Лиру вручили и подали меч,
И налегке проводили из дому.

Правда прибавила юноше сил:
Мир и любовь его лира вещала,
Мужество зло на земле укрощало,
Меч ненавистных тиранов разил.

(1916)

138. БОР

«Почему ты, бор, в печали?
Сосны, в самом деле,
Где вы шапки потеряли,
Где вы обгорели?»

— «Очень трудно было бору, —
Отвечали сосны. —
Осенью об эту пору
Ураган был грозный.

Но не плачь о нашей доле:
Корни уцелели,
Сосны юные на воле
Вновь зазеленели».

1916

139. МОЗОЛИСТЫМ РУКАМ

В мозолях и ссадинах руки простые,
Вы с детства приучены к трудной работе,
Вы в поте творите богатства земные,
Вы пашете землю и стены кладете.

Но все результаты упорства и пота
Находятся у тунеядца и вора.
Нуждой беспросветной и вечной заботой
За труд наградила вас жадная свора.

Я думаю часто об участи вашей,
В мозолях и ссадинах руки простые.
Владельцы бессчетных заводов и пашен,
Вы в поте творите богатства земные.

Ждать больше не надо. Вставайте! Не ждите!
Прочь робость и страх! Побеждает отвага!
Решайте: страдать ли в нужде и в обиде,
Трудиться ли вместе для общего блага?

Не бойтесь: их мало, а вас миллионы.
Вы перед собой и грядущим в ответе.
Вставайте! Сплотитесь в когорты, в колонны!
Вам скажут спасибо счастливые дети!

1916

140. МАЯК

Волны хлещут и бушуют,
И настойчиво, как враг,
Набегают и штурмуют
Непокорный им маяк.

А маяк стоит над бездной
Негасимый и живой,
В мокром панцире железном,
С непокрытой головой.

Пламя сталь его калило.
Прочно сбит он, крепко сшит.
Моря бешеная сила
Дух его не сокрушит.

1916

141

Как темно над родной стороной!
Всё мрачнее безвременья власть.
Смерть костлявая бродит с косою.
Трудно выстоять, духом не пасть.

Стены слушают и предают,
Стены слышат — укрыться нельзя.
Слово скажешь — тебя уведут,
И — навеки прощайте, друзья!

Что ж! Над нашей могилой во мгле
Засияет в назначенный час
Счастья, правды звезда.

Миллионы людей на земле
Встанут в строй боевой вместо нас
Под знамена труда!

1916

142. НА ПОКОСЕ ОВСА

Полосу за полосою
Косит острая коса,
Сталь, омытая росой,
Любит шелесты овса.

Половина — за спиною,
Половина — впереди.
Утираю пот рукою,
Говорю косе — ходи!

«Косит он легко и смело!» —
Раздаются голоса.

Но сердито зазвенела
Острая моя коса.

Под ногою белый череп
Говорит: «Ко мне ступай...»
Лысый скептик зубы щерит,
Из зубов торчит лишай.

Отвечаю: «Обознался!
Сторонись! К меже, дружок,
Где на цыпочки поднялся
Сиротина-ячменек...»

Поплюю я на ладони,
Отобью свою косу
И пройду в лучах и в звоне
Буйным вихрем по овсу.

(1917)

143. УСТАВ ОТ СКИТАНИЙ

О нет, нет, нет!
Чувств прежних свет
Души не озарит.
Души костер
С недавних пор
Густой золой покрыт.

Зола темней
Ночных теней,
Могильных серых плит.
Но в глубине,
На самом дне,
Там старый жар зарыт.

Настанет день —
Исчезнет тень
И сердце оживет.
Проснется жар
И, как пожар,
Всю землю обойдет!

(1917)

144. ТРИ ДОРОГИ

Три дороги лежат предо мною и ждут,
И в различные страны ведут.
На одной открывается сказочный вид,
Ветер в лаврах роскошных шумит.

А вторая проложена к дальним мирам,
К звездным тайнам, неведомым нам.
Третья вьется змеей вдоль унылых болот
И обычно к страданиям ведет.

Три различных дороги легли предо мной,
Но пойти я могу по одной.
Первой, в лаврах, пойду — лиры ласковый звон
С четырех я услышу сторон.

По второй я пойду — снимет небо засов
С мироздания, с далеких миров.
А по третьей пойду, по разбитой, пустой, —
Изведет меня горькой нуждой.

С удовольствием выбрал бы первые две,
В ясных звездах, в прохладной листве,
Но, увы, не уйти от нужды, от змеи:
Жалит ноги босые мои. . .

1917

145. AVE VITA! MORITURUS TE SALUTAT!¹

Полюбил я в небе солнце,
Золотой пожар в лазури,
Лето, убранное в зелень,
Россыпь светлую росы.

Полюбил впервые в жизни
Девушку, что краше солнца,
Юной елочки стройнее,
Чище утренней росы.

¹ Здравствуй, жизнь! Умирающий приветствует тебя! (Лат.) —
Ред.

Я мечтал добиться счастья
Вместе с братьями, друзьями:
Мир с себя снимает цепи,
Мир уже зажег зарю.

Часто снились мне титаны:
Труд их повторить мечтая,
Геркулеса с Прометеем
Я хотел объединить.

Но, как белая береза
С червоточиною в теле,
Не хочу я гнить весною,
Погибаю молодым.

Погибаю добровольно,
Сил своих не испытавши.
Несвершенные надежды
В землю уношу с собой.

Уношу любовь с собою
К девушке моей и к миру,
К светлому большому миру,
Что вот-вот начнет цвести.

Я цветенья не дождался,
Но цветы растил я в сердце,
И, прощаясь, я продвигу
И приветствую расцвет!

1917

В. Рякашюс родился 15 мая 1893 года в Виолишкисе. После окончания Шяуляйской гимназии он учился в Лейпцигском университете. Еще в гимназии принимал участие в революционном движении. Летом 1914 года был арестован и сослан в Сибирь. После побега в 1916 году нелегально приехал в Тарту и работал в большевистском подполье, стал секретарем Тартуского комитета РСДРП(б). В 1918—1919 годах активно участвовал в борьбе за советскую власть в Литве, был председателем ревкома в Купишкисе. После подавления советской власти в Литве был оставлен партией для подпольной работы. Погиб от рук буржуазных националистов 12 марта 1920 года.

В. Рякашюс начал печатать свои стихи с 1911 года в прогрессивной периодике, в годы революции сотрудничал в литовских коммунистических газетах «Тiesa» («Правда») и др. Переводил на литовский язык стихотворения Г. Гейне. Основная часть поэтического наследия В. Рякашюса опубликована в антологии «Под красным знаменем» (1956).

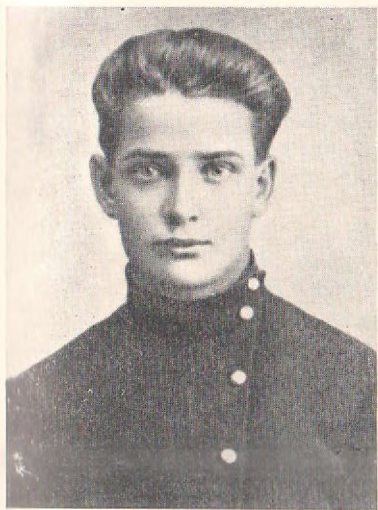
Стихи В. Рякашюса на русский язык переводятся впервые.

146. ТАЙНА

Чуть солнце сквозь темень ночную проглянет,
И бабочку тянет в полет.
Напрасно, бедняжка, — ведь в этом пыланье
Она свою гибель найдет.

Так что же влечет ее к яркому свету?
Какою гонима мечтой,
Так жаждет сгореть она в пламени этом?
Сокрыто всё тайной святой!

(1911)

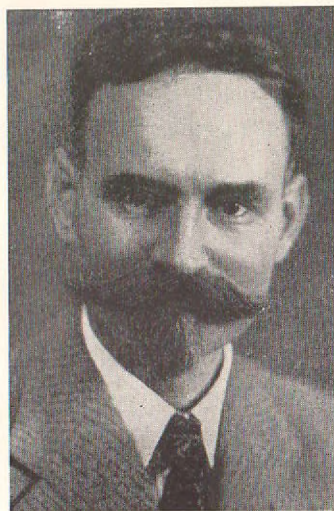
Ю. Янонис

А. Рягатис

Ю. Балтрушайтис

А. Ластас

147. НА МОГИЛЕ ЯНОНИСА

Нуждой и болезнью измучен,
Ты в землю холодную лег. . .
Носитель великой идеи,
Ты был как прекрасный цветок.

Уж тени редуют. Свободы
Желанный восход недалек.
Как рано ты, дня не увидев,
Увял, словно чуткий цветок!

Как рано призывной струною
Твоя отзвучала душа.
Ее мы теперь не услышим,
Всей силою гнева дыша.

Как рано опущен в могилу
Талантливый труженик был.
Но тьму гробовую осилит
Идея, которой он жил,

И нас, расцветая, разбудит,
Поднимет на подвиг святой.
Спи, друг мой! . . . Какою огромной
Охвачено сердце тоской.

1917

148. УЗНИКУ

В темной пещере светится тускло
Каменный свод.
В темной пещере мы подрываем
Рабства оплот.
Мечутся искры, пляшет и манит
Пламя огня.
Эхо хохочет, в сводах высоких
Песней звеня.
Тьме непроглядной длиться не вечно —
Рабство падет!

Нас из проклятой темной могилы
Сердце зовет!
Выкуем молотом звонким свободу,
Цепи собьем,
Скоро уж, скоро всех казематов
Стены снесем!

(1919)

149

Упали вы, уста сомкнули,
Но загремит их зов немой,
Чтоб рати новые шагнули
Опять за нами в смертный бой!

(1919)

Артурас Рягратис (псевдоним поэта Казиса Шлайтаса) родился 4 марта 1894 года, в маленьком городке Жемайткемисе, в семье безземельного крестьянина. В юности был батраком, учился портняжному ремеслу, потом в Риге, работая чернорабочим, занимался самообразованием. Во время первой мировой войны закончил курсы военфельдшеров, участвовал в революционном движении. После Октябрьской революции вступил в Красную Армию, а во время пролетарской революции в Литве был секретарем ревкома, военным инструктором. После подавления советской власти в Литве работал в Новороссийске, Москве, был секретарем Союза литовских пролетарских поэтов и прозаиков. Заболев чахоткой, умер в Москве 7 октября 1924 года.

Стихи А. Рягратис начал печатать в 1912 году, а в 1914 году издал сборник «Цветы молодежи». От ранних стихов общедемократического характера он постепенно переходил к революционной поэзии. Первым в литовской поэзии он обратился к темам Октябрьской революции и строительства социализма в Советском Союзе. Писал сатирические стихи. Наиболее полное собрание его стихотворений издано уже посмертно — «Артурас Рягратис и его сочинения» (1927). Стихотворения А. Рягратиса неоднократно переиздавались в советские годы, некоторые из них переводились на русский язык. Наиболее полным изданием являются «Сочинения», 1962.

150. ТЫ ЗНАЕШЬ ЛИ КРАЙ?

Ты знаешь ли край,
Где Неман шумит на просторе,
Где хмурятся чащи глухие,
Народ говорит по-литовски? Где горе
Несут немущим години лихие?
Век майся, потом умирай!

Ты знаешь ли край,
Тот край, где богатому рай,
Где власть бедноту придавила,
Где всюду кулак — заправилой?
Его не тревожь, так и знай.

Ты знаешь ли край,
Где блещут богатством витрины,
Где роскошь и великолепье,
А труженик хмурый, одетый в отрепья,
Завистливо смотрит, пройдя невзначай,
На груды плодов, на закуски и вина?

Ты знаешь ли край,
Где панские сеймы царят полновластно,
А труженик стонет в неволе
И в двери к имущим стучится напрасно?
Где гонят его: убирайся! ступай!
Ни с чем он уходит, сжав зубы до боли.

Ты знаешь ли край,
Где труженик пот проливает кровавый
И ходит годами в дырявой сермяге,
Где борщ из ботвы, без приправы,
Да жесткий, с корой пополам, каравай
С трудом достаются бедняге?

Ты знаешь ли край,
Где солнце восходит алея,
Рабочие правят страной своею,
Где, выстояв в тяжком бою,
Охвачены дружным порывом,
Республику строят свою,
Под солнцем свободы счастливой
Трудясь на заводах, растя урожай?
Ты знаешь ли край?

1920

151. ПЕСНЯ ЛИТОВСКОГО БАТРАКА

Скоро в гости к нам весна,
И с рассвета дотемна
Вновь придется поневоле
За сохой тащиться в поле.

Вряд ли, вряд ли кто сочтет,
Сколько борозд всякий год
Выпадало провести мне!
От весенних дней до зимних
Горблю спину — в стужу, в зной —
Над сохой, над бороной. . .

Сколько, сколько сжал я хлеба
Дармоедам на потребу!

Дождь иль вёдро, так иль сяк —
Бейся на поле, батрак!
И не спросит благодетель,
В лоб иль в спину дует ветер.

Вряд ли, вряд ли кто сочтет
Борозды, что всякий год
Вел я, клячу понукая.
Знает ли душа какая,
Где увидим завтра свет
И когда невзгод и бед
Бремя тяжкое забудем,
И вздохнется легче людям,
И отступят навсегда
Голодуха и нужда.

Всё тружусь другим на благо,
А добро мое — сермяга,
Лапти — хоть ворон пугай,
Да здоровья через край.

Время, стало быть, покажет,
Кто в борьбе жестокой ляжет —

Разжиревший ли кабан,
Кто по горло сыт и пьян,
Или тот простой, суровый,
Кто легонько гнет подковы,
Тащит на плечах пуды,
Тот, которому труды
Множат силу поминутно.
Ем в обрез, водицей мутной
Жажду утолить спешу
И без отдыха пашу.

Уж давно пора обедать,
Постного борща отведать —
Пробудился я чуть свет,
Где тут думать про обед!
На руках с орех мозоли,
А конца не видно полю!

Не один я день-деньской
Маюсь на поле с сохой —
Спину гнет со мною вместе
И работник из поместья.

1920

152. СЕЯТЕЛЮ

*Посвящаю создателям Союза
литовских пролетарских писателей
и поэтов имени Ю. Янониса*

Я знаю, сеятель, твой труд упорный,
Могучие ты сыплешь в землю зерна,
В которых есть таинственная сила
Так прорасти, чтоб всем на диво было.
Полны колосья, зерен в них так много,
Что весь амбар засыплешь до порога,
Чтоб хлеб зимою был, прогнав заботу.
Хотел бы я, чтоб за твою работу
На пустыре, где камни и коренья,
Осот, бурьян — все сорные растенья, —

Среди болот, где столько ты трудился,
Высокий, щедрый колос уродился!

В шелках не ходит Муза трудовая —
Богач ее растопчет, презирая.
Но рождена она стихией боя,
Чтоб славно встретить Утро золотое
И гимн пропеть, подняв пыланье горна.
Сердцам всех тех, чей молот бьет упорно,
Она давно родная.

7 января 1921

153

Молот,
 пflug,
 верстак,
 мотыга,
Жар литейного ковша —
Это наша плоть и книга,
Наша лира и душа.

Пролетарское искусство —
Возводимый нами дом —
Воплотило наше чувство,
Вдохновленное трудом.

Наша кисть и наше слово —
Это в сердце бьющий ток.
Мы грядущего основа.
Путь наш ясен и высок.

Впереди страда большая:
Поле,
 кузница,
 забой.

Путь героев продолжая,
Мы выигрываем бой!

1921

183

154. КОММУНАР

С обнаженным мечом
И с лавровым венком
Возвратился я, гордый победою.
Бой как будто затих,
Только в топях глухих
Змей шипит, угрожает нам бедами.
Но, труда верный друг,
Меч сменил я на плуг,
Вышел на поле, битвой изрытое.
Мне за плугом легко —
Вижу мир далеко,
Все земные просторы открыты мне.
Змей издохнет в крови. . .
Только, вождь, позови,
Только кликни — и неисчислимые
Коммунары с тобой
Выйдут в завтрашний бой,
Смерть поправшие, непобедимые!

1922

155

Иду я по жизни, ее прославляя,
И миль я немало осилил, блуждая.
Мне спутницей стала тень близкой могилы,
Никто не завидует доле унылой.

Меня не вините! Не сам я тоскую,
То стонет пред смертью усталое тело.
Я жив, я Коммуну пою мировую,
Я предан стране трудовой без предела.

1922

156. УТРОМ

Вышли башни из тумана,
Стены в алом озаренье.
Вся Москва, проснувшись рано,
От Кремля берет движенье.

Движет толпы трудовые,
Что текут широким кругом,
И дневные, и ночные
Смены ставит друг за другом.

Как рыбак, что бросил сети,
Охватила все кварталы.
Всё у зоркой на примете,
Надо всем хозяйкой встала.

И дымят заводов трубы,
Бьют металл кувалды жестко,
Труд кипит — да так, что любо,
Плавка льется мягче воска.

Мускулистыми руками
Люди молоты вздымают:
— Жизнь свою куем мы сами,
Наши силы прибывают.

И одной мечтой объаты,
Для высокого заданья
Всех республик делегаты
В Кремль идут на заседанье.

Призваны родной строною,
Зная тяжкий труд с рожденья,
Дружной все идут семьею,
И у всех одно стремленье.

Все одним желаньем дышат,
Чтоб цвела страна родная,
И заветы их услышат
Бедняки земного края.

7 июля 1923

Бездны в огне, метеоры в лазурн,
В быстром полете звезда,
Искры нам шлите сюда!

Мы, кузнецы пламенеющей бури,
Землю оденем плащом —
Зорь ярко-алым костром.

Горестный быт, нищета и тревоги,
Родины тягостный гнет —
Всё на борьбу нас зовет.

Избороздили планету дороги,
Их проложила земля
Через леса и поля.

В спор меж собою дороги вступают —
Кто тебя встретит, Заря
Радостных дней Октября?

Снег потускневшие дни засыпает,
И для бугристой земли
Пудру уже припасли.

Ветры, беситесь и войте средь хмури,
Пусть кузнецы встанут в ряд,
Молоты грозно стучат.

Бездны в огне, метеоры в лазури,
В быстром полете звезда,
Искры нам шлите сюда!

Октябрь 1923

Ю. Балтрушайтис родился 3 мая 1873 года в деревне Паантвард-жай (теперь Юрбаркский район), в небогатой крестьянской семье. Впоследствии в своей автобиографии поэт писал: «Что касается моих общественно-политических взглядов, то уже одно мое происхождение из среды малых мира сего могло воспитать во мне только одно чувство и одно убеждение, что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую, одинаково полную для всех».¹

Раннее детство поэта прошло в глухой деревенской усадьбе. После окончания Каунасской гимназии он с 1893 по 1899 год учился в Московском университете на естественно-математическом и историко-филологическом факультетах. Стихи на литовском и русском языках писал уже в гимназии, печататься начал с 1899 года, опубликовав в последнем номере «Журнала для всех» свое первое стихотворение. Вместе с С. А. Поляковым он учредил издательство «Скорпион» (1900—1916), активно сотрудничал в журналах русских символистов «Северные цветы» и «Весы», переводил на русский язык произведения Д. Байрона, Г. Ибсена, О. Уайльда, К. Гамсуна и других.

В начале века Ю. Балтрушайтис становится известным поэтом и видным литературным деятелем.

В это время поэт сблизился с самыми видными представителями русского символизма — с В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, А. Белым, поддерживал близкие отношения с М. Горьким, А. Блоком, А. Скрябиным, Б. Пастернаком и многими другими крупными деятелями русской литературы и искусства. В 1900—1914 годах Ю. Балтрушайтис много путешествовал по Италии, Германии, Франции, скандинавским странам. Во время первой мировой войны принимал участие в работе комитета по делам литовских беженцев. Вместе с М. Горьким готовил сборник литовской литературы (война помешала

¹ Автобиография. — Русская литература XX века (1890—1910), т. 2, ч. 2, М., 1917, с. 298—299.

изданию этой книги), к переводческой работе были привлечены А. Блок, В. Брюсов, В. Иванов.

В 1918 году Ю. Балтрушайтис был избран председателем Московского Союза писателей, участвовал во многих издательских и театральных начинаниях. С 1920 по 1939 год был чрезвычайным посланником Литвы в СССР. Будучи послом, он много способствовал развитию добрососедских отношений между Литвой и Советским Союзом, содействовал их культурному обмену.

В 1939 году Ю. Балтрушайтис был переведен на дипломатическую работу во Францию, где его застала вторая мировая война. До последних дней своей жизни поэт продолжал писать. Стихотворения на литовском языке Ю. Балтрушайтис начал интенсивно писать с 1930 года и писал вплоть до своей смерти. Большая часть его литовских стихотворений помечена 1940—1943 годами. Умер поэт в Париже 3 января 1944 года.

Ю. Балтрушайтис издал три сборника стихов на русском языке: «Земные ступени» (1911), «Горная тропа» (1912), «Лилия и серп» (посмертное издание, 1948). Русские его стихи переводились на итальянский, болгарский, а также литовский языки. На литовском языке при жизни автора вышли: поэма «Новоселье» (1941), сборник стихотворений «Венок из слез» (ч. 1, 1942). Поэт сам подготовил к печати вторую часть сборника «Венок из слез» и сборник «Дым жертвенника». Полное собрание стихотворений Ю. Балтрушайтиса на литовском языке издано в 1967 году, на русский язык они переводятся впервые. В 1969 году в Вильнюсе издан сборник его стихотворений на русском языке «Дерево жизни».

158. ПЕСНЬ ЛАЧУГИ

Ветхая лачуга, двор и печка,
Лопухи у самого крылечка,
Узкие немые оконца
Жмурятся, отворотятся от солнца,
Ослепленные тревожным светом
Да и всем, что зреет в мире этом.

Огород. А в нем журавль над срубом.
Доски разошлись в заборе грубом.
Покосилась латаная крыша,
А стропила-то на ладан дышат,

И, давно устав по ветру виться,
Всё топорщатся пучки метлицы.

Там, где шумные пирушки были,
Сохнет пол под слоем серой пыли,
Где плясали молодые ноги,
Только ивы корчатся, убоги,
Всё давно уже не на засовах,
Псы не брешут у ворот тесовых.

Матушка давно уже не слышит,
Только сердце прежней лаской дышит,
Только листья шепчут осторожно,
А не то испугнуть старушку можно,
А ведь всё её богатство ныне
Заколдованного сна святыня...

159. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Гаснет солнышко в закатных водах,
Воцаряется покой бесстрастный —
Здравствуй, честно обретенный отдых,
Тихий свет зари вечерней, здравствуй!

Небосклон дремота увенчала,
Ласточки примчались отовсюду.
По рассвету сердце заскучало,
Льнущее к неизвестному чуду.

Над землей сквозит туманный полог,
Мы тревогу ожиданьем мерим,
В день голодный (был он слишком долгод)
Нищие теряли счет потерям.

Паруса всё уже и короче,
Краски их исчезнут, выцветая,
В некий миг за звездной дверью ночи
Лодочка померкнет золотая.

В небе солнышко смеется,
А вдоль поймы Неман вьется,
Повторяет синеокий
Были старины глубокой,
Благородные сказанья,
Свет любви и упованья.

А в апреле или в мае
Неман, вербы оmyвая,
Солнце приколов к сорочке,
Затопляет пни да кочки
И, поди, под каждой ивой
В пляс пускается счастливый.

А потом, нахмураясь грозно,
Принимается серьезно
За нелегкую работу:
Лес ворочает в охоту,
А Серяджюс и Алитус
Хвалят эту деловитость!

Так, ворча и беспокоясь,
Он влечет свой синий пояс,
Льется, взрыв песок и глину,
На поляну-луговину
И поет в отраде дикой
Песню вольности великой.

Так, задуманный от века
Ради блага человека,
В отраженьях и в деревьях,
От времен угрюмых, древних
Он течет, обшит мгновенной
Оседающею пеной...

161. ПОСОХ ПЕВЦА

В росное утро
Мое безмятежное
Смутно манили
Просторы безбрежные. . .

Млечными душу
Манили путинами,
Сердце страшили
Морскими пучинами.

Нынче прозрел я,
Всё вижу на свете я:
В хлопотах
Ткач, создающий столетия.

Что мимолетно —
Мелькнет в быстротечности,
Что на века —
Сохранится для вечности.

Так и певца
И его песнопения
Небо рождает
И почва весенняя.

Так прорастай же
Травинкой господнею.
Славлю крота
Да былинку сегодня я!

162. БАБОЧКА

Сродную мгновеньям
Приравняю к сестрам,
К радужным твореньям,
К хлопотуньям пестрым.

Ты летай, порхай-ка,
Яркая знакомка,
Добрая хозяйка
И не скопидомка.

К горечи соцветий
Не припавшей сроду,
Вновь и вновь пестреть ей
Возле огорода.

Сгубит ветер шалый
Иль какая пташка
Жизнь твою, пожалуй,
Бабочка-бедняжка!

163. СТРУНЫ СТРАННИКА

Я пленник дней, мне это на роду
Написано. Я шел и всё иду
Туда, куда ведет моя стезя.
Когда дойду я — предсказать нельзя.

В садах рассвета рвать цветы устал,
И васильки в скитаньях растоптал,
И терниями свой украсил стих,
И всё-таки — немногого достиг.

И в горечи и в боли понял я,
Сколь слеп хваленый разум бытия, —
Я вижу звезды, напрягаю слух,
Но песнопений их не слышу: глух!

Ведь ты не знаешь, бедный человек,
Что — на мгновение, а что — навек,
И от какой и до какой беды
Влачится капелька морской воды.

Вот почему в просторах пыльных трав
Вдруг обмирает сердце. И упав,
Жду, что раскроют лучшие умы
Загадку света и загадку тьмы...

164. ПЕСНЬ МАЯ

Май — это свадьбы весны хлопотливые,
Сад расцветающий, рощи шумливые...
Щеки пылают, глаза разгораются.
Вижу, как свечи каштанов вздымаются,
Вижу, как солнышко пьют в изобилии
Белые розы и белые лилии.

Тут полотна не жалеют беленого
Да и веселого шелка зеленого;
Яблонька тут, как невеста, со славою
Щедро пчелу угощает лукавую,
Яблонька в белом цветенье до одури
Будто в молочном купается озере.

Свадьба гостями привечена ранними,
Усланы стежки зелеными тканями;
Банты, кокошники, шали с разводами,
Гибкие ветви в цветенье над водами, —
В сердце не сыщешь ты прежнего холода —
Как всё пестро и божественно молодо!

165. ЛУЧ РАЗУМА

Долю свою
Не гнои по кубышкам:
Всё победит
Равнодушный к излишкам.

Поиски клада —
Удел следопыта;
Наша отрада
Соломою крыта!

Бремя большое
Рождает усталость;
Малое бремя
Таким и осталось.

Алчное чрево
Всегда недовольно;
Бедному ж — горстки
Лишиться не больно.

Скромному
Стать предназначено снова
Вечным властителем
Счастья земного.

166. РОМАШКА

Здравствуй, белая ромашка,
Ты из пыли придорожной,
Чтобы скрасить путь мой тяжкий,
Поднимаешься тревожно.

Бедняку твой венчик чистый
Вроде радости неожиданной:
В этой бездне золотистой
Он уже не гость незваный...

Будто пути все развяжет
Тихий свет цветка простого,
Будто на плечи не ляжет
Ноша смертная Христова.

Потому тропинкой торной
Я теперь шагаю смело:
Тихой песней животворной
Душу ты мою согрела!

167. ЧАРЫ МГНОВЕНЬЯ

Будь, Соблазн, со мною рядом,
Опой волшебным ядом,
Чтобы до крови чело
Колдовским крестом ожгло.

Сам пришел к тебе на муки,
Ну, давай, вяжи мне руки —
Вот и всё! В своей судьбе
Я препона сам себе!

Кто живет одним мгновеньем,
Дышит только сновиденьем
И не видит, что ему
Озаряет жизни тьму.

И цветок любви срывая,
Медлит он, не понимая,
Что за капельку медка
Продад солнце на века.

Ты, Соблазн, пожалуй, сотый,
Мне подсовываешь соты.
В сердце грусть. Ее тайком
Не разбавишь ты медком. . .

168. ОСЕННИЙ ПЛАЧ

По тропам осени брожу я,
Чужая боль мне сердце ранит,
Тревогу чувствую чужую,
Чужая скорбь мне взор туманит.

Погасло утро, и ольшаник
Пожух и выцвел — вот досада!
Я возвратился, бедный странник,
Но своего лишился клада.

А вот и дуб, властитель тени,
Был крепок он в былые годы;
Не ведал я, что на колени
Еще он рухнет в дни невзгоды.

Он преградил мне путь — и веет
Обидой, гневом и безмолвьем;
И для меня Судьба лелеет
Нерасторжимый свиток молний!

169. ОСЕННИЙ ОРГАН

В саду моем, полном прощального света,
Еще дотлевают пугливое лето,
Но розы и руты почти не осталось,
В них скорбь и усталость.

Давно ль всё теснилось, сплеталось, пестрело,
А нынче — замшело или побурело;
Страшусь — в увяданье — душой не узнать бы
Веселой усадьбы...

Вот вишенка в мае богачкой глядела,
Под солнцем и в непогодь пышно белела,
Росла, наливалась, дышала свободно,
А нынче — бесплодна.

Мне старая липа кивает, печалась,
Зеленые кудри ее разметались,
Вот разве что ею, печальницей, в пору
Натешиться взору!

Дай сердцу пригреться в осенней отчизне —
И вскоре таинственный маятник жизни
Развеет твое одиночество снова
Близ поля ржаного.

170. КУЗНЕЦ

— Что ты куешь, молчаливый коваль?
— Посох железный, чтоб шествовать вдаль,
Право, не знаю докуда!
Вот и тебе я сварганю такой,
Если прикажут с тяжелой клюкой
Шляться — беда иль причуда.

Да и оковы ковать я мастак,
Чтобы опутанный ими протак
Не шевельнулся до срока;
Чтобы в остроге, в темнице большой

Ты своей вольнолюбивой душой
Не заносился высоко...

В потном наряде полунаготы,
Утром — свободу, а в полдень — кресты
Брал я в работу особо.
Всем я отходную нынче стучу,
Гвоздь отковать и вогнать я хочу
В крышку всеобщего гроба.

171. ПЕСНЬ МОРЯ

Я странника ношу и долю приемлю
И, в челн ненадежный вступив наяву,
В какую-то обетованную землю
По далям волшебным отважно плыву.

Мятежные волны становятся дыбом
И рушатся, брызгами солнце закрыв,
И я пронoshусь по их вздыбленным глыбам,
По ярости гневной их вспененных грив.

В слезах мои щеки, и вихрь нелюдимый
И сердце в груди голосит, возрыдав:
«Напрасно покинул ты берег родимый,
Загадки грядущего не разгадав!»

Но вот расточаются пенные гривы
И вновь я благой тишиной обуян,
И волны, как прежде, блаженно-ленивы,
И вяло к ним льнет предвечерний туман.

Какие я за день изведаль тревоги,
Но ласковой ночью зато ощутил,
Как сладостно плыть по волшебной дороге
В огнях, в мириадах небесных светил.

И как бы в бореньях душа ни металась,
Поймет не сыскавший дороги прямой,
Что нам от прошедшего нынче осталась
Несмелая струйка за углой кормой...

172. БЕССОННИЦА

Хоть не был я своекорыстен
И не был щедр средь бела дня,
Но страсть прильнуть к истокам истин
В ночной тиши томит меня.

Уста мои не знают речи,
На них какой-то странный гнет,
И разве что сверчок в запечье
Мне в утешенье запоеет.

За чередою привидений
Страх приползет наверняка, —
Так пой, сверчок — душа владений
Истерзанного бедняка.

А иначе во мраке снова
Начнется некий страшный суд,
И нас ни створки, ни засовы
От наважденья не спасут.

Какая невидаль большая
Шуршит во мраке вокруг меня,
Как бы прошедшим устрашая
Иль, может, будущим меня!

Негромко тявкнула собака,
И песню, полную тоской,
С трудом я выудил из мрака
Угрюмой ночи колдовской.

173. ПЕСНОПЕНИЕ

Ткач дней одаривает щедро
Земные заросли и недра,
Он яблоне цветы дает,
Он жаворонка шлет высотам
Над полем ржи. И тайным сотам
Ниспосылает сладкий мед.

Всё от него: быки в упряжке
И лемеха; и крепкий, тяжкий
Цеп для осеннего зерна;
Полдневный зной и тень в дороге;
И звезды, светлячки тревоги,
Когда над нивой ночь одна.

И от щедрот его печали
Блаженством гусли зазвучали
Твои, поэт, твои, певец!
Пускай нам суждены мученья,
Но человек — венец творенья,
И день его — веков венец...

174. ЛЕСНАЯ МЕЛОДИЯ

Видно, Судьба, воздымая завесу,
Въявь привела меня к темному лесу

И повелела мне шествовать в осень,
Милю за милей меж елей и сосен.

Переплетаются ветви в тревоге,
Застят мне солнце в унылой дороге.

Арки, навесы хвои приземленной...
Грустно бреду я сквозь сумрак зеленый.

Изредка в тучах — предвестницах бури —
Светит глазок негасимой лазури.

Многое в памяти чуткой всплывает,
Строгую тишь и покой нарушает.

Вижу, как птенчика кормит ворона.
Дятла мне слышится стук отдаленно.

Ветер порой заливается смехом,
Крик мой ко мне возвращается эхом.

Лес после бури смолкает сурово,
Грусть одиночества чую я снова.

Каждое утро блуждаю, измучен,
Прежней тропинкой меж новых излучин.

В дебри уводит тропа вековая,
Может, и верная, да не прямая!

Рвы да пригорки, сушняк, можжевельник,
Редкий сосняк да густеющий ельник.

Скоро ль конец этим хвойным завесам?
Сердце гадает: «Ну, что там за лесом?»

Долго ль топтать мне поляны лесные?
Скоро ль зардеются дали иные?

175. ПЕСНЬ ЗАПАДА

С востока мчись! Траву ероша,
Дуй, сказкой солнечной дыша!
Прошедших дней легчает ноша,
И возрождается душа...

И в запахе лесов еловых
Всплывает память бытия:
Тропинки зорь златоголовых,
Как в детстве, обретаю я...

Воспрянули и запестрели
Цветы, увядшие давно,
И снова зыбкость колыбели
Мне сердцем ощутить дано...

Дуй, вихрь с востока, чтоб окрепли
Мечты, в которых сердца пыл,
Чтоб не остыли в горьком пепле,
Чтоб их туман не поглотил.

Затем, что только отзвук эха
Мне примерещившийся зов,
И путь, которым я проехал,
Укроет пыль былых годов...

Но если вновь к родным пределам
Взманит синеющая высь,
Рванувшись к воротам замшелым,
Свернись — и в щели угнездись!

176. ЭЛЕГИЯ ВОЛНЫ

Взгляни, как волны гневные морские
Кипят, спеша к черте береговой;
Ты, странник, вторишь странницам стихии,
Их жребию подобен жребий твой!

Вот в гости к нам из дальнего предела
Примчалась белокурая волна,
И ты, пока она прошелестела,
Мгновенья чашу осушил до дна!

За нею — сонм других стихия движет,
Но не страшись бушующей воды:
Они отпрянут, лишь песок залижет
Твои недолговечные следы.

Могущественны волны в гневном юном,
Покамест ветру их гонять не лень;
В ошметках пены по озябшим дюнам
Уйдет в песок и твой короткий день!

177. ПРОВОЖАЯ АИСТА

Пташки в лесу не останутся:
Осень лишь выглянет ранняя,
Стаями к югу потянутся,
Словно созвездья скитания.

Аист, и в зной бедовали мы,
Братьями были названными...
Ты ль, увлекаемый далями,
Ринешься за караванами?

Мреют сады изначальные
Где-то за дымкой бесплотною.
Здесь только ржища печальные,
Только желанья бессчетные.

Сжатые стынут полосоньки
В мире, покинутом птицами...
Знай, этой пестрою осенью
Край твой родимый приснится мне.

Сможешь, ликуя и ратуя,
С ветром померяться силами!
Солнце обгонят крылатые,
Спящим — быть вечно бескрылыми...

178. ПЕСНОПЕНИЕ

Что же веешь ты, угрюмый ветер?
Солнышко, чего так бодро светишь?
Вновь и снова, нынче и от века
Тайна тайн терзает человека...

Вот заря, что разлучилась с тенью;
Вот ползет, подобно привиденью,
По земным трясинам — мрак туманный...
Что здесь явь? А что — лишь сон обманной?

Иль, согрет лучом зари рассветной,
Новый сон ты видишь в жизни тщетной,
По ошибке отделяя сна
От рожденья — смерть цветка земного?

Пусть цветок, едва рожденный, свянет,
Новое зерно взойдет, воспрянет —
Исчезают волны и мгновенья,
Бытие не знает оскуденья...

179. ПЕСНЯ

На пригорке — вишни, вишни,
Ветви их белы, как творог,
Я подумала, но вышло —
Не сужден мне тот пригорок.

Пролегла моя дорожка
Луговиною сиротливой,
Ислестала мои ножки
Обжигающей крапивой.

Мне на косоньки, на косы
Не ложится плат шелковый,
Не омоют сердца слезы
Из-за боли пустяковой.

По обочинам дорожки
Всё метлицы да ромашки,
Веселят меня немножко
В миг, когда сердечку тяжко.

А по утренней светлыни
Проплывает лебедь-птица,
По зеленой луговине
Песня дальняя струится.

Мне кукушка обещала
Жизнь в довольстве и с приданым,
Куковала, наделяла
Сердце счастьем долгожданным.

180. МЕЛОДИЯ ЗАКАТА

Вся земля в объятьях дремы:
То покинула хоромы
В златотканности вуалей
Королева ясных далей.

По траве ступают ножки,
Блещут золотом застежки,

У подола розы млеют,
Изнывают и алеют.

Рдеют на кафтанах черных
Банты пышные придворных,
И, омытые закатом,
Латы стражи блещут златом.

Раздувая пламя малым,
Но всеильным опахалом,
Ворожит, неуловима,
В торжестве огня и дыма.

Исчезает, роковая,
И мерцают, дотлевая,
По следам блаженства злого
Угли капища земного.

181. МЕЛОДИЯ ВОСПОМИНАНЬЯ

Хоть расточились дни твои в скитаньях
По всей земле,
Еще цветут в твоих воспоминаньях
Тропинки дней, истаявших во мгле.

Костром пригасшим память пламенует,
Пойми опять,
Что жертвенник заброшенный всё тлеет
И прежний жар не хочет остывать.

Прильнув душою всей к огням туманным,
Взглянув в окно,
Знай, к этим теплым светочам обманным
Тебе живым вернуться не дано...

Пусть смолкнут черных пустошей страницы,
Ведь ты постиг,
Что урожай твой в закромах хранится
И вечно черпать сможешь ты из них.

Так надобно в отраде и в печали
Не забывать,
Что вечный клад нам в жизненном начале
Вручила всепрощающая мать. . .

182. СЕРЕНАДА

За холмами солнце скрылось,
Книга вечности раскрылась,
Тихо свет струится лунный,
Встал над лесом месяц юный.

Ясных звезд прозрели очи,
Расцвели созвездья ночи,
Так отдай в затишье этом
Сердце мне перед рассветом!

Став земным цветком-бутоном,
Я пою сердцам бессонным,
Врозь или вместе, в час рассветный. . .
Так отдай мне сон заветный!

183. ПСАЛОМ БЫТИЯ

Мгновенное — длится мгновенье,
Продлится века — вековое,
Так что ж ты, ромашка, в смятенье
С поникшей стоишь головою?

Лишь мелкое сохнет, мельчая, —
А жизнь возрождается наша,
Затем что до самого края
Наполнена вечности чаша.

Порой и росток однодневный
Рождает извечную завязь
Цветка, что на жертвенник гневный
Пал, в дымное пламя уставясь!

Расшив одеяний венчальных
Таинственную подвенечность,
Спешим в бытие безначальных,
Бессмертных глубин бесконечность.

184. МЕЛОДИЯ СТРАННИКА

Пламенеет лес с востока,
Сойку гонит прочь сорока,
Стукнул дятел на заре
По осиновой коре. . .

Брезжит свет меж редких сосен,
Поутру зарделась просинь,
И пора мне в путь опять —
Вам дорогу пролагать.

Мне велели в этом царстве,
Королевстве-государстве
Протянуть сквозь дебри путь,
А потом уж — отдохнуть.

Вот иду я ровным шагом
По лугам и по оврагам,
И загадку бытия
Разгадать пытаюсь я.

Вечно всё на свете в споре:
Вслед за счастьем — грянет горе,
А вослед за ясным днем
Хмурой непогоди ждем.

Что ж, мою благую жажду
Утолит источник каждый,
Мхом перину заменя,
Растянусь я у огня.

В этой росной канители
След продолжить мне велели:
Я и вышел в путь, готов
К тяготам любых трудов.

Нынче шлю благословенье
Солнцу вперемежку с тенью
И остывшему вчера
Пепелищу от костра.

Ветру вольному спасибо,
И костер я славлю, ибо
Разгонял он ночь мою
В можжевелевом краю!

185. АККОРД

Вот людские тропы и дороги —
Упованья, полные тревоги...

По полям и по лесам угрюмым
Тянутся, сродни отважным думам.

Путь на юг — тропа в просторном мире,
Путь на запад — несколько пошире.

Вдоль обочин жмутся, сиротливы,
Ивы да кресты, кресты да ивы.

Грязная, раскисшая дорога,
Мало вех, а перекрестков много.

Много здесь пришельцев побывало,
Кто с цветком, а кто с шипом, бывало.

Да ушли отсель, не загостились,
Верно — в безвозвратный путь пустились...

Всё бредет беда — то врозь, то скопом,
То пешком, а то и вскачь, галопом...

Эх, недолго тут лаптям споткнуться,
На проселке пыльном растянуться!

Бремя нищеты влекут телеги —
Рано еще думать о ночлеге...

По ступицу слякоти короста,
Дыры черные в настиле моста...

Стой, литовец! На другой дороге
Ты ищи себе в беде подмоги!

186. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

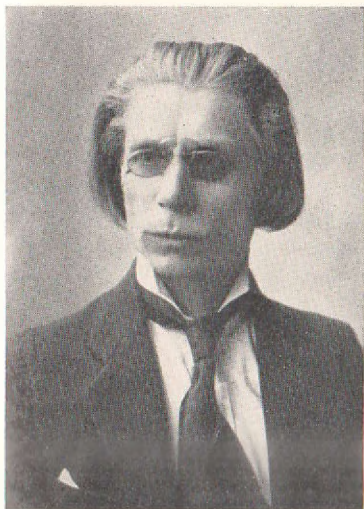
Путь земной — угрюм, несладок,
Полон всяческих загадок:
Не объять единым взглядом,
Что вдали, а что и рядом.

Было солнце в тверди жгучей,
А потом оделось тучей,
Загремела непогода:
Видишь, экая невзгода!

Нынче солнце в силе, в мощи,
Хороши сады и рощи,
Но не трогай недотрогу —
Роза вянет понемногу...

Что шумело и пылало,
Угасать тихонько стало,
Никнут листья и соцветья —
Что мечтать о долгом лете!

Зной былой оставил вешки:
Пепел, прах да головешки —
Искры вечного пыланья,
Сон земного упованья...

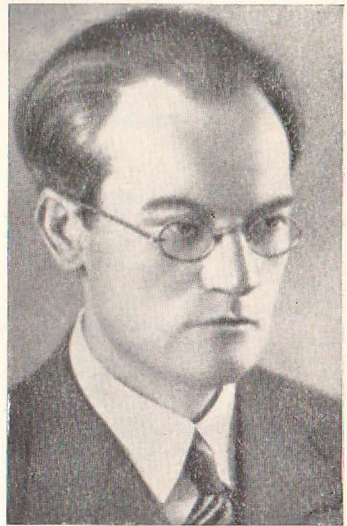
П. Вайчюнас

Ф. Кирша

Б. Сруора

В. Миколайтис-Путинас

187. НЫЛЬ И ЗВЕЗДЫ

(Отрывок)

Я славлю жесткие полати,
Простую мебель бедняков —
Златые сны я видел, кстати,
На оной, не щадя боков!
А в королевских анфиладах,
В хрустальных люстрах и в прохладах
Душа моя, как встарь, жила
Теплом родимого угла...
Когда зимою вихри взвоют,
Снега, плывя со всех сторон
И заноса монарший трон,
Лежанки жесткой не покроют,
Ведь до пределов бытия,
Как ни верти — она твоя!

А. Ластас родился 18 октября 1887 года в деревне Ишланджяй (теперь Капсукий район). В 1908 году окончил гимназию в городе Сувалкай и поступил на юридический факультет Московского университета. За участие в студенческих волнениях против царизма в 1911 году был исключен из университета. Мобилизованный в царскую армию, он воевал на Карпатском фронте и был тяжело ранен. Вернувшись в 1918 году в Литву, Ластас стал преподавателем гимназии, а в 1924 году закончил Каунасский университет и занимался адвокатской практикой. Умер 18 января 1961 года в Каунасе.

Свои стихи А. Ластас начал публиковать с 1910 года, сотрудничал во многих литературных журналах. В его стихах, по существу всегда близких демократическому направлению, временами проявлялись и узкоэстетские настроения, склонность к символизму. А. Ластас издал сборники стихотворений: «Солнечная сказка. Лилия, Буря» (1920), «Золотые колосья» (1921), «Над кровавыми почками» (1935), «Тоска» (1939), «Избранное поэзии» (1957), поэму «Судьба литовского книгоноши» (1925), повесть «Детство Альбинукаса» (1959).

Отдельные стихотворения А. Ластаса переводились на русский язык.

188. РУЧЕЕК

Журчал ручеек, в глубину увлекая
Лазури и золота блики;
Цветы у воды, свои стебли сплетая,
Пестрели цветы повилики.

Летя над ручьем, ветерок будоражил,
Мutil его чистые струи,
А солнце улыбку бросало и даже
Дарило ему поцелуи.

Ручей их подхватывал вмиг и, счастливый,
Струился долиною плоской,
Качая серебряных волн переливы,
Нанизывал бусинок блестящие.

Журчал ручеек, в глубину увлекая
Лазури и золота блики;
Цвели у воды, свои стебли сплетая,
Пестрели цветы повилики.

1912

189

Лучом рассвета
Сквозит восток,
И час заветный
Так недалек.

Роса венками
Встречает день,
Но гасит пламя
Слепая тень.

Хоть зацветает
Земли простор,
Хоть запекает
Деревьев хор,

Но тьмой сдавило
Людские сны,
Хоть руки силой
Напоены.

9 февраля 1913

190. ВОЛНЫ

Они, изгибаясь, как шпаги,
Искрятся от капелек влаги
И цепью бегут, как солдаты,
На берег, что жаждет расплаты.

211

Как духи небесного царства,
Не созданы волны для рабства
И борются с сушей до боли.
Но берег их держит в неволе,
И вспять, к водяной круговерти
Без сил они катятся. К смерти.

1913

191

Черно-серый лик земли
Скрыла сеть снегов густая,
Спит земля. Ей сны сплели
Свой узор, над ней витая.

И седых деревьев рать,
Обнажив ветвей сплетенье,
Будто силится понять
Снов таинственных значенье.

Дивная мечта ветвей
Греет душу человека,
Обещает скрытый в ней
Смысл открыть в глубинах века.

И душа уже слилась
С голубой мечтою веток,
Сокровенному дивясь
Смыслу радости расцвета.

6 января 1914

192. ЗА СПЯЩИМ БОРОМ

За спящим темнеющим бором
Заря занялась над простором.
Невинна была и чиста
Рассветных лучей красота.

А труженик с тяжкой заботой
С зари до зари за работой.

Он, может быть, в смерти одной
Найдет свой отрадный покой.

Но вот за светлеющим бором
Заря занялась над простором,
Всё ярче и всё горячей
Сияла улыбка лучей.

1 марта 1914

193. ВЕЧНЫЕ ТАЙНЫ

Раскинулся мир без конца и без края.
Загадками вечными грудь мне терзая,
 мне дума уснуть не дает,
 бессонную пряжу снует
и новые тайны приводит утрами:
то весь горизонт опояшет крестами,
 то деревом гиблым мелькнет...
Мой разум их суть не поймет.

Раскинулся мир. Перед ним я немею.
Я века скрижали читать не умею —
 мир тайны, доступной уму,
 лишь с ветром в беседе пойму.

31 мая 1914

194. СЛАВА ПАХАРЯ

Тучки в шелковой одежде
Бродят в лунный час,
Задремавшие надежды
Разбудили в нас.
Не печалься, горемыка,
Поднимись в мечте великой!

Снов неслышных колыханье
На ночных полях...
Загораются желанья
В горестных глазах.

Пенятся, как в океане,
Волны радостных желаний...

Тучки в шелковой одежде
Бродят в лунный час,
Задремавшие надежды
Разбудили в нас.
Не печалься, горемыка,
Поднимись в мечте великой!

1914

195

Цветики лугов зеленых,
позовете ли меня
в лоно трав благоуханных
на цветистые сиденья?

Пусть мне голову закружит
вновь дыхание цветов
в час, как сок им выжимают
золотые пальцы солнца!

Юные глаза хотели б
снова в зелень окунуться,
поиграть с голубизною,
встретить красок ликование.

1 марта 1915

196. ВЕСНА ПРОСЫПАЕТСЯ

И вот уже снова весна наступает,
широких полей озаряет простор,
и пригоршней полной цветы рассыпает,
лазурь погружает в глубины озер.

Девичьей улыбкой и ласковой речью
живит нашу землю, светла и легка,
притронется к лилии — та ей навстречу
раскроет жемчужную чашу цветка.

18 апреля 1915

Даль, как любовь моя, быстро поблекла.
 Иней обжег своим холодом стекла.
 Рощи скучают без звонкого эха.
 Осень — всем радостям нашим помеха.

Ветви нагие застыли в печали.
 Счастье умчалось в ненастные дали.
 Умерли песни опавшей листвою.
 Полнятся думы нездешней мечтою.

Солнце от нас вдалеке — за лесами,
 Только дождливое небо над нами.
 И вместо вешнего птичьего пенья —
 Только холодных ветров озлобленье.

30 октября 1915

198. ВОИНСТВУЮЩИМ

Ждущие бойни —
 Презренье достойны!
 Вам лишь о крови мечтать!
 Кровь и страданье —
 Ваше призванье:
 Мертвый не может стонать.

Каплями крови
 Всегда вы готовы
 Каждый украсить налог.
 Призрак вам снится —
 Огонь шевелится,
 Дым на распустьях дорог.

Голод, болезни —
 Друзей нет полезней —
 Вот ваш желанный посев!
 Шлем вам проклятья,
 Трудящихся «братья»,
 Смерть пред собою узрев.

Ждущие боины —
Презренья достойны!
Мертвых вовеки не счесть!
Кровь и страданье —
Ваше призванье.
Наше призвание —
Мечь!

1915

199. В ГОРАХ

Свой узор сияний чистых
Из чешуек серебристых
Гнул, ковал мороз нагорный...
Серебрился зал просторный.

Каждой веточке сосновой
Он дарил подарок новый,
Жемчугом их украшая,
В самоцветы наряжая.

Сосны высились открыто,
Как из снежного гранита
Высеченные красиво,
Словно в сказке, всем на диво.

Свой узор сияний чистых
Из чешуек серебристых
Гнул, ковал мороз нагорный...
Серебрился зал просторный.

29 ноября 1916

200. БЕЛЫЕ НОЧИ

О белые ночи студеной зимою!
Взгляните на дворик мой вместе со мною.
Утешьте мне сердце, уймите тревогу,
крылатой мечтой осените дорогу!
О чуткие белые ночи покоя!
И святость души в вас, и горе людское,

в вас белого бархата дивная нега
в холодном мерцании лунного снега.
Ко мне синевою в мой дворик слетите
и сны мои зимние благословите,
согрейте мне сердце, уймите тревогу
и лунной крупницей посыпьте дорогу.

19 февраля 1917

201. ГРАЖДАНИНУ РОССИИ

Ты опьянен небывалой надеждой,
Сердце предчувствием счастья полно,

Ждешь ты великого освобожденья,
Голод и горе тебя не страшат.

Весело в дымное небо взгляни ты —
Там расцветает зари огонек.

Утро встречай, как невиданный праздник;
Всё, что пожертвовал, скоро вернешь.

Болью воспитан и горем замучен,
Нежный, отважный, ты счастье обрел.

Слава тебе, гражданину России!
Грезы твои — как крылатые сны.

Песня свободы, могучей и чистой,
Блещет и плещется в сердце твоём!

1917

202. РАДОСТЬ ОЖИЛА

Буланых коней я гоняю вдоль поля,
Мне путает волосы ветер на воле,
Садятся в ячмень воробьиные стаи,
И сила в груди у меня кипит.

И снова я с плугом иду целиною,
Скворец на березе поет надо мною.
Холщовый рукав мой, как парус под ветром,
И всё переполнено солнечным светом.

Я сотни борозд проложил через поле
И силу почуял свою поневоле,
Я взглядом просторы полей обнимаю
И шапку свою перед солнцем снимаю.

24 августа 1918

203. КЛЕВЕРОК

Клеверок белоголовый,
желтый одуванчик!
Что качаетесь? Какую
думаете думу?

Что, скажите, вас тревожит?
Мне смотреть тоскливо...
Может, вам пчела несчастье
нажужжала в ухо?

Клеверок белоголовый,
желтый одуванчик!
Может быть, свой жребий горький
вы уж разгадали?

Парень острою косою
в сердце вам вонзится,
и умрет на клеверочке
желтый одуванчик.

1918

204. ГОРОД УЖЕ ЗА СПИНОЮ

Город уже за спиною —
Виснет на дымных канатах.
Снежный простор предо мною...
Город уже за спиною.

Лжет свиденье ночное,
Может, вернуться обратно?
Город уже за спиною —
Виснет на дымных канатах.

29 февраля 1924

205. ЖАВОРОНОК-СЕРЕБРО

Птичка в небе встрепенулась,
зазвенела серебром,
будто солнце улыгнулось
и повеяло теплом.

Вслед за птичкой-егозой,
глубиной небес дыша,
вместе с солнечной весною
устремилась ввысь душа.

Песня жаворонка льется,
в ней и свет, и синева.
Люд рабочий соберется,
скажет смелые слова.

Жаворонок, ты, как прежде,
сбросишь людям, в знак добра,
по янтарику надежды,
по крупинке серебра.

1934

206. ЛЮБОВЬ НЕ ВЕРНЕТСЯ

Не томись тоской унылой
на своем пути.
Вслед за стаей белокрылой,
сердце, не лети.

Трубы дымные меж нами,
холодно в груди,
ты ни днями, ни ночами
милую не жди.

Вел меня асфальт широкий
в дальние края.
Буду жить я одиноко —
я да грусть моя.

Сердце в вечном поединке:
чтоб жила любовь,
дни былые по песчинке
воскрешает вновь.

Не забыть о ней вовеки —
так была светла...
Не она ль цветком на ветке
по весне цвела?

17 августа 1935

Поэт и драматург П. Вайчюнас родился 11 июня 1890 года в деревне Пилякальняй (теперь Йонавский район). За участие в волнениях против царизма во время революции 1905—1907 годов был исключен из Укмяргской средней школы. Позже окончил курсы землемеров, был вольным слушателем Петроградского психоневрологического института. Долгое время П. Вайчюнас был очень тесно связан с Государственным театром в Каунасе, работал в комиссии по фольклору при Каунасском университете. Умер он 7 июня 1959 года в Вильнюсе.

Как поэт, П. Вайчюнас выступил в годы первой мировой войны, некоторое время был близок символистам. П. Вайчюнас издал сборники стихотворений: «Лучи, покрытые росой» (1923), «Восходящее солнце» (1925), «По родным дорогам» (1927), «Солнечное сокровище» (1935), «Избрашное» (1946) и другие. Написал около двадцати драматических произведений, среди них наиболее известны комедии: «Напрасные усилия» (1926), «Патриоты» (1927), «Воскресение» (1936), в них высмеяны некоторые пороки буржуазного общества Литвы. Пьесы П. Вайчюнаса сыграли большую роль в развитии литовской драматургии и театра. В творчестве П. Вайчюнаса нашли отражение и его идеалистические воззрения, а также приверженность к идеалам «национального единства». Он переводил на литовский язык произведения Ю. Словацкого, С. Пшибышевского, Ф. Шиллера, Г. Ибсена, Г. Гауптмана и других, из русской литературы перевел «Итальянские сказки» М. Горького.

Некоторые его стихотворения переводились на русский язык.

207. НЕ ПЛАЧЬ, СЕСТРИЦА!

Не плачь, сестрица! Полно плакать!
 На мир с надеждою взгляни...
 Пройдут кровавые, как плаха,
 Мучительные эти дни.

Нас примет вновь простор отчизны,
Мы вновь прильнем к ее полям.
И словно бы рассвет лучистый,
Вернется снова счастье к нам.

Поглощена дневной страдою,
Ты выйдешь в даль родных полей.
А если встретишься с тоскою,
Ее развеет соловей.

В вечерний час придет любимый,
Чтоб к сердцу твоему прильнуть.
И будет даль необозрима,
И звезды озарят вам путь.

Между 1915 и 1917

208

Устало уходит дневное светило,
Уходит в поля, за синеющий лес.
Иное сверканье простор ослепило —
Бессчетные звезды на лике небес.

О, сколько их там, в высоте бесконечной,
Влюбленных друг в дружку и в свой небосвод...
Проводят в веселье и радости вечность,
И мгла не страшит их, и скорбь не гнетет.

О чем же, душа, ты грустишь постоянно?
Иль мнится тебе, что удел твой высок?
Быть может, ты хочешь в небесные страны
Подняться лучами небесных дорог?..

{1923}

209

Крылатые над миром тучи
Качают солнце тихо, тихо...
А здесь, внизу, позор гнетущий
И обездоленность, и лихо.

Не видят солнца наши братья
И изнывают от тоски.
Раскрыла нищета объятия,
И всё тесней ее тиски.

Душа! Не знать тебе покоя
И молнией пронзать простор,
Сжигая горе вековое —
Проклятье наше и позор!

(1923)

210

Падают грустные хрусткие листья.
Прячется солнце в тумане густом.
В роще осенней печально и мглисто —
Шепчет она непрестанно о том. . .

Роща блестит позолотою рдяной.
Серый венчает ее небосвод.
В скромной одежде, в одежде нарядной
Лето спокойно к погосту идет. . .

(1923)

211. ТРЕВОГА

Когда пробуждается в сердце тревога,
Весь мир — словно пламя и словно могила.
То вдруг уничтожит, то взглянет нестрого,
Ужалит, утешит, вернет тебе силы. . .

Когда пробуждается в сердце тревога,
Ты держишь в объятиях взбешенные грозы
И видишь, как эта планета убога:
Все жалкие клады ее — как отбросы. . .

Когда пробуждается в сердце тревога,
Она все надежды из праха поднимет.

И ветра порыв, и покой, и дорога,
На вид неизменные, станут иными. . .

Когда пробуждается в сердце тревога —
Покой обретаешь. . . Пусть буря ярится.
Прильнешь ты к земле у родного порога,
И песня живая в душе возродится. . .

1923

212. В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ

Я в мир выхожу, не расставшись со светлыми снами.
Они — словно парус, попутным наполненный ветром.
И мне безразлично, какими пойду я путями
И будет сей мир негодующим или приветным.

Я в мир выхожу, словно в раннее летнее утро,
Не зная, что день мне готовит: лазурь иль несчастье.
Шагаю сквозь росный туман и предчувствую смутно,
Что песня свободы избавит от худшей напасти.

Я в мир выхожу с просветленной открытой душой.
Пусть даст он, что хочет, и пусть он возьмет всё, что
хочет.

Я с тихою радостью встречусь и с хмурой тоскою,
Приму я сияние дня и отчаянье ночи.

Я в мир выхожу, я иду над извечной могилой.
Хочу разгадать я загадку великую эту,
Покуда надежды высокие жизнь не разбила,
Пока не остыло стремленье к дороге и свету.

1923

213. ПРИГЛАШЕНИЕ

В хрустальных чашах солнечный напиток. . .
Над белой скатертью алеют розы. . .
На голубых дорогах, мглой повитых,
Видна флотилия, чье имя — грезы. . .

Так сядем же за стол своих мечтаний,
Пора отведать солнечные вина
И погрузить свои сердца в сверканье!
Довольно в горе прозябать безвинно!

Так сядем же за стол своих мечтаний,
Пока надежда в сердце не увяла...
Веселье одолеет увяданье,
И бледные ланиты вспыхнут ало!

В хрустальных чашах жизнь играет нежно,
Цветенье роз к цветенью призывает...
Грядущее желанно и безбрежно,
Когда в глазах вино, как луч, сверкает!

1923

214. МОРЕ ТРЕВОЖИЛОСЬ

Море тревожилось, море гремело,
Порой хохотало, порой клокотало,
Вздыхало стальное над берегом тело,
Скулило рабом и владыкой карало...

Море тревожилось, море гремело,
Как будто собрание грозных титанов,
И звало сражаться упорно и смело,
Восстав, в небеса изумленные прынув...

Море тревожилось, море гремело,
То алчно гигантским алмазом светилось,
То жемчуг швыряло, не зная предела,
Вздыхалось горами, коврами стелилось...

Море тревожилось, море гремело,
Из пены молочной взбивало короны,
Глотало куски тишины омертвелой,
Вставало владыкой разгневанным с трона...

Море тревожилось, море гремело,
На берег толкало громадину вала,
То шурилось слепо, тускнело, чернело,
А то янтарем золотым расцветало...

Море тревожилось, море гремело,
То, бешено зевом оскалившись львиным,
Плевало в созвездия остервенело,
То никло, себя ощутив властелином. . .

1923

215. БЕЗБРЕЖНЫЕ ДАЛИ

О, как бесконечность морская подвижна!
Бежит, пробегает волна за волной. . .
Хочу из покоя, хочу из затишья
Восстать, словно море, с воскресшей душой. . .

И мнится мне: волны в последнем усилье
Помчатся по суше, не зная преград. . .
Но нет! Лишь песку золотого вкусили
И, словно насытись, вернулись назад.

О, хлынуло б в грудь мне тревожное море
И подняло сердце на гребне седом!
Себя ощутить бы в свободном просторе,
Уверовать в это, хотя бы с трудом. . .

Покуда бессильно безумствует буря,
Хотя бы такую поднять мне в груди. . .
И — в плаванье, взгляд напрягая и щуря,
Покуда видна еще цель впереди! . .

1923

216. ПРИДИ

Приди, приди! Тобой я полон снова. . .
Приди — красива, молода, чиста!
Пусть было прошлое сурово —
Не потускнела светлая мечта. . .

Приди, приди! Тобой я полон снова. . .
Приди прекрасной, как улыбка дня!
Пусть не затмит улыбку мгла былого —
О нем забудь, послушайся меня. . .

Приди, приди! Тобой я полон снова...
Приди освобожденною, иной!
Пусть не страшит тебя тень бытия ночного, —
Объятая распахнет нам свет дневной...

Приди, приди! Тобой я полон снова...
Приди такой, какой придешь...
Пусть было прошлое, как ночь, сурово —
Во мне ты солнце обретешь...

1924

217. ПОСЛЕ БУРИ

Где грезы, что утром еще волновали?
Ослепшее небо туманом повито.
Ни боли, ни радости, лишь волхвованье,
Лишь спящая чаща и лишь панихида...

А в сердце свежо, как в заснеженной чаще,
Как в море, сомкнувшемся с морем восхода.
Спокойно — и ладно. Живу настоящим.
Слышна тишина мне особого рода...

Не надо мне больше ни счастья, ни грусти,
Ни старости мирной, ни юности знойной.
Молчу, как молчат позабытые гусли.
Разбудит их кто-нибудь в час беспокойный...

1924

218. СЕНОКОС

Над землей еще молчащей
Выплыл в небо шар слепящий.

Песнь свою запели косы.
Покатились наземь росы.

И пошла трава волною
Под косою под стальнойю...

Девушки идут за сеном,
Льнут ромашки к их коленям.

У парней на спинах росы.
Как ужи, ползут прокосы.

И поет коса, летая.
Полоса одна, другая...

В небе — солнце, в поле — росы.
Руки голы, ноги босы.

Гул звенящий, шар слепящий —
В поле, и в реке, и в чаще...

Девушки цветов пестрее.
Кто — смешливей, кто — смелее.

К солнцу падая в объятья,
Косят в поле наши братья.

1924

219. ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Зелень душу утешала.
Пестрые венки плелись.
Мгла нежданно набежала.
Потускнели даль и высь.

Обхватил деревья ветер
И трясет их что есть сил!
Вечером и на рассвете
Сад трепещет, наг и сир.

Все леса уже привыкли
К новым песням и певцам:
Подметая землю, вихри
Свищут днем и по ночам.

О, кому теперь молиться?
Нету ясных зорь уже.

Ветер, оборвавший листья,
Подбирается к душе. . .

Ни листочка, ни травинки.
Всюду осени следы. . .
О, скорее бы — снежинки,
Что похожи на цветы! . .

1924

220. ИГРА СОЛНЦА

1

Лес звенящий, лес галдящий,
Словно в бусах — в белых росах,
Весь блестящий, весь горящий,
Держит солнце на березах. . .

Шорох листьев. Тяжесть ягод.
И во мху цветов сверканье.
И мельканье голых пяток.
И в лучах стрекоз дрожанье.

Лес творит — рождает песню.
В лад звенят миллионы канклей.
Дремлют тени в чаще тесной.
Зелень, пестрота, мельканье. . .

2

Лес нарядней всё и краше,
Всё задорней звон и пенье.
Ветер тянется к ромашке —
Та потупилась в смущенье. . .

Лес и луг и солнце блещут.
Зелень, золото и зной. . .
И цветы в руках трепещут,
А в душе покой, покой. . .

(1925)

221. СИРЕНЬ РАСЦВЕЛА

Буаляю зеленой прикрывшись несмело,
Сирень у меня под окном забелела.

Висят очарованно возле оконца
Мильоны цветков повторением солнца.

И стала земля лучезарнее неба
От этого теплого, нежного снега...

Как бы обещание счастья — цветешь.
Любимая, это — твое повторенье.

Дай руку, уйдем в лучезарные дали
В венках из сирени, не зная печали.

1925

222. СЕЯТЕЛЬ

Сеятель ходит неспешно и важно.
Весь он в прекрасных извечных стараньях.
С жесткой ладони вспорхнула отважно
Стайка веселая зерен янтарных.

Ворот распахнут. Руки летают.
Неиссякаемый фартук чудесен.
Так меж землею и небом шагают
Лишь великаны из сказок и песен.

Сыплет он тысячи жизней с ладони.
Выпал ему благодарнейший жребий!..
Радуйтесь, люди: в черном раздолье
Станет светло, словно в утреннем небе...

Гордо над пашнею, горем взрыхленной,
Высится сеятель вечный и бранный.
С мощной ладони его окрыленной
Зерна, как мысли, летят вдохновенно.

1926

223. ЗИМА

Под лучом зари прилежной
Спит земля в постели снежной.

Тишина и сновиденье —
Только белое цветенье. . .

Как свежо вокруг и чисто!
Всё сверкает и лучится!

«Здравствуй, ледяное пламя!» —
Плачет птица в светлом храме.

Лес крещенский искрометен,
И бездушен, и бесплотен.

Всё бело вокруг до боли.
«Здравствуй, снеговое поле!»

Но становится безгласным
Поле в саване прекрасном.

Поле, птица, сновиденье —
Белых грез осуществленье. . .

1929

224. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Возле березы почти что раздетой
Слушаю листьев шуршащую мессу.
Кажется: изгнано счастье с планеты.
Кажется: горе склоняется к лесу.

Трепетным листьям уже не согреться.
Что-то пездешнее их отличает.
Каждый, как будто озябшее сердце,
Падает, хочет взлететь, замирает. . .

С этой березой — ровесницей мая,
Тихо роняющей скорбные листья,

Ты не расстанешься, если, страдая,
Ты ей ответишь и чувством, и мыслью.

Падай, листва! Умирать не постыдно.
Стыдно цвести без свеченья и тени.
Стыдно прожить бестревожно и сытно,
Без вдохновенного счастья свершений!

1930

225. ПЕРВОЦВЕТ

Раскинулось небо весенней расцветки,
Над крышами вьются грачиные стаи,
Но зеленью ранней не брызнули ветки,
И снег под кустами ютится, не тая.

Лесная поляна еще не согрета.
Под деревом в мерзлой листве, в перегнутое,
На гибель пробился цветок первоцвета
И ежится в поисках солнца и зноя.

Над ним поутру суетится синица:
«Зачем из земли ты пробился так рано?»
И каркает ворон, зловещая птица:
«Спят черви. Нет пахарей, в поле туманно».

— «Я выгнан на ветер, тепла еще нету, —
Ответил цветок, — так морозно в апреле».
Но солнце взошло. Лепестки первоцвета
Раскрылись навстречу и поголубели.

1934

226. Я ИДУ

Я иду своей стезею
Солнечною и земною.

И хотя крута дорога,
Верст по ней прошел я много.

Преодолевал преграды,
Скорбные встречал я взгляды.

И простясь с мечтою прежней,
Многих одарил надеждой.

Сеял зерна, — впрочем, к слову,
Пожинал подчас полосу.

Но живет в душе тревога,
Но влечет, ведет дорога.

(1935)

227. ВАСИЛЬКИ

Васильки-подгляды из хлебов туманных,
Вы б могли поведать много сказок странных!..

Шла я через поле. «Здравствуй!» — мне вдогонку.
Встала рожь, как чаща, зашумела звонко.

Васильки-подгляды из хлебов туманных,
Вы б могли поведать много сказок странных!..

«Здравствуй!» — отвечаю, на него не глядя,
Васильки небрежно по головкам глядя.

Васильки-подгляды из хлебов туманных,
Вы б могли поведать много сказок странных!..

Солнце в рожь упало. Мотыльки вспорхнули.
Мы в глаза друг дружке невзначай взглянули.

Васильки-подгляды из хлебов туманных,
Вы б могли поведать много сказок странных!..

Сели близко, тесно. . . Рожь, как чаща, встала.
«Милая!» — сказал он. «Милый!» — я сказала.

Васильки-подгляды из хлебов туманных,
Вы б могли поведать много сказок странных!..

Застучало сердце, расцвело от счастья.
Не глаза сияют — васильки лучатся.

Васильки-подглядяды из хлебов туманных,
Вы б могли поведать много сказок страшных!..

(1935)

228. ЛЕС

Пологом листьев он тайны завесил.
Эти стволы божество обнимало...
Здесь получаешь всё, о чем грезил,
Всё, чего в жизни тебе не хватало.

Тайна хранится, но лес не темница —
Добрый, приветливый, гостеприимный.
Радужно светятся сосны-сестрицы.
Пчелка жужжит над кустами малины.

Кланяется березняк светлоликий,
Словно литовец из ближней деревни.
Здесь, на лужайке созреть земляникой
Было бы вовсе не дурно, поверь мне!

(1935)

229. ВЕСНА

Весна обещает пиры за страдою,
Весеннее солнце над полем восходит,
Весна прибегает зеленой тропою,
Весною всей жизнью мечта верховодит!

Весною к нам счастье врывается с ветром.
Весна обдает нас дыханьем сирени,
Весною сердца открываются свету,
Весной паяву мы живем в сновиденье!

Весна распушила березы и клены,
Весна за крыло наше счастье схватила,
Весеннее солнце ласкает влюбленных,
Весна даже черную скорбь осветила!..

Весной волшебство на земле оживает,
Весна рассыпает в лугах первоцветы,
Весеннее солнце в полях расцветает,
Весна приглашает на пиршество лета!

1935

230. ЧЕЛОВЕК, ТЫ ЗНАЕШЬ...

Человек, ты знаешь, чем ты жив на свете?
Только беспокойством движется душа,
Паруса вздувает только вольный ветер,
Радуга над тучей встанет — хороша.

Лишь душе, знакомой с истинною страстью,
Близко солнце неба, ясен свет дневной.
Лишь изведав горе, ты узнаешь счастье
Полноты сердечной, радости земной.

Что нам синь морская без волны бурливой,
Что нам стройный выгиб молчаливых лир?
И у змей в движенье ярки переливы,
Но без наших песен был бы скучен мир.

Колокол качнется над седой рекою,
Медная, вздыхая, запекает грудь,
Словно призывает путников к покою,
Словно хочет силы в их сердца вдохнуть.

Но взрывают тучи только молний стрелы,
Лишь любовь зовет нас в солнечный полет!
Если жаждешь жизни — с нею бейся смело,
Только пламя страсти жизни жизнь дает!

1935

231. ГДЕ СИНИЕ ВОЛНЫ

Эй, в море, друзья! В мир широкий и вольный!
Где Нямунас брызжет в полях серебром,
Где с солнцем целуются синие волны,
Где нашей свободе — гореть янтарем.

О море Балтийское, море родное,
О водах твоих нашумела молва!
Родимое море, ты — счастье живое,
С тобой оживет молодая Литва!

К свободе и к морю — путь нашей победы!
Поднять паруса и уплыть по волнам!
Да будет сиянье на башне Клайпеды
И благословеньем и светочем нам!

1936

Поэт символистского направления Ф. Кирша родился 13 февраля 1891 года на хуторе Сянадварис (теперь Зарасайский район). Учился в гимназиях Вильнюса и Москвы, аттестат зрелости получил в 1914 году в Орле, а в 1915 году окончил педагогические курсы в Вильнюсе и несколько лет работал учителем. В 1922—1925 годах Ф. Кирша в Берлинском университете изучал немецкий язык и литературу. Он активно участвовал в культурной и литературной жизни, редактировал литературные журналы «Барас» («Полоса»), «Прадай и жигяй» («Начинаания и поступки»), сотрудничал в официозной буржуазной печати, но вместе с тем в своих высказываниях он неоднократно критиковал буржуазную культурную политику. Умер 5 января 1964 года в США.

Ф. Кирша начал печатать стихи с 1912 года. Выпустил сборники стихов «Омуты» (1918), «Отзвуки эха» (1921), «Вспаханные борозды» (1926), «Песни» (1934), «Молитвы на камне» (1937), «Пилигримы» (1939), историческую поэму «Поход Римгаудаса» (1930). Он является и автором сатирической поэмы «Пепел» (кн. 1, 1930; кн. 2, 1938), направленной против некоторых пороков правящей буржуазной верхушки. Переводил на литовский язык произведения З. Красинского, Ю. Крашевского и других. В эмиграции Ф. Кирша выпустил сборники «Дали» (1947) и «Святые камни» (1951). В Советской Литве издана книга избранных произведений Ф. Кирши «Пепел» (1962).

Стихи Ф. Кирши на русский язык переводятся впервые.

232. ВЕСЕЛЫХ Я НЕ ВЕДАЮ КРАЕВ...

Веселых я не ведаю краев.
 Быть может, ты,
 Поэт красивых слов,
 Слагатель рифм, желаний и томлений,

Чужих истолкователь сновидений,
Подскажешь мне, всей правды не тая,
Где оные волшебные края?

Быть может, там, где утро светит нам,
Где
Не подвластны хмурым облакам
Просторы нетускнеющей лазури?
Там, где, не зная ни грозы, ни бури,
Колышется немеркнущая высь,
Где вихри все смирились, улеглись?

О нет, мой друг, иные есть края,
Где люди — как единая семья,
Где прежняя любовь не отпылала,
Где в душах зреют всходы идеала,
Где людям чужды мстительность и ложь,
Где в каждом сердце истину найдешь,
Где возвещают Мудрость и Отвага
Равновеличье Господа да Блага!

16 января 1916

23. ВОРОН

«Ох ты, ворон чернокрылый,
И откуда ж ты, унылый,
Прилетел, гоним судьбой?
Или сам нашел дорогу
К обреченному порогу,
В край, где длится смертный бой?»

— «Кар, кар, кар, почем мне знать,
Буду досыта клевать!»

— «Ну, веселье нам не внове:
Здесь неслись потоки крови
К рекам, полным теплоты;
Здесь — давно ли дело было —
Скольких смерть людей сгубила,
Что ж намерен делать ты?»

— «Кар, кар, кар, почему мне знать,
Стану досыта клевать!»

— «Парни в сече погибали,
На пожаре кони ржали,
Полыхали хутора! . .
Сестры выплакали очи,
Дым вздымался к звездам ночи —
Вправду ль ты здесь ждешь добра?»

— «Кар, кар, кар, почему мне знать,
Стану досыта клевать!»

5 марта 1916

231. МЫ ВЕРТИМ СВОЙ ЖЕРНОВ

Нет, я на жизненном пиру
Друзей себе не подберу, —
Ведь каждый собственной особой
Свой вертит жернов — свой, особый.

Мы, одиночеством томясь,
Порой теряем с миром связь, —
Не потому ль, что все покорило
Вращают свой, особый, жернов?

Стихов блаженных не могу
Дать людям — я у них в долгу, —
Затем, что каждый — были б силы! —
Свой вертит жернов до могилы!

15 сентября 1916

235. Я ТИШИНЫ МОРСКОЙ ОБМАННОЙ...

Я тишины морской обманной
Не слышал. Не внимал я ей,
Когда к утесам мрак туманный
Вздывает череду теней.

И не был я объят пустыней
Златого солнца и дождя,
Когда корабль по пашне синей
Плывет, буруны громоздя.

Но в миг, когда рождалась жалость
И плакала душа в плену,
И сердце кровью обливалось,
Я понимал, что я тону.

И видел облачные глыбы
Над зеленью волнистых груд
И толщу вод, в которой рыбы
Безжалостно друг друга жрут.

Нисходит равновесье в душу,
Смирняя молнии борьбы:
Так солнце луч в пучину рушит,
Меж вихрей, вставших на дыбы.

22 октября 1916

236. МОРЯ, МОРЯ!

Возлюбив свою свободу,
Волны, чуткие, как совесть,
Вы стремитесь к небосводу,
Будто к гибели готовясь.

Не уйти из фьордов тесных,
Вечно льнуть к седым утесам,
У подножья стен отвесных
Припадать к пескам белесым.

Суждено судьбой суровой
Вам греметь, не умолкая,
Сдавливает корабль дубовый,
Где пойдет ко дну — не зная.

Эх, моря! Соленый ветер
Вашим всхлипам не помеха, —
Вы рыдаете, не слыша
Осязаемого эха.

Но цветут над миром зори,
Льются ваши песнопенья
В обновившемся просторе
О блаженстве обновленья.

16 марта 1918

237. ГРУДЬ

Что грудь моя? Сердце мятежное в страхе
Иль капелька боли большой,
В которой лазури волшебные взмахи
И птицы с открытой душой?

В ней гулкие звуки ликующей меди,
Живые цветы с ней в сладчайшей беседе,
Но злобно язвят ее козни обмана —
Затем и болит моя грудь непрестанно.

Так клеверу в поле
Не рваться в ненастье,
Как ей,
Не изведавшей доли и счастья.
Цветку так не лнуть
К пробуждению рассвета,
Как ей,
Что блаженством желаний согрета.
И меньше
Рождается отзвуков в чаше,
Чем болей в груди,
Лишь до срока молчащей.

И в радости ты иль в отчаянье гневном,
Всё, всё в ней откликнется эхом напевным,
Звучней густостволья янтарного бора,
В сто раз выразительней литер набора.
А в сердце могучем — вселенские грозы,
И льнут к нему благоуханные розы,
Вздывается грудь, будто стяг перед битвой,
И губы исходят блаженной молитвой.
Душа человечья —

живые колосья

Согласья
в сумятице разноголосья.
Она — словно вечная песнь-сутартине,
В груди без нее и темно и пустынно.

Не здесь ли знамена взметнулись шелково?
Здесь истинный трон вдохновенья святого,
Здесь тайная гавань капризного рока,
Где ночью огни разметались широко!

Порою мне слышится внутренний голос:
«Сюда, мой испытанный друг!
Здесь небо раскрылось, здесь тьма раскололась,
Здесь ринулось всё, что с тоскою боролось,
В любви заколдованный круг!»
И песни созрели — в груди,
И клики веселий — в груди,
И грусть расставанья — в груди,
И скорбь умиранья — в груди. . .

1918

238—239. ИЗ ЦИКЛА «ЗИМА»

1

В поздний час, когда, сверкая,
Месяц снег тенями метил,
В ледяном ее наряде
Ночь-красавицу я встретил.

Нет ни облачка — и звезды
Восхитительно мерцают
И на дремлющую землю
Снисходительно взирают.

И за тридевять усадеб
Где-то лает собачонка,
Где-то кто-то спит в берлоге,
Где-то льды вздыхают звонко.

А в лесу, в лесу студеном
Заскрипели сучья в страхе:
Право, уж не топора ли
Вдруг слышались им взмахи?

Снова тишь. Зверье уснуло.
Заметен сухой валежник.
Нам ничто не обещает
Прежних чувств, желаний прежних.

Но в чертогах зимних зреет
Обновление земное,
И готова грудь упиться
Этой вечной новизною!

2

В розовеющих сугробах
Дремлет дом дремотно-синий,
Как заиндевелый замок,
Скован снежною пустыней.

Как выюнок, сует в сугробах
Ветер, будто ждет чего-то;
Чутьочку приотворились
Толстобокые ворота.

Всё как есть кругом покрыто
Нежной, чуткой снежной пеной;
Зябко жмурится от снега
Пес цепной — старик степенный.

Шепчут ветви яблонь голых.
Ветхие прогнулись балки.
Под застрехой — воробьишки
В непрестанной перепалке.

Скрипнуло ведро в колодце.
Свет, пройдя сквозь стекла окон,
Синим инеем исколот,
Меркнет в сумраке глубоком.

Пляски бури, вихри свадьбы,
Пляс огня в печных утробах!
Тускло светятся усадьбы,
Утопущие в сугробах.

1918

240. ИЗ ЦИКЛА «ТЕНИ»

Не увлекут меня страны чужие,
Не обольстит меня нежность чужая,
Только своей ожидаю звезды я,
Темную поступь светил провожая.

День отблеставший в груди моей длится,
Тени ночные на тризну зову я:
С отзвуком солнца мне хочется слиться,
Жадно лобзая звезду вековую.

В чередованьях отрады и муки,
Заворожен одинокой судьбою,
Вот я простер к тебе жадные руки:
Всё мое там, где мы вместе с тобою!

1919

**241—243. ИЗ ЦИКЛА
«ОТЗВУКИ ЭХА»**

1

Там, где лес растёт от века,
С поля влагой веет,
В серебре речного плеса
Лебеди белеют.

Как они здесь очутились
Лебеди-поверья?
Очутились, опустились,
Распустили перья?

Зашумели наши реки
На закате дымом,
Будто сыты кликуны-то
Солнцегрудым гимном.

Наши рощи рекам вторят
И шумят повсюду,
Будто птицы эти — вовсе
Солнышка причуды!

2

Не всеми звездами влекомы,
Не всеми думами согреты
Томительные до истома
Любви мечтательной приметы.

Я верю, будет всё, как было:
Вновь взглянешь нежно и наивно,
Ну а потом, зардевшись мило,
Попросишь: «Ты цветов нарви мне!»

И я сорву тебе, прекрасной,
Цветок любви благоуханный,
Что порожден зарей всевластной,
Зарей лазорево-румяной.

Приди овеять мглой и тенью,
Заворожи волшебным смехом,
Немому внемля песнопенью,
Что в сердце отзовется эхом.

3

Давай постоим у мятежного моря,
Давай мы на волны его поглядим.
Любимая, к теплым коленям твоим
Стремятся томленья безбрежного моря.

Пути нашей жизни трудны и суровы.
Грядущее наше с тобой мы прочли,
Идя по гудящим просторам земли;
А наши ступни и ладони суровы.

Волна застывает, упав на колени;
В глазах твоих теплятся волн янтари;
Морские слезинки горят — посмотри;
Желанье рыдает, упав на колени.

Сольем свои думы в пылающем слове,
А очи прикроем вуалью-волной:
Пусть унесет нас волною одной
К единству во всевыражающем слове!

(1921)

24—216. ИЗ ЦИКЛА
«МИМОЛЕТНЫЕ МЫСЛИ»

1

Земля с дремотой не боролась,
Мечты сбывались наяву,
И только колокола голос
Обрушил звезды в синеву.

Тишь. Воздуха одутловатость.
Росинка трепетная синь.
Покой на лицах, в сердце — святость,
А в мыслях — легкая светлынь.

2

Спокоен Неман. Тишь и гладь.
И только чайки-недотроги
Взлетают ввысь, полны тревоги,
И возвращаются опять.

В зеленой дреме островки.
Текут в простор от листьев тени.
Деревни, преклонив колени,
Глядят в земные родники.

Вот зори первые взошли,
Рассвета робкие мгновенья.
Что это — сумрак иль виденья, —
Поймут ли пахари земли?

3

Увы, мне не дано, как вам,
Найти, подобную цветам,
Любовь, лишённую страданья.

Любовного моленья клик
И долнего отмщенья миг
По мне — обидней подаянья!

Пусть ласка на устах и лесть,
А в мыслях — яд, а в мыслях — месть,
В груди — соблазнов сочетанья.

Быть может, Жизнь, смыкая круг,
Мне скажет: «Друг, довольно мук,
Развезяны твои мечтанья!»

(1926)

247. ТУМАННАЯ ПЫЛЬ

Тягу чувствуешь земную
В час заката, в час тоскливый,
И дрожишь в тумане зябком,
Как отшельник терпеливый.

В пепле — новых искр без счета,
Счета нет размытым пятнам;
Так ползи в густом тумане
Светлячком полупонятным.

Тот, кто светится во мраке,
Прочитает невозбранно
Наши судьбы — по ладони
Непроглядного тумана.

(1934)

248. О ДРУГ!

О друг! Меня узнать довольно трудно...
Моих богатств ушло в пучину судно,
И с некоторых пор я мыслю скудно.
О друг! Меня узнать довольно трудно...

Лицо как будто сделалось чеканней,
Но где ж следы исчезнувших исканий,
Воздушных замков, страстных упований?
Где ж сновиденья молодости ранней?

О друг мой! Злой колдун по кличке Время
Тасует нас, как буквы в теореме.
Привыший бремя войн и мира бремя,
Пойми — нам снег уже припудрил темя!

Так в синем море свет играет с тенью,
И нет предела этому смятенью...
В Окно Забот я, внемля их боренью,
Гляжу — и вижу: свет играет с тенью...

(1934)

249. МРАМОР

Я мрамору сказал: «Зачем ты выбрал холод,
Когда в чертах твоих есть мудрость божества?»
Ответил мрамор мне: «Ваятелем расколот,
Я пламя ощутил, побагровев едва
Под вещим долотом. Так творческая боль
Рождает красоту, незримую дотоль».

— «Но всё ж ты холоден, схож со стеклянным глазом...»
И молвил он в ответ: «Лишь хрупкость угольков —
Удел ничтожества. Да и любовь и разум
Давно шатаются под бременем веков.
А в холоде, в тиши — туманный тот родник,
Из коего и сам ты некогда возник».

(1934)

250—251. ИЗ ЦИКЛА
«ЦВЕТУЩАЯ ЛЮБОВЬ»

1

Не было меж нами ничего,
Не зови, не мучай —
Только вспыхнула у нас в глазах
Синь любви летучей.

Кланялись ей тени до земли,
В радости, в печали —
Птицы на крылах ее несли,
Тучи поглощали.

Понимали голуби-мечты
Тишины намеки —
Мир дышал теплыню темноты,
И горели щеки.

Я тебя в душе своей пронес,
Как огонь вселенной, —
Мы с тобою — словно капли слез
Той росы нетленной.

2

Полон солнцем синий купол дня,
Синь горит над нами.
В зной любви ты вновь манишь меня
Алыми устами.

В травах соки ходят ходуном
По зеленым жилам.
Нам любовь на том лугу земном
Голову вскружила.

Хвойный дух доносит в окоем
Боровые вести.
В сумерки окно мы распахнем,
Помечтаем вместе.

Над ручьем потянутся мечты
В мир вечерней сини.
Песней убаюкает цветы
Соловей в калине.

Окунувшись в пламень голубой
Вместе с мотыльками,
Солнце счастья будем пить с тобой
Жадными глотками.

(1937)

252. ЗАДУМЧИВОСТЬ

Шагами мы меряем землю,
Нам образ пучины открыт,
Мы солнце душою приемлем
И всё-таки плачем навзрыд.

Нам внятно дыханье земное
И тот, намолчавшийся всласть,
Цветок, что трепещет на зное,
Блаженно и хрупко лучась.

Согретые солнцем кручины,
Идем мы по вехам земли,
А с нами — легенд властелины,
Сказаний былых короли!

(1939)

253. ЗАПАХЛО ВЕСНОЙ

Разлохматились простыни талого снега,
В клочковатых обновах леса и холмы,
Влажный холод сковала какая-то нега,
Верно, за полночь сгинет исчадьё зимы.

Ручейки, и речонки, и реки в тревоге,
Их весна отрешает от льдистых обуз,
И скворец-гастролер, отдохнувший с дороги,
Дегустирует воздух: каков он на вкус?!

Настрадалась иззябшая ива-плакуха,
Обогреть ее южные вихри хотят,
А легчайшие шарики вербного пуха
Так похожи на резвых игривых котят!

Воробей, отогревшись под нищей стрехою,
Мужика-бедняка клюнул в шею слегка.
По весне и лачуги лишились покоя,
И разбухло в бутонах предвестье цветка.

По весне не проселки, а истые хляби!
Снег проклюнуться хочет фиалкой лесной,
И ворона на снежной и слякотной ряби
Ворожит, заправляя охрипшей весной.

Влажный ветер ломает истлевшие ветви,
Вешних птах ждет у нас кров и дом, и ночлег.
Хмурый, заспанный — будто проспавший

столетье —

В оголившемся поле стоит человек.

(1939)

Б. Сруога — выдающийся литовский поэт, драматург, литературный и театральный критик, исследователь фольклора, родился 2 февраля 1896 года в деревне Байбокай (теперь Биржайский район). В 1914 году окончил реальное училище в Паневежисе, учился в Петроградском и Московском университетах, в 1924 году окончил университет в Мюнхене и получил степень доктора философии. До конца жизни был профессором Каунасского и Вильнюсского университетов, читал курсы русской литературы, общей истории театра, руководил театральным семинаром. Подготовил несколько крупных научных работ по русской литературе, фольклору, истории театра («История русской литературы», т. 1—2, 1931—1933; исследования «Драматургия Вайчиюнаса», 1930; «Литовский театр в Петербурге», 1930; «Этюды по поэтике песен», 1927 и другие). Во второй половине 30-х годов сотрудничал в прогрессивных литовских изданиях. В 1943 году был заключен гитлеровскими оккупантами в концлагерь Штутгоф, из которого его освободила в 1945 году Советская Армия. Умер в Вильнюсе 16 октября 1947 года.

Первые стихи напечатал в 1912 году, затем, спустя несколько лет, издал поэму-легенду «Богиня озера» (1919), сборники стихов «Солнце и песок» (1920), «Тропами богов» (1923), поэму для молодежи «Песня о Гедиминасе» (1938). Как поэт, Б. Сруога один из главных представителей символистского направления в литовской поэзии. Его переводческая деятельность отличалась большим размахом, он переводил стихи В. Брюсова, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, П. Верлена, Новалиса и других поэтов, перевел также «Слово о полку Игореве». Б. Сруога является автором большого числа драматических произведений (они написаны белым стихом); из них более известны: «В тени исполняя» (1932), «Предраассветная доля» (1941), «Весенняя песня» (1945). Он написал книгу о гитлеровском концлагере «Лес богов» (издана посмертно, 1957). В 1957 году издано шеститомное «Собрание сочинений», в 1966 году — сборник избранных стихотворных произведений «По вершинам волн».

Некоторые стихотворения Б. Сруоги переводились на русский язык.

Кто, ребяташки родные, вам сплетет венок,
Где ромашка, пезабудка, рута и вьюнок?

Только тонкая береза, как сестра родная,
Закручинится над вами, голову склоняя.

А вдали за алой речкой, за восходом солнца —
Сиротливая избенка об одном оконце.

Утварь бедная. Коптилка. Жесткая кровать.
Там невестку обнимает, умирая, мать.

1916

255

Шепчутся, шепчутся листья зеленые,
Ветром задетые и окрыленные,
Что-то таящие, неугомные,
Шепчутся, шепчутся листья зеленые.

Хлынули вновь сновиденья весенние,
Грезы нежданные, как откровение,
Светлые, трепетные, вдохновенные,
Хлынули вновь сновиденья весенние...

Жизни неведомой отсветы, отзвуки
В сердце идут — не земные, не звездные,
Тонкой дорожкой, намеченной в воздухе,
Жизни неведомой отсветы, отзвуки...

Угомонитесь, мечты затаенные,
Грустью, извечной тоской истомленные!
Ветром обласканные, соблазненные,
Шепчутся, шепчутся листья зеленые...

В замок мой не вхоже время,
И над ним не властен счет.
Гибну, вновь живу и гибну...
Где же выход, где исход?

В замок мой проникла вечность,
Прячется во всех углах.
Холод плит, врата стальные
И мертвящий вещей страх...

Что есть силы ударяет
В сталь гудящую кулак.
Как скалу сгрызает море —
Душу пожирает мрак.

Не блеснет ни свет, ни ответ.
Звезды слепы... Слеп мой кров...
Слеп и я... Тянусь к оконцу.
И в ладони горсть веков.

Бродит слух — настанет утро.
Слышу колокол. Зовет...
Опускаюсь на колена.
Жду, что рухнет сталь ворот.

257. ПЕСНИ ЗАКАТА

Как волк одинокий,
Намаявшись за день,
Я провожу обряженное в сны, словно в саван,
светило...

Нарву георгинов,
Березовых листьев —
И зависти нету к созвездью, что мир ослепило...

От скорби душа увядает моя.
О, сколько же можно
Жить скорбно и ложно
В тенетах постылейшего бытия!

Как солнце ночное, зажгу небосвод!
Исход неизбежен:
Как будто и не жил, —
Падучей звездой в последний полет. . .

Лишь вечер настанет, смотрю я с тоской,
Как прячется солнце за чащей глухой. . .

Так больно смотреть мне на тусклый восток,
Как будто бы это — увядший цветок.

Но только покажется шар золотой —
Как песня взлетает моя над землей!

Когда поднимается солнце в зенит —
И песня в лазури трепещет, звенит.

Лучистое светится в небе кольцо
Так ясно, как девушки юной лицо.

Но тьма его спрячет в своем тайнике,
И песня — как отзвук косы вдалеке.

И зависть не в силах я преодолеть:
То бросит светило жемчужную сеть,

То бурю поднимет, затянется мглой
И небо мгновенно смешает с землей.

То, вдруг улыбнувшись божественно вновь,
Устелет сиянием путь свой дневной.

А я всё внизу одиноко стою —
Кто в небо мечту приподнимет мою?..

Крылатый туман... Одиноко, темно...
Прощай, мое солнышко! Странствуй одно!

Отправлюсь и я... Забушуют моря —
Воспрянет и слезная песня моя!

Как сон —
Ласкающий ветер. А тучи горят.
Влюблен
Я снова в кровавое небо, в закат.

В груди огневая
Молитва ночная
Созрела, созрела уже.
Охвачен ознобом,
Ее, словно злобу,
До срока храню я в душе.

А солнце вдруг сразу —
Подобно алмазу.
Пожаром объят небосклон.
Душе моей больно,
И вновь колокольный
Вечерний в ней слышится звон...

Опять
Блуждать одному мне по белому свету.
Внимать
Лишь только проклятому злобному ветру.

Но солнце сияет —
Хранить заставляет
В груди огневую мечту.
Я канкли настрою,
Украшу листвою,
Чтоб славить его красоту.

Сниму покрывало,
Что долго скрывало
Горящую тайну души!
И радости вестник —
Кристалльная песня —
Сверкнет, закружится в тиши!

258. КОСАРЬ

Как пройду, пройду по лугу
Я с косою звонкой,
Упадет, на землю ляжет
Белый клевер тонкий. . .

Зазвенит коса призывно
По раздолью луга,
Принесет узорный пояс
Мне сестра-подруга. . .

Не в таком косарь выходит
В луговые росы,
Он нарядный, шелковистый,
Этот пояс пестрый.

Принести она сулила
Пояс из радости,
Сотканный при лунном свете
Из тоски и счастья.

А еще воды холодной
Принесет мне, верно, —
Пьет такую лебедь белый,
Охраняет серна.

Поцелую благодарно
Я сестру-подругу
И пойду, роня клевер
Снегом среди луга.

Какое празднество великое,
 Какое небо алое...
 И сколько отсветов блуждает над волнами.
 Далекий век украсил бусами истрепанные паруса.
 Луна за облаком — как будто ворошит сугроб
 зеленоватый.

И кажется, что не от чего сердцу тосковать!
 И кажется, nevoли нет на свете.
 Веками странствовавший,
 Словно столб стою
 Недвижно.

Печаль какая разлита в закате!
 Еще печальней он, чем родина моя!
 Всё это кажется порою
 Мне эхом неземным деянья неземного...
 Печалью угнетенная душа
 Во всем таинственное хочет видеть,
 И только.

Глухи замковые стены.
 Ожиданье. Сон.
 Удаляется, слабеет
 Колокольный звон.

Днем и ночью скорбь всё точит —
 Не поднимешь век.
 И рожденье, и скитанье —
 Искры, фейерверк.

Тусклая заря обмана —
 В небе, на земле.
 И коварно сожаленье
 В забытье, во мгле.

Лед забвенья, всё живое
Сковываешь ты.
Одипочество без края,
Крылья и кресты.

261

Дневная песнь уже допета,
Светило скрылось средь зыбей.
Дневная песнь уже допета —
В путь, полуночники морей!

В ночи ручей звучит не чинно,
Ночная песенка звучней,
Гостепримнее пучина,
Улыбка бездны — до ушей...

Как бы струящееся пламя
Исходит от лучей морских.
Как ворожба — сверканье их...

Смирилось море под сетями
И колыбельную поет.
Нам грусть узорный пояс ткет...

262—263. ИЗ ЦИКЛА «ТРОПАМИ БОГОВ»

1

О, зайди желанной гостьей
В мир забытого жилья!
Путь твой устелю цветами,
И пока светло не станет,
Свет заменит песнь моя!

Я не знал твоих дорог,
Но, от века одиноко,
Песню для тебя сберег.
Было: грез ночных каскад,
Заточения тоска.
Я проснулся — ты близка!

Нагую грудь, лицо в росниках светлых
Целует ветер и ласкает буря.

Я под ноги тебе насыплю горы,
Луга окрашу алым цветом мака —
Да будет вечной радость в этом мире,
Да будет вечной молодость твоя!
Сверкает свежая звезда рассвета,
Хранитель утра крыльями взмахнул, —
Зовет он вспыхнуть с утренней звездою,
Сей ангел, охраняющий рассвет.
Любимая моя, сгорают звезды,
И падают, и отлетают в Лету,
И гаснут, словно ветерок в тумане...
Но вечным будет в сердце пламя песни —
Костер, моей любимой разведенный,
Моей тоской, моей сестрой-колдуньей.

Я не тянулся к твоему цветку,
Лишь светлый сон твой я сопровождал.

Луна сияет
Над каждой липой
Бесценным нимбом.

Укроп и тмин.
И мятой пахнет.
Рябина виснет.

Как ракета среди поля
Солнца ждет в своей юдоли —
Так и я — с тоской и болью.

И брожу я не тропой —
За упавшею звездой —
Королем юдоли той.

Горек тмин моей земли...
Чувствуешь ли, знаешь ли,
Что один я и вдали?

Мгла рососою заблестит,
Путь кремнистый увлажнит —
Эхо сердца отлетит...

Плачут вязы и березы
На лугу. И там, вдали.
Грустно всюду. Сердце ноет.
Словно море штормовое —
Тайные слова молитв.

Кажется, в дурманной песне
Изольется боль и мгла:
Как березы лили слезы,
Как волну чернили грозы,
Как любимая пришла.

Незнакомая, чужая —
Вновь покинула меня.
Тот же вяз с березой вместе,
И плывет всё та же песня —
Сожалея, не вина.

Вновь скитания и отдых,
И опять тревожный путь...
И когда под небом вешним
Вновь полюбишь, станешь грешным —
Не расскаешь ничуть!

В мире сегодня
Слышится отзвук
Умолкшего эха.

В глазах твоих звездных,
В глазах бирюзовых,

В глазах твоих — отзвук
Умолкшего эха.
Одинока дорога моя —
На ней венок забытья...

Милое эхо любимой —
Крылато, неповторимо.
Лети, забвение, мимо!
Умолкшее эхо с нами —
Отчаянными снами,
Пьянящими очами.

2

О любимая, любимая земля!
Не зови заблудшим сыном,
Не зови! Я возвращаюсь,
Как дитя послушен, тих,
И душою твоей, и телом,
О прикрывшая лицо!
О любимая, любимая земля!

У твоей груди холодной
Оживу и отдышусь.
Я прижмусь к тебе, холодной,
И горчайшую из жалоб,
Матушка, тебе отдам!
Родила меня, взрастила,
Кровью сердца поделилась,
И меня не оттолкнешь
От своей груди холодной!

О любимая, любимая!
Если сын приюта просит,
Словно жалкий лист осенний,
У груди, как у могилы,
О прощении взывая,
Ты услышишь ли? Услышишь?
Иль умру, покинут всеми? ..
О любимая! Любимая!

264. СИНЯЯ ПТИЦА

На север, на север далекий, за лугом, за лесом,
за морем — хранилищем бурь
Летела ты, словно бы птица, как синяя птица,
собою венчая лазурь.

Сплела ты веночек мне, веночек мне из руты,
тюльпанов, плакучих берез,
И мне объявила: раскинулся май на лугу
лучезарным цветением грез!

И вновь ощутил я, в душе ощутил я
и трепет, и свет, и огонь!
И стало легко мне, как утром ромашке,
которую тронула солнца ладонь!

Светло мне, как голубю, белому голубю,
и словно березе под ясной зарей!
Ты — лебедь, ты — белая лебедь
и схожа с одной лишь жемчужной росой!

То в бездну смотрю я, и в ней, одинокий, тону,
выплываю и снова тону.
То крылья расправлю и песней лечу я,
лечу я навстречу высокому дню...

265—266. ИЗ ЦИКЛА «В ЛУЧАХ»

1

Я от взглядов лучезарных
От твоих
Не могу уйти и скрыться
Ни на миг!

Погружусь в них, словно в тайны
Бытия,
И, как папоротник в полночь,
Вспыхну я!

Раз не любишь вместе с бурей
Мерить высь —
В небо ясное однажды
Подымись!

Пусть подобны гор вершины
Зубьям пил —
Ведь не зря крыла орлана
Я растил!

Я — как ветер, ты — обитель
Чистоты!
Озарить весь мир огромный
Можешь ты!

О, когда б похитить этот
Острый взгляд!
Стал бы я сильней и тверже
Во сто крат!

2

Ах, какой сегодня праздник!
Тронь, сестренка, тронь струну!
Лишь твою заслышу песню,
Думу грустную стряхну!

Как упруги струны канклей —
Только тронешь, и тотчас
Лебедей взлетает стая,
За собою манит нас!

Ах, какой сегодня праздник
И покой в моей груди!
Путь мой, болью проторенный,
Лучезарен впереди!

Ах, сестра, на сад взгляни-ка!
Выпей взглядом эту высь!
Так цветет одна лишь юность!
Так сияет только жизнь!

267. ОСЕННИЕ ВЗГЛЯДЫ

1

Мы однажды шли с тобою ранним утром, до рассвета.
Были грустны сад и думы. Осень близкая приметна.
В столбняке застыли сосны, тщетно ожидая ветра.
Мимо них мы шли с тобою ранним утром, до рассвета.
Зря рука к руке тянулась, — в душах не было ответа.
В них напрасно тлели угли ранним утром, до рассвета.
Были грустны сад и думы. Осень близкая приметна.

2

Задрожала ты, услышав шепоток листвы осенней.
Задрожал и я: холодный был твой взгляд стрелы
острее.
И хотя мы жили оба в бесконечном сне глубоком
И мечтали, чтоб желанья слились как бы ненароком, —
Ты, напугана последним шепотком листвы осенней,
Наши грезы растоптала, словно было в том спасенье.
И под взглядом — под стрелою, изморозью
оперенной, —
Задрожал я, словно колос под косою занесенной.

268. БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Грустные в даль протянулись аллеи.
Белые лица в сумрак ныряют.
Хмурые взгляды всё тяжелее.
Ветер и скорбь по аллеям шныряют.

Путник за путником. Медленно, розно.
Каждому что-то заветное снится.
Быстро увяли юные грезы —
Их растеряла синяя птица.

Плечи сутулы, мысли нечетки —
В ночь ухожу я, сумрачный странник.
Ветер, как птица, подъявшая когти,
Колет, цепляет, впивается, ранит.

Чем же мое завершится скитанье?
Болью душевною с кем поделиться?
О, если б мог избежать я страданья!
О, если б не было в сердце так мглысто!

Грустные в даль протянулись аллеи.
Мысли, как низкие тучи, недужны.
В сердце холодном угарное тленье.
Тесно мне в мире, душе моей душно.

269. ИЗ ЦИКЛА «НА ВЗМОРЬЕ»

На волнах лазурно-белых
Ширь качает легкий берег,
И в шуршании песка
Слышен шепот ветерка.

Чайка с криком своевольным
Льнет к вздымающимся волнам.
Через весь небесный свод
Странник-облако плывет.

Волны, сине-белой чащей
С песнею своей гудящей
Поднимаясь в высоту,
Дарят светлую мечту.

Если угасаешь в горе,
Словно искра, — чайкой к морю!
Лишь над пеною морской
Сердце обретет покой!

270. ТУМАННАЯ ПЕСНЯ

Тихий всплеск весла в тумане,
Ветра слабое дыханье,
Счастья робкое сознанье.

Мягкие венчая волны,
Тихо проплывают челны
Зыбкий путь, томленья полный.

Жду хоть отзвука, но тщетно!
Ты всё так же безответна.
И иду дорогой ветра.

Вновь мечта в порыве странном
В душу хлынула обманом
И смешала сны с туманом...

Падает весло. Слепая
Вновь душа рыдает, зная —
Не дошла мольба святая.

271. ДИВНО!

Дивно! Как взметнулись дивно
В небо языки заката!
Как рябиною зарделось
Солнце, на ветру повиснув!

Как взглянула, как влюбила,
Мимо проходя однажды!
От печали излечила
И ушла с порывом ветра!

Жду я, жду ее прихода,
Жду, хочу, чтобы вернулась,
Чтобы вновь в глаза взглянула,
Излечила от печали!

Липы шепчутся. Блуждал бы,
Не вернулся бы туда, где
Солнце светит ясно-ясно,
Где в глаза мне заглянули!

Дивно! Что-то шепчет липа,
Ничего не обещая!
С заблудившимся пошутит,
Погорюет со счастливецем. . .

Если в сердце вспыхнет солнце —
Да пребудет тайной это.
Пусть не знают, что таится
В сердце: горе или песня!

272. ГОРОД

1

Воют трамваи, скрежет и звоны. . .
Мчатся и мчатся автомобили.
Паперти, храмы, бог пригвожденный,
В город из вечности перенесенный.
Девки осыпаны пудрой, как пылью.
Вдруг раздается крик иступленный. . .
Самоубийство ли?

Раздавили.

Мчатся и мчатся автомобили.
Воют трамваи. Скрежет и звоны.

2

Жемчуг, бериллы, рубины, брильянты. . .
Снежный фонарь почти под луною.
Юность слепую, как воды весною,
Ловит под маской матроны и франта
Похоть, идущая шагом Атланта.
Но для того, кто клянет всё земное,
Есть и аптеки и фолианты.
Снежный фонарь горит под луною.
Жемчуг, бериллы, рубины, брильянты.

Блещет кафе, затонувшее в дыме.
 Грустит буржуа, попивая пиво.
 Говор жужжит в площадном интиме.
 И, ослепляя плечами своими,
 Ходит меж столиков бледная дива.
 Грустит буржуа, поливая пиво.
 Марки, фунты... Беспорядки в Риме...
 Грустит буржуа, попивая пиво.
 Блещет кафе, затонувшее в дыме.

Стараясь продать товар подороже,
 Рядом торгуют кабак с костелом.
 Эй! Покупайте! Что кому гоже!
 Белое, черное пойло. Ну что же —
 Рядом торгуют кабак с костелом:
 Если пришел ты с сердцем тяжелым,
 Утешься вином или милостью божьей.
 Рядом торгуют кабак с костелом,
 Стараясь продать товар подороже.

Девки, студенты и спекулянты
 Бродят по парку в осеннем ненастье,
 На каруселях и на «гигантах»,
 Судорожно цепляясь за снасти,
 Расширив глаза и разверзши пасти.
 Решают проблемы о жизни и счастье
 Без медицины и хироманта.
 Бродят по парку в осеннем ненастье
 Девки, студенты и спекулянты.

Машины, машины и снова машины...
 «Хлеб наш насущный даждь нам, Иисусе!»
 Подростки, женщины и мужчины,

За ними попы, как черные гуси
(«Хлеб наш насущный даждь нам, Иисусе!»),
Проходят в ворота в казарменном вкусе.
Горе сквозь ранние видишь морщины.
«Хлеб их насущный даждь им, Иисусе!..»
Машины, машины и снова машины.

7

В паре летят декадент и дантистка.
«Жареным пахнет» мазурка Шопена.
Поэт наклоняется. Близко-близко.
Лицо у дантистки плоско, как миска.
Пусть не она родилась из пены,
Но клиентура растет постепенно, —
Значит, влюбляйся, поэт, без риска.
«Жареным пахнет» мазурка Шопена...
В паре летят декадент и дантистка.

8

А на мосту происходит сражение:
Скокарь дерется здесь с повитухой.
Стражник идет, ругается глухо.
А на мосту происходит сражение:
Хлещет по морде парня старуха,
Сдачи дает ей пьяница в ухо.
Люди смеются, шум и движение.
Скокарь дерется здесь с повитухой.
А на мосту происходит сражение.

9

Тишь кабинетов. Безмолвие келий.
Не здесь ли пружина мира таится?
Не тут ли, увы, составляют коктейли
Из мистики, цифр и дежурных традиций?
Отсюда во все мировые столицы
На рынки мудрости шлют это зелье,
Чтоб призраком мысли ты мог отравиться.
Не здесь ли пружина мира таится?
Тишь кабинетов. Безмолвие келий.

И с мощью вдохновенною
Звучит здесь ветра гимн.
Заслушалась вселенная,
Запела вместе с ним.

Сияют гор старинные
Державные венцы...
О муравьи равнинные,
Мне так вас жаль, слепцы!

2

ЗНОЙ

Пожаром высь покажется
И жаркою женой.
Под собственною тяжестью
Изнемогает зной.

А даль вокруг колеблется,
Как Немана волна.
И что ни мысль — нелепица.
Ни слова... Тишина...

Но в жилах вдруг блаженное
Желание любви,
И чувствуешь брожение,
Растущее в крови...

О, знай же: зной не мирится
Со стужей вечных льдин!..
Прижмись к земле-кормилице
И станешь — властелин!

3

ВОСХОД СОЛНЦА

Молодкой полуголою,
Румяною со сна,
Умылось солнце горное
В снегах белее льна.

Как облако зеленое,
Спит озеро во мгле.
Как близнецы бессонные —
Все доли на земле...

Подняв над спящим озером
Свободные лучи,
Глядится ликом розовым
В прозрачные ручьи...

Лучи, как будто ноженьки,
Уходят в небеса
Из грешной темной ноченьки,
Из ноченьки без сна...

1930

В И Н Ц А С М И К О Л А Й Т И С - П У Т И Н А С

В. Миколайтис-Путинас — крупнейший литовский поэт первой половины XX века, драматург и литературовед.

Он родился 6 января 1893 года в деревне Пилотишкяй (теперь Пренайский район). Учился в Марьямпольской гимназии, в Сейнайской духовной семинарии, в Петроградской духовной академии, а в 1922 году окончил университет в Фрибурге (Швейцария), получил степень доктора философии и затем еще год совершенствовался в Мюнхенском университете. С 1923 года он начал преподавательскую деятельность в Каунасском, а затем в Вильнюсском университетах, в 1941 году был избран академиком Академии наук Литовской ССР. В университете читал курс литовской литературы, опубликовал несколько работ по вопросам истории литовской литературы конца XIX — начала XX века: «Драматургия Видунаса» (1935), «Новая литовская литература» (т. 1, 1936), «Первая литовская книга» (1948), «Адам Мицкевич и литовская литература» (1955).

Первые стихотворения В. Миколайтис-Путинас опубликовал в 1911 году. В начале 20-х годов поэт стал одним из виднейших представителей символизма в литовской литературе. Впоследствии поэт освободился от воздействия символистской эстетики и философии и в годы советской власти, особенно в 50—60-е годы, плодотворно работал в реалистической манере и как поэт, и как прозаик.

В. Миколайтис-Путинас опубликовал несколько поэтических сборников: «Красные цветы. Князь Жвайнис» (1917), «Сочинения Путинаса» (т. 1, 1921), «На рубеже двух зорь» (1927), «Пути и перепутья» (1936), «Приветствую землю» (1950), «Поэзия» (1956), «Сочинения» (т. 1—2, 1959), «Час бытия» (1963), «Окно» (1966). В 1959—1969 годах изданы его «Сочинения» в десяти томах.

В. Миколайтис-Путинас широко занимался переводческой деятельностью. Он переводил А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова и других русских поэтов, перевел на литовский язык «Крымские сонеты» и «Конрад Валленрод» А. Мицкевича. В. Миколайтис-Пути-

нас является автором романов «В тени алтарей» (1933), «Повстанцы» (1957), драм «Владыка» (1930), «Доктор Гярвидас», драматизированной поэмы «Девушка из рода Скальвяй». Из прозаических произведений В. Миколайтиса-Путинаса наиболее значительны роман «В тени алтарей» и «Повстанцы».

Умер в Качергине 7 июня 1967 года.

На русском языке издаана книга избранной лирики В. Миколайтиса-Путинаса «Дар бытия» (1966).

276. ЗВОНАРЬ

От солнца и гула распахнут зенит.
Колышется бронза, и бездна гудит.
Дорогами неба, во мгле голубой
Мой колокол гонит волну за волной.

Ты слышишь то дивное пенье в пути?
Надежнее друга тебе не найти.
Призывного звона заслушался свет,
Он вызовет душу твою на ответ.

Он в радости буйно ликует с тобой,
Заплачешь — и в гулах послышится боль.
Рыданья и радость я вплавил в металл
И с мерною медью над миром послал.

В том сплаве тяжелом — морей глубина,
Но, прынув, до неба достанет волна.
Он слышит, в закованном сердце тая,
Все шорохи всех родников бытия.

От рева и солнца распахнут зенит.
Качается колокол — бездна гудит.
Рыданья и радость я вплавил в металл
И гулким призывом над миром послал.

1913

277. ПРОБУДИЛАСЬ ЗЕМЛЯ

Ты проснулась, земля.
Май к губам твоим тихо нагнулся —
Разноцветный венок встрепенулся,
И рассеялась сонная мгла:
Докатился вдруг шум перелесья,
Звоны жаворонка с поднебесья —
Ты проснулась, земля!

Ты омыта росой,
Все травинки расправлены ветром,
Улыбается солнце приветно,
Будто мать, над твоею красой.
И выходишь ты зорями вешними
В ярком пышном наряде подснежников,
Умываясь росой.

Украшайся, невеста.
Всем душистым цветам и ветрам,
Светлой разноголосице трав
Пусть в венке твоём будет не тесно.
И цветами мечты, что из тайных глубин
К свету вызваны сказочной силой любви,
Украшайся, невеста.

1914

278. ВЕЧЕРОМ

Отпламенел закат. В сиянье облаков
Вот-вот уйдет из глаз светильник золотой,
И смолкнут в тишине все отзвуки шагов,
Все шепоты песка под гулкою волной.

Ну что ж, высокий миг! Ты не страшишь меня.
Волиенья бытия оставив на пути,
Я поклонюсь тебе в последней вспышке дня,
Чтобы за солнцем вслед из сумрака уйти.

Но грустно мне стоять на кромке, одному,
Меж гаснущим огнем и ждущей тишиной,

И, руки протянув в немеющую тьму,
Тоскуя и любя, смотреть в отлив дневной.

...Нахлынула волна — прогрохотал раскат.
И тьму последний луч не в силах превозмочь.
Он смыт в небытие. Над кромкою песка
Я вслушиваюсь в даль. Я вглядываюсь в ночь.

1914

279. REX

Я правлю землей, я властитель природы,
Мой трон подпирают небесные своды.
Брильянты в ногах у меня, а в короне
Я звезды разглядываю на небосклоне.
И нравится мне мировая гармония,
Небесная голубизна здесь ярка,
Там — синего моря чудесна симфония
И в пестром убранстве бескрайни луга.

Но что там за хор голосов несогласных
Внезапно возник среди звуков прекрасных
И стоном предсмертным, агонией
Нарушил гармонию?

«Гибнем! Спасай же нас!
Горем изглоданы,
Страждем от голода,
В норы посажены...»

Губы иссушены,
Очи измучены,
Рвутся сердца.
Ох ты, последняя
Мука предсмертная,
Бей до конца!

Муки от голода.
Молим у господ
Каплю росы.

Дай напоследок
Хлеба и света:
Ждать нету сил!»

Но я, тот, кто правит с престола землей,
Не ведаю горя и доли земной,
Меня восхищают творенья господни,
Разумны они и творцу их подобны.

Тут сонмища звезд и луна,
Твердь очарованья полна.
Там берег и синяя гладь,
Их око не в силах объять.

Зачем же неистовствуют голоса?
«Молчать! — мой разгневанный глас раздался.—
Зачем там, в юдоли, кричат посторонние?
Не нарушайте гармонии!»

И, вздев багряницу, глядел благосклонно,
Как звезды нанизывались на корону.

1916

280. ВОСХОД СОЛНЦА В ГОРАХ

Тихую долину
Тень крылом накрыла,
По небесной сини
Облако проплыло.

Колокол ударил,
И туман лег навзничь.
На вершине белой
Солнечно, как в праздник.

Голубые тени
Залегли в долине,
Розовая тучка
Уплывает в сини.

1917

281. СУХОЙ ЛИСТ

Ни запаха в тебе, ни цвета,
Сухой листок издалека,
Лишь слабый шелест — словно песня,
По-прежнему ясна, легка.

Ты шепчешь мне о птичьем гаме,
О солнце в жаркой синеве
И о цветах, что кровью рдели
В густой полуденной листве.

Ведь и сегодня дышат, веют
На дальней родине твоей
Иные, ласковые ветры
В веселом пении ветвей.

Тебя лишь на туманный север
Лихая занесла беда,
Тебе лишь — шелестеть и плакать
О том, что скрылось без следа.

О, как мне голос твой созвучен!
Нет горше боли на земле,
Чем увяданья мертвый шелест
В бессолнечной холодной мгле.

1918

282. ПОГАСЛИ ОГНИ

Погасли все огни, прервав веселье наше,
Сорвал гирлянды вихрь, нагрянувший из тьмы.
И недопета песнь, и недопита чаша,
Погасли все огни, пока смеялись мы.

Погасли все огни — притихли мы, и снова
Унынье и тоска нас охватили вдруг.
Молись или рыдай — ни отклика, ни зова;
Погасли все огни — и никого вокруг.

Погасли все огни — и жажды сокровенной
Не высказали мы, и снова мы одни.
Конец блаженным снам и нежности мгновенной,
Погасли все огни, погасли все огни.

1918

283. УТРЕННЕМУ СОЛНЦУ

Привет, о солнце! В ранний час восхода,
Прекрасный светоносец-исполин,
Все радостные краски небосвода
Ты щедро сыплешь в сумерки долин.

И горы расправляют величаво
Завьюженные, грузные хребты,
К лучам твоим протягивают травы
Своих младенцев — росные цветы.

И я, как заключенный в яме темной,
По небу тосковавший столько лет,
Сырой земли отряхивая комья,
Встаю, чтоб встретить долгожданный свет.

Спасибо, луч, животворящий, сильный,
За поцелуй в остывшие уста,
За то, что снова распрямились крылья,
Которые томила темнота.

И вот иду — из тягостного плена
Освобожден! Кружится голова.
Принесены все жертвы искупленья,
И жизнь опять берет свои права.

1920

1

ВСТУПЛЕНИЕ

Гранитные скалы
Изрезали щели и норы.
А сверху нависли
Непрочные, острые горы.
Но путник стремится —
Пусть гибельны тропы и полночь опасна:
Коль сгинешь, так сгинешь, как капля — беззвучно,
безгласно.

А если достигнешь
Вершины, в зенит устремленной,
Ты с богом сравнишься,
Скиталец земли посрамленной.
Ты будешь создатель
И высей, и бездны, и неба, и моря,
И первый с вершины увидишь далекие зори.

Пади и ползи
По глухой крутизне сквозь ненастье,
Озябшее сердце
Наполни живительной страстью.
Руками в крови
Продирайся сквозь скалы к надмирным высотам,
К вершине стремись, обливаясь слезами и потом.

2

ВЕРШИНА

Привет тебе, высь, о которой мечталось!
К тебе я стремился сквозь ночь и усталость —
И вот предо мною заря разметалась.
Привет же тебе, вышина!

С земли я к тебе устремлялся очами,
И я не умел совладать со страстями,
Пока не сравнила меня с небесами,
Вершина, твоя тишина!

Внизу, под ногами — земные красоты.
А здесь, вокруг меня — голубые высоты,
И вечности гулкой гудящие ноты
 Как колоколов голоса.

Отверзся мой слух и открылося зренье.
Тоскует и ропщет душа в озаренье,
Покуда с зарей не приходит моленье
 И не упадает роса.

И солнце встает над лиловой долиной.
Вершины горят под багровой лавиной.
Покой величавый, священный, старинный
 Объемлет тебя и меня.

Земля не нужна мне. От всех отдаленный,
Усну, окружен твоей светлой короной,
И здесь я останусь навек, опьяненный
Блаженством грядущего дня.

1921

286. ПУСТЫННЫЙ И УГРЮМЫЙ

О, как пустынен, угрюм мой полуночный дом —
Словно разрушенный храм: благодать отлетела!
Колокола тишины — оглушающий гром
Над алтарем охладелым.

Спящих будить?хлопотать об угасшем огне?
Нет! По иному душа моя жаждой томится.
Будь одиноким. Не скоро еще в вышине
Гневная вспрянет зарница.

Звезды задул бы. Пусть черная бездна гудит,
Искорки сердца сметая в хаос изначальный.
Ветры довременной тьмы прорастают в груди
Болью, тоской и печалью.

Заговорят еще горы огнями на все голоса.
Море заплещет, и сердце ответом проснется.
Будь одиноким. Не скоро ударит в глаза
Меч ослепляющий солнца.

1922

287. ПЕСТРЫЕ СОКОЛЫ

Как только погаснет па западе свет,
Взвиваются пестрые соколы вслед,
Презревши земные манящие сны,
Расправили крылья среди вышины.
И молвили: «Нет, нам не быть на земле,
Пока ее горы и доли во мгле.
Ни легкие сны, ни угрюмая тень
Не скроют дороги в сияющий день.

Зарю мы догоним, уйдя в облака,
Достанем цветок у нее из венка —
Чтоб доли и горы, которые спят,
Опять превратились в сияющий сад».
И вот они снова простерли крыла,
Чтоб высь голубая их вдаль унесла,
Покуда близ солнца не вспыхнет их кровь
И день долгожданный не явится вновь.

И снова зарделся зарею восток,
И солнце пригрело озябший росток,
А пестрые соколы где-то парят
И уж никогда не вернутся назад.

1922

288. ЗЕМЛЯ

Земля многогрешная, как ты щедра и могуча,
Завидует небо, узревшее яркость твою,
И черпают краски из недр твоих радуги в туче,
И я из груди твоей жизнь вдохновенную пью.

Со смуглого лица сняла ты покровы заката,
От летних ночей закружилась моя голова.
Мне слышится сердце твое, а волос ароматы
Меня опьяняют, как пряного луга трава.

Склоняясь к стопам твоим, вянут багровые маки,
А в небе горит розоватое облако дня,
Все звезды сходились, луна замирала во мраке,
Когда летней полночью ты целовала меня.

Я обнял тебя крепче всех и уже не отпрану,
Корнями желаний я врос в глубину твоих лон,
Как чудо-растенье, до горней звезды я достану,
И будет цветок твоим жизненным соком впоен.

1922

289. ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Осенней ночью, тихой, светлой ночью
Как будто канкли слышатся вдали,
Спят голые поля, долины дремлют,
И облит серебром простор земли.

В безлюдном поле я свернул с дороги,
И мне открылась глубь ночных небес.
Я к звездам поднял голову — и сразу,
Как в океане капелька, исчез.

И позабыл, что в жизни я изгнанник,
Бреду дорогой, пыльной и глухой,
Что дальше звезд, блистающих на небе,
Моя свобода, радость и покой.

И позабыл, что завтра на рассвете
Надену маску пеструю опять,
И вновь пойду к сияющему замку,
Хоть там меня и некому встречать.

И позабыл, что каждый день мой будет,
Как до сих пор, тосклив и одинок.
И снова захлебнется в звездном небе
Моей души унылый огонек.

Осенней ночью, тихой, светлой ночью
Твоих огней, о небо, не избыть!
А на душе безмолвно и печально:
Тебе светить, а мне тебя любить.

1922

От радостей лета и щедростей солнца
 Я в дом возвратился. Водой родниковой
 Омыл утомленные пыльные ноги
 И спрятал горящие щеки в ладонях.
 За дверью шумят лучезарные вихри,
 И бабочки радостно машут крылами.
 За мной еще гонится звонкое эхо,
 А в доме моем опускается сумрак,
 В душе наступает минута молчанья.

Всевидающим солнцем опять завлечен я,
 Коварным сияньем глаза ослепило,
 А сердце окутало тенью унынья,
 Как черным крылом проклятущего рока.
 Улыбку, цветущую юной любовью,
 На женском лице начертало светило
 И голову лилиями увенчало.
 А змея, что вскормлен корнями тех лилий,
 Оно на груди до поры затаило.

Так сгиньте же, чары коварные солнца!
 Я свету дверей никогда не открою.
 Мятежную душу стесняют пределы,
 Ей узок простор озаренного мира!
 Провел в тишине я до сумерек время,
 Пока не увидел, что солнце иссякло;
 Услышал далекое горное эхо
 И вышел за дверь одиноко и тихо,
 Фонарь не зажег и пустился в дорогу.

Далекие дали, высокие выси,
 Лишь зыбится мгла да мерцают светила,
 Задумчивых гор голубеют вершины,
 И жизнь, и любовь надо мною трепещут.
 А я прохожу, как владыка свободный,
 Иду по земле, только что сотворенной,
 Еще не остывшей, еще первозданной.
 Я в жертву несу ей открытое сердце,
 Я в мир выхожу для любви и для жизни.

1922

1

Дивный дом у моего владыки:
 Многобашенный хрустальный замок.
 Глянесь — синью заливаает очи,
 Молвишь — многократно грянет эхо.

Я живу в доме у властелина,
 Заблудившийся, безвестный путник.
 Всюду в доме отперты ворота,
 Но на волю вольную не выйти.

Не могу объять созвездья в небе,
 Не могу достичь далеких гор,
 Не могу, припав к земле, как речка,
 Слиться в отдаленье с пенным морем.

Лишь дождавшись вечера, как тень,
 Припадаю я к бойнице узкой,
 И когда в заре утонут скалы,
 Бледное лицо приоткрываю.

Говорю: «Опять окончен день —
 И лишь капелька скатилась в бездну».
 Словно искры, светят мои думы,
 А вокруг — глухая ночь и сырость.

Вот я свой читаю приговор:
 Здесь смыкаются границы мира,
 Твердь не прошибешь летучей мыслью,
 Здесь ты — раб и век рабом пребудешь.

2

Растянулся я на горьком ложе,
 Всё равно мне — жить иль умереть,
 Прозябаю, сирое созданье,
 Словно зверь в голодном ожиданье.

Вдруг я деву вижу пред собою
И внимаю тайному велению:
«Будь со мною, слабый раб земли,
И мое получишь королевство.

Но земли ты больше не увидишь,
Колокольных звуков не услышишь.
И не соберешь живых соцветий,
И не вымолвишь живого слова».

Вот и стал я — как подводный житель,
Что запрятался глубоко в панцирь,
Что, сокрыв свои желанья в сердце,
Лишь своими кормится мечтами.

И не знает, что бушуют волны,
Что над ним гудят водовороты.
Для него бескрайний мир и море —
Лишь небытие и сновиденье.

Но откуда снова те высоты,
Что меня, как мысль, влекут к свободе?!
И плывут стоцветные сиянья,
И опять для них источник — сердце.

Нет, не быть мне существом в скорлупке,
Я создатель жизни, новой жизни,
Где привольно, радостно, свободно,
Словно сам я был крылатым духом.

И вещал ко мне великий голос:
«Исполать, наш вечный властелин,
Чье благословенное рожденье
Украшали семь всходящих звезд».

Для чего я снова пробудился?
Утро родило меня для солнца,
Но просторы пронизав лучами,
Сердце не насытило желанья.

Чтобы вновь я превратился в стража
Там, у врат несбывшегося счастья?
Или снова проклял на закате
Бытие пустое — сновиденье?

Ибо, выглянув в окошко башни,
Я опять рабом себя увидел,
И опять сегодня, как вчера,
Не нашел пути в просторы мира.

И в меня вошла такая боль,
Что рассыплются, я думал, плиты,
Разойдутся швы высоких сводов,
Лопнут раскаленные виски.

Лучше, думал я, не знать вовеки
Тех краев, тех семицветных звезд,
Что тогда мне очи целовали
И покинули на посмеянье солнцу.

4

Властелин мой созывает пир.
Весь дворец звенит и торжествует.
А рабы, сгибаясь пред гостями,
Их ведут за пиршественный стол.

Властелин позвал меня и молвил:
«Стань сегодня первым меж рабами,
Облачися в лучшие одежды,
Ты сегодня будешь виночерпий».

Старое вино вливаю в чаши,
Вместе с ним я в каждую вливаю
Капли злости, желчи и печали,
Чтоб горчило сладкое вино.

Может быть, созрело сновиденье?
Не пора ли отыскать ту гостью,
Что однажды мне открыла счастье,
Указала семь различных звезд?

Подошел я к старшему из званных,
С ним сидела рядом дочь владыки,
Звонким смехом оживляя пир —
И меня звала ее улыбка.

А когда я ей поднес вина,
Я подумал, не она ли гостья,
Что вернет волшебным тихим словом
Родину, утраченную мной.

Но она, оборотясь, сказала:
«Вот он, самый верный раб отца,
Он не знает ни любви, ни воли,
Счастье для него — объедки пира».

Сам не знаю, почему тогда
Кровь моя так ярко распалилась,
И, охваченный пьянящей страстью,
Вылил наземь я вино владыки.

В этот миг перемешались лица,
И одни испуганные крики
Мой уход из зала провожали.
Вслед за мной летело: «Раб взбесился!..»

Мне никто не преградил дороги,
И никто не выдержал мой взгляд,
Что взлетел, как молния, к зениту,
Разжигая знойные огни.

И я шел, покинув дом владыки,
Тайными путями к новой жизни,
И одно в моей душе звучало:
Ты не раб, не царь, но — человек.

Да, я тот, кому приелись будни
Без иных, неведомых просторов,
Где цветы иные расцветают,
Где не знают снов и пробужденья.

Дни мои теперь, как чистый жемчуг,
Катятся в безбрежность бытия,
Где горят семь многоцветных звезд,
Где живет владычица печали.

Так идет он по горам и долам —
Он уже не раб, а мрачный странник,
Отрешен от малых и великих,
Всех приветствует улыбкой мирной,
А в глазах его сияет радость.
На гору взойдет —
Поднимет руку, словно
Осенит благословеньем небо.
В дол сойдет —
Обняв сырую землю,
Он ее целует, полон счастья.

Странника уже признали люди,
И одни с сочувствием встречают,
А другие провожают с гневом,
Но какую мысль таит в груди он —
Не известно никому. . .

1924

292. В ПОЛНОЧЬ

Есть час у полночи один,
Когда с высот
Вдруг в душу снизойдет, слепя,
Весь звездный свод.

И так лучится тишина,
И так чиста,
Что кажется: в тебе самом
Вся высота.

Всё бытие — огромный свод
Сплошных небес,

А ты в провале голубом —
Пропал, исчез.

Ни покаянья, ни греха
Отныне нет.
Все тайны сердца озарив,
Нисходит свет.

1924

293—298. ГИМНЫ ПЕССИМИЗМА

1

Я песней восхода и песнею славы
Приветствую жизни алтарь величавый
И мир, что могуществом божьим творим,
И слово, где мысли сиянье мы зрим, —
То слово, что бездны морские буравит,
Пока их свой жемчуг отдать не заставит.

Но сердце не тщетной ли жаждой горит?
Алтарь этот грязью низины покрыт.
А горы под небо взнесли свое темя,
Но лбы и сердца источило им время,
И зной созидающих солнц надоед,
И звезды не всходят в лазурный предел.

Я верю: в любви — всемогущая сила,
Вся жизнь моя смысл от нее получила,
Меня своей грудью, щедра и нежна,
Как сына, и кормит и поит она.
Миллионы сердец в ней сольются, пылая,
Чтоб мир воссиял наподобие рая.

Что в разуме, если он верой пленен,
А дух твой угас, и бездействует он,
И в сердце все чувства бескрылы и серы,
И даже любовь — лишь улыбка гетеры.
Пусть жизнь услаждается буйной игрой,
Но ты лишь отчаянье черное пой!

Гений бессмертный, гигант беспощадный,
 Гибельный рок, мою жизнь пожирающий,
 Ты моя скорбь, моя боль и проклятие,
 Песни тебе я слагаю печальные.

Что ж ты позволил мне выйти из хаоса
 Искрой любви, среди мрака сияющей,
 Что ж ты обрек мои бденья полночные
 Черной тоске, одиночеству горькому?

Крыл своих тенью ты всю мою молодость
 Застыл от солнца, от ласк его пламенных,
 Ты поцелуев любовных лишил меня.
 В панцирь одел ты мой мир обособленный, —
 Будь же вовеки ты благословен!

Мимо проносятся образы шумные
 Мира, страстями людскими кипящего,
 Рдеют, как в сказке вечерней, в груди моей
 Угли мечтаний бесплодных, несбыточных.

Так подари же мне тьму непроглядную,
 Черною лапой греха придави меня,
 Кануть позволь мне в пучину бездонную,
 В бездну, пьянящую грозным проклятием.

Дух мой тоска источила голодная,
 Сердце тревогою вечной ограблено,
 Очи от пыли мутней и тусклей.
 Матери, брата, отца я чужаюсь
 И по распутьям брожу в одиночестве,
 Вор неприкаянный жизни своей.

В бледной улыбке гетеры пресыщенной —
 Клятвы любви, добродетель дешевая,
 Там о грехе и не слыхивал я.

Скука-тоска моя вечно голодная,
Чем же еще мою душу насытишь ты?
Грех ты мой, ты — добродетель моя.

На перепутьях полжизни растративший,
Бурную жизнь подменив сновиденьями,
Стал я надгробьем своей же судьбе.
Горе-тоска моя, скука ты жадная,
Тяжкою болью тебя искупил бы я,
В сердце я жертвенник ставлю тебе.

Смотрю на поруганный жребий, как смотрит
Голодный орел из гнезда разоренного.
Ни боли, ни слез, ни соблазнов, ни радости
Не вырвать из сердца непокоренного.

Я знаю: пред тем, кто владеет светилами,
Дрожит в унижении сила мятежная.
Но страсть моя — огненный вихрь всежигающий,
И путь мой — судьба неизбежная.

Пылая, лечу — как звезда полуночная,
Из хаоса вспыхнув, летит сквозь вселенную,
Но где же найду свое небо и землю я,
И райскую пристань отдохновенную?

Лишь ты, Неизвестность, познавную враждебная,
Века уводящая в тьму, как мгновения,
Дашь блудному сыну приют и спокойствие
В мертвящих, целящих чертогах забвения.

6

Даруй человеку благословенье —
Тому, кто не может судьбу предугадать:
Ни радость, ни горе, ни смерть, ни рожденье.
Не знает ни в блеске, ни в жалком паденье —
Молиться кому и кого проклинать.

Меня ты, по безднам тропу пролагая,
Ведешь, как раба, сквозь глухой бурелом,
Мечтою маня, обещанием рая,
Миражами яркими жизнь озаряя,
Пока не проснусь... под могильным крестом.

Тогда лишь познаю, что жизни кипенье
Не стоит ни смеха, ни слез, ни забот,
Постигну, что жизнь мою, смерть и спасенье,
Как чувство надмирное, как вдохновенье,
Создатель сквозь вечность в груди пронесет.

А ныне, склоняясь пред тайной, велящей
Стремиться за призраком жизни живой,
В неизвестность идти за мечтою пьянящей,
В неведение жалком судьбы предстоящей —
Бреду одинокий к черте гробовой.

в

Жизнь, ты ничтожна, кратка, величава,
Ты широка, и слаба и сильна!
Тень твоя, жизнь, для живого — отравя,
Меркнет в ней солнце и гаснет луна.

Духом свободный, владыка вселенной,
Раб всемогущей и жалкой судьбы!
Гибнет в ничтожестве трон твой надменный,
И восстают, поднимаясь, рабы.

О беспокойный, душою свободный!
Подвигом боли иль торжества
Ты небосвод украшаешь холодный,
В эхе стоустом их слава жива.

Сам же ты тенью непознанной тени
Брошен без имени в гущу людей,
Бродишь, являя глазам поколений
Блеск и ничтожество жизни твоей.

1925

299. ИИСУС ПРИДОРОЖНЫЙ

О боже мой, как эти ночи ярки!
Как высоки просторы поднебесья!
А звезды, звезды — малые, большие
Так светятся, что даже грустно, боже.

Вот выйду я на ровную дорогу,
Там воля-волюшка, на той дороге,
Светла на той дорожке ровной ночка,
Здесь молодому думу в пору думать.

Но что ж ты, боже, очи не смыкаешь,
Ты пригорюнился вблизи дороги,
Где день-деньской все беды и злосчастья,
Стеная, по дороге ровной бродят.

О боже мой, неужто эти беды
Тебя к дороге с неба испросили,
Или осенние большие ночи
Тебя из снов из наших сотворили?

Прими меня, Иисусе придорожный,
Дай мне помыслить у дороги ровной.
А в светлом небе ясные созвездья
Так светятся, что даже страшно, боже.

1926

300. НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЗОРЬ

На рубеже двух зорь весь мир подобен сказке.
Всевидающие очи взирают с озаренных башен,
И ты, в восторге сам от их видений,
Невольно постигаешь
Извечное
И бесконечное
Единство бытия.

Там, на востоке, уже угадывается заря,
Но сполохи заката еще живут в тебе,

Как отголоски отзвучавших
Песнопений.

И все предметы, словно призрачные тени,
Тревожат зренье двойственным обличем.
И ты не знаешь,
Как их обозначить.
И бледное твое существованье
Уходит вспять печальным отголоском —
И бесконечно грустно на душе.

1927

301. КОНЕЦ СКАЗКИ

Конец нашей сказки, наверное, грустен:
Разрушены, рвутся последние связи.
Осознана даже тоска по свободе,
Да слова не молвить в привычной боязни.

Как будто заклятые, жили мы в норах,
Так много мы солнечных снов насмотрелись,
Что слухом и зреньем давно позабыты
Рассветного неба горенье и шелест.

Забрезжило в сумраке — чары слабеют.
Но злобный волшебник бормочет заклятья.
Он жив. И не знаю, что скажет в грядущем,
Какие загадки еще предстоят нам.

Повсюду лишь призраки, чахлые зори,
Да шаткие мостики пляшут в провале,
Да плещутся мерно свинцовые мысли,
Чтоб души из серого сна не взлетали.

Кончается сказка, по прежние чары
Тяжелою пылью на душу ложатся.
Так страшно — порог перешагивать к свету,
И так неохота — во тьму возвращаться.

1929

302. СТРАННИК

Я ушел. Я брел по улице вечерней,
Грязной, скользкой, погруженной в ночь и слякоть,
И никто не повстречался по дороге,
Чтоб со мной мое вчерашнее оплакать.

Были мокрые заборы, дождь, халупы,
Чьи-то дальние рыдания слух сверлили,
Да во мгле слова горели фонарями:
«Что любовь? Как встарь — бессмысленна, бессильна»,

Провода вверху гудели. Ныли ветви.
Крыши грохали листьями жестяными.
Окликают. . . И по имени? Как странно!
Я вчера еще свое утратил имя!

Я молчал. На тихий зов не оглянулся.
Брел, по-прежнему ступая слепо в слякоть.
Шел в ту полночь, в тот туман, в ненастный ветер,
Счастье чтоб свое вчерашнее оплакать.

1929

303. ОЖИДАНИЕ

Ты не поверишь, как я ждал тебя сегодня!
Так ждал, что умирал и только жил тобой!
И долгие часы казались мне веками,
И мысль сменяла мысль тоскливой чередой.

Ты так и не пришла, и вот во мраке ночи
Боль ожидания, как жадная волна,
От гнева вспенилась и рухнула в пучину.
Как знать, вернется ли когда-нибудь она?!

Я думал на заре: пускай ты не явилась,
Пусть этот день как свет на дальнем берегу.
Виденьем прошлого душа моя прельстилась,
И дней пленительных забыть я не могу.

1929

304. УДИВИТЕЛЬНЫЕ НОЧИ

Настали такие короткие, дивные ночи —
Ночи очарований и ночи надежд!
И если однажды
Пойдешь посмотреть, как спускается солнце,
Домой не вернешься —
Домой никогда не вернешься.

Ты будешь идти и идти навстречу таинственной
ночи,
Которая пахнет усталой и теплой землей.

И тень заходящего солнца
Витает, как дух господен.
И вечер целует утро,
Как брата родного брат.

Постой!

Постой у распятыя на этом печальном распутье:
Этой ночью глаза распятыя полны материнской
любви.

За рощами и за холмами
Остались очаг и кровля.
А вечернее зарево ринулось
Далеко на восток.

1929

305. ЦВЕТОК ЛЬНА

Я не знал бы тебя, мой цветок синеокий,
Если б не было в поле сияющей сини,
В хмурый полдень куда бы шаги я направил,
Когда в сердце такая тоска и унынье?

Возле ржи золотой колокольчик и клевер,
Но примяты они осторожной стопою.
А усталая грудь обретает отраду,
Синеокий цветок, только рядом с тобою.

Как младенческий сон, ты паришь над землею.
Не в тебе ли ее материнское счастье?
Ведь для пахарей все их мученья и радость
В синих венчиках неизъяснимо лгутся.

Разве сущее только мы здесь созерцаем,
Разве юность в сердцах наших не зазвучала?
Раздвигаются губы в улыбке и шепчут
Незабвенную синюю сказку сначала.

1934

306. НА ДОРОГЕ К ЮГУ

Всё реже в небе тени листопада,
Поля пустые навевают грусть.
Я — птица запоздалая в полете —
За солнцем угасающим стремлюсь.

Как я заспался на притихших склонах!
Как долго слушал шумные кусты!
Но осень дышит стужей и дождями,
В глазах темно от сонной пустоты.

А с облаков, как прежде, видно солнце.
О, только б крыльям в воздухе свистеть!
Ведь с каждым взмахом — шире горизонты
И с каждым мигом ярче им гореть.

1934

307. ЛИТВА

Литва, для одних ты отчизна героев,
Край нищих пигмеев Литва для других,
Но ты для меня, словно мать на пороге,
Стоишь утешеньем страданий моих.

Из отчей долины отправившись поздно,
Я вышел на поиски жизни другой,

Но где-то дорогой во мраке беззвездном
Я голову молча склонил пред тобой.

Я знал, ты развеешь сыновью кручину,
Дашь благословенье и скажешь — пора!
Позволь мне, позволь, словно блудному сыну,
С тобою побыть, помолчать до утра.

Литва, ты моя несказанная тайна,
Любовь и страданье. . . Бессильны слова.
Лишь новое чувство возрастет, как признание,
В тени твоих рук материнских, Литва.

Потом, как другие, дорогой своею
Я кану во мрак — не пойдешь, не вернешь. . .
Но, колоколом утра заслышав, поверю,
Что ты на рассвете из мертвых встаешь.

1934

308. НИЦЫЙ

Он хром и глух. А может быть, и слеп.
В лохмотьях он — подобье человека,
И дворник заметет неровный след,
Когда от дома отойдет калека.

А вы прервали вкусный свой обед,
Вы так добры и сердцем и душою,
И голодранцу несколько монет
Вы протянули щедрою рукою.

Он вам желал и счастья и добра,
Благодарил вас, поминая бога.
Врывались в город снежные ветра,
И леденела скользкая дорога.

Вас ждет обед. Ваш суп остыл давно,
Но это вас нисколько не задело.
Какой пустяк, когда совершенно
Недавно вами благодное дело!

А за окном кружится мокрый снег,
Но вам тепло, удобно и уютно.
А где-то бродит нищий человек.
В груди тревожно. . . И на сердце смутно.

1934

309. БАЛЛАДА

Эти ночи — темны и страшны,
Эти мысли — мрачны и грустны.

Расшумелись в березовых рощах ветра,
Заскрипела ольха, застонала ветла.
А на небе безлунно, беззвездно,
Что-то всходит луна слишком поздно.

Голова закружилась, и тени в глазах. . .
Ты лицо свое спрячешь в холодных руках,
А вокруг тебя тени кружатся —
Словно саван, на землю ложатся.

И смятенные люди бегут по тропе.
«Милый друг! О, куда ты навстречу толпе!»
— «Я встречаю нежданную гостью свою,
Что провидит грядущей судьбы колею,
Что читает неясные знаки
В темноте, в неизвестности, в мраке».

Воет пес на пригорке. Восходит луна.
«Милый друг! Дай мне руку, дорога темна!»
Подав руку, и похолодело в груди,
Всюду ямы, руины, а всё же иди.

Всюду тени. . . Безгласные толпы теней,
И чем дальше — тем ночь всё темней и темней.

1939

310. КАПЛИ

За окошком — легкий, быстрый
Звон капли неумолчный.
Будто гость настойчиво стучится,
Бьет в окно, зовет из черной ночи.

«Динь! Один? Один?» — «Довольно!
Это ж очень, очень больно.
Днем ли, ночью, так ли, сяк ли —
Сердце выстучит до капли!»
— «Никуда тебе не деться,
Ведь не хватит сердца, сердца!
Ты ж один. Один. Впусти же.
Ближе. Ближе. Ближе. Ближе.

Настежь окна и ресницы —
Ничего тебе не снится.
Встань. Встань. В дом впусти.
Вместе станем — я и ты. . .»

Раз! Пробила! Сквозь туман и холод
Капля в грудь свинцовой пулей входит.

Гость коварный, призрачный, зловещий!
Вьюжной стужей капли хлещут, хлещут.
Бьют в окно узоры — пятый, сотый —
Нежитью, небытием, без счету.

Эти мысли — боже, эти мысли!
Непреоборимы, неумолчны,
Только сердце рвется и томится:
Бьется. Ждет. И так — подряд все ночи.

1939

311. ТВОРЧЕСТВО

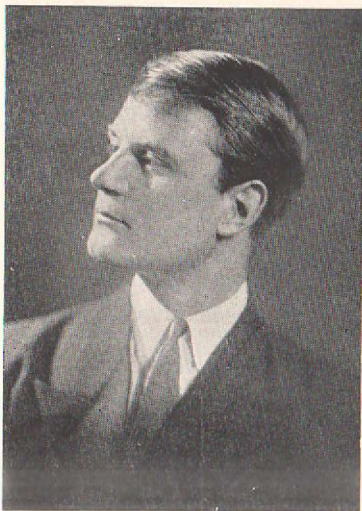
Лампа резко расчерчивает тишину:
За обрывом стола — первозданная темень.
Будто в замке, что в хлябях морских потонул,
Здесь ни ночи, ни дня. Остановлено время.

Бутку Юзе

К. Бинкис

Ю. Тислява

А. Мярките

Книга мира распахнута передо мной.
Лист белеет. Застыло перо в ожиданье.
Мысли — зорче... Вот, слышится, черной волной
Зыби хаоса зашевелились за гранью,

И дрожит, расплывается круг наконец.
Ни стола, ни листа — всё смешалось, струится.
Тянет лук, выгибается звездный Стрелец,
Из волшебного сада взлетает жар-птица.

От темнейших низин до ярчайших высот
Переброшены струны гигантскою лирой.
Ясный луч дотянулся до книги от звезд
И играет, как солнце, в безбрежности мира.

И при вспышках рождаются строки, слова —
Как листья шелестят, под пером задыхаясь!
Там, за белую гранью, в громах торжества,
Дух творящий вдыхает гармонию в хаос.

1939

Бутку Юзе (псевдоним Юозаса Буткуса) родился 15 июля 1893 года в деревне Пажвелсяй (теперь Клайпедский район), в семье бедного крестьянина. Упорно занимался самообразованием и уже восемнадцатилетним юношей поступил в Тельшяйскую гимназию, но закончил учение в 1917 году уже в Воронеже. Потом изучал литературу и философию в университетах Москвы, Берлина, Иены, многие годы занимался работой педагога и журналиста, а в годы советской власти был директором драматического театра и краеведческого музея в городе Тельшяй, преподавал в Клайпедском учительском институте. В годы буржуазной диктатуры поэт подвергался преследованиям за свою прогрессивную деятельность, несколько раз был в тюрьме, а цензура неоднократно запрещала печатать его произведения, отнесенные зачастую настроениями стихийного бунтарства. Умер в Клайпеде 22 апреля 1947 года.

Литературную деятельность Бутку Юзе начал в 1911 году, сотрудничал в прогрессивной печати. Опубликовал поэтические сборники: «Пламя земли» (1920), «Плачущие розы» (1921), «Цветок папоротника» (1923), «Работа и пот» (1928). Лучшие его поэтические произведения собраны в книге «Избранное» (1962). Бутку Юзе писал и драматические произведения («Распутник», драматизированная сказка «Аудропе»).

Некоторые стихотворения Бутку Юзе переводились на русский язык.

312. ПОД ФЛАГОМ БОРЬБЫ

С алмазного трона скатилась корона,
Светает вокруг...
Под знаменем красным сплелись миллионы
Мозолистых рук!

Когда мир труда державно шагает
С отвагой вперед,
Былое иго уже спадает,
Иго — падет!

Свободно поют и кузнец, и пахарь,
Песнь счастья, звени! . .
Эй, слуги наживы, тряситесь от страха, —
Прошли ваши дни!

Когда мир труда державно шагает
С отвагой вперед,
Былое иго уже спадает,
Иго — падет!

Под флагом борьбы — наш пыл
не остудишь! —
Идем сквозь бои!
Я верю, Литва: ты скоро забудешь
Стенанья свои!

Когда мир труда державно шагает
С отвагой вперед,
Былое иго уже спадает,
Иго — падет!

(1920)

313

Нищие путники, день наш грядущий
Не за горами.
Пахарь, по чахлому полю идущий,
Будь рядом с нами!

Склонится солнце — нас песня согреет,
Песня развеет
Мрак, от которого сердце немеет,
Кровь леденеет.

Знамя, как свет зоревой после ночи,
Плещет, алея.
Жизнь отдадим за отчизну рабочих
Мы, не жалея.

(1920)

314. ПОГИБШИМ

Храм ваш создан из гранита,
в нем горит огонь свободы,
вы окно в нем прорубили,
чтобы в нем сияло счастье...
Где же вы?

Троны рухнули. И в гневе
растоптали мы короны,
больше кровь рекой не льется —
вот как толпы выполняют
ваш завет.

Сталью вам терзали сердце,
в каменных мешках томили,
смертной мукою пытали,
чтоб никто не мог услышать
голос ваш.

Только в полдень гром ударил,
ночью холод вторил грому,
зори небо озарили,
и земля провозгласила
вашу песнь.

Троны рухнули. И в гневе
растоптали мы короны,
больше кровь рекой не льется —
так народы выполняют
ваш завет.

(1920)

315

Искупавшись в море крови,
горы одолев крутые,
недоспав ночей в тревоге,
мы идем прямым путем.

Нам не страшен черный призрак,
злая ложь нас не пугает,
на земле за счастье бедных
мы ведем извечный бой.

Мы всю жизнь пахали землю,
знали муки и невзгоды,
поднимали тяжкий молот —
вместе песню запоем.

Рухнули дворцы и троны,
и темницы распахнулись,
ночи сбросили оковы,
чтоб вперед шагать, вперед!

(1920)

316

Раннее солнце земли поцелуем коснулось.
Птиц голоса полились меж землею и небом.
Ветер легко в поднебесье красным полотнищем веял.
Трубы фабричные, тусклые окна окраин
вмиг ото сна пробудились и просветленно вздохнули.
А в золоченых коронах башни печально поникли.
Двери лачуг распахнулись.
Руки в мозолях слились воедино, и губы,
солнце встречая, сказали:
«Праздник сегодня!»
Радостный гимн зазвучал над землею,
поняли все — это праздник весны.

(1920)

317. ПЕСНЯ ЖНЕЦА

В жизни два
я знаю солнца...
Днем одно
со мною рядом,
мне оно
целует спину

в час, когда
кошу я травы.
А второе солнце
ночью,
лишь в деревне
всё умолкнет, —
сам целую.

(1920)

318. ВЕСЕННИЕ ДУМЫ ПАХАРЯ

Мы в думах опять постоянных
порою весенней горячей,
гнедых запряжем и буланных
и выйдем в поля за удачей.

Мы, чиркая плугом о камень,
сомкнем борозду с бороздою,
покончим навек с сорняками,
покончим с проклятой нуждою...

Луга, да и всю нашу землю
обсели кругом мироеды,
тревога деревню объемлет:
«Да сгинут обиды и беды!»

Все дружно идут на работу:
девчонка, что роза, румяна,
парнишка, прогнавший дремоту,
крестьянин, поднявшийся рано.

Мы в думах опять постоянных
о пашне порою горячей, —
избавясь от бед окаянных,
мы выйдем в поля за удачей.

(1928)

319. ДЕРЕВЯННАЯ ИЗБУШКА

Изба деревянная в вешних садах утопала,
И мать в ней сыночка для солнечной жизни растила.
Когда же насущного хлеба в войну не хватало,
В кровавых слезах она тяжкое горе топила.

Любовь свою, юность и песни, что в сердце родятся,
Я отдал усталой родимой земле в эту пору.
Но жертва мала, если братья в неволе томятся,
Коль нас загоняют в сырые тюремные норы.

Где б ни был и как бы душа ни страдала поэта,
Пока в нашем мире не сгинут беда и ненастье,
Я буду устами живущих без хлеба и света
Петь гордую песнь восходящего счастья.

(1928)

320. ПЕСНЯ ЖЕМАЙТИЙЦЕВ

Нас нет, жемайтийцы, сильнее —
мир плечи крестьян подпирают!
В сердцах у нас кровь пламенеет,
как будто в них солнца пылают!

В нас жилы вздуваются лавой,
в бою справедливом, жестоком
мы меч поднимаем со славой,
чтоб хлынуло счастье потоком.

Поднимем знамена восстанья
над всей Жемайтийской землею,
чтоб веяло воли дыханье
и враг не давил кабалою.

Да будут оковы разбиты,
избыты обиды, гоненья —
мы стали прочнее гранита,
и мы не отступим в сраженье.

Нас нет, жемайтийцы, сильнее —
мир плечи крестьян подпирают!
В сердцах у нас кровь пламенеет,
как будто в них солища пылают!

(1928)

321. МАТЕРИ

Ты, Мать, не грусти. Не желает
Твой сын расставаться с тобою.
Полсвета теперь понимает,
Как надо покончить с нуждою.

Деревья в садах расцветали —
К тебе я стремился, родная;
Жестокие ветры хлестали —
Меня ты искала, страдая.

Я помню, как с милой простился,
Нам звезды мерцали, как свечи,
Когда я избе поклонился
И солнцу пустился навстречу.

Земля моя, ширь полевая,
Пусть сердце с тобою пребудет!
Я славлю тебя, хоть и знаю,
Что смерть и меня не забудет.

Но грусть ни к чему. Не желаю
Я жизнь загубить молодую,
Иду я на битву и знаю,
Как драться за землю родную.

(1928)

322. ПРИМОРСКОЕ ЛЕТО

Гуляю ли в саду, иду ль в луга весною,
повсюду жизнь цветка я сердцем постигаю,
я все мои пути тогда благословляю
и счастье дней моих, что будет век со мною.

И грустно, грустно мне. Слеза туманит взоры,
когда цветы в лугах подкошены косою,
но зацветут они опять в лугах весною,
и снова позовут меня к себе просторы.

В дни лета солнце нас, как поле, оживляет,
и женщины спешат на море к жизни праздной,
их губы мне цветок напоминают красный,
и этот цвет, как хмель, всегда нас опьяняет.

А в рощах соловьи, ликуя, распевают.
Их песня — о любви, в ней — радость и страданье.
Не гаснет счастья луч в безбрежности сиянья,
и волны об ином мне думы навевают.

Там кто-то, в шелковой постели сладко нежась,
сном бестревожным спит и в дивных снах витает,
а где-то с бедняков сермягу пан сдирает
и братьям шлет судьба одну лишь безнадежность.

Взгляни в окно — там темных туч движенье
и голые поля, и грусть осенней дали, —
и жалко станет дней, что попусту пропали,
и совесть не найдет себе успокоенья.

Ненастье, холод, мрак и горечь расставаний.
И давит сердце мне разлука тяжкой болью,
и мы навек тогда прощаемся с любовью,
сплетая из нее венки воспоминаний.

В дни лета солнце нас, как поле, оживляет,
и женщины спешат на море к жизни праздной,
их губы нам цветок напоминают красный,
и этот цвет, как хмель, всегда нас опьяняет.

А лета цвет тогда лишь бедняки увидят,
когда, как братья, к ним мы поспешим навстречу,
свой край к свободе понесем, подняв на плечи,
чтоб не вернуться к нам уже вовек обиде.

(1939)

323. ЖЕМАЙТИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Мы кровью тебя оросили,
Чтоб ты расцветала и пела.
Мы тяжкие камни носили,
Чтоб снова ты звездами рдела!

Пусть на поле ветер летучий,
Пусть земли у бури в объятьях —
Когда собираются тучи,
Не надо печалиться, братья!

Кто горести ближнего внемлет,
Кто честно работает, братья,
Кто любит родимую землю,
И жизнь свою может отдать ей —

Вперед же уверенным шагом,
Сметая печали и беды,
В груди нашей хватит отваги,
Чтоб в битвах добиться победы.

1939

324. КАРТИНКИ ЖЕМАЙТИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

1

Весною парни поле засевают,
в садах цветут деревья пышным цветом,
крестьянки холст вдоль речки расстилают —
повсюду дивной юности приметы.

А солнце льется золотом в жилища,
заглядывает в окна, согревая
своим теплом потемки жизни нищей,
где коротает век свой мать седая.

Однако здесь всё по-иному будет, —
придет в селенье наше день желанный,
веселым плугом вспашут поле люди,
цветами счастья зацветут поляны.

Вот косари с лугов домой вернулись,
 хозяйки им уже готовят ужин,
 черемухи к ним в окна потянулись,
 был вечера прохладой день остужен.

Всё озарилось тихим лунным светом,
 поля покрылись тусклой позолотой,
 и косари вдыхали радость лета
 и ждали дней снопов и обмолота.

Рыдал бы я, лишась родимой дали,
 как тот Адам, что изгнан был из рая.
 В краю, где люди счастье добывали,
 я жил бы вечно, старости не зная.

1939

325

Поет гармонь в моей родной деревне,
 И грудь моя наполнена весною.
 Уже цветут пионы и деревья,
 И девушка прекрасная со мною.

И ароматней, чем кадильным дымом,
 Сады курятся у дорог знакомых.
 Как жить легко на родине любимой!
 Земля пьяна от запаха черемух.

1940

К. Бишкис, выдающийся литовский поэт и драматург, родился 4 ноября 1893 года в деревне Гудяляй недалеко от городка Папилис, в бедной крестьянской семье. Учился в средних учебных заведениях в городах Биржай и Вильнюс, кончил краткосрочные курсы учителей, изучал литературу и философию в Берлинском университете. Свое образование поэт пополнял самостоятельным и глубоким изучением мировой литературы, особенно новейшей, и широкой начитанностью. В 20-х годах К. Бишкис был организатором и руководителем литовских футуристов (группа «Четыре ветра») и стал для них признанным авторитетом.

Первые стихи К. Бишкиса появились в печати в 1913 году, а известность ему привесли сборники «Стихи» (1920) и «100 весен» (1923 и 1926). Признанный глава литовских футуристов, вдохновитель многих их начинаний, К. Бишкис довольно скоро отошел от футуризма. Он написал сатирические и юмористические стихотворные произведения — «Тамошюс Бякяпурис», «Портной Мотеюс», «Самая молодая Литва», относящиеся к 1927—1931 годам. Очень значительны заслуги К. Бишкиса в развитии литовской детской поэзии, а его стихотворные книги для детей («Аптанелис нелюдный», «Рыболов», «Восстание зайцев») приобрели широкую известность.

Как драматург К. Бишкис стал известен своей пьесой «Поросль» (1938) о жизни учащейся молодежи. Антивоенная трагедия «Генеральная репетиция», написанная в 1940 году, свидетельствовала, что в мировоззрении писателя происходили большие сдвиги, укреплялись демократические настроения.

Преждевременная смерть (умер К. Бишкис 27 апреля 1942 года в Каунасе) помешала ему полностью развернуть свой огромный талант.

Произведения К. Бишкиса неоднократно переиздавались в советское время и широко переводились на русский язык.

Мне нравится ранняя ясная осень:
 В лесу на заре золотятся березы,
 И травы поникли на желтом откосе,
 Где ивы плакучие свесили косы.

Мне нравятся ночи с прозрачной прохладой, —
 Они после лета желают покоя,
 Они собирают листву под оградой
 И сушат в саду резеду и левкой.

Пылают осинки багряные пятна,
 И слышится дуба распев поминальный.
 Осенняя грусть мне мила и приятна,
 Мечты в эту пору чисты и печальны.

Мне жалко себя. Я шагаю вслепую.
 На рыжих полях провожаю закаты.
 Вдыхаю и грустной природе пою я:
 «Ты вянешь, мой друг, не одна. Не одна ты!»

1913

327. В ДЕРЕВНЕ

На почках настоящий ливень,
 Веселый и сладкий на вкус,
 Украсил березы и липы
 Гирляндами солнечных бус.
 Намокли поля и деревни.
 Намокли стрижи и грачи.
 Намокла листва, и в деревьях
 Зеленые пляшут лучи.
 Над озером голуби кружат,
 И аист тревожит мой слух.
 И смело ступает по лужам
 Достоинства полный петух.
 А там, за домами, на воле,
 Во весь свой невиданный рост
 Вдруг выросла радуга в поле,
 Как стройная арка, как мост,

Как сельского рая ворота,
Как жаркий веночек полевой.
И пахарю в капельках пота
Сулит она доброе что-то,
Надеждою дарит живой.

1913

328. ОБЛАКА

По лазури, в ясном небе,
Облака — взгляните сами —
Проплывают мимо солнца
И блистают парусами.

Волны в южном океане
Им охотно послужили,
В платья легкие одели,
Белым пухом опушили.

И велело море ветру
Выслать быстрые дозоры
Охранять их, провожать их
Через доли, через горы.

Всё хотят они увидеть,
Целый день стоят над нами,
Отражаются в затонах,
Машут белыми крылами.

Спят они в горах высоких,
Перевалы закрывают
И опять лебяжьей стаей
С первым ветром улетают.

И никто не отгадает,
Где они, кочуя, тают:
Над избою ли, над бором,
Над седым морским простором...

1913

Ветер рвется в рощи,
 В заросли крушины.
 Грустные пейзажи,
 Скучные картины.
 Мокрая опушка.
 Серая полоска.
 Дремлет одиноко
 Грустная березка.
 Ей одной, наверно,
 Нелегко на свете.
 По пустому полю
 Зябко бродит ветер
 И печалью горькой
 Наливает душу.
 Осени боюсь я?
 Перед ветром трушу?
 Или, как береза,
 С глазу на глаз с ночью,
 Я боюсь увидеть
 Недруга воочью?
 Мне совсем не страшно!
 И совсем не жалко,
 Что опала роща,
 Опустела балка.
 Для души осталось
 Песенное слово,
 Прочное, как пашня,
 Как рядна основа.
 Песня не увянет,
 Не сгорит, как свечка...
 Пусть бушует ветер,
 Не горюй, сердечко!

1913

В объятых холода увяли
 Цветы последние в саду.
 Одели яблони вуали,
 А иве подали фату.

Белеет лес, безбрежны дали,
Белеют ветлы на пруду,
И дуб, как в обливной эмали,
Стоит у поля на виду.

Узором тонкого отлива
Покрылось зеркало окна.
Но созерцая эти дива,

Не плачет дух, лишенный сна.
Мысль засветилась ясно, живо,
И песня новая слышна.

1913

331

Стою под деревьями — тихо и мерно
Струятся и падают с неба снежинки.
Пушистые варежки и пелеринки
Сшил елочкам иней — на вырост, наверно.
В овраге береза прижалась к осине.
Застыла река, а была она синей.
И падают, падают с неба снежинки.

А может быть, это мечты и надежды
Сменили свои золотые одежды. . .
Снежинки летают, роятся и тают,
Баюкают душу, печаль утешают,
Летят наугад и сулят мне удачу,
Столы накрывают и белят насесты.
Я знаю им место — я в душу их прячу.

1913

332

Весело кружусь в разливе лета
С легионом птиц у трав и лоз.
Я в венках и лентах. Я одета
В ласковое золото волос.

320

Приходи ко мне дышать лесною
Тишиною и листву листать.
На траве зеленой под сосною
Ты узнаешь мир и благодать.

Буду петь тебе, как никому я
Никогда не пела до сих пор.
Грудь твою усталую возьму я
И волю в нее смолистый бор.

Приходи ко мне — я сказки знаю,
В шелковый туман запеленаю.
Приходи — тебя я успокою,
Убаюкаю лесной тоскою.

1913

333. ВЕСЕННЕЕ

На грядах просохло. В тени палисада
Головки пионов горят, как кумач.
За клуней бежит отощавшее стадо
По лугу, по кочкам, размашисто, вскачь.

Вдогонку пастушка в отцовской сермяге,
Но вдруг — растянулась, под носом — пенек.
Мальчишки, не в силах умерить отваги,
Схватились, скатались в подвижный клубок.

Барбос добродушный улегся у клетки,
Кот вышел на крышу и сел у трубы.
Листву обдувая, полуденный ветер
Спокойно вливается в окна избы.

Дышу полной грудью, легко мне, отрадно,
И пес мой доволен, и кот, видно, рад.
Пионы зарделись в тени палисада,
А скоро и в роще цветы запестрят.

Я слушаю: в море лазури бездонном
Купается жаворонок целый день,
И пруд наполняется плеском и звоном,
И плачет пастушка, споткнувшись о пень.

Мне тоже бы плакать, играть и смеяться,
И видеть, как, взявши пилу да топор,
Высокий старик за кустами акаций,
Штаны засучив, чинит старый забор...

1914

334. КОГДА ВСХОДИЛО СОЛНЦЕ

Собрали и вывели всех...
За облаком солнце всходило.
Стелился туман у застрех,
В деревне собака завывала...
Пошли... Ни слезы, как на грех...
За облаком солнце всходило.

Ржаные колосья, шурша,
Чуть слышно их пальцев касались.
Брели по тропе, не спеша,
И молча вокруг озирались.
С полями сливалась душа,
Колосья их пальцев касались.

Шумел растревоженный бор,
Запруда плескалась у моста.
Поставили их на бугор,
У ямы, построив по росту.
Не страшно под дулами — вздор!
Всё было обычно и просто.

Погожее утро. Восход.
О чем-то веселом, летая,
Залетная птица поет...
Не знает природа, не знает,
Как трудно живет здесь народ,
Как долго, как больно страдает.

1914

335. ЦВЕТЫ В СЕНЕ

За рекою сено косят.
Солнце плавится в косе.
За цветами на покосы
Выйду утром по росе.
И букет душистый мой
Сразу отнесу домой.
А едва завижу в поле,
Как идет он налегке,
Позову: «Зашел бы, что ли,
Отдохнул бы в холодке...»

Ах, узнать бы мне, узнать бы —
Любит милый или нет?
Ждать ли мне венца и свадьбы?
Неужели он не спросит,
Для кого такой букет
Собрала я на покосе?
Что скажу ему в ответ?

Робко, словно ненароком,
Намекну, что издалека —
Жду — приедет званный гость.
И взгляну в глаза глубоко —
Что там: ревность или злость,
Безразличие иль досада?
Это всё узнать мне надо.

Если парень помрачнеет,
Побледнеет, покраснеет,
Если он насупит брови,
Если вздрогнет невзначай,
Если станет он темнее
Темной тучи над дубровой,
Если скажет мне: «Прощай!» —

Припаду к его груди:
«Милый мой, не уходи!»
От смущенья не дыша,
Поцелую прямо в губы.

«Вот, — скажу, — моя душа,
Загляни в нее, мой любый.
Не разлюбит, полюбя.
Не обманет. Не изменит.
А цветы в душистом сене
Собрала я для тебя...»

Ну... а если вместо боли
Я прочту в его глазах
Равнодушие, и не боле?
Затоскую, как в неволе.
Убегу, забьюсь в слезах.
Но никто моей сердечной
Не услышит маеты,
Не узнает об измене,
Не откроет, для кого —
Для себя ли, для него —
На заре, в душистом сене,
В золотой траве заречной
Собирала я цветы...

1915

336—342. ТРИОЛЕТЫ

1

ТЮЛЬПАНЫ

Их много — желтых, синих, красных.
Все вместе выросли тюльпаны.
Они с утра в рубахах разных,
Их много — желтых, синих, красных.
Они не любят дней ненастных,
И им не нравятся туманы.
Их много — желтых, синих, красных.
Все вместе выросли тюльпаны.

ЦВЕТЫ ЯБЛОНИ

Смотрим — тихо опадают
Яблонь лепестки.
Мотыльки в саду летают,
Смотрим — тихо опадают
И, как снег весенний, тают,
Ласковы, легки.
Смотрим — тихо опадают
Яблонь лепестки. . .

ВОДЯНАЯ ЛИЛИЯ

Сегодня лилия раскрылась
Белее утреннего снега.
Наверно, чудо совершилось —
Сегодня лилия раскрылась.
Гром грохотал, и мгла клубилась.
И лепестки нежны, как нега.
Сегодня лилия раскрылась
Белее утреннего снега.

ФИАЛКИ

Плывет фиалок аромат,
А их самих еще не видно.
Заворожив леса и сад,
Плывет фиалок аромат
И подтверждает: полночь — клад,
Но спрятанный от нас, обидно!
Плывет фиалок аромат,
А их самих еще не видно.

РУТА

С улыбкой руту сорвала,
 С улыбкой косу заплела.
 Вошел — не смутилась нимало.
 С улыбкой руту сорвала.
 Ой, тише... Узнают — пропала...
 Но милого спрятала мгла...
 С улыбкой руту сорвала,
 С улыбкой косу заплела.

ВАСИЛЬКИ

Синева в глазах навеки,
 Синева всегда права:
 Сине небо, сини реки.
 Синева в глазах навеки.
 В сумерках закроешь веки —
 Закружится голова.
 Синева в глазах навеки,
 Синева всегда права.

МАКИ

Эти огненные маки
 Мир зажгли из края в край.
 Межевые рая знаки —
 Эти огненные маки.
 Весь мой край — цветы и злаки!
 Весь мой край — отныне рай!
 Эти огненные маки
 Мир зажгли из края в край.

1918

343. ПЕСНЯ РАССТАВАНИЯ

1

Загрустив, вздохнув устало,
В тонкий кутаясь платок,
«Жди, любимый. . .» — ты сказала
И, прощаясь, как бывало,
В палисаднике сорвала
Белый ласковый цветок.
Всех милей и всех стройнее,
Он с утра в росе промок.
С ним была мне даль виднее.
Он мой дух в безбрежность влек.
И, сорвав его с улыбкой,
Приколов его к груди,
Ты ушла, и в дымке зыбкой
До утра звучало: «Жди. . .»
Но я знал: ты не придешь. . .
Так, наотмашь, косят рожь.

2

Растворилась, удалилась,
Закатилась, как звезда.
Дух роптал, и сердце билось:
«Жду тебя — вернись сюда. . .»
Я смотрю — на небосклоне
Звездочка, едва видна,
За другой звездой в погоне,
Бедная, не знает сна. . .
Старый дуб соседней кроне
Прошумел: «Его звезда
Не вернется. . .» На газоне
Лист шепнул мне: «Никогда. . .»
Тихо пели мне дожди:
«Не вернешь ее, не жди».
Прозвенела птица в поле:
«Не увидишь ее боле. . .»

Не увижу, не найду я,
 Не найду ее нигде.
 Только в мыслях, в маете
 Вижу тихую звезду я.
 Не однажды припаду я
 К дорогой моей беде
 И услышу речи эхо,
 Бесконечно близкой мне,
 И узнаю в полусне
 Отзвук вздоха, отзвук смеха.
 Сорванный тобой цветок
 Свой прозрачный лепесток
 Не покажет мне беспечно...
 Безутешный, всё стерплю.
 Буду ждать сегодня, вечно.
 Ибо — я тебя люблю!

Ты со мной в лесу и в поле,
 Ты меня томишь с утра...
 Позабыть тебя пора.
 Но опять душа в неволе,
 Боль моя, моя отрада,
 Ты везде — в прохладе сада,
 В глаз анютиных тоске.
 Ты в восходах и в закатах.
 Ты в реке, на перекатах.
 Ты на пашне и в песке.
 Жизнь моя на волоске.
 Ты ночами в темной чаше,
 Где отчаянней и чаще
 Вспоминают соловьи
 Пруд и желтые откосы,
 Иву сонную и косы
 Расплетенные твои.

На рассвете, в сновиденье,
 Исчерпав свой краткий век,
 Умер я, и, как виденье,
 Ты пришла, белей чем снег.
 «Встань, мой милый, — ты сказала. —
 Я вернулась. Я не знала,
 Где ты. Я опять с тобой.
 Вот цветок твой голубой.
 То есть он скорее белый.
 Поднимись, живой и смелый,
 И пойдем былой тропой.
 Ничего я не забыла.
 Я тебя всегда любила.
 Ты моею стал судьбой.
 Встань! Струится запах сена.
 Встань! Я вырвалась из плена.
 Встань! Вдали шумит прибор. . .»

Я в тревоге и в смятенье
 Вспоминаю странный сон. . .
 Почему прозрачной тенью
 Скрылась ты за небосклон?
 Почему бледнеет небо?
 Почему бездумно, слепо
 Целый день идут дожди?
 Почему мечи стальные,
 Беспощадные, сквозные,
 Не выходят из груди?
 Не желает сердце биться,
 Разлучается со мной. . .
 Прилетела б ты, как птица,
 И осталась бы со мной. . .

Под прозрачной складкой шали
 Вижу снова мой цветок.
 Ты вернулась, и печали
 Улетели, как дымок.

Ты невеста. Ты, как прежде,
В белой шелковой одежде,
Стройная, идешь ко мне.
На твои густые косы
Чистые ложатся росы
Наяву, а не во сне.
Здравствуй! Мир совсем не тесен.
Будет много новых песен,
Цель моя, мой трудный клад.
Возвратился самый лучший
Мой дружок — цветок плакучий.
Жизнь моя пойдет на лад...

8

Но... ни отзыва, ни зова.
Ты молчишь. Ты так бледна.
В шелк прозрачной шали снова
Возвратилась тишина...
Я забылся. Я увлекся...
А возможно, это флоксы
Осыпают лепестки?
Самому себе постылый,
Словно выйдя из могилы,
Спотыкаюсь о пеньки.
Так в тюрьме сырой и тесной
Мысль останется безвестной,
Не пробьется через тьму...
Ни земля, ни свод небесный
Без тебя мне ни к чему!

1919

344

Мне не надо на стенах венков неживых
С их сухими цветами и пыльной травой.
Ты возьми их с собой — мир прекрасен без них,
Я привык утешаться природой живою.

330

У меня целый день под рукою весна,
Целый вечер меня осеняют закаты,
У меня до утра сновиденья без сна
И старинные песни, и грома раскаты.

Мир так разнообразен, красив и жесток.
Он вбирает в себя кровь, цветы и растения.
Посмотри, как его бесконечный поток
Ежечасно меняет свои воплощенья.

Мне не нужно на стенах венков неживых,
Собери их скорей и убрать помоги мне.
Мир открытый намного прекрасней без них.
Я без них буду петь миру звонкие гимны.

1920

345. ДИТЯ ВЕТРА

Мимо — рощи и долины.
Кони борзые легки!
По небесным по трясинам
Мчусь с весной вперегонки.

Прочь с дороги,
Чайки, сойки!
Прочь с дороги,
Лебедь, гусь!
Я — на тройке!
Я — несусь!

Облака как прах летучий,
Сзади стелется туман.
Подо мной моря и кручи.
Месяц спрятался за тучи,
Скрылся звездный караван.

Кто мою взнуздает тройку,
Ураган стреножит мой?

Рвет постромки самый бойкий
Смерч — мой левый пристяжной.

Птицы слабые, прощайте!
Червяков, весна, плоды!
Впредь меня не догоняйте.
Все остались позади!

1921

346. НЕМЕЦКАЯ ВЕСНА

Берлин, брат, дрыхнет вверх ногами,
А месяц, старый идиот,
Умело взнуздан проводами
И ржет.
Скучны подстриженные вязы:
Цвести им нынче или нет? . .
В витрине, где приятный свет
На сумрак наложил запрет,
Нарцисс — жилец прозрачной вазы
Проголодался, как ребенок,
И улыбается спросонок.
Спят в зоопарке крокодилы,
Львы, обезьяны и касатки.
Вернувшись в каменные виллы,
Ложатся спать аристократки.
Пора, пора! В Берлине ночь.
Трамваи и автомобили,
Закончив бурные кадрили,
Давно убрались с улиц прочь
И пережевывают мили.
Фонарь мигает у забора.
И месяц, старый идиот,
Застряв меж башнями собора,
Скосил свой плоский блин — умора! —
И, широко разинув рот,
Вдохнул глубоко. . . В улиц недра
Уже плывут потоки ветра. . .
Пройти пытаюсь в зоосад.
Увидел месяц, сам не рад,

В окне на первом этаже
Аристократку в неглиже
И, впав в смущение и в сплин,
За башню спрятал постный блин.

1921

347

Удивленные глаза берут любые кручи,
Зрачки чудесами просвечены до донца.
Прочь с дороги! Уберите тучи!
Ожидаю возвращенья солнца.
Сегодня в полях прорастают зерна.
Слышу — впервые вздыхает росток,
Слышу — в пашне распахнутой, черной
Соки земные слились в поток.
Птицы дружно голосуют на рассвете,
Выбирают меня президентом Полесья.
Ну что ж, готов лететь и петь я!
Эй, юго-восточный ветер,
Подмети

скорей

поднебесье!

1921

348. САЛЯМ АЛЕЙКУМ

Салям алейкум!
Молодые, на улицу,
На свободу аллей.
Пусть светлей и алей
Фронт плакатами стелется.
А под плакатами,
В сердцах,
Пусть кровь струится клейко.
А на плакатах,
Во весь размах, —
«Салям алейкум!»
Довольно сахаринить души

И накладывать на больные места
Компрессы компромисса.
В толстую тушу,
В ту, что жена называет «киса»,
В тех, у кого черепная коробка пуста, —
Влей хоть бочку спирта —
Не поможет ни черта!
Не надо биться о стенку лбами,
Не надо будоражить толстух,
Тревожить их жирное лоно, —
Это влетит в копейку.
Давайте с вами
Вслух —
Нас два с половиной миллиона —
Скажем как можно ясней,
Примерно, как труба Иерихона:
«Салям алейкум!»

1922

349. ПРОРОК

Улица облепила вывесками бока,
Бесстыдный и жадный рот ее ал.
На тротуарах животы, как баррикады.
Надо вопить громче быка,
Чтоб кто-нибудь меня услышал
В грохоте дермовозовой канонады.
А я, пришедший с распаханых пашен,
Почту грядущих веков разношу заранее,
Как вечный жид, облаянный собаками.
Нехорошо,
Что лоб мой морщинами украшен,
Нехорошо,
Что без святого писания,
Нехорошо,
Что душа моя расцвела красными маками.
Вышли из переулков типы,
Думают:
«Покажет обезьянку...
Сыграет на шарманке вальс...»

Уважаемые, вы знакомы с испанским гриппом?!
Захочу — выверну слово наизнанку,
И наступит ваш последний час...
Разинули рты и ротики:
«Может, и вправду кусается?..»
Матери прячут под юбки дочерей.
Тетушки прячутся под зонтики.
Шулеры обнимаются,
Словно запахло грохотом батарей...
Дорогие,
Я не затем, чтоб вас испугать.
Важнее,
Чтоб вы наконец отрешились от скуки
И помышляли не только о брюхе и спаленке.
Что из того,
Что вы ежедневно застилаете кровать
И перед завтраком моете руки?
Вы все еще такие маленькие, маленькие.
Самому большому довольно аршинного гроба,
И вами, как навозом,
Набита рынка утроба...
Опять зашевелились.
Рожа на роже.
Тип на типе.
Туша на туше.
Лезут! Как они лезут, боже!
Грязными сапожищами в открытую душу!
Хохот.
Грохот подкованных каблуков.
Беспутны. Беспамятны.
Ничего не слышат.
Ничего не слушают.
Страшно.
А в сердце для них накопилось столько тостов
и слов!
«Верьте — вам поставят когда-нибудь памятник!
После второго потопа из ваших животов
Воздвигнут вторую Вавилонскую башню!»

1922

Вещает профессор, маститый, серьезный:
 «Порой он способный, но ветрогон...»
 А я — куда ни взгляну — вижу весны,
 В каждом кармане их миллион.

Выйдешь на улицу — жизни потопа
 Горы сердца готовы затопить.
 Всеобщим сумасшествием охвачена Европа.
 Жарко. Хочется пить.

Прячутся, чтоб солнце не перегрело носы,
 Чтоб не расплавились стекла очков.
 Одному роса увлажнила волосы,
 Побежал стричься — и был таков.

А я, нехотя, как дитя,
 Карман или рот слегка раскрываю,
 И весны-веснята, лопоча и шутя,
 Мчатся навстречу подзаборному маю.

Их не удержишь — не удержишь,
 Не остановишь — прорвалась дамба.
 Это болезнь неизлечимая.
 Ничего не поделаешь. Амба!

1923

Старость уселась за огромный письменный стол
 И пугает чернильной бурей.
 А юность роняет послушно слезы на дол
 И ждет терпеливо за дверью de jure.

Не нам потакать графоманской старческой мании
 И обсуждать гексаметры на поэзии тризне.
 Бросим «прощай» их причесанной компании
 И шагнем, молодые, в просторы жизни.

Б. Пранкус-Жалионис

А. Магинскас

П. Каружа

М. Линкявичюс

Кому не наскучило лобзаться с музами,
Пусть варит лирическую кашу.
Мир наш украшен плодами, а не бусами.
Не правимся — не слушайте музыку нашу.

Это не искусство — трещать, как грач,
Топить любовь в чернилах нелепо.
Посылаем слово, как футбольный мяч,
В золотые ворота неба.

Спроси у русского, немца, поляка:
«Хочешь понюхать литовского сена?»
Они весьма умны и образованы, однако
Объятая откроют нам несомненно.

Когда лес принимает долгожданных гостей,
Разве можно сочинять за столом баллады?
Идем, забыв про всех чертей!
Мы все бесконечно рады!

1923

352. ВЕТЕР-ВЕТРЕНИК

1

Ветер фыркает балтийский,
Рвет,
Играя,
Гнет,
Ломая,
Бьет,
Карая,
Устали не зная...

Вст так воля, воля, воля!
Миллион великих воль.
Засвистеть хотел — изволь!
Полететь хотел — изволь!
Возле леса, возле поля —
Воля!

Мельница о четырех крылах.
Ждут жернова.
Попробовал — трах!
Осталось два.
Растрепала солому стреха.
Амбар спотыкается
И, пьяный в дым,
Ловит во дворе петуха.
Сад остался без лаптей и опорок,
Он едва стоит на ногах
И требует новых подпорок.
Ах!
Упала баня.
Пропала клуня.
У вороны не хватает крыла.
Натворил ветер дела!

8

Кота, кота, кота,
Черного,
На спине полоса,
Ветер
Схватил у клетки
И унес на небеса.
Таращит кот глаза.
Усы щетинит кот.
Ползает по небосводу,
Осваивая небосвод.
Под котом города и веси.
Под котом морские пути.
Раздуваемый у ветра в горсти,
Кот покрыл поднебесье.

Он кричит, вопит, как бес.
Рушит дом и валит лес.
Полог пыли. Прах и дым.
Ветер мой неуловим!

Будет он теперь и ввредь
Пировать и песни петь.
Ты свистеть хотел —
Изволь!
Ты взлететь хотел —
Изволь!
Всюду — воля, воля, воля,
Миллион веселых волей!

1923

353. НЕБЕСНЫЕ ТЕЛЯТА

Поля стали весенними.
На вербах вылупились цыплята.
На небесных лугах
Пасутся телята.

Вынь из тулупа
Душу живу —
Проветриться падо.
Пусти ее на небесную ниву
Пасти молочное стадо.

1923

354. 40° С

Надоело — всё дома и дома.
Ни закатов, ни тучек, ни месяца.
Если б не слышал я грома,
Можно было б повеситься.
Господин доктор,
Здоровье мое никуда не годится.
Не могли бы вы одолжить мне
Своего здоровья?
Мне хотелось бы,
Чтоб вокруг летали птицы,
Чтоб поля дышали новью,

Чтоб луга в цветах,
Небеса в облаках,
Чтобы сливы на ветках —
Хоть целься в них...
Эх, стать бы где-нибудь на семи ветрах
И небо согреть сорокаградусными цельсиями!
Бутылки?
Что бутылки!
Неужели я должен в них утонуть?
Вздор!
Знаете что, господин доктор,
Выпишите мне немного чистого воздуха
И влейте мне воздух в грудь.
Такой аппетит,
Что половину соснового бора
Выпил бы,
Жажду не утолив.
Я еще жив —
Пульс не сдался
И сердце работает споро,
Не сердце, а локомотив.
Кто-то осторожно вздохнул,
Думает:
«Агония...»
Думает:
«Пропитан лекарствами, слабый и хилый...»
Хорошо, что у меня усы,
Иначе бы комнату залила ирония.
Правда ли, господин доктор,
Что вы влюблены в мои бациллы?

2

Утро солнечное, но без жара.
Голова в порядке.
Мысли слушаются меня.
Но едва возвращается в тело Сахара,
Я опять загоняю коня...
Тело — испорченные мышцы и нервы,
Обтянутый кожей скелет.
Последнее дело
Такое тело.

Но сам я не последний и не первый:
Похоронят —
Простынет след.
Зато мой дух, безмерно рад,
Вытянулся от земли до Плеяд.
Жаль, что корни его спрятаны в жалкий
Футляр из костей и мяса,
Для которого достаточно палки
Или крупницы свинца.

8

Мелькают словесные зигзаги:
... запасите доски...
... утром и вечером сорок...
... горит, как хвороста ворох...
Делать нечего —
Слова звучат невпопад.
Сорок...
Утром и вечером сорок...
Тело пылает, как порох,
Как будто под простынею
Черти устроили маленький ад...
От шкафа
Отделилась жирафа...
Оскалился порог...
Опрокинулся потолок...
Обрывки кинематографа...
Жаль, что кто-то загнал мое ложе
В глубокий песок,
А не в сумрак мышиных норок...
Когда у человека сорок —
У него особенное настроение:
Тяжкий на него наваливается груз,
Но внутри у него еще много потенции
И особое рвение —
Хочется скорей заключить со смертью союз
И с преисподней конвенцию.

1923

Мне луга застилают глаза.
Кружат голову хвоя и шишки.
Слышу: листья раскрыла лоза.
Вижу: разбушевались мальчишки.

Рвутся в клочья штаны — шум и гам.
И сверкают мальчишечьи пятки.
С превеликой охотою сам
Я сыграл бы в войну или в прятки.

Я мальчишек люблю и ценю.
Я им верным товарищем был бы,
Всё бы отдал, что в сердце храню,
Всё бы отдал и всё позабыл бы.

1926

Поэт Ю. Тислява родился 1 ноября 1902 года в деревне Гейстеришкяй (теперь Вилкавишкский район). Учился в гимназии Вилкавишкиса, был вольнослушателем Каунасского университета, работал в редакциях газет. В 1926 году уехал в Париж изучать журналистику, здесь он активно сотрудничал с писателями-модернистами разных стран. С 1932 года Ю. Тислява жил в США, был редактором литовской газеты. В послевоенный период его деятельность некоторое время была враждебна Советской Литве, но в последние годы жизни поэт стал высказываться за культурное сотрудничество с родной.

Умер Ю. Тислява 11 ноября 1961 года в Бруклине. По завещанию поэта его прах был перевезен в Вильнюс в декабре 1962 года.

Стихи Ю. Тислява начал публиковать с 1918 года, некоторое время был связан с группой «Четыре ветра». Издал сборники стихов «Блуждающие огни» (1922), «Поезд» (1923), «В руках Немана» (1924), «Золотом лило» (1925), «В даль» (1926), «Поэзия» (1935). На чужбине его поэтическая продуктивность была незначительной. Наиболее полное собрание его поэзии — сборник «В руках Немана» (1967).

Стихи Ю. Тислявы на русский язык переводятся впервые.

356. ПЕСНЯ НОЧИ

Звезды в глубине Вселенной —
Точно жемчуг драгоценный,
Капли света.

Над дугами небо в звездах.
Выйди из дому на воздух
Слушать лето.

Кровь застынет — выпь застонет,
Месяц взгляд косою уронит
Без ответа.

Меркнет жемчуг драгоценный.
Звезды — почки Вселенной —
Ждут рассвета.

1921

357. ВЕСНА

От лучей над мокрым лугом
Точно круг пошел за кругом
По воде.

Ощупью иду, не зная:
Из весны, веселья, рая
Выход — где?

Различить, разведать мне бы,
Где земля и где тут небо?
Свет — везде.

1921

358. ВЬШНИ ЦВЕТУТ

Это праздник!
Кони рвутся из конюшен.
Если спросишь ты у друга,
Что за свет в окне чердачном,
Он подумает и скажет:
«Это — праздник!»

Бег дороги.
Тучи пыли оседлали
Лошадей, несущих песню
В поле — на подмогу старшим...
Вдоль холмов, холмов зеленых —
Бег дороги.

Это вишни
Зацвели! В восторге тополь.
Если спросишь, кто же вторит
Звонкой дудке пастушонка,
Молодой ответит голос:
«Это — вишни».

1922

359. НОЧЬ

И новая ночь
Играть на телеграфных струнах
Пришла, хоть мало инструментов струнных,
И медь гудит в столбах, и на стволах нет пятен лунных.

Глядят с надеждой
Холмы, согнув крутые шеи,
Вдаль, где туман, как ворожея,
Сулит обманчивые сны, притихшим ветром вея.

Ночь. На селе
Погасли знаки зодиака.
Ветла руками развела, однако,
Не ведая, откуда вдруг такая бездна мрака.

На дремлющем мосту
Танцуют выдры вальс старинный.
У речки разговор со мною длинный...
Ночь! Сном меня укрой, как реденькой холстиной!

(1923)

360. ВЕТЕР

Ветер борется с болотом,
Воя, сушит всё живое.
Кто играет не по нотам —
Ветру платит головою.

Мчится, мчится ветер шумный,
Стонет мать-земля сырая.

Мчится ветер как безумный,
Тучи в небе собирая.

Города дрожат в осаде,
Пароходы — щепки в море.
Ветер носится, не глядя,
Где тут город, где тут море.

(1924)

361. ПЕСНЯ О ПОЕЗДЕ

За окном — лесные дали.
Словно ветер поезд мчится.
Вы такого не видали:
Поезд — ветер, поезд — птица!

А луга в цветах алеют...
Показалось даже мне:
Это сказочные змеи
Извиваются в огне.

Вот озера засинели.
На опушке вырос терем,
И танцуют шимми ели...
Как просторы мы измерим?

Как ревущие коровы,
За окном гудят просторы.
Пастухов своих суровых
Вы не ждите очень скоро.

Воет ветер, стонут камни...
Я жалеть о них не стану.
И вгрызаются клыками
В землю камни-великаны.

Вслед кричат мне злые птицы.
Поезд на земле — как пояс.
Ночь темна, а он всё мчится,
И в рассвет влетает поезд.

(1924)

362. ВЕЧЕР В ГОРОДЕ

Прячут сосны в сумрак лапы,
Наступает синий вечер,
И с берез срывает шляпы
И свистит в три пальца ветер.

Как сверкает даль огнями!
Башни подпирают небо.
Трубы скрыты облаками,
Черный дым висит, как невод.

И загадочно и странно
Всё шуршат в тиши машины.
В небе липы караваном
Золотят свои вершины.

(1924)

363. ГОСПОДИ БОЖЕ

Господи, скажу я прямо,
Доброго тебе здоровья!
Ты вот Еву дал Адаму...
Сена дай моей корове!

Смилуйся над нами, боже!
Я прошу не подаянья:
Досыта поест корова —
Молочка попьешь парного.

(1924)

364. ОСЕННИЕ СЛУХИ

Слышишь,
Слышишь ли,
Земля?

Воет ветер.
Плачь о лете!
Больше нет его на свете.

Слышишь,
Слышишь ли,
Земля?

Свист — и полетели листья.
Засвистим, как этот ветер!
Полетим, как эти листья!
Или нет, —
Вверх взовьемся, точно ветер.

Нынче — смех,
А завтра — плач.

Всё в полете.
Воет ветер.
«Все умрете!» —
Воет ветер.
«Все уснете!» —
Вторят листья.

Слышишь,
Слышишь ли,
Земля?

Нет! Уснем,
А завтра встанем,
Расцветем
И не завянем.
Мы найдем огонь горящий,
Сталь заставим стать кипящей.
Что нам ветер леденящий!

Слышишь,
Слышишь ли,
Земля?

(1924)

365. НА КРЫЛЬЯХ ВЕТРА

В небе дым и гарь пожарищ.
Стонут провода.
Хмуры лица. . .
Встань, товарищ!
Стань как птица!
Снег искрится.
Подо льдом — вода.

Снег и поле. . .
Мимо, мимо!
Ветры, словно львы,
Рвутся в бой неустойчиво —
Горы сдвинут,
Пути скинут,
И они правы.

Руки города — на горле —
Не удержат нас!
Наше снежное раздолье. . .
Ветер там, и ночь, и поле,
И звенящий наст.

Край озерный, край мой древний
В дымке заревой.
Всё деревни да деревни. . .
Завыванье вьюги в трубах —
Будто волчий вой.

Облетим всю землю нашу
До полярных льдов.
Небо всё светлей,
Всё краше. . .
Мы до капли выпьем чашу
Голубых ветров.

(1924)

Музыка,
Музыка,
Вальса воронки.
Кружатся сотни,
Кружатся все.
Чтобы на душах
Пыль не осела —
Парами,
Парами
Дальше, вперед!

С новою порослью
Новое время
Будет по-новому вальс танцевать.
Кружатся платья, смокинги, фраки,
Кружатся, кружатся, всё забыв.

Музыка,
Музыка...
Новые люди,
Слышите этот гибкий напев?
Кружится неутомимая вечность.
Двигается мир
То вперед,
То назад.

Что это вспыхнуло в зале, как в море?
Меткое слово, смеха порыв...
Кружатся платья, смокинги, фраки,
Кружатся, кружатся, всё забыв.

(1924)

367. ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Золотой пролился ливень,
И с утра всё по-другому.
Ливень был и вправду дивен...
Не засиживайся дома!

Как плоты, теснятся плиты.
Город в суете кочевья.
Лавки наглухо закрыты,
В парке пар белит деревья.

Надышись легчайшим паром
После ливня золотого!
Прогуляйся по бульварам,
Если дождь начнется снова.

Дождь из золота? Откуда?
Говорю я, сам не знаю.
Ну, а юность чем не чудо?
Ведь и юность — золотая.

У кого нет сотни литов,
Не горюй, пойдем со мною!
Золото горит на плитах,
Песни — золото сплошное.

(1924)

368. ПЕСНЯ О ХЛЕБЕ

Стемнело.
Черные тени изрезали город.
Я вышел
И встретил
Голод.
Он был всюду:
В огромных глазах детей
И в зияющих проломах парка.

Аллеи, аллеи. . .
А мне всё равно,
Где бродить —
В поле или по городу:
Хлеба я не найду.
Но где-то он есть!
Кому-то на стол ставится.
Кому-то перепадает и еще кое-что. . .
О многоуважаемый господин Хлеб!

Почему ты любишь не всех?
Почему только у избранных
Хрустишь подрумяненной корочкой на зубах?

Как тосклив этот вечер!
О Хлеб,
Отзовись!
Ведь ты так добр.
Всем ты — отец родной:
И мне,
И тому, кто тебя топчет.

О Хлеб!
Если б ты знал,
Как я тебя люблю!
Караван, караван хлеба,
Одни только караван я вижу.
Они катятся и катятся —
Круглые, желтые, огромные —
Лунами и солнцами.

Почему так печален вечер?
Почему так тревожно свистит ветер?
Неужели это
Последняя ночь в моей жизни?!
Неужели валится небо,
Сыплются звезды, звеня? ..
Нет, нет, то не звезды —
То крошки хлеба,
Золотые зерна пшеницы.
Караван хлеба падают мне на голову.
Слышу: «Осанна!»
Голодные толпы
Встречают меня,
Пришедшего их накормить.

Всем, всем раздарю я хлеб!
Всем — поровну!
Всем — по кругу хлеба.
Каждому — большой, как земля, караван.
Идите все!

Все — ко мне!
Вас сводит с ума Хлеб —
Эта вечная Клеопатра,
Эта неистовая, беснующаяся Кармен.

Берите, берите!
Я подарю вам солнце —
Круглый, добрый, горячий Хлеб!
С ним обойдете землю
И будете жить вечно,
Не зная ни голода, ни печали,
Что приходят в гости тогда,
Когда мы так хотим есть.

(1925)

369. КОЛЕСА

Все колеса честь по чести.
Статен конь гнедой.
Разве постоит на месте —
Резвый, молодой?

Солнца луч коню подарен
Метиной во лбу.
Захотел поездить парень,
Попытать судьбу.

Ветер поднял тучу пыли
С клочьями травы.
«Счастье, счастье мое, ты ли
Здесь без головы?»

Спицы кружатся, в тревоге
Конь крылатый мой,
Извивается дорога
Мудрою змеей».

(1925)

370. МОЙ АЛМАЗ

В море — колокола.
Стонут колокола.
Тонут звуки
Тоски и разлуки.
Как ты резко ушла,
Словно и не была,
Моя радость из дальнего края!

Долго, до темноты
Собирал я цветы,
Астры красные рвал для тебя я.
Сказка есть про алмаз. . .
Мой алмаз — это ты,
Я тебя нахожу и теряю.

От кормы корабля
Отдалилась земля.
За кормою — скопление лилий.
Волны плещут во мгле,
Воздух влажен от волн,
Всё пронизано стрелами ливней.

Эта песня морей
Станет песней моей.
На востоке —
Полоска рассвета.
Эй, звени и звучи
С каждым часом светлей,
Небо замыслов — счастье поэта!

Долго, до темноты
Собирал я цветы,
Астры белые рвал для тебя я.
Сказка есть про алмаз. . .
Мой алмаз — это ты,
Я тебя нахожу и теряю.

(1926)

371. ЖИЗНЬ ВО СНЕ

Белый ветер, светом вея,
Эту весть приносит мне —
Что придешь ты, будто фея,
Встретиться со мной во сне.

Вот и сдвинулись громады
Гор, веков. Сошлись пути.
«Здравствуй!» — говорят Плеяды,
Начиная в ночь цвести.

Маяки молчат, мигая,
У ворот в мою страну.
Сон мой, жизнь моя другая,
Жду, когда глаза сомкну.

Белый ветер, светом вея,
Эту весть приносит мне —
Что придешь ты, будто фея,
Встретиться со мной во сне.

(1926)

372. МОЙ КОНЬ

Оседлал я ветер небом.
Конь мой на дыбы взвивался,
Но едва зажглись Плеяды,
Вдаль помчался,
Вдаль помчался.

Ночь в ладонях,
Будто конюх,
Золотой несет овес.
Конь мой — ветер.
Путь мой светел,
Путь мой звездами порос.

Полумесяц — вместо шпоры.
Близко небо рассматрю.

От простора
Захмелею,
Возьму за руку зарю.

Ночь в ладонях,
Будто конюх,
Золотой несет овес.
Конь мой — ветер.
Путь мой светел,
Путь мой звездами порос.

(1926)

373. ЛІГО

Сонный день смежает очи,
Ліго, ліго!
Началось владенье ночи,
Ліго.

Звезды надо мной — как лица,
Ліго, ліго.
Утро доброе мне снится,
Ліго.

1927

374. НОЧЬ ЛЕТНЯЯ

Дом твой — всё, что вдалеке и рядом.
Месяц ковш протягивает: пей!
Но глядишь ты потемневшим взглядом,
Как заплаканы глаза полей.

Словно заблудившаяся птица,
Что свила гнездо в чужом краю,
Ты теперь не можешь возвратиться
В прошлое — на родину свою.

Светятся миры на небосклоне.
Где конец и где начало тут?

Слышал, как в разгаре лета кони,
Счастье предвещая, звонко ржут?

Близко, близко звездное сиянье.
Кажется, легко бы так взлетел.
Но цветут огни на расстоянье,
У мечты о счастье — свой предел.

Бурная река ревет и мчится,
Будто конь, с разбегу рвется прочь.
Слышишь, время травам колоситься.
Весть об утре нам приносит ночь.

1927

375. ОКЕАНСКАЯ НОЧЬ

На крыльях ветра-великана,
Стремясь куда-то мимо, прочь,
Летит с окраин океана
Разносчица напевов — ночь.

О гостя черная, скажи мне,
Что затаила глубина?
Что в новой песне, в новом гимне
Еще поднимется со дна?

Погасло круглое оконце,
Задержал занавес закат.
И лишь глаза мои — два солнца —
Над меркнувшей водой стоят.

С настойчивостью святотатца
От неба я ответа жду:
Кто разрешил волнам метаться
Мне — человеку — на беду?

На крыльях ветра-великана,
Стремясь куда-то мимо, прочь,
Летит над ширью океана
Разносчица напевов — ночь.

(1935)

С. Яслиониус родился 25 марта 1892 года в деревне Гайлюнайт (теперь Паневежский район). В 1919 году он уехал в США и почти всю жизнь работал там на швейных и обувных фабриках. Был тесно связан с прогрессивным рабочим движением и печатью, публиковал свои произведения также и в литовских коммунистических изданиях, выходящих в СССР. Умер 30 июля 1950 года.

С. Яслиониус начал писать стихи с 1918 года, последовательно придерживаясь революционно-пролетарских позиций. Издал сборники «Рассветающее утро» (1936), «Весенние думы» (1948). В Советской Литве вышел сборник его произведений «Слова от сердца» (1961).

Стихи С. Яслиониуса на русский язык переводятся впервые.

376. СНЕГ

Белеют просторы без края.
 Без края лежат предо мною
 Под белым они одеялом.
 Белеют просторы без края.

Снежинками землю устлало,
 Лишь озеро черной дырою —
 Его еще льдом не сковало,
 Земля же спит белизною.

1926

Распространяйте шум, леса:
Он сказки навевает.
Лесные слыша голоса,
Пусть сердце отдыхает.

Пусть неудачи горьких дней
Оно скорей забудет.
Леса, маните в семя ветвей,
Где сказка рядом будет.

Пускай летящий в вышине
Приносит бодрость ветер,
О новизне и старине
Рассказывают ветви.

Пускай о днях в огне, в дыму
В них память не увянет,
Опорой сердцу моему
Пускай то время станет.

Пусть в сердце будут возникать
Надежды и стремленья,
И пусть они вернут опять
Счастливые свершенья.

(1936)

А. Дабулявичюс родился 19 июля 1896 года в поместье Паровея (теперь Биржайский район) в семье батрака. В молодости батрачил. Во время первой мировой войны он был мобилизован в царскую армию, а после Октябрьской революции вступил в ряды Красной Армии. В 1918 году он стал членом Коммунистической партии, был председателем волисполкома в Кринчине, а после подавления советской власти в Литве с красноармейскими частями отступил в Советскую Россию, боролся на фронтах гражданской войны. В 1925 году окончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, учился в Институте красной профессуры, несколько лет работал в Советской Белоруссии начальником политотдела МТС, преподавателем, редактором литовской литературы в Белорусском государственном издательстве. Погиб 10 июня 1938 года.

Литературную деятельность А. Дабулявичюс начал в 1923 году, писал стихи, очерки, сотрудничал в литовских коммунистических изданиях, выходивших в СССР, участвовал в деятельности литовских пролетарских писателей, был принят в Союз белорусских советских писателей. Издал сборник стихотворений «Моя родина» (1936).

Стихи А. Дабулявичюса переводятся на русский язык впервые.

378. НАШ ТРУД

Мы рождались в страдном поле,
Горе нас учило жить.
Мы свой пот привыкли пить,
Фабрик дым глотать в неволе.

Силы опытом умножим
И наперекор судьбе,
Закаленные в борьбе,
Путь в коммуну мы проложим.

Не напрасно нас зовут
Армией цехов и пашен.
Ленинизм — оружие наше,
Революция — наш труд.

11 июня 1925

379. ВЕСНА

Короче ночь. Стал день длиннее,
Ему и солнце вечерами
В лицо свое бросает пламя,
А по утрам затылок греет.

Оно прожектором по скатам
Небес всё выше залезает.
Зима себя еще латает,
Но уж конец ее заплатам.

Гуляет ветер в голом поле,
Дождь брызжет как из пулемета,
Реке и той дана работа:
Ломает лед, бурлит на воле.

Весна болотами шагает,
И грязь на пашне золотится.
О теплых днях разносят птицы
Весть по всему родному краю.

В зеленый сарафан одета
И вся украшена венками,
Весна уже бежит лугами,
Торопит землю встретить лето.

Деревья шелестят листвою,
Всё поросло травой зеленой,
И манят нас холмы и склоны
Дышать прохладой полевой.

А И Д
Душой к весне тянусь я милой,
Ее к груди я прижимаю,
С ее дыханием вливаю
Меня врачующие силы.

1926

380. ВЕРНУСЬ

Отцу-батраку

Ты в тревоге, что стал блудным сыном
Самый старший любимый сынок.
Слезы тихо текут по морщинам
И по впадинам старческих щек.

Всё коришь ты судьбу горьким словом,
Мол, в позоре теперь вся семья,
И, рожденный в законе христовом,
Стал упрямым безбожником я.

Большевистские принял идеи,
В бой вступил за народ трудовой,
И креста не ношу уж на шее,
И всегда недоволен ты мной.

Да, я знаю, тебя огорчает,
Что я вышел из воли твоей,
Полюбил ту, что бога не знает,
И задумал жениться на ней.

Но, быть может, скорбишь ты душою,
Что забыл я про ласку твою,
Что давно не видался с тобою
И домой долго писем не шлю?

Не грусти, мои помыслы чисты,
Ты не понял, к чему я стремлюсь.
Знай, что я, как и все коммунисты,
За твое нынче счастье борюсь.

По утрам ты выходишь из дома,
На дорогу глядишь без конца:

Не идет ли тропинкой знакомой
Сын утешить больного отца?

Я вернусь, чтоб всегда быть с тобою,
Не забуду Литвы я родной.
После каждого жаркого боя
Я всегда возвращался домой.

Как тогда, в девятнадцатом — знаю —
Снова бой за Советы пойдет.
Революция нашему краю
И свободу, и счастье несет!

28 декабря 1926

381. ЛЕСОРУБ

Топором бьют в ствол березы,
Пилы свой врезают зуб,
Лес шумит, гудит сквозь слезы,
Благородный рухнул дуб.

Из-под стали брызжут щепки,
И березы сломлен нрав,
С треском ствол подкошен крепкий,
Он упал, кусты примяв.

И шипит пила, врезаясь
В ляжки толстые сосны,
Елка, в ужасе шатаясь,
Видит — сестры сражены.

Дуб распилен и расколот,
Он в печах сгорит дотла.
Крепок был топор, как молот,
И безжалостна пила.

Горе! Стонет лес в тревоге,
Обреченный топорам:
Здесь — раскиданные ноги,
Голова и руки — там.

Нет защитника осинам,
Нет суда — вали подряд!
Острой сталью режут спины,
Косы елок вокруг лежат.

Кепку сдвинув на затылок,
Парень тешет топором.
Лоб в поту. В работе пылок,
Важным занят он трудом.

Где, треща, ложились сосны
И береза слезы льет,
Будет скоро луг покосный,
Поле ржи и огород.

А быть может, будет город
Там, где сосны встали в ряд,
И взамен глухого бора
Здесь заводы зашумят.

28 февраля 1927

382. ЧЕТЫРЕ

Раздумья скорбного полны,
Мы у могил стоим открытых.
Глаза у нас от слез красны,
А в сердце — память об убитых.

Работа встала на полях,
Погас огонь в печах плавильных.
Погибли четверо в боях,
И вырос ряд холмов могильных.

Повсюду наш услышан зов,
Чтоб эту брешь в строю едином
Заполнить сотнями бойцов. —
Ведь в битвы новые идти нам.

Нас ожидают вновь бои,
И жертвам быть в борьбе суровой.
В бой поведут полки свои
И Пожела и Гедрис снова.

Бороться будем до тех пор,
Пока фашистской злой неволи
Не сгинет начисто позор
С земли, достойной лучшей доли.

За всё, что мы свершаем, нас
Потомки наши не забудут.
Мы твердо верим каждый час,
Что и в Литве Советы будут.

1935

383. НА РАССВЕТЕ

Росы не пали,
Ветер не веет,
Утро и дали —
Всё розовеет.

Месяц хрустальный
Облака ищет.
Что так печально
Светишь, дружище?

Ночь уже тает
В звездном просторе,
Утро вступает
В тихие зори.

И уплывают
Звезды всё ниже.
Видишь — светает,
Утро всё ближе.

День свой встречая
В новом рожденье,
Кровь закипает
Винным брожением.

Полнятся очи
Чистым сияньем.
Всех после ночи
Ждет ликование.

Поле с цветами
Блещет росой,
Солнце пред нами
Всё золотое.

Встретили птицы
Пахаря-друга,
Грач суетится
Около плуга.

Это ведь счастье —
День встретить новый,
В дружбе, в согласье,
К пиру готовый!

1936

А. Мярките родилась 8 декабря 1900 года в деревне Палевянеле (теперь Купишский район), в семье безземельного крестьянина. В молодости была батрачкой, участвовала в революционном движении, а в 1920 году вступила в подпольную Коммунистическую партию. В конце 1920 года А. Мярките нелегально выехала в Советский Союз. В Москве она училась в партшколе, в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, а в 1924 году вернулась в Литву на подпольную партийную работу. В 1925 году она была арестована, но ей удалось бежать и снова выехать в Советский Союз. Несколько лет А. Мярките работала в Советской Белоруссии в редакциях газет, а в 1933 году была послана в аспирантуру при литературном отделении Академии наук Белорусской ССР. Она погибла в 1938 году.

Литературная деятельность А. Мярките началась в 1921 году. В литовской коммунистической печати она публиковала стихи и рассказы на революционную и советскую тематику, издала сборник стихов «Шагающей молодости» (1936).

Стихи А. Мярките на русский язык переводятся впервые.

384. ИСКРЫ

Искры, пламенные вестн,
В час пожара мирового
Мчитесь ответами мести.

С вами день зардеет новый,
Чтоб расти в сердцах надежде,
Чтобы стать к боям готовым.

Тишину клинками взрежьте,
Встаньте для врага угрозой,
Взвейте ураган мятежный.

Искры, высекайте грозы,
Тьму ночную прочь сгоняя,
Сейте огненные слезы!

1924

385. ВОДОНОША

Над городом брезжит рассвет еле-еле,
Всё замерло в сне безмятежном,
И неженки встанут нескоро с постелей,
Разбужены лязгом тележным.

А я в своих клумпах иду тротуаром,
Их стук в тишине раздаётся.
Подруга спешит, с коромыслом на пару,
Ей так же, как мне, достаётся.

Из Немана ведрами воду носила,
Тропинку к реке протоптала,
Нести коромысло мне не было силы,
И плечи дуга обжигала.

Стучат деревянные клумпы о камень,
Колышатся с ведрами дуги,
Сквозь город ночными идем сторожами,
Спешим, обгоняя друг друга.

Вот так поутру я из Немана воду
В хозяйские бочки таскала.
И слезы и пот отмечали невзгоду,
А денег платили мне мало.

О, если б все капельки пота собрать бы,
Что пролили мы, водоноши,
И этот поток против горя послать бы,
Чтоб скинут был гнет и отброшен.

Но пролитый пот испаряется быстро,
Его не собрать ни росинки,
Лишь гнева в душе зарождаются искры
С жестокой нуждой в поединке.

(1933)

386. ЗДЕСЬ Я СОЛНЕЧНЫЙ КРАЙ ПОЛЮБИЛА...

На свидание с новой стчизной
Я пришла изможденной, босой,
Вспоминала о прожитой жизни —
Горем взгляд затуманился мой.

Здесь как дочку меня привечают,
Дали мне и тепло и уют.
Заставляют забыть о печали,
За работу добром воздают.

Не приснится мне нищенство снова,
Моя доля светла и ясна.
Находить самоцветное слово
Научила Советов Страна.

Здесь отвыкла молчать, как рабыня,
Не пугает бесправия мрак.
В ряд с любовью ставь ненависть ныне,
Различая, где друг и где враг.

Здесь я солнечный край полюбила,
Сколько радости в этом краю.
И второй своей родине милой
Вдохновенно я славу пою!

(1937)

Б Р О Н Ю С П Р А Н С К У С - Ж А Л И О Н И С

Б. Пранкус-Жалионис (его настоящее имя и фамилия Вацловас Анскайтис) — известный революционный поэт, литературный критик и литературовед. Он родился 11 октября 1902 года в деревне Юодупенай (теперь Вилкавишкский район). Учился в гимназиях Вилкавишкиса, Вильнюса, Воронежа, окончил в 1921 году гимназию в Мариямполе. Во время учения включился в революционную деятельность, был одним из организаторов комсомола Литвы, работал в революционном подполье. Из-за преследований в 1923 году нелегально уехал в Советский Союз. С 1927 года член коммунистической партии. В 1926 году окончил Московский университет, а позже аспирантуру, преподавал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (с 1934 — профессор), в 1931—1937 годах редактировал литературно-общественный журнал «Прекалас» («Наковальня»). В 1935 году Б. Пранкус был принят в члены Союза писателей СССР. Несколько лет работал в Институте литовского языка и литературы, а с 1959 года был профессором Вильнюсского университета. Умер 7 мая 1964 года.

Б. Пранкус начал печататься с 1922 года. Издал несколько сборников стихов: «Бурные силы» (1932), «К светлому будущему» (1959), «Поэмы битв» (1961). Как критик особое внимание уделял вопросам развития литовской пролетарской литературы, а также истории литературы XIX века. Он один из авторов «Истории литовской литературы» (т. 1—3, 1957—1965). Издал книги «В рядах литовской литературы» (1959), «Литовская пролетарская литература» (1964), а также книгу воспоминаний «Близкие дали» (1962). Переводил стихи Н. А. Некрасова, Д. Бедного, В. Маяковского и других.

Стихи Б. Пранкуса на русский язык переводятся впервые.

Посмотри на реку и в крови почувешь
Страстную тревогу, силу молодую
И желанье боя — насмерть, без стенаний...
А река бушует, непокоем манит.

1921

389. ИЗ СТИХОВ О ПОДПОЛЬНОЙ РАБОТЕ

Губит и губит,
Косит нас враг...
Стисните зубы,
Волю — в кулак!

Нашего слова
Не победить.
Пачку листовок
Прячь на груди!

Вместо упавших
В битве — вставай!
Партия наша
Жива!

Братья, сплоченные
Силой идей,
Иго черное
Бей!

Ложны надежды:
Всех не возьмешь,
Не уничтожишь,
Ртов не зажмешь!

1924

390. КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

В Крыму я. Взошел на Ай-Петри.
Бьют в берег морские валы.
Вот вилла, открытая ветру,
Приткнулась к вершине скалы,

Вон к Черному морю ласкаясь,
Припал, как медведь, Аю-Даг...
Да что там!.. Все крымские скалы
В сонет не уложишь никак!

Немало поэтов чудесных
За множество лет до меня
Слагало поэмы и песни

Об этих валах и камнях...
Уж лучше, изгнанник угрюмый,
Свои вам поведаю думы.

Как перед Мицкевичем ссыльным,
Встает предо мною Литва.
Зовут к себе блудного сына
Борьбы и страданий слова.

Пусть теплое море грохочет,
Влекут меня волны не так,
Как в Шанчяй — уставший рабочий,
В поля Сувалкии — батрак.

Прекрасны родные долины...
Пусть тяжек подпольщика труд,
Но силой меня одарил он,

И нету покоя мне тут!
Пусть в этом Крыму и прекрасно —
В Литву я стремлюсь ежечасно.

Лишен я Отчизны врагами...
В строй новые братья встают:
Обломана ветвь ураганом —
Три новые выросли тут!

Пришли от станков, наковален,
С плотов и бедняцких полей.
Партийных рядов не развалишь.
Огонь разгорится сильней!

Ни солнцем своим, ни горами
Тебе не завлечь меня, Крым!
На родину рвусь я упрямо

К товарищам, братьям своим.
Подполье зовет боевое —
Я с ним неразрывно душою!

От далей туманных и синих
Я глаз оторвать не могу:
Такими утрами косили
Мы сено на росном лугу. . .

И нынче с Отчизны любимой,
Оттуда, где край мой родной,
Доносятся запахи дыма
И свежего сена настой.

Пожары, пожары пылают. . .
Весь запад в сверканье зарниц —
Как будто меня призывает:

Домой поскорее вернись
И жаром подпольной работы
Жги мглу буржуазного гнета!

Вот-вот — и начнут пробуждаться
Свобода и радость труда.
За это готовы сражаться,
За это готовы страдать. . .

Я был еще молод в те годы,
Сидели с Варкалисом мы. . .
Как часто нам снилась свобода
В стенах каунасской тюрьмы!

Да разве красоты Ливадий,
Вся ласковость крымских почей
Из памяти могут изгладить

Глухие шаги палачей?!
И то напряженье почное:
А может, уже... за тобою?..

Тебя расстреляли... Ту рану
Вовек не сможем забыть.
Лишь ярче и яростней станет
Накал пролетарской борьбы.

Подполье — в сраженье с врагами.
Идут, не стихают бои.
В Крыму я, но мысленно с вами,
О братья родные мои!

С любовью здесь вас вспоминая,
Я вижу огонь ваших глаз.
То пламя мне грудь согревает —

Я песни слагаю о вас
Из слов, переполнивших душу,
Суровых, из сердца идущих.

Но радость не в нашей ли власти?!
На горы и море взгляни —
Ужели не чувствуешь счастья,
Что вот — существуют они?!

Прощай, крутолобый Ай-Петри,
Твоей не забыть красоты.
Как ты, не страшимся мы ветра,
Сражаемся с бурей, как ты.

Подполье зовет меня снова.
Я с гор возвращаюсь туда,
К лишениям и к битвам готовый

Во славу и счастье труда.
Борьбе посвятил свою душу
И клятвы вовек не нарушу!

1924

391. ВЕРНУСЬ В ДЕРЕВНЮ

Деревня далекого детства
Всё перед глазами стоит. . .
Так редко в источнике этом
Я черпаю песни свои.

Припасть бы, как в жатву, губами
Ко влаге его ледяной,
Пусть ветер поет над полями,
Хлеб ходит зеленой волной. . .

Всё реже, мечтой убаюкан,
Я слышу шуршание ржи.
Привычные шлет перестуки
Трамвай, что по рельсам бежит.

Тоскую по ивам плакучим,
По тихим твоим вечерам?
Нет, право, мне в городе лучше —
Люблю я гудки по утрам.

Огонь здесь, железо и уголь,
И звонкие ритмы труда. . .
Вернусь ли, чтоб снова за плугом
Мои проходили года?

Чтоб жать золотые колосья,
Косить луговую траву?
Душою я с городом сросся. . .
Но связи с тобой не порву!

Вернусь я в объятия бора
Не с девушкой милой гулять, —
Другому учил меня город,
Каля полыханьем угля.

Жалеть своей доли не стану.
В скитаньях сильнее я стал.
Никто не усыплет цветами
Дороги к родимым местам.

Но я принесу тебе братство
И жажду свободной судьбы.
Вернусь в твоё сельское рабство,
Чтоб вспыхнуло пламя борьбы!

1925

392. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Вечерами мимо Мавзолея
Легендарной площадью иду я...
Стихли улицы, безмолвны ели,
Лишь снежинки легкие танцуют.

У стены Кремлевской спят герои, —
К счастью нелегка была дорога...
После дня труда, ночной порою
Здесь стоишь торжественно и строго.

Не щадя себя и не жалея,
Взвешиваешь все мгновенья жизни.
Выверяешь здесь, у Мавзолея,
Путь к грядущему, к победе коммунизма.

И клянешься биться за свободу,
До конца стоять за идеалы...
Полночь бьет. Плышет над миром гордо
Грозный зов «Интернационала».

Вот и кончен, прожит день вчерашний.
Завтрашнее утро заалело...
Сердце! Твердым стань, как сталь бесстрашным,
Крепким, как гранит у Мавзолея!

1926

393. СЕРДЦА КОММУНАРОВ

Гул в подполье слышится — то сердца героев
Бьются лавой огненной под земной корою.

В панике властители, если пламя это
Алыми знаменами ринется по свету!

В стачках и на митингах, и на баррикадах
Тем сердцам горение — лучшая награда.

Пусть охранка злобствует, мучает, пытает —
Сердце коммунарное яростней пылает.

И в застенках вражеских — в каменных могилах
Тот огонь никто уже погасить не в силах.

Там сердца горящие борются в оковах,
Протестуя песнями, днями голодовок.

Если «власть всесильная» на смерть осуждает,
Палачам проклятием сердце отвечает!

И у гробовой черты — смертного порога
Лишь жалеет коммунар, что успел немного. . .

Польхает в смертный час сердце коммунара —
Никому не потушить этого пожара.

Залп. И каплею свинца солнца свет погашен,
Но сердцам его друзей правый бой не страшен.

1931

394. ЛИТОВЦАМ, СРАЖАЮЩИМСЯ В ИСПАНИИ

О братья милые мои!
Я неразрывно в мыслях с вами
Там, где идете вы в бой —
У стен Мадрида, в Гвадараме. . .

Сейчас испанская земля,
Как край родимый, дорога вам.
Француз, канадец и поляк
С ее сражаются врагами.

И как же не гордиться нам,
Что на полях сражений дальних
Слышны и ваши имена,
Сыны Литвы многострадальной!

Так будьте ж как гранит тверды,
Сыны литовского народа!
Сплотитесь в братские ряды.
Близка желанная свобода!

1937

Революционный поэт и прозаик А. Магинскас родился 16 декабря 1907 года в деревне Куришкяй (теперь Молетайский район), в бедной крестьянской семье. Родители его рано умерли, и он с юных лет был пастухом, батрачил, работал в обувной мастерской, на строительстве. В 1926 году вступил в комсомол, находившийся в подполье, в 1929 году — в Коммунистическую партию. За революционную деятельность в 1931—1936 годах он находился в тюрьме буржуазной Литвы, а после освобождения опять участвовал в революционном движении. В 1940 году был вновь арестован и заключен в концлагерь, освобожден советской властью. С восстановлением советской власти в Литве А. Магинскас становится редактором журнала «И пагалба» («На помощь») и заместителем редактора газеты «Тисса» («Правда»). В начале Отечественной войны эвакуировался в Караганду, где 25 января 1942 года умер.

А. Магинскас начал писать в тюрьме. Его стихи и рассказы на темы революционной борьбы трудящихся Литвы печатались в литовской коммунистической печати в СССР и в прогрессивной печати Литвы, писал статьи и рецензии. В 1950 году издан сборник произведений А. Магинскаса «Избранное».

Некоторые стихотворения А. Магинскаса переводились на русский язык.

395. РЕВОЛЮЦИЯ

Гроза крылатая, свобода,
Твой юный вихрь летит вперед.
Ты рождена в душе народа,
Ты — вековечный страх господ.

«Погибни, старый мир проклятый!» —
Ты пишешь молнией над ним,

Испепеля казематы
Своим дыханьем огневым.

Идешь ты штурмом ураганным
На злые гнезда темноты,
И от тебя бегут тираны,
Бегут слепые, как кроты.

Ты — праздник труженика гордый,
Ты — новой вольной жизни звон.
По рабству бьет твой молот твердый
Во имя будущих времен.

1934

396. ПРОГУЛКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В своих шинелях серых друг за другом,
Не говоря ни слова меж собой,
Сутулые, шагаем мы по кругу,
Одной объединенные судьбой.

Высоких стен бесцветные громады,
Дома неволи, нестерпимый гнет.
Куда ни глянешь — не найдешь отрады,
Над нами небо серое плывет.

И замкнуты железные ворота,
И неусыпен часового глаз.
Всё запретили, отняли. Работа
Да лязг цепей оставлены для нас.

Тропою заключенные шагают,
Тайком, с оглядкой, шепчутся друзья.
Подошвы деревянные ступают
От сих до сих, а дальше — стоп, нельзя!..

... Шагают заключенные по кругу,
Но вера их по-прежнему крепка.
«Мы победим! — твердят они друг другу, —
Хотя мы только пленные пока».

1935

397. ТЮРЕМНЫЙ ГОСТЬ

К окошку на желоб
Спускается голубь,
И смотрит он, полон внимания,
Как ровны и четки
На окнах решетки,
Как иней сверкает на здании.

«Куда ты, куда ты,
Пернатый, крылатый?
Не бойся! Ты голоден здорово.
Найдешь на окошке
Ты черствые крошки
Пайка арестантского черного».

— «Мне крошек не надо:
В них мука, досада,
В них чую я горечь страдания.
Влекут меня дали,
Где нету печали
Решеток тюремного здания.

Прекраснее небо
Тюремного хлеба. . .»
Он кончил свое воркование,
И ввысь посмотрел он,
И вдаль улетел он,
Исчез, утопая в сиянии.

Гляжу, невеселый. . .
Как пусто, как голо!
Где голуби, гости пернатые?
Ах, если бы взвиться
Высоко, как птица!
Не пустят решетки проклятые. . .

1936

И сердца, и песни наши
Улетают, словно птицы,
В край, где жизнь светлей и краше,
В край, где радостно трудиться.

Братством, дружбой пламенея,
В край сердца стремятся новый,
Где дышать и петь вольнее,
Где разбиты все оковы.

Эй, сердца, летите выше,
Выбирайте путь короче,
Чтобы трепет крыл услышал,
Наших крыл — наш брат рабочий.

1936

399

Пусть наши руки в оковах,
Пусть мы в подвале сыром!
И перед пулей свинцовой
Гордых голов не согнем.

Смело ряды наши множим,
В битвах мужает народ.
Мы разобьем, уничтожим
Власть нищеты и господ!

Пусть богачи по-вороньи
Каркают злобно кругом.
Чести своей не уроним —
С Лениным, с Марксом пойдем!

Пусть наше красное знамя
Реет над вольной землей!
Мы создадим его сами —
Завтрашний день молодой!

1937

«Где ты, мой голубок, где ты, сынок? Не знаю».
В ее глазах не сохнут слезы никогда.
Простоволосая, горюет мать, босая...
И, как по Неману плоты, бегут года.

Была беззвездной ночь, когда забрали сына.
И замерли шаги, и тишина легла.
Мать не рвала седых волос, не голосила,
Но одинокая судьба так тяжела.

Весна шумит в цветах пчелиными роями,
И аисты бредут степенно вдоль болот,
Но грустно на душе, когда и над полями
Тюремный звон цепей внезапно проплывет.

Быть может, долго ждать тебе еще придется,
Но ты мужайся, мать, надежды не теряй!
С невестой молодой твой сын домой вернется —
Свободу приведет сюда, в родимый край.

1938

Поэт и прозаик А. Ясутис родился 24 августа 1910 года в деревне Рейбяняй (теперь Ионишкский район), в бедной крестьянской семье. Учился в средних школах Жагаре, Ионишкиса, Шяуляя. Юношей вступил в подпольную комсомольскую организацию. В 1928—1933 годах за революционную деятельность находился в заключении. После отбытия срока наказания опять включился в антифашистское движение, был снова арестован и сослан в провинцию. Некоторое время нелегально проживал в Каунасе, был разнорабочим. В 1937 году А. Ясутис нелегально уехал в Испанию, вступил в международную бригаду имени Димитрова и 2 апреля 1938 года погиб в боях на Арагонском фронте.

А. Ясутис начал печататься с 1927 года. Сотрудничал в прогрессивной печати Литвы, в литовских рабочих газетах в СССР и в США. Написал небольшие поэмы «Родине, любимой и матери», «Шаги у могилы отца» и др. Из его прозаических произведений более известны: повесть «Интернационал в карцере», рассказ «Лидия Мурсия», очерки о гражданской войне в Испании. В советские годы изданы две книги произведений А. Ясутиса: «Избранное» (1954) и «Интернационал в карцере» (1958).

Стихи А. Ясутиса на русский язык переводятся впервые.

401. РОДИНЕ, ЛЮБИМОЙ И МАТЕРИ

I

Я на юг ушел к большой работе,
 Плугом поля не вспахал родного,
 Чтоб мой выстрел прогремел в полете,
 Будто недосказанное слово.

Вести всё тревожной год от году
Плыли по бумаге туч темнее,
Что на юге душит враг свободу,
Лезет на отроги Пиренеев.

Вести, словно птицы, мчались дальше,
Словно звезды тихие, мерцали.
Шли бойцы от городов и пашен,
В битве за свободу умирали.

2

Помню я, мой край, твои дороги,
Все в цветах твои холмы, долины
И любимую, что я в тревоге
Ради счастья родины покинул.

Ни тебе, ни ей я, может статься,
Слов любви промолвить не успею.
За свободу я пошел сражаться,
За ее великую идею.

Слышите ль меня вы в дальней дали?
Я иду вперед и салютую, —
Здесь в разгуле свастики и стали
Рыцари разбойные лютуют.

Я — солдат, республики защита,
За колонною идет колонна.
Смерть нас ждет на площадях Мадрида,
Пули ждут в предгорьях Арагона.

В письмах я не раз писал об этом.
Вновь из Арагона повторяю:
Я хотел бы к вам прийти с приветом,
Я об этом день и ночь мечтаю.

Я вернусь через моря и горы,
Не спрошу ни у кого дороги,
Если родину постигнет горе
И на плечи лягут ей тревоги.

К ней пути найду я даже ночью,
Сердце приведет к родному дому,
К братьям я вернусь, чтобы помочь им,
Чтобы дать отпор пришельцу злomu.

А пока меж нами лишь безбрежность,
Образ твой лишь надо мной витает,
Рук твоих я вспоминаю нежность —
Как мне здесь, в борьбе, их не хватает!

.
Родина! И ты, моя отрада!
Может, не вернусь я из похода.
Встреча мне с тобою как награда, —
На войне солдата ждет невзгода.

Ты была мне юностью крылатой.
Встречусь ли с тобою — я не знаю.
В Пиренеях от чумы проклятой
Я людское счастье защищаю.

Помню я, мой край, твои дороги,
Все в цветах твои холмы, долины
И любимую, что я в тревоге
Ради счастья родины покинул.

8

Мама, здесь, в отрогах Пиренеев,
И дожди идут, и ветер дует,
С каждым днем ненастье всё сильнее,
Путь нелегкий, но вперед иду я.

В бой иду я против силы вражьей,
Против гуннов с думой неизменной,
Слушаю команду жилкой каждой,
Чтоб по ним огонь открыть мгновенно.

В небе самолеты закружили,
Из орудий мы их обстреляли.
Тысячи здесь головы сложили
За свободу — столько ж снова встали.

Смертью дышат здесь земля и скалы,
Бьет набат и смерти и свободы.
На земле, от ран и пуль усталой,
В стан единый собрались народы.

Мама, вряд ли встречу я с тобою,
Может, жизнь подкосит пуля злая.
В Пиренеях здесь от боя к бою
Мы идем, победу утверждая.

Если я в походе, умирая,
Упаду на травы головою,
Ты, узнав о том, не плачь, родная,
Знай — я счастлив долею такою.

Не томи себя, в слезах старея,
Не брани, как в юности порою,
Если холмик сына в Пиренеях
Порастет зеленою травкою.

Смертью дышат здесь земля и скалы,
Бьет набат и смерти и свободы.
Насмерть встали на земле усталой
За свободу родины народы.

Если я в походе, умирая,
Упаду на травы головою,
Ты, узнав о том, не плачь, родная,
Знай — я счастлив долею такою.

Знай, и здесь, в далеких Пиренеях,
Матерей заплаканные очи
Потускнели, сыновей жалея,
Проливая слезы дни и ночи.

Помню я, мой край, твои дороги,
Все в цвету твои холмы, долины
И любимую, что я в тревоге
Ради счастья родины покинул.

1937

Поэт К. Малинаускас родился 3 октября 1906 года в Каунасе, в рабочей семье. С ранних лет работал в типографиях Каунаса, Клайпеды, Мариамполя. За революционную деятельность в 1929 году был осужден на 6 лет тюремного заключения. В годы Отечественной войны К. Малинаускас участвовал в подпольной борьбе против гитлеровских оккупантов и был ими расстрелян 8 августа 1942 года.

Стихи К. Малинаускас публиковал в прогрессивной молодежной периодике. В 1936 году он подготовил свой первый сборник стихотворений, который был конфискован фашистской цензурой. Книга его стихов «По обе стороны решетки» вышла в 1940 году, уже после свержения буржуазной диктатуры.

Стихи К. Малинаускаса на русский язык переводятся впервые.

402. О БРАТСКОМ ТОРЖЕСТВЕ

Дворец-гигант мы созидали,
Где нет цепей, решеток нет,
Чтоб солнца нам лучи сияли,
Чтоб к нам струился звездный свет.

Но
Ветер с диким воем
Дубы с корнями вырывал,
И
Не был наш дворец достроен,
Руиной стал.

То белоручек панских сила
Машины смерти привела,
К свободе выход нам закрыла,
На ключ ворота заперла.

И вновь дворец мы строим сами.
Пусть будут бури впереди.
Широкоплечие, за нами!
Кто трус, с дороги уходи!

За камнем камень мы возводим
Дворец, он с каждым днем растет,
И льется песня о свободе,
Она и в бурю не замрет!

Своими мы сплели руками
Венок лучей, чтоб встать из тьмы.
И в том дворце, что создан нами,
На братский пир сойдемся мы.

(1936)

403. НА БИРЖЕ ТРУДА

Друг, исцелованный ветром,
Из далей, лесами увенчанных,
Пришел ты к зеркальным витринам
И вот стоишь, как увечный.

Жизнь нам обоим выдала
Безработицы черные фанты:
Ты пригнан судебным приставом,
Я — фабрикантом...

Нам к счастью пути закрыли
Баррикады нужды и отчаянья:
Ты — в серой сермяге и в клумпах,
Я — в башмаках измочаленных.

(1936)

404. НЕ ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

О, прощай, прощай, моя свобода!
Я с тобой недолго был знаком.
Снова ночь овеена тоскою...
В цепи заковал меня закон.

Молодое сердце звонко пело,
От любви кружилась голова!
На губах застыли, стали пеплом
Недосказанные слова.

И умчалось золотое лето —
Лето, лето, душу не тревожь!
Не придет в темницу звездный вечер.
Осень созревает, словно рожь.

О, прощай, любимая свобода!
И прости, что не сумел сберечь...
Обмирая, глухо бьется сердце —
До грядущих, не последних встреч!

(1936)

Поэт П. Каружа родился 27 апреля 1906 года близ Глазго, в Шотландии, в семье литовского эмигранта-шахтера. В 1912 году с семьей вернулся в Литву и поселился в деревне Вокишкеляй близ Вилкавишкиса. Окончив в 1928 году в Вилкавишкисе гимназию, он начал изучать литературу в Каунасском университете. Умер 15 марта 1933 года.

П. Каружа публиковался в журналах клерикального направления, был связан с идейно-эстетической платформой литовского неоромантизма. Единственный сборник его стихотворений «Песни о вещах и людях» вышел в 1933 году.

Стихи П. Каружа на русский язык переводятся впервые.

405. ОДНАЖДЫ УТРОМ

Однажды утром, в дымке предрассветной,
Три солнца поднялись над минаретом.
Кружились души хороводом вольным.
Гудели горы эхом колокольным.

Был всюду праздник совершенной жизни,
Свободы и любви в моей отчизне,
Повсюду, как в янтарном ожерелье,
Искрилось неподдельное веселье.

Я слышал эту песнь тысячекратно,
И вновь звучит единою сонатой
Весь мир, как улица в движенье вечном,
И никнет юности цветок беспечный.

(1933)

406. НЕ ЗНАЛ Я

Не знал я, что в любовных песнях этих
Тоска таится и живет беда,
Что розы белые на этом свете
Шипами душу ранят навсегда.

Вот потому-то всё и жить спешил я,
И розы я срывал, и день за днем
В веселье джаза, как в объятьях милой,
Смертельный яд я смешивал с вином.

Но вот повсюду траурные маски,
И вслед за сумерками ночь идет.
Взамен возлюбленной, как в страшной сказке,
Лишь череп скалит зубы у ворот.

(1933)

407. ЛИТВЕ

Литва моя, страна распятий древних,
Страна крестьян в льняных рубашках белых,
Что ты грустишь покинутой деревней,
Дрожишь ольхой у срубов обомшелых?

Зачем, как девочка в открытом поле,
Гадаешь вновь по лепесткам цветочным?
Или опять, состарившись в неволе,
С морщин росу роняешь вдоль обочин?

Земля моя! В полях, в лесах бескрайних,
Бродяга ты иль сирота святая,
Что просит хлеба у дверей случайных,
Как та душа, что изгнана из рая?

Ты словно мать, что позабыта ныне
Свободными своими сыновьями,
На бирже душ — в Париже и Берлине —
Пусть их медали станут медяками!

С любовью кровной, с верой в обновленье
Твою свободу воспою опять я,
Всех, кто забыл о ясенях весенних,
Пусть камнем давит матери проклятье!

(1933)

408. БЕЗ РОДИНЫ

Словно голуби, мы улетаем,
Чтобы сгнуться в безвестной дали.
Этих дней слишком пеструю стаю
Пусть отведают черви земли.

Были изгнаны мы отовсюду,
Шли, как сироты, ночью и днем
В города, к деревенскому люду
И, скитаясь, рыдали тайком.

Камень был нашим хлебом насущным, а слезы
Нас могли, как хмельное вино, опьянить,
И, жестокой судьбы презирая угрозы,
Призывали мы смерть, как спасенье, как мать.

А теперь, когда клонят к земле уже годы,
Словно нищие, сложим клюки у ворот,
Чтоб расцвел над страной нашей явор свободы —
И по-доброму кто-нибудь нас вспомнит.

(1933)

409. ОСЕННЕЕ

Вновь ветер осенний, как тень домового,
Листовою шуршит на аллеях безлунных,
Лишь эхо в тумане вдоль сквера нагого
Стволы задевает, как лирные струны.

В них песня ночная то плачет, как совы,
То кружит, как ворон, над прахом видений...
Так память, свои отодвинув засовы,
Кричит колдуном среди столпотворений.

О, сколько их, призраков в траурных платьях,
Гостит у меня в эту осень слепую...
Теперь уходите, не ждите проклятий, —
Один на руках материнских умру я!

(1933)

410. НИ ОТ ЗЕМЛИ, НИ ОТ НЕБЕС...

Ни от земли, ни от небес
Не жди спасенья ты —
Несчастьям всем в противовес
Над бездной строй мосты.

Наверно, небо оттолкнет
Тебя своей враждой,
Земля, наверно, засмее
В погоне за звездой.

Скуем усилья рук своих —
Как цепь кузнец кует,
Быть может, небо хоть на миг
На землю снизойдет?

(1933)

Поэт М. Линкявичюс родился 28 апреля 1909 года в деревне Плаугиняй (теперь Расейняйский район), учился в гимназии Расейняй, в Каунасской духовной семинарии, в Каунасском университете и некоторое время работал учителем гимназии. Заболев чахоткой, умер 12 января 1941 года.

М. Линкявичюс начал писать стихи еще в гимназии, затем сотрудничал в молодежных журналах клерикального направления. Он издал сборники стихов «В отблесках синевы» (1929) и «Приходит бог» (1936). В его лирике, наряду с жизнелюбивыми настроениями, проявились и минорные, окрашенные сильной религиозностью.

Стихи М. Линкявичюса на русский язык переводятся впервые.

411. В ПОЛНОЧЬ

Ночь. Речка. Мостик деревянный.
Луну в лохмотья облекли.
Трусливо тьма скользит в туманы,
В кусты и в трещины земли.

Бреду — и лужи под ногами,
Бреду в тоске ночным путем.
Луна, изрезана пожарами,
В реке струится серебром.

И грусть во мне встает звездой,
Дрожа сквозь ночи пелену.
Иду неведомой тропой,
Боясь нарушить тишину.

Между 1933 и 1936

412. ЦВЕТЕНИЕ ЗЕМЛИ

Думал я — вот земля расцветает,
Горя больше не будет на ней.
По ночам лунный свет мне сияет,
Днем — со счастьем схожусь я дружной.

Но туман поднимался уныло,
Опускался на поле, на луг,
И не раз уже в сумерках было
Неуютно и жутко вокруг.

Думал я — вот и горе исчезнет,
И надежды свершатся вполне.
В прозе жизни, и в мыслях, и в песне
Солнце брызнет улыбкой и мне.

Всё не так. Эту веру теряя,
Мне отрады в душе не найти.
Я же думал — земля расцветает,
Расцветает, чтоб вечно цвести.

Между 1933 и 1936

413. НЕ ЖАЛЕЙ!

Ветер листья срывает
С оголенных ветвей.
Пусть любовь облетает,
Как они. Не жалеЙ!

Журавлиная стая
Над простором полей. . .
Пусть летит голубая
Радость с ней. Не жалеЙ!

Клонит поздние всходы
Холод частых дождей.
Пусть и жажда свободы
Здесь замрет. Не жалеЙ!

Если счастья цветенье
Меркнет в сумраке дней,
Пусть и к жизни стремленье
Гаснет. Пусть. Не жалеи!

Между 1933 и 1936

414

Запад канул в синь тумана,
Меркнет счастья свет.
Петь любовь кому я стану?
Ведь тебя уж нет. . .

И луна глядит устало
В лес, что тьмой одет.
С трав ночных роса упала.
Но тебя уж нет. . .

Чутко слушаю. Не ты ли
Мой находишь след?
Ветви дрогнули, застыли.
Но тебя уж нет. . .

Я гляжу — твои ли очи?
Ими мир согрет.
Спят березы в мраке ночи.
Но тебя уж нет. . .

Чую я — в росинке малой
Дремлет лунный свет.
Вот звезда, сверкнув, упала.
Но тебя уж нет. . .

Между 1933 и 1936

К. Дульке (псевдоним поэта Клеменсаса Балгутиса) родился 19 марта 1909 года в деревне Жибикай (теперь Акмянский район), учился в гимназии Тельшай, а с 1931 года в Каунасском университете. Умер 17 декабря 1944 года.

Литературная деятельность К. Дульке началась в 1925 году, в разных газетах буржуазного направления печатались его стихи, проза и публицистика. Как поэт он был близок неоромантикам. Издал сборники стихов «По родным долинам» (1929), «Речушки журчат» (1935), поэму «Девять всадников» (1933) и книгу стихов для детей «Птички поют» (1937).

Стихи К. Дульке на русский язык переводятся впервые.

415. КТО УНОСИТ ДУМЫ

Как влитый в камень рельеф,
Не можешь сказать ни слова,
А кто-то неразгаданную загадку твою
Разгадать пытается снова.

А потом навсегда закрывает дверь,
Опускает шторы на раму,
И уже вокруг царит темнота,
Как черный мрамор.

И рассмотреть нельзя никому
Твоей загадки финиш угрюмый. . .
Чужие люди уносят в ночь
Твоя жемчужные думы.

(1935)

В. Монтвила родился 4 марта 1902 года в Чикаго, в семье литовского эмигранта-рабочего. В 1906 году с матерью вернулся в Литву и поселился в Марьямполе. В юности был пастухом, батрачил, а затем самостоятельно подготовился и сдал экзамены в учительскую семинарию в Марьямполе, которую окончил в 1928 году, потом учился в Каунасском университете. Ко времени учения в семинарии относится начало его революционной деятельности. В 1924 году он был арестован за участие в революционном движении молодежи, в 1929—1931 годах находился в тюремном заключении за антифашистскую деятельность. После освобождения он работал в профсоюзе водителей автотранспорта, в типографии, в книжном магазине, занимался переводами. Условия для творческой работы появились у него только с восстановлением в Литве советского строя. Тогда его дарование развернулось с особенной силой. Но жизнь трагически оборвалась: 19 июля 1941 года В. Монтвила был схвачен и расстрелян фашистами.

Первые стихи В. Монтвилы появились в печати в 1923 году. Первый сборник его стихов в 1925 году не был разрешен к печати. В сборниках стихов «Ночи без ночлега» (1933) и «На широкую землю» (1940) он выступил как поэт боевого гражданского темперамента, страстный поборник социальной справедливости и прав рабочего человека. Писал также рассказы, перевел на литовский язык роман М. Горького «Мать» и повесть «Бывшие люди», переводил В. Маяковского, оказавшего на него значительное воздействие. Наиболее полное собрание его «Сочинений» в 2 томах вышло в 1956 году.

Стихи В. Монтвилы неоднократно издавались на русском языке.

418. ПОРЫВ

Взгляни — лишь тюрьма да тюрьма
и свободы тяжелое ожиданье.
Вокруг только скрипок рыданье,
кровавые вальсы и тьма.

Погашены все фонари
зловещего мрака руками.
Проулки темны до зари,
улицы — сумрачный камень.

Порою лишь красным столбом
в небо огонь взлетает,
и падает сбитым орлом,
и тишину нарушает.

Так горестно, страшно. . .
И хочется крикнуть: «Кто тьме не привыкнуть!
Довольно!
Скорее беритесь за молот, скорей — за топор,
чтоб разбить, расколоть, раздробить эту землю
и небо это
и новый выстроить мир из яркого света!»

1924

419. СЫН

Плакала мать
над сыновнею зыбкой
в дни, когда спал он
с блаженной улыбкой.

Плакала в дни,
когда бегал к ребятам,
плакала в дни,
когда стал он солдатом.

Плакала, встретив
с женой у порога.
Плакала, слыша,
как проклял он бога.

Сын материнских
рыданий не слышал.
С новою думой
в дорогу он вышел.

Лучшего бога
сумел полюбить он,
Новое солнце
сумеет открыть он.

1925

420. ПОГИБШЕМУ ТОВАРИЦУ

Он пал от пули злобного убийцы.
Еще один светильник вмиг погас.
Потомки предадут позору память
тех, кто приблизил этот смертный час.

Пусть в каждом сердце кровь
воспламенится,
пусть закипит, от ярости красна.
Палач нанес нам рану — нет, не скоро
залечится она.

Упал боец. . . Товарищи, не плакать! . .
На той крови созреют тысячи — тогда
убийцы друга нашего дождутся
сурового суда.

Быть может, ждут нас новые удары.
Но на пути к победе мы тверды.
Оружье вырвем мы из рук бандитов,
сотрем насилия кровавые следы.

1926

421. ВЕСНЕ

Была пора: за ястребом,
свистя, гонялись ласточки,
теперь лежит весна в гробу,
умолкли песни-весточки.

Тростник не пошевелится,
река застыла шумная.
Пастух на печь уляжется,
а скот пасти не думает.

Трясина льдами схвачена,
вокруг снега безбрежные.
Когда же, тучи темные,
ударят громы вешние?

Вокруг густые сумерки
и тьма неволи сонная.
Одни гудят метелицы,
вернись, пора весенняя!

Скорей сквозь дым беги ты к нам
с букетами багряными!
Беги, как конь, опушками,
лугами и полянами.

Я жду, морозом скованный,
Я жду тебя, истерзанный, —
твоя рука крошит гранит
и штанги гнет железные.

1928

422. НА ПЕРЕПУТЬЕ

На перепутье остановка.
Куда мы повернем, жизнь будет там какая?
Мне кажется, я вижу берег новый
и волны новые меня ласкают.

Споткнулись мы и — чуть дохнет тревога —
оглядываемся под тихим небосводом.
А где же то движенье, та дорога,
что все другие выбрали народы?

Где гул? Где ропот? Где борьба?
Где идеалов дальнее свеченье?
Кора старинная сдавила нас, груба,
мы ничего не видим в отдаленье.

Вы не подумайте, о нет,
что не способны мы подняться на дыбы
и гнет стереть с земли, рассеять мрак и свет
зажечь — за то идем в огонь борьбы.

Кровь закипает — в цвет знамен,
всё переменится, не ринется же время вспять.
Кто был вчера разбит, отвержен, оттеснен —
тот будет завтра нашу жизнь венчать.

На перепутье мы, но видеть не могу,
как жизнь трещит, меняется ее течение.
Я вижу, кажется, на новом берегу
свеченье новое идей — прекрасное свеченье.

1930

423. НОВЫЕ ФЛАГИ

О жажде зывал необузданный голос,
огонь не зажегся в ночи беззвездной.
Солнце треснуло и расколосось,
и повалилось, кровавое, в бездну.

Какими теперь пойдём мы путями,
если начало ждёт продолженья?
И если в пути споткнулись мы с вами,
всё к черту — от первого дуновенья?

Разве не видите новой дороги?
Разве не слышите новых песен?
Свежие силы из пропасти смогут
солнце поднять и втолкнуть в поднебесье.

Мы новый строй утвердим, навечно
друзья наши новые флаги вскинут.
Пусть молнией блещет труд человеческий!
Душителю нашего солнца да сгинут!

1931

424. В ТЮРЬМЕ

Всё та же тюрьма,
всё те же стены, двери.
Всё то же подземелье,
где ты страдал и верил.

Всё те же камеры,
которым отдал годы.
Всё те ж решетчатые окна,
где присягал ветрам свободы.

И те же кандалы достались мне,
и те же стражники меня сопровождали.
Твоею кровью пахли коридоры,
когда меня в тюрьму пригнали.

Расстрелян ты...
Здесь песнь мою сгибали — не согнули.
По нашим трупам буря новых лет
идет, шагает в грозном гуле.

1931

425. БЕЗ ТЫСЯЧ

Креп-сатины, креп-жоржеты,
крепдешины —
все умы околдовали,
забрались во все витрины.
Тысячи.
Тысячи.
Тысячи.
Эх, выбрать бы
девку отчаянную
без тысяч и без венчания!
Работала б жадно,
жили бы дружно.
А пудра
и креп-жоржеты —
кому это нужно?!

Пусть поет, когда горе придет,
на руль нашей жизни руки кладет.
Пусть в забое
и там, где дыма тяжелого клубы,
умеет она целовать
сажей покрытые губы.

Пусть умеет она,
если нужно,
подмести мостовую чисто,
на лошади ездить верхом,
служить машинистом.
Тысячи.
Тысячи.
Тысячи.
Я с презрением плюю на вас.
И без вас
я жену себе выберу —
в добрый час.

1931

426. ПРИСЯГА РАБОЧЕГО

Вы рабство славите, покорность, угнетенье.
А я... о чем же буду я писать,
когда оружие — в вашем подчиненье,
когда у вас в руках печать.

Когда, голодный, я по улицам скитаюсь,
слюну глотаю у пекарен, невеселый,
больной отец мой проклинает старость,
малыш мой хилый возвращается из школы.

Спокон веков терзали угнетенных,
у бедняков ни прав, ни жизни нету.
Но друг мой говорил мне убежденно:
должна неправда сгинуть в мире этом.

Враги его убили... Так на землю
дубок повален бурею суровой...
Я присягнул: одно из двух — погибнуть
иль победить в борьбе за мир наш новый.

1931

Тебя на фабрике не видно
и в аллеях.

На этой фабрике, где я еще работаю,
дышать всё тяжелее.
За окнами стрекочут мотоциклы,
бегут автобусы, шалея.

Свой молот отложив,
я вечером иду,
усталый, сумрачный, сутулясь,
иду послушать, как свистит
суровый ветер улиц.

Напоминает каждый переулок
ту — без ночлега — ночь. . .
Твои слова и песнь свободы
напоминает улица во тьме.

Тебя в ту ночь забрали,
ты в тюрьме. . .

1932

428. НА ШИРОКУЮ ЗЕМЛЮ

Я из деревни брел в другую,
от одного двора к другому.
Мятеж в моей душе зажгли вы, —
ни хлеба у меня, ни дома.

Угодья ваши неоглядны,
едите жирно, сладко пьете,
приданое скопили дочкам —
а мне объедков не швырнете.

Стоморговцы, ведь вам чужда
и горечь наша и нужда. . .

Был батраком,
был пастухом я,

был вечно в лапах нищеты,
дробил я камни на дорогах
и строил длинные мосты.

Ржут жеребцы в хозяйских стойлах,
стада дают большой приплод.
Лежат откормленные свиньи,
из года в год растет доход.

Всё это — молодость моя,
мой пот,
мой труд,
моя забота.
А нынче ночью, без работы,
без корки хлеба,
без жилья,
я под открытым небом мгlistым
скитаюсь по лугам росистым,
бреду по тропам каменистым,
и вновь,
бездомного гоня,
всё мерзостней, всё деловитей
вы по дешевке норовите
купить мой голод и меня.

Но нет,
уже не дам я впредь
себя разуть, себя раздеть.
Рабом не буду!
Грянет час —
я отберу свое у вас.

Ведут борьбу
все безземельные,
голодные,
чтоб слить в одно бессчетные поля,
чтобы создать содружество свободное.
Кто трудится — тому земля!

1932

Голова закружилась от хаоса,
сердце стало что камень.
В последний раз пришла она,
когда горел закатный пламень.

«Любишь ли ты меня?» —
спросила она.
В ее глазах отразилась ночь,
мерцающих звезд полна.

Прочел я по этим звездам —
вестницам расстояний,
что в них, увы, — не надежда,
а отблеск вчерашних страданий.

«Я не знаю, что значит любовь, —
сказал я с угрюмою силой,
и мне показалось, будто ножами
сердце насквозь пронзило. —

Уже не тот я, кем был вчера.
Долой пустые мечты.
Забудем нежные вечера,
надежды розовые кусты.

Жизнь — что сталь.
Стану подобьем металла,
чтоб никакая любовь
бороться мне не мешала».

Из глаз ее, словно звезды малые,
слезы катились — едва, едва,
и падали, словно лилии вялые,
песни последней слова.

«Я лишь для любви создана...
для сожаления», —
сквозь слезы молвила она
и, словно узница тюрьмой, в одно мгновение
была глубокой тьмой поглощена.

Ах, они уже не вернутся ко мне —
мечты, что тают в розовом дыме.
Стальная песня в сердечной кипит глубине,
стальные цепи звенят под ногами моими.

1933

430. ЛЮБИМЕЙШАЯ СТРАНА

Страна из любимых любимая —
взволнованная Испания.
Там полыхают знамена
невиданного сияния.

Вдали мы склоняем головы
перед твоими знаменами.
Вся страна — с нами,
в огне борьбы закаленными.

Быть не хотим под властью
и властвовать не хотим.
Тюрьмы народов завтра
мы разрушим, развеем как дым.

Если хотим, чтобы солнцу наше
было без пятен, — нужно
пожаром зажечь поднебесье,
землю встряхнуть дружно.

И тогда, потрясенная до глубин,
наша страна, как Испания,
поднимет свободную песнь,
песнь невиданного сияния.

Да будет свобода свободным дана,
мы силой на силу ответим.
Крепкие сваи в землю вобьем,
чтоб их не сорвал ветер.

1936—1937

431. ПРИДИ!

Приди! В душе, несчастьями забитой,
источник зноем высушен. Приди!
Я знаю: сердце для любви открыто,
тропа любви ведет к моей груди.

Быть одиноким — нет грустной удела,
ведь это гибель — счастье одного.
Так искра от огня отлетела
и вмиг погасла, только и всего.

Быть может, ты словам моим не веришь,
как сам не верю я словам чужим.
Что толку в них! Открыты сердца двери.
Мы лучше, друг, с тобою помолчим.

Доверье и душевность понемногу
окрепнут в бессловесной тишине.
Найдешь ты к сердцу моему дорогу
и станешь верным другом мне.

Приди! Без друга мне утехи нету,
мне в одиночестве всё горше, всё трудней.
Длинна дорога из потемок к свету;
борясь, с тобою мы пойдем по ней.

1938

432. НЕ ВИНОВЕН Я...

Не виновен я, что люди
в рабстве мучились жестоком,
что лилась порою лютой
кровь по улицам потоком.

Не виновен я, что почва
эту кровь в себя впитала,
но не вырастила сочный
плод, который обещала.

Не виновен я, что грустно
лес шумит, лишенный света,
что сухие листья с хрустом
ветер злой срывает с веток.

Не виновен я, что хочет
сердце жить, не зная смерти,
хоть его, как черви, точит
жизнь в безжалостном усердьи.

Может, в том лишь я виновен,
что слова в душе сгорают,
что они весною новой
розами не расцветают.

1938

433. МОЯ ОТЧИЗНА

Отчизна у меня — поля, леса и горы.
Дубиса, Нямунас, Шешупе — наши реки.
Моей Отчизны я люблю просторы,
людей труда я полюбил навеки.

Отчизну милую люблю я. Очень.
Всё счастье личное ничто пред нею.
С ней не страшусь я самой темной ночи,
ее страданьем давним пламенею.

Отчизна милая, она — мое спасенье.
Мне без нее, как узнику, — томиться,
не жить, как вырванному из земли растению,
не взмыть в высоты, как бескрылой птице.

Отчизна милая, я с нею связан кровно.
Никто, ничто не встанет между нами:
ни наглый пан, ни дармоед чиновный,
ни рабство с плетками и кандалами!

1938

434. НОЧЬ

Так темен никогда небесный свод наш не был.
А солнце далеко. И мглисты облака.
Кровавые следы закат оставил в небе.
И эта ночь, как бездна, глубока.

Броди по улицам, в полях, по дальним далям
Иль грязь меси, иль покрывайся пылью в зной —
Ты будешь всё равно упрямо в землю вдавлен
Темнейшей тяжестью ночной.

Никто не подойдет помочь порой ночью,
И не протянет руку лучший друг,
И может, походя он ткнет тебя ногою,
И ты — один, и только ночь вокруг.

Тьма этой ночью наподобье гроба
И, как могильный камень, тяжела.
Как рыбам мертвая вода — ее утроба
Тесна и нестерпима. Что за мгла!

Но не бывало темноты на свете,
Которой не пронзил бы свет.
Нет тяжести такой на всей планете,
Которую душа не вынесла бы, — нет!

1938

435. БОГОМ ПОКИНУТАЯ ОВЕЧКА

В закатных отсветах, как свечка восковая,
стояла башня вековая,
и колокольный звон,
как подневольный стон,
тоскливо плыл,
темнеющие дали
его назад не отдавали.

Пред алтарем
старушка сгорбленная

на коленях
стоит скорбная,
в черном платке,
черные четки держит в руке:

«Ах, господи,
одолела беда.
Помоги, Христос,
надоела нужда! . . .»

Ее слова что звон колоколов.
Как этот звон, дробятся звуки слов.
Глаза старухи
смотрят ввысь
на господа —
под золото окрашен он.
Алтарь как будто золотым дождем
обильно окроплен.
Ах, дождиком кропило —
тут-то привалило
и Христу, и Марии,
и прислужнику со всей братией,
но больше всего — настоятелю.

А покинутая богом овечка,
старушенция,
словно оплывшая овечка,
стоит себе на коленях,
четки перебирая,
дожидается рая
и шепчет о любви и терпенье.

Божьи глаза
от вина
овальные
и от золота
словно зеркальные.
Господь спокоен, он смотрит лениво
на нищих,
молящихся терпеливо.

А колокольный звон,
как подневольный стон,
плывет, плывет, печальный,
словно он и впрямь прощальный.

1939

436. МОИ СЛОВА

Эти не последние слова мои
выношены в тишине ночной.
В сердце — беспокойные, упрямые —
выстраданы мной.

Их выращивал я, рос я с ними,
с ними заодно учился жить.
Ими, сильными и молодыми,
людям я хотел светить.

Так светить, чтоб самые слепые
из потемок находили путь.
Я не продавал слова скупые, —
ими дышит грудь.

Кто сегодня в мире правду ищет,
тот в моих словах себя найдет.
Кто рожден в нужде в лачуге нищей —
тот меня поймет.

1939

437. ПЕСНЬ СНЕЖИНОК

Годы пролетают, будто ветер,
небо всё темней, мертвее луг.
Круг проклятый кто-то вертит, вертит,
заколдованный, тяжелый круг.

Северные ветры рвут друг друга,
песня их жестокая стара.
Сколько снега на просторах луга,
но не унимаются ветра.

Снег. Снежинки. Светлый зимний воздух.
Блестки беленькие. . . На земле
вы, снежинки, светите, как звезды,
искры солнечные в полумгле.

Не купить за деньги вас, лучистых,
напоенных солнечным огнем.
Всех вас соберу я в сердце чистом,
и надежда встрепенется в нем.

И моя дорога засияет,
уводя в прекрасный, светлый век.
Так снежинки снова оживают,
так к надежде рвется человек.

1939

438. СВОБОДНОМУ ВЕТРУ

Ветер! Ветер! Ветер-друг,
ты свободен, ты упруг.

Настежь окна! Почему
не бывал в моем дому?

Ты цветов набрал и — в путь.
Что ж, меня не позабуди.

Оглянись! Сюда взгляни!
Настежь окна, в них — огни.

Без тебя мне скучно, друг,
ты свободен, ты упруг.

1939

439. ЛИТВЕ

Ты поднята на штыки.
В сердце — нож законов.
А кровь твою пьют
девятьсот девяносто девять шпионов.

Бессильна ты,
сыновья твои — в тюрьмах, не дома.
Со штыков тебя снять лишь всеобщей грозе —
вспышкам молний и грохоту грома.

1939

440. У МОГИЛЫ ДРУЗЕЙ

Друзья-бойцы, люблю я вас.
Нет вас... но свет ваш не погас.

Отчизне — жить
и жизни — быть,

всегда, везде
светить звезде.

Над вами здесь
взвывается песнь,

а с ней, красна,
придет весна,

придет, лучась,
в счастливый час...

Друзья-бойцы, люблю я вас.
Нет вас... но свет ваш не погас.

1939

441

Я, поэт бедноты,
цветением юности не успевший упиться,
сквозь строй тюремный
прогнанный, как убийца,
я,
господам не продавший душу свою,
о настоятеле ныне пою.

Господин настоятель!
Нравится мне твоя шляпа,
на сукна твои
я часто глазею,
на грудь, на осанку
преподобного фарисея.

Нравится мне скотина
в твоих хлевах,
красные вишни и яблоки
в твоих садах.

Нравится мне твой алтарь
и висящая в воздухе
лампочка с маслом,
чтоб денно и ночью
Иисусово сердце
горело — не гасло.

Нравятся мне твои проповеди
о любви к ближним,
о том, что не надо
стремиться к богатству земному,
о разинутой пасти ада.

Знаю:
не я, поэт бедноты,
и не те, чьи руки,
в мозолях, тверды,
дом тебе строили — поудобней, получше, —
не мы матери божьей благословенья
получим. . .

Но больше всего мне нравится —
ходит тихо,
говорит негромко —
краснощекая твоя избранница,
грудастая экономка.

30-е годы

412. ЭТОМУ НЕ БЫВАТЬ!

Чтоб сердце честное, тревожное свое
за грязный звон монет
я бросил под твою кровавую стопу?!
Нет!

Уж лучше жернов к шее подвяжу
и в Нямунасе голубом
отважусь утонуть я, но не буду
ничьим рабом.

30-е годы

413. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОРКЕСТРЫ

Оркестры средневековья зловещи,
ксендзы довольны, они рукоплещут,
поля отчизны
в тумане тонут,
бешеный танец
пляшут шпионы.

Красный змей,
конец твой пришел. . .
Хорошо!
Теперь — ты запомни это —
издохнешь, черт, —
не дождешься рассвета.

Таков господней славы оплот:
свобода — удел для одних господ.
Играют оркестры зловеще,
им льстец и ханжа рукоплещут.

Кто другу не будет иудой —
тот
на электрическом стуле
умрет.

Тело истерзано.
Пуля в лоб.
Яма готова,
ложись в гроб.

Иисусе! Мария!
Время — хоть плачь:
что ни ксендз,
то палач.

В темном карцере бога запрут самого,
если красным окажется сердце его.
Оркестры играют зловеще,
властям господу рукоплещут.

В отчизне у нас
господам благодать:
процентам их в банке
расти-вырастать.

Вольготней, чем в небе,
в раю земном:
именя, именья,
за домом дом.

Голые девки,
коньяк и вино.
Отчизна — она
устоит всё равно.

Корчма и тюрьма да костел во мгле —
вот он, поповский рай на земле.
Оркестры играют зловеще.
Рабочие не рукоплещут.

Клич будит предместья,
надрывный и злой:
«Свободы и хлеба!
Ханжей долой!»

Голодные встали
за рядом ряд.
Красным огнем
глаза их горят.
«Холод и голод
не будем терпеть...
Довольно!» —
восставшие начали петь.

Стиснуты грозные кулаки.
С тюрем господских сшибайте замки!
Оркестры зловеще играют,
настоятелей созывают.

«Служителей верных
помилуй, бог.
Скорей за оружие!
Революцию — в острог...»

Спешит полиция
порядок водворять:
«Толпу надо сечь,
в непокорных стрелять».

Господин настоятель
идет впереди:
крест — в руках,
дьявол — в груди.

Во имя Христа начинается бой.
Кровь пылает на мостовой.
Оркестры играют зловеще,
хозяева им рукоплещут.

Ружье,
браунинг,
бомба
над гущей голов
звучат
божественней
колоколов.

Обездоленных к счастью пускать не хотят —
добро поповское ружья хранят.
Бомба служит клике господ,
браунинг подлость и ложь бережет.

Чтоб горе не слезло с народных плеч,
вручен богатству тяжелый меч.

1925, 1940

Л. Скабейка родился 7 августа 1904 года в деревне Жногайчай (теперь Мажейкяйский район). Окончив в 1925 году Шяуляйскую гимназию, он поступил в Каунасский университет. На последнем курсе заболев чахоткой, Л. Скабейка некоторое время лечился в санатории, но потом из-за недостатка средств был вынужден жить в родной деревне, где и умер 22 января 1936 года. В годы учения Л. Скабейка был связан со студенческими организациями либерального направления. Впоследствии он стал убежденным сторонником социализма.

Стихи Л. Скабейки начали появляться в прогрессивной молодежной печати с 1923 года. Он издал сборник стихов «Под крыльями черного ангела» (1928). Поэзия Л. Скабейки некоторыми своими мотивами была связана с символистским направлением, но в ней звучали и нотации стихийного протеста против социального зла. К концу жизни он перешел на новые идейные позиции и открыто их декларировал в своем поэтическом творчестве. Наиболее полное издание поэзии Л. Скабейки — сборник «На полупочных площадях» (1964).

Стихи Л. Скабейки на русский язык переводятся впервые.

444. НА ТОРЖИЩАХ ЖИЗНИ

1

На торжищах жизни — убого, пустынно.
 На торжищах жизни — ты голодна. . .
 Один в кандалах колоннад постылых,
 Я вижу просторы волшебного дня.

Но скованный, будто вулкан, летаргией,
Лишь взор устремляю в крылатую даль.
Не всё ли равно, караваны какие
Приносят за это душевную дань.

И словно бы вору, грабители, тати
Прокрались мне в душу в потемках безгласных,
Отняли желанье, уняли проклятье
Три года — три взгляда,
Три проблеска ясных.

На торжищах жизни — убого, пустынно.
На торжищах жизни — похоть, грязища.
Голод синеющий стынет. . .
Пялит безумно пустые глазища.

2

На торжищах грех довели до предела
И стыд продается голодному взгляду,
И похоть корежит бездушное тело,
Сучки за сучками — кряду.
В шелка укрываясь
И горя не ведая —
Как ты грешна,
Любимая, светлая. . .

Я — грустный паяц
Без лица и без имени.
Ты — горе, ты — стыд,
Безгласность тоски моей.

На торжищах грех довели до предела
И стыд продается голодному взору.
Трясущийся голод над трепетным телом —
Нет меры позору!

Три дня и три ночи на торжищах города.
 Три дня и три ночи несносного холода.
 Как зноем погибельным, гноем
 Изъедено тело нагое.
 А кто-то
 Не видит
 На улицах голода,
 И в темных притонах
 Не видит телес непристойных.
 Три дня и три ночи на торжищах города.

Стучат в небеса голоса погребов,
 В тюремные стены — десятки голов,
 И плачут, и воют шакалом в ночи.
 О, дьявол! Неужто — кричи не кричи —
 Безумным потемкам не будет конца?
 Когда же зари загорится пыльца?
 Неужто и утро свой меч занесет
 Над телом,
 Чьи вмятины голод сосет?

Три дня и три ночи на торжищах города.
 Три дня и три ночи несносного холода.
 А кто-то не видит и знать их не хочет —
 Ни торжища эти, ни вечные ночи. . .

1927

445. ВЕСНА В ДЕРЕВНЕ

Овчину сна стряхнет с себя деревня.
 Туман с морской голубизной сольется.
 К домам, как парусник, причалит солнце.
 И ветер — словно счастья дуновение,
 Когда овчину сна стряхнет деревня.

Гогочут парни, взвизгивают девки,
 А сонные, в заплатах пастушата
 С утра в просторы луга поспешают
 И задевают бархатные ветки.
 Гогочут парни, взвизгивают девки.

Волнуется весенняя деревня.
Вопят грудные дети в колыбелях,
Глядя на матерей оторопелых,
Ручонки тянут к солнцу и деревьям.
Беснуется весенняя деревня.

1927

446. ПОД КРЫЛАМИ ЧЕРНОГО АНГЕЛА

Простер крыла над миром ангел черный.
Под ним кроваво расцвели светила.
Голодные орланы обреченно
Блуждают в небе и теряют силы.

А там, внизу, бетонная твердыня
Дворцы и зубья стен вздымает гордо.
И фонари струят лучи седые,
И в бездну падает дорога города.

Зеленый ворон каркает над нищим
Притопом, распахнувшимся бесстыже.
И ветер меж дворцовых башен рыщет
И, черный, фонари седые лижет.

Цвети, крошечный город окаянный,
Паскудный мир, на гибель обреченный!
Беснуйтесь всласть, земля и океаны!
Вас осенил крылами ангел черный!

1928

447. ЗЕЛЕННЫЕ ВИХРИ

Зеленый вихрь кварталы стронул.
Каскадом утро вновь взметнулось.
И, вытолкнута из притонов,
Хмельная зашаталась юность.

Глаза, как фонари багряны,
К дневному свету не привыкли.
Но разверзаются туманы,
С небес на землю рвутся вихри.

Глянь: под зарею воспаленной,
И светозарны, и лучисты,
Блистают молнией зеленой
Миров иных, прекрасных птицы.

Лети ж среди просторов пестрых,
Ветров зеленых колесница!
Не время ждать на перекрестках —
Угаснет яркая зарница!

1928

418. НА ПОЛУНОЧНЫХ ПЛОЩАДЯХ

В полночь
На площади городской,
Тиха и грустна,
Бродит смерть,
Сошедшая с креста.
А там, далеко,
В кварталах,
Насыщенных стонущей тишиной,
Злобно смеется
Пьедестал стальной.

Приходим. Печальные.
В сердце холодный ветер дышит.
И крестообразно
Складываем на груди руки
Перед женщиной,
На кресте распятой бесстыже.
И хотя глядим на нее
Глазами голода —
Алчущими и пустыми, —
Нам до безумия хочется
Буквами золотыми
Увековечить ее имя.

В полночь
По темным площадям городов
Мы бродим,

Как мертвецы,
Сошедшие с крестов.
Свинцом погружается в душу
Стальной город.
Проклинаем друг друга бессильно.
О, если бы кто-нибудь
Пути в новую жизнь
Осветил нам!

1929

449. К СИНЕМУ МОРЮ

От века подраненной птицей кричу,
К синему морю лечу.
А кровь, что на скалы прольется порой, —
Мне знак: ты уже не вернешься домой.

Известна, изведена чайки судьба.
Прощай, моя юность! Прощай навсегда!
К ногам моим больше не бросишь цветы:
Похоронена ты.

Иные уж дни. И суровая ночь
Мне сказку иную поведать не прочь.
И в шумном дворце, что себя лишь хранит,
Душа охладится, как темный гранит.
И пламя любви не сумеет помочь.

Тогда я свободно вздохну, а потом
Ударю по волнам кровавым крылом:
Пусть буря поможет бывшее забыть
В красных зарницах новой судьбы.

От века подраненной птицей кричу,
К синему морю лечу.

1929

450. ПЕСНЯ СОСНОВОГО БОРА О СВОБОДЕ

«Отчизна, задуши невзгону!» —
Так будет выть сосновый бор,
Покуда не отдаст свободу
Тот вор, что на расправу скор!

Настанет день — спадут оковы,
Окрасит пламя синь небес,
Отчизна примет облик новый,
Но не утихнет вопль древес.

1930

451—453. ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ О МЕРТВОЙ ЛЮБВИ И ЖИВОЙ ЖИЗНИ

1

Взгрустнули васильки за тихим садом
И стали нам сродни.
Я встретился с твоим угасшим взглядом,
В котором серые стояли дни.

Моя любовь, как сумерки, однажды
Догнать рассвет стремилась так отчаянно,
Что ивы вздрогнули у изгороди каждой,
Понурились пионы печаленно.

Не плачь о том, что счастье было зыбким,
Что васильки развеяны. . .
Оно вернется и твой путь осыплет
Гортензиями, орхидеями.

2

Кровавые цветы швырял закат,
И смертью веяло дыхание заката. . .
Я сломлен был сильней стократ,
Чем ты когда-то.

Формы ее и линии
Изменчивы,
но конкретны.
Льется, как лава, —
стремительно, сильно,
И застывает редко.

Мы слышим
гул заводских лабиринтов,
Стук сердец
отчетливо-грубый.
Довольно играть в лознгринов
И хныкать всю ночь у юбок!

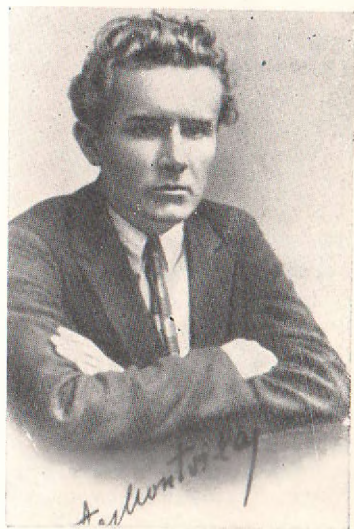
Любили
хвалу расточать кретинам
И ангелов отправлять в полет,
И посвистам подражать соловьиным,
И мечту, как деньги,
пускать в оборот.

Уважаемые!
Гораздо искренней
В наши дни
пропеллеров музыка!
Будет вам
поэзию тискать
Блеющими карузо!

Хватит поклоняться
мелкому,
вздорному!

Гудите с машинами в унисон
И перейдите
На ту же сторону,
Куда
наш мир
сейчас унесен!

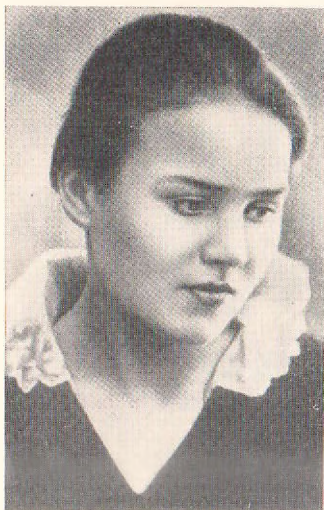
Литература,
качнись влево!
Да будет твой руль
в надежных руках!

В. МОНВИЛА

Л. СКАБЕЙКА

С. Нерис

К. Борута

С. Нерис — псевдоним выдающейся литовской поэтессы С. Ба-чискайте-Бучене. С. Нерис родилась 17 ноября 1904 года в деревне Киршай (теперь Вилкавишкский район). В 1924 году окончила гимназию в Вилкавишкисе, а в 1928 году — Каунасский университет. Несколько лет она преподавала литовский язык и литературу в гимназиях Лаздияй, Паневежиса и Каунаса. В 1931 году под влиянием нараставшего революционного движения она решительно порвала с буржуазно-клерикальными группировками в литературе и начала сотрудничать в прогрессивных изданиях, познакомилась с теорией марксизма-ленинизма. В 1936—1937 годах поэтесса жила во Франции. В 1940 году С. Нерис активно включилась в создание литовской советской литературы, была избрана депутатом Верховного Совета СССР. В годы Отечественной войны, находясь в эвакуации, поэтесса создала много замечательных стихотворений, глубоко отражающих дух и величие борьбы за свободу родины, проникнутых уверенностью в победе над фашистскими захватчиками. Умерла С. Нерис 7 июля 1945 года. Посмертно ей было присвоено имя Народной поэтессы Литовской ССР.

С. Нерис начала писать стихи с 1921 года. В сборниках «Рано утром» (1927) и «Следы в песке» (1931) отражались радостные и светлые настроения молодости, но в последующих сборниках уже начали проявляться и отголоски внутренних противоречий, зреющего идеологического перелома. Сборниками «По ломкому льду» (1935) и «Демядисом завету» (1938; отмечен Государственной премией) поэтесса выдвинулась в первые ряды прогрессивных художников и заслужила широкую известность в народе. В советские годы вышли книги С. Нерис «Избранное» (1941), «Пой, сердце, жизнь» (1943), «Соловей не может не петь» (1945). За сборник стихов «Мой край» в 1948 году поэтесса посмертно удостоена Государственной премии СССР. С. Нерис написала поэмы-сказки для детей «Сиротка» (1940) и «Эгле — королева ужей» (1940). Наиболее полное собрание ее произведений — «Сочинения» (т. 1—3, 1957). С. Нерис известна и как переводчица произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, В. Г. Короленко, М. Горького, С. Я. Маршака и других.

Стихи С. Нерис неоднократно переводились на русский язык.

455. МОРЕ, МОРЕ!

Море в берег бьется, пенясь.
Чайки носятся над ним,
Ни желаниям, ни песням
Не завидуя моим.

Ветер волны учит плакать,
Учит петь, плясать, плескаться,
Учит их взлетать и падать
И к ногам моим ласкаться.

И меня ласкают волны,
И лелеют, и жалеют —
Волны хлещут, волны ходят,
Разгулявшись на свободе.

Сердце ныло и болело —
Миновала та беда.
И со мною только небо,
Только ветер и вода.

Как прекрасно в блеске солнца
Загорелое лицо!
И коса свободно вьется,
Упадая на плечо.

Голубые дали скрыли
Чайку белую мою...
Кто-то там идет... Не ты ли?..
Море, море!.. Я люблю!

(1925—1926)

456. РАНО УТРОМ

Утром взоры вскину к свету —
Солнце пишет имена,
Я листаю книгу эту
От светла и дотемна.

Землю ночь перекрестила
Перекрестками дорог —
Ты во тьме бредешь бескрыло,
Крылья мне дарит восток.

Утром феи мне открыли
Лучезарный жребий мой —
Вечно в этом светлом мире
Оставаться молодой.

Утром снова солнце всходит,
Сыплет золото свое.
Ярким золотом выводит
Имя светлое мое.

1926

457. ВЕТЕР

Ветер, ой ветер!
Ветер, всё ветер!
Косы запутал, веет и дует,
За плечи обнял, щеки целует.

Желтый лист палый,
Жгучий мак алый
Он в мои косы тайно вплетает.
Страстью осенней сердце пылает.

Мчатся и мчатся!
И не угнаться. . .
Очи прикрыты, ветер крепчает,
Мчит и качает — озорничает.

1926

458. ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Осень, лес прозрачно светел. . .
Славлю дней ее приход.
И меня подхватит ветер,
Точно листик понесет. . .

Облако ползет несмело,
Горбясь, точно робкий вор.
Ветер, в далях загорелый,
Затекает с солнцем спор.

Ветер осени безумный,
Солнце, блеск янтарных кос. . .
Тени крыл скользят бесшумно
Над полями впереброс. . .

Вместе с ветром мчимся в дали. . .
Скрылся он. Что делать мне? . . .
И слезами засверкали
Все цветы в осеннем сне.

«Не уйдешь! — земля бормочет. —
Ведь отныне вместе мы
Будем плакать дни и ночи,
Вместе будем ждать зимы!»

1926

459. В АЛЬПАХ

Горы, белые горы, немая гряда!
Я пришла поклониться вам, белым богам.
Не задели вас годы, прошли без следа,
Солнце, встав ото сна, устремляется к вам.

Горы, белые боги, сильна ваша рать,
Но, как слабому сердцу, вам, сильным, дано ль
И любить, и терпеть, и свободно мечтать
Там, где властвует смерть, где страданья и боль?

К вам с мольбою, с горячей мольбою иду,
Короли, чей престол в лучезарных снегах,
Вам, великим, вручаю любовь-сироту,
В белой башне хочу схоронить ее прах.

1926

462. СОЖГИТЕ МЕНЯ

Меня сожгите — да, я ведьма, ведьма!
Костер свой черный дым до неба пусть возносит!
Не дрогну до конца — напрасно ждете, медля!
Не разомкну я рта, ни слова не добьетесь!

А буду я смотреть, как солнышко садится,
Своими пальцами лицо мое лаская.
И не поймете вы, за что вам всё простится,
И почему я улыбаюсь, умирая.

Огонь небесный падал с облаков,
Земле-невесте ласки молний снились.
А звезды неба пели мою к тебе любовь,
И звезды наших глаз навстречу им лучились.

Теперь меня сожгите — да, я ведьма!
Я неземным огнем крестила мрак земной!
Ваш ад вам оставляю, разверзшийся, как бездна!
А небеса пускай сгорят со мной!

1927

463. БЕЗ КОСТЕЛА

Без помолвки и венчанья,
Без костела и ксендза...
Лишь коней безумных ржанье —
Пыль от звезд летит в глаза!

Ветер волосы ласкает.
Не слышать молвы людской.
С неба нас благословляет
Тот, кто свел меня с тобой!

Он нам дал стремленье к счастью,
Дал весну хмельней вина.
Он сердца наполнил страстью —
Он грехи простит сполна!

Ни помолвки, ни венчанья...
Ржанье бешеных коней,
Тьма ночная — и желанья
Мчатся бешеные к ней!

1928

464. КОГДА Я УМРУ

Как умру — не зарывайте
В землю душную меня,
Тело мертвое отдайте
Власти чистого огня.

Черный дым пусть вьется смело,
Исчезая в облаках,
Пусть бесчувственное тело
Обратится в легкий прах.

Птицы вольные да ветры
На крылах умчат его
И в полях посеют щедро
Песню сердца моего.

1929

465. СМЕЙСЯ, ЖИЗНЬ!

О, смейся, жизнь моя, смейся!
Ликуй, как паяц!
Всё то, что жутко и мрачно,
Забуду, смеясь...

Когда или где — неизвестно,
Неведомо — как
Твой смех оборвется и стихнет
И канет во мрак.

Будет жаль серебряной ночи
И золота дня,
Любви, что над морем качала,
Пьянила меня...

Но всё это — ложь и лукавство,
Чтоб нас опьянять. . .
Так смейся, жизнь моя, смейся,
Ликуй, как паяц!

(1930)

466. КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ

В ущельях эхо раздаётся,
Орлы парят. Простор.
А кто на зов твой отзовется,
Когда не будет гор?

Нас вольный ветер песней полнит,
И никаких забот.
А кто тебе мой смех напомнит,
Когда весна пройдет?

Угаснет день, вот-вот стемнеет,
Но будет вновь заря.
А кто тебе меня заменит,
Когда угасну я?

(1930)

467

Мгновение: нажму на сталь однажды —
Душа взлетит, как ласточка во мгле,
И успокоюсь я, а там неважно —
Сожгут в костре, зароют ли в земле.

Что упадет слеза — вполне возможно.
Но вы не вздумайте трагедию играть!
Мы наглотались лжи и надышались ложью —
Так, может, смерть не научилась врать?

(1930)

468. ЧЕТЫРЕМ

Поля снеговые в безмолвии стыли,
Когда четырех на расстрел выводили.

К деревьям веревками их привязали. . .
Надеялись те, что на смерть их послали:

«Как с ними расправимся мы, с четверыми, —
Задушим и дух революции с ними».

И молвил один. . . И, смятеньем объяты,
Внимали словам его ночь и солдаты.

«Товарищи, смерть мы без страха встречаем,
За вас мы боролись, за вас умираем.

Друзья! . . .» Но от ярости лютой багровый,
Майор оборвал его на полуслове.

И подал команду. Солдаты застыли
И молча винтовки из рук уронили.

Тогда, как палач, майор озверелый,
Схватив свой револьвер, пустил его в дело.

Лишь поле да бледный рассвет услышали,
Как люди труда за трудящихся пали.

1933

469. ВЕСЕННИЙ ТОСТ

Весна
Свое вино с заздравным тостом
Хмельному солнцу в чашах подает.

О мир!
Смогу ли с твоего чела
Хотя б на миг стереть черты забот?

(1935)

470. ЛЕТИТ ЖУРАВЛИ

Осень. Грязь. Туман не тает,
Ни один не светит луч.
Журавлей большая стая
Разрывает полог туч.

Словно клич несется вольный:
«За моря, друзья, летим!»
Слышит их бедняк бездольный,
К воле завистью томим.

Мчатся птицы, мчатся тучи,
С ними мчится мысль моя, —
Если бы рукой могучей
Бедность задушила я!

Дайте крылья мне скорее,
Чтобы я взвилась в простор,
Тучи скорби я развею,
Я открою солнца взор.

Я виновна, что глухая
Бесконечно длится ночь.
Ныне, подвиг совершая,
Братьям я должна помочь.

(1935)

471. ПО ЛОМКОМУ ЛЬДУ

С весною земля обручилась, ликуя,
А я-то где друга найду?
На свадьбу земли в нетерпенье бегу я
По хрупкому, ломкому льду.

Украсит ей косы подснежник холодный,
Людские сердца веселя.
И ты не останешься долго бесплодной,
Пречистая мать земля.

По солнцу, по травам тоскуя,
Я ждать не могу, я иду.
Дорогой утопленниц к солнцу иду я
По хрупкому, ломкому льду.

Погибну, друзья, не корите за это:
Ведь если б я лед перешла,
Я радость взяла б у цветущего лета
И людям бы всю отдала.

(1935)

472—473. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

1

Море чернеет тяжело и немо.
Стиснуты челюсти великаньи.
Дьявольский дым омрачает небо.
Нервы натянуты в ожиданье.

Как белые призраки, над волнами
Чайки с криком летят в просторе.
В разгаре бури что будет с нами
И с кораблями, которые в море?

2

ЭЙ, КАНИТАН!

Музыкой ветра звучит побережье.
Трупы утопших летят в урагане.
Ржанье, рыданье, хохот и скрежет.
Небо сломали прыжки великаньи.

Волны, холодные злобные волны!
Море взбесилось — в безумстве клокочет.
К ребрам ладонь прижимаешь неволью —
Крошечной жизни трепещет комочек.

Биться и выжить! О, где еще, где же
Сердцем настолько в надежду поверить?
Эй, капитан! Ты отважен в надежде
Увидеть счастливый сияющий берег.

(1935)

474. ПО КРАЮ БЕЗДНЫ

Одни крадутся с краю,
Другим — ясна стезя.
А ты ушла, я знаю, —
Над безднами скользя.

Плутая прихотливо,
Уходим — ты и я, —
Единственное диво,
О молодость моя!

(1935)

475. НЕ ВИДНО ДОРОГИ

Что нам пророчат ненастные ночи?
Смерть ли нам суждена,
Или родятся в пепле столетий
Новые времена?

Шел бы и шел бы, темный сквозь темень,
Не подымая глаз,
Тихо шепча — всё равно не услышат:
«Умираю за вас!»

Листья осины зябко трепещут.
Что-то нас ждет чуть свет?
Стонет чащоба, волк завывает.
Дальше дороги нет.

Кто же дорогу ночью отыщет,
На осеннем ветру?

Там, в темноте, на суку скрипучем
Ветер качает труп.

А ведь кому-то ненастные ночи
Пророчат свободы свет —
И возродится новое время
Из пепла прошлых лет.

(1935)

476. НЕЗНАКОМОЙ ПОДРУГЕ

Ты меня любишь? Ты считаешь,
Что я всех лучше и умней?
Но, дорогая! Ты не знаешь
О безрассудности моей!

Сверкнула юность грозовая,
Пора бы наливаться ржи. . .
Ты очень удивишься, знаю, —
Но я не научилась жить!

Со мной и счастье было рядом,
И горе было в свой черед.
И жизнь меня поила ядом, —
Внебрачный, нежеланный плод.

Я часто счастье упускаю,
Сама себе невольно мстя. . .
Нет, ты не знаешь, дорогая,
Какое я еще дитя!

1936

477. СТРАННИК

Лепят ласточки гнездо из глины липкой.
Белоснежный аист кружит над ветлой.
Есть гнездо орла и малый дом удитки.
Где же ты приют отыщешь, странник мой?

Видишь, — ветер полевой, а выше — тучи?
Как они, по белу свету я бреду.
Видишь, вот песок наш — белый и летучий!
Здесь, в земле моей, и я покой найду.

1936

478. И ЗАЦВЕТУ...

Когда-нибудь, о мой апрель,
Ты вновь сюда вернешься,
Вернешься ты, дружок апрель,
Но мне не улыбнешься.

Гнедого осадив коня,
Посмотришь взором ясным —
И зацветет земля: то я
Всхожу цветком прекрасным.

1936

479. СИРЕНЬ

Еще не была я —
Сирень зацвела,
Уже отживу я —
Опять зацветет.

И цвет ее вешний,
От солнца завялый,
На сердце пригоршней
Земли упадет...

1936

480. С ТЕМИ, КТО ВОЛН НЕ БОИТСЯ

Чайки истошно кричат,
Робкое сердце пугая.
Зреет багровый закат.
Бьется волна, набегая.

Что вы там на берегу
Плачете? Страшно вам, что ли?
Нет, не постигнуть рабу
Эту свободу и волю!

Вдаль нас уносит ладья.
Пенится море, бранится,
Море бунтует, и я
С теми, кто волн не боится.

1936

481. ДЯДИ

Вы слышите, как сердятся
Всеведущие дяди?
«Вдали от жизни держишься —
Опомнись, бога ради!

Зачем народу, согласись,
Богатыри да бури?
Реальную, живую жизнь
Изобрази в природе!»

Не делай, как они хотят,
А как велит эпоха.
«Не то! — твердят. — Не так! —

твердят. —

Детали видишь плохо».

А мне давно уж невтерпеж,
Скажу вам откровенно,
Изобразить их жизнь, их ложь
Подробно, вдохновенно.

1936

482. ВЕЧЕР НА МОРЕ

Гаснет день. Пылают волны.
Тает край земли.
Чайкой белой парус вольный
Светится вдали.

Унеси меня с побережий!
Стой! Не дай отстать!
Волны, звезды ночью свежей
Будут нас ласкать.

1936

483. БЕЛАЯ ТРОПИНКА

Там смотрит в окошечко мама
Куда-то вдоль старой межи.
Всё дальше, всё прямо и прямо,
Вдоль белой тропинки во ржи.

Глядит с сожаленьем и грустью. . .
Что делать! Тужи не тужи —
Обратно уже не вернусь я
По белой дороге во ржи.

1937

484. СЛОВНО СЛЕЗА

Вода журчит такая ледяная.
Горячая слеза с лица скатилась:
Как злые языки унять, не знаю?
Чем вымолить мне у свекрови милость?

Но принимать ли это к сердцу близко?
И с ведьмами-свекрухами браниться?
Ведь жизнь моя — как малая слезинка
В холодном половодье растворится.

1937

485. БЕЗДОМНЫЕ ВОРОНЫ

К злой мачехе, в тот лес дремучий,
Мы не воротимся назад:
Там ссорятся сухие сучья,
Там нас клянут, там нас бранят.

Сидят бездомные вороны
Под мокрым, зябнущим кустом.
Лицо мне залил дождь соленый —
Ты осуши горячим ртом.

Так безболезнен тихий шелест
Срываемой с ветвей листвы.
Кто приютит нас, пожалеет?
Мы две бездомных сироты.

Ой, гнет-ломает ветер вишню!
Но мы назад не повернем,
Не постучимся в дверь чуть слышно
К злой мачехе, в тот мрачный дом.

1937

486. ДВАДЦАТЬ СУ

Париж в осеннем свете.
Я вам цветы несу,
И стоят розы эти
Всего лишь двадцать су.

Цветы белы и алы,
Купите их красу.
Я голодна, устала...
Всего лишь двадцать су!

И я с ресниц стираю
Соленую росу,
И тщетно повторяю:
«Всего лишь двадцать су!»

Проходят без ответа,
Я как в глухом лесу.
Здесь мерзну я с рассвета...
Всего лишь двадцать су!

Поднять не в силах веки,
Мучений не снесу.
О жизнь! Прощай навеки. . .
Всего лишь двадцать су.

1937

487. Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ

Вечен будет шум твой,
Клен шелковолистый,
Летом теплым снова,
Ночью звездной вновь,
Под качанье веток,
В темноте душистой
О любви шептаться
Будет здесь любовь.

Не хочу быть мертвой,
Сном уснуть бессонным,
Быть хочу с тобою
Средь красы земной.
Не хочу быть мертвой,
Лучше буду кленом,
Маленькой улиткой,
Каменной стеной.

1937

488. МОЙ МАЛЫШ

Во ржи — тропинка, словно нить.
Зачем котеночка бранить!
Там не зверек, а мой малыш
Пошел бродить.

За светло-синим васильком,
За алым маковым цветком.
Он заплутался, мой малыш.
И рожь кругом.

Поет о хлебе колосок,
Как трудно раздобыть кусок.
Но он поймет ли, мой малыш,
Тот голосок?

Мир для него широк, высок —
Вон бабочка, а вон цветок.
А сам порхает мой малыш,
Как мотылек.

И... мак стоит без лепестков,
И нету синих васильков.
Упав, рыдает мой малыш:
«Довольно мне цветов!»

1937

489. УБЕЖАВШЕЕ СЧАСТЬЕ

Оно без дороги бежало,
Кричали ему: «Погоди!»
Но только березка дрожала,
Тянулись поля впереди.

Бежало тропами лесными,
Рассыпались пряди волос...
Носило чудесное имя —
Какое? Узнать не пришлось.

Не слышало нашего крика,
Ни нашей мольбы, ничего!
И странно теперь нам и дико,
Что мы не догнали его.

1937

490. БАБУШКИНА СКАЗКА

Наши зимы — снег да иней,
Всё бело и там и тут.
Детям в избах в вечер синий
Сказки длинные плетут.

Как гуляет злюка-вьюга,
Как по солнышку грустят,
Как далеко в страны юга
Гуси-лебеди летят.

О медведе и о волке,
О чертях и ведуне,
Зачарованной светелке
И серебряной волне.

И о том, как Йонас скачет,
Третий братец удалой,
И о том, как Эгле плачет
В тихом замке под водой.

Сирота поет, печалясь.
Филин гукает гу-гу.
Чудо-сосны заплутались,
Затерялись в снегу.

А в сугробах дремлют гномы,
Рыбки смотрят из-под льда,
Злая ведьма мчит из дома
Без дороги, без следа.

От гибели спасает
Сиротинку удалец. . .
Но старуха засыпает,
Тут и сказочке конец.

1937

491. ОСЕННЯЯ ПАШНЯ

Белый разбросав песок,
Ширвинта журчит во сне.
Одинокий спит цветок
На осенней на стерне.

А ветра-озорники
Уж летят издалека,
Обрывают лепестки
Одинокого цветка.

Ни проволока колючая,
ни частый гром гранат,
Ни воющая смерть
ее не остановят.
Пускай конца пути
не различает взгляд —
Она идет сквозь дым,
через потоки крови.

Не подойдет она
к могильному холму,
Не укрепит в земле
креста из ивы тонкой.
Через ряды могил
пройдет в огне, в дыму,
Лишь к сердцу своему
тесней прижмет ребенка.

Но будет день —
тот день останется в веках:
Умолкнет пушек гром, —
земля сыта позором.
Грядущее придет
с младенцем на руках,
С улыбкой радостной
и просветленным взором.

1937

491. ТЫ ПРОСНЕШЬСЯ...

Ты проснешься, словно от толчка, —
Слышен зов лесного ветерка,
И березы тонкая рука
Лебедей манит издалека.

А весна разгонит облака,
Ветхие ограды разметет,
Сквозь прорехи белого платка
Первоцвет упрямый прорастет.

Смерть зиме. С любого бугорка
Неманы-малютки потекли.
Ты проснешься, словно от толчка, —
Это зов твоей родной земли.

1938

495. У КАМНЯ КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Камень, расступись, пусти погреться, —
Буря до костей меня проймет.
Но у камня — каменное сердце,
Он чужого горя не поймет.

Дни мои, как журавли под осень,
Улетают с криком от меня.
Дни мои — как сжатые колосья,
Я — как опустевшая стерня.

Не березу гнет — меня согнуло,
И не бурей гнет меня — бедой,
Побреду, как нищая, сутуло,
Но еще стою перед тобой.

Камень, расступись, пусти погреться, —
Осень до костей меня проймет.
Но у камня — каменное сердце.
Кто меня, осеннюю, поймет?

(1939)

496. ДИКИЕ ЯБЛОНИ

Белеют яблони и груши,
Цветущий свой убор склоняя.
Давно не знали эти кручи
Такого радостного мая.

Любовь! Любовь подобна чуду —
Цветком цветов цветут поляны.
И только враг врагу повсюду
В нагую грудь наносит раны.

Тяжел мой стих, но лишь от боли.
Он заслужил упрек, быть может,
Но бомба, кинутая в поле,
Цветы и нивы уничтожит.

Зияют ямы черным оком,
Как будто в ранах эти склоны.
Кровь залила цветы потоком,
А песню заглушили стоны.

Когда полны тревогой души,
Будь ты, вселенная, веселой!
Склоняйте, яблони и груши,
Убор свой, белый и тяжелый!

1939

497. ВЕТЕР НОВЫХ ДНЕЙ

В штыках запевае ветер властный,
То ветер новых дней —
То песня пушки и бомбы фугасной
И голос песни моей.

Стоишь ты под бурей, израненный шквалом,
И хоть бы слеза потекла. . .
Всё, что любил ты, война истоптала.
Осень, осень пришла.

Изгнанник бездомный в шинелишке утлой,
Что ты кутаешь в это тряпье?
Уж не сердце ли? Брось! — и оно в это утро
Новое — не твое!

Дрожишь, неприютный, измученный шквалом,
И хоть бы слеза потекла. . .
Землю твою война растерзала —
Кровавая осень пришла.

А планета вращается мерно и чинно,
Она так велика —

Океаны и горы, леса и равнины
Наплывают издалека.

В штыках запекает ветер властный,
То ветер новых дней —
То песня пушки и бомбы фугасной
И голос песни моей.

1939

498. ГЕРОИКА

Не гроза предвещает разлуку —
Над страной — воронье.
Положи-ка мне на сердце руку,
На живое мое!

Кровь героя не знает покоя,
Нет возврата назад!
Я не женщина больше, я — воин,
Я — борец, я — солдат!

Через черный провал, без дороги,
Через дым и огонь
Понесет меня конь быстроногий,
Белоснежный мой конь!

И пожары и кровь — крутовертью!
Всё отчаянней бой!
Я в сраженье с коричневой смертью
Поплачусь головой.

Где погибнет солдат неизвестный?
Кто венок мне совет?
Луч звезды моей — чистой, небесной —
На меня ль упадет?

Может, в поле меня похоронят
От селений вдали? . .
Солнце светлые волосы тронет,
Пролетят журавли. . .

Может быть, на лафете тогда я
Проплыву перед полком,
Теплоту твоих рук сберегая
В мертвом сердце моем.

1939

499. ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Родину мы любим
Делом, а не словом,
Пламенем сердечным
С нею говорим.

В громе канонады,
Под дождем свинцовым
Мы друг с другом рядом
В зареве стоим!

На шинели серой
Мак темно-багровый
Осеньет сердце
Вспышкой огневой.

Пусть земля впитает,
Пусть хранит сурово
Эту струйку крови...
Мирно спи, герой!

Сталь блистает наша!
На земле священной
Сорнякам проклятым
Не дадим расти.

Сталь — готовность наша!
Не простим измены,
Всех врагов отчизны
Мы сметем с пути!

(1940)

1

ЦВЕТЕТ СОЛНЦЕ

Расцветает солнце — расцвели
Красные цветы его в долине.
Это только мне из-под земли
Видеть солнце черное отныне.

Ивы превратятся в кипарисы
Там, в прекрасном мире надо мной.
Боль моя и радость прекратится —
Жизнь увянет скошенной травой.

Милая, пойдешь с холодной урной —
В теплые ладони примешь ты
Пепел нашей дружбы лучезарной,
Отгоревший жар моей души.

Солнце красное цветет. Цветут
Красные цветы по всей долине.
Черное восходит только тут,
Только для меня в сырой могиле.

2

СТРЕЛЕЦ

Сильный, смелый,
Как солнца близнец,
По вселенной
Шагает стрелец.

Пали на землю холод и мгла —
Тень от крыльев вселенского зла.
Птица смерти взмахнула крылом —
Ужас в сердце и ужас кругом.

Смело выстрели,
Солнце-стрелец!
Стрелы быстрые —
Ночи конец.

О стрелец, напруги тетиву!
Мир воскреснет, и я оживу.
Страх исчезнет из наших сердец.
Тетиву напругает стрелец.

Солнце хлынет
В поля и в моря,
Нас обнимет,
Любя и даря.

8

ДРУЖБА

Пускай клянут уста пророка
Несовершенство бытия —
Есть дружба верная без срока,
И в ней светла печаль моя.

Ах, ночь длинна — мороз по коже,
И облака в кромешной мгле.
Но ты скажи мне — отчего же
Мне так светло здесь, на земле?

О нет, не блики на вершинах,
Нет, не зоря — не от нее!
От верной дружбы! В наших жилах
Струнтся музыка ее!

И ради этого доверья
Живем, и нам светла земля.
И для того шумят деревья
И Неманы текут в поля.

(1940)

К. Борута родился 6 января 1905 года в деревне Кулокай (теперь Капсуковский район). Во время первой мировой войны семья Боротов в числе беженцев очутилась в Москве, где Казис поступил в гимназию, а в 1918 году семья вернулась в Литву. Окончив в 1924 году учительскую семинарию в Марьямполе, К. Борута стал изучать литературу в Каунасском университете. Еще в семинарии он был связан с левой организацией учащейся молодежи «аушрининкай», а в университете включился в левое студенческое движение. За руководство митингом протеста против введения смертной казни он в 1925 году был исключен из университета и в 1926 году уехал в Вену, где продолжал свое университетское учение. По возвращении в Литву в 1927 году был арестован, потом выслан. Некоторое время жил в Риге, потом в Вене, Берлине. Изнурительная борьба за существование, постоянные скитания, тяжелая доля политэмигранта не сломили молодого писателя. Он редактировал изданный в Риге альманах «Буря», сотрудничал в журнале «Тряяс фронтас» («Третий фронт»). В 1931 году К. Борута вернулся в Литву, выпустил альманах «Труд» (1932). В 30-е годы К. Борута выдвинулся в первые ряды литовских прогрессивных писателей. За антифашистскую деятельность в 1933—1935 годах находился в заключении. Выйдя из тюрьмы, продолжал участвовать в антифашистском литературном движении. 50—60-е годы — наиболее интенсивный период в его творческой деятельности.

К. Борута начал печататься с 1923 года. Он выпустил сборники стихов «Алло!» (1925), «Песни о плакучих ивах» (1927), «Литва крестов» (1927; 2-е издание — 1940), «Хлеб насущный» (1934), «Стихи и поэмы» (1938), «Проложенные борозды» (1964).

К. Борута является автором романов «Деревянные чудеса» (1938), «Мельница Балтарагиса» (1945), «Тяжелые памятники» (1960), «Приключения Юргиса Пакаятуриса» (кн. 1, 1963) и других прозаических произведений, сборника сказок «Небо рухнет» (1955).

К. Борута перевел на литовский язык драматическую поэму Ибсена «Бранд», роман А. Толстого «Петр Первый».

Умер К. Борута 9 марта 1965 года.

На русском языке издана книга избранных стихов К. Боруты «Ветра вольного воля» (1967).

503. ВЕТРА ВОЛЬНОГО ВОЛЯ

Воля ветра — будоражить,
воля дерева — шуметь.
Так и мне не запрещайте
будоражить и шуметь!

Разве я не ветер?
Разве я не роща?
Буду славить ветер воли,
пусть звенит под ветром роща!

Яровые жаждут ветра.
Ветви рощи ветром живы.
На него имеют право
сердца моего порывы.

Ветра друг, я будоражу,
словно ветер, яровые,
что растут в людских глубинах —
беспокойные, живые.

504

Кого, не знаю, раньше полюбил:
не то бурю, не то тебя.

Лишь для тебя, буря,
лишь для тебя, милая,
хочу жить неудержимо.

Навстречу любимой — руки!
Буре навстречу — флаги!

Буря, со мною будь!
Прям и широк наш путь.
Пой, не робей, любимая,
если в буре погибнет любимый!

505. ПЕСНЯ О ЖЕЛЕЗНОЙ СМЕРТИ

Вдали, вдали остались синий вечер,
тропинка в поле, хата без огня.
И замечает след зеленый ветер,
что родину похитил у меня.

Крыльцо.
Журавль колодезный.
Березка.
Сжал палку я и затаил печаль.
Не плакал —
сердце парня не из воска,
но все-таки чего-то было жаль.

«Прощайте! С богом!» —
я сказал негромко,
на кровли посмотрев из-под руки.
Дремали ивы над заречной кромкой,
и облака стелились, как платки.

Дымилось небо.
Каркал хрипло ворон.
Клубилась пыль.
И я пошел быстрей.
И в мертвый лес вошел.
И то был город
с глазами пустыми фонарей.
Я не видал еще такого леса!
Бетонные столбы и копоты завеса,
автомобильный визг,
трамваев тарарам,

и в этом шабаше,
страшнее беса,
косится смерть с пылающих реклам.
Железные быки ревут и стонут,
в бесстыжем рыке мостовые тонут.
От грохота,
от каменной тоски
раскалываются у меня виски.

Мне жаль моих полей,
озер глубоких,
жаль трехсаженного кнута.
Пастух —
король коров,
красавиц волооких, —
зачем я здесь,
зачем пришел сюда?
Люблю быков.
Люблю коров и телок.
Мне сладок запах скотного двора.
А здесь всё мертвое —
деревья и кора.
И ночь долга,
и день уныл и долог.
Быки мои!
Друзья мои буренки!
Я славил вас мальчишкой в песнях звонких.
Прощайте — я пропал,
попал я в круговерть.
Железная за мною ходит смерть.

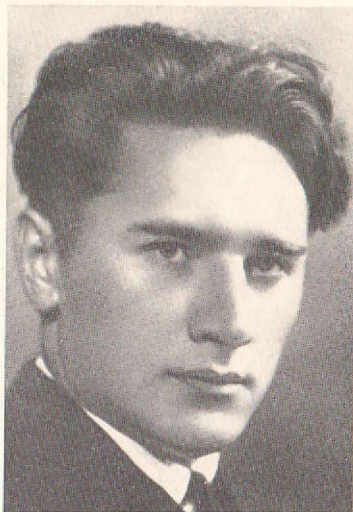
506. ПЕСНЯ О ПРОТЯНУТЫХ НОГАХ

Здесь, в городе, мы и протянем ноги
на улицах, похожих на гробы.
Но прежде, чем свалиться на дороге,
встает нередко лошадь на дыбы.

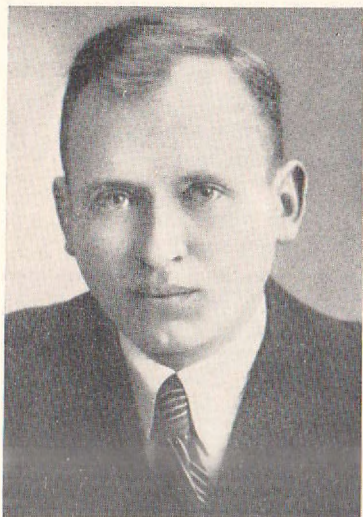
Потом, как небо над вечерним лугом,
зеленые глаза застелет мгла.

Т. Тильвитис

И. Шимкус

К. Якубенас

П. Цвирка

Возница, повздыхав над мертвым другом,
на пристяжной доедет до села.

Недвижен конь, лежит, задрав копыта.
Проселок тихий вымок от росы.
Но вечером сюда, как следопыты,
со всех околиц соберутся псы.

Почует за версту собачья бражка
дохлятину и, поднимая гам,
разделает бока, лопатки, ляжку,
и по куску растащит по лугам.

Роса и дождь коня омоют кости,
и поутру их захоронит плуг.
А я на городском сгнию погосте
под всхлипы переулков и лачуг.

507. ПЕСНЯ О ГРУСТНОЙ ПОЛУНОЧИ

Полночь провыли бездомные суки.
Вой уползает в безглазую мглу.
Месяц замерз и разбился безрукий.
В лунных осколках стою на углу.

Рядом, на улице и на сквере,
в сумерках серых пунктир фонарей.
Зря я стою у захлопнутой двери —
передо мной не раскроют дверей.

Славно! Эх, славно! Забыть. И забыться,
столб фонаря подпирая плечом.
Некуда спрятаться, некуда скрыться.
Можно лишь в ночь запустить кирпичом.

Славно! Эх, славно! Легко мне сегодня.
Мир этот страшен, жестокосерд.
Мне надоело плевать на ладони,
проштемпелеванным быть, как конверт.

Полночь провыли бездомные суки,
башенным подпевая часам.
Может, и я, как месяц безрукий,
брошен на растерзание псам.

508. ПЕСНЯ О БЕСТОЛКОВОЙ КОРОВЕ

Руки женщины меня полонили,
я дарил им стихи,
я им верой и правдой служил.
Только той, что в сердце, как лилия,
песен я не сложил.

Слова, что в душе наслаивались,
нежные и простые,
тут же себе присваивали
грешницы святые.

И новых слов мне недоставало,
ибо женская красота
красной печатью
ложилась устало
на мои святотатственные уста.

Где же ты, корова моя бестолковая?
Ища тебя, заблудился малец.
Галки орут.
Надрываются совы.
Филин сулит мне близкий конец.

Но конец мне не страшен, галки!
Я не боюсь совы!
Ветер березовый,
свежий и валкий,
поет у моей головы.

А в ушах — мычанье буренки
напевней всех стихов и поэм.
Не потому ли,

буйный и звонкий,
зубы скалю всем. . . .

Где ж ты, моя корова?
для тебя берегу свое слово.
Я глух без тебя и нем!

509. ПЕСНЯ О НАДЛОМЛЕННОЙ ПЛАКУЧЕЙ ИВЕ

Не жди — не дождешься, ведь я не вернусь, не вернусь.
Ты помнишь зеленую иву, плакучую грусть?
Зеленые вихри ее надломили — и что ж?
Надломится ива, а ты запоешь, запоешь!

Молиться и плакать не стану, как плакал в былом:
в лазурное небо ломлюсь я свободным крылом.
Пусть ворон, пусть ворон, что полночи черной черней,
закаркает, хворый, над ивой зеленой моей.

510. ЛИТВА КРЕСТОВ

О, сколько скорби на душе, вины —
во взгляде,
когда сквозь арки виселиц видны
кресты, и каждый — как проклятье.

И арки те — Литва.
И те кресты —
Литва. Моя отчизна.
В ночи скулит голодный пес.
А с высоты
тихонько кровь сочится.
О родина!
На всех крестах,

раздета донага,
от муки выгибается она.

Отчизна!
Мы собьем с тебя оковы.
Мы не позволим
превращать тебя в распятое.
Живые! Будьте жить готовы!
Знамена разверните же!
Воспряньте!

511. ДЕНЬ ГНЕВА

Погасли ночью все светила,
и утром не было восхода.
Вселенную страданье охватило,
Оно брело, не находя исхода.

И дни и ночи жемайтийцев гнали
по всем дорогам тем в остроги.
Кандалный звон рыдал, рыдали дали
от Жагаре и до Таураге.

И на руках — звенящий стон металла,
и на ногах — железо зазвенело.
За что? За что? Но сердце не устало,
глаза в неведомое смотрят смело.

О боль моя! Неужто вновь тевтоны
пришли сюда — и край мой залит кровью,
и вновь слышны на пепелищах стоны,
и льются слезы вдовьи?

Лишь девять суток солнце не восходило,
ночами выли вихри по округе,
а на десятый день взошло светило
и озарило нищие лачуги.

512. ВОЗГЛАС РАССВЕТА

Замшелые трясины спят уныло,
но вскрикнуло внезапно утро.
Когда бы солнце топи озарило,
была б осока зеленей, чем рута.

Не забредет оно в мой край печали,
лучами гладь болотную не тронет,
здесь только вечер хмурится в молчанье,
лишь ветер осени тоскливо стонет.

Он воет, отпевая всё живое,
сквозь тучи не пробиться свету.
Сорвать бы серый мрак над головою,
чтоб хлынули лучи на землю эту.

Пусть побегут по всей земле родимой,
чтоб всю исцеловали, заласкали,
чтоб над ее болотистой равниной
веселый смех колосья расплескали.

513. ЖЕНЩИНА ВОЗЛЕ ТЮРЬМЫ

Две стрелы пронзают глаза мне,
две стрелы. . . Но надо крепиться.
За крепкой, тюремной — из камня —
стеной мой любимый томится.

Он мой. Он не ваш! Хоть в усердьи
на части его разорвите!
Он в лучшей тюрьме — в моем сердце,
из вашей сумеет он выйти.

Ах, горе! Ты, с сердцем справясь,
мне губы сожгло. Не разбавить
сердечную горечь мне, право,
и что подсластит моя память?

Две стрелы пронзают глаза мне,
Ворота тюрьмы между нами.
Тюремные стены — из камня —
прожгу, прожгу я селезами!

514. НОВЫЙ ПРОРОК

Кажется, в мире пророки нужней
прежде всего для обычных явлений:
для осмысленья привычных дней,
для уясненья сердечных волнений.

Лишь потому-то решаюсь и я
слово тащить из глубин заповедных
тем, кто немислимый груз бытия
должен нести из усилий последних.

В их я избе и родился и рос,
с ними делил я несчастья их. Впрочем,
силой их слов я бы крепости снес,
правдой их слов я достиг бы пророчеств.

Слава тебе, горемычный мой кров!
Ты мне навеки и близок и дорог.
Ты мне доверил оружие слов,
в битву зовущее без оговорок.

Молниевидного слова игла,
толпы, как тучи! Не медля ни часа,
чувствуя гибель последнего зла,
ты, что терпел слишком долго, — решайся!

515. БАЛТИКА

Однажды ветреным вечером
над солнцем сомкнулась Балтика.

Искатели янтаря
начали волны расталкивать.

Всю ночь не спалось Балтике.

Вернулись они ни свет ни заря
с солнцем в янтарном ялике.

516. ЖЕНЩИНА С БАЛТИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Ты спокойна покоем песчаных
дюн балтийских и сизою Двины —
там, где сосны в смолистых колчанах
держат зыбкую вязь тишины.

Как они, ты стройна и прекрасна,
и дарит тебе взморья кайму
твой поэт, разумеющий ясно,
что без шторма вся жизнь — ни к чему!

Беспокойной любви моей голос
я принес тебе — гулкий до дна.
От преданий морских откололась
эта сказка, как ветер вольна.

517. ЗЕЛЕННЫЕ ЛУГА

Луга мои в зеленой силе —
глаза мои!
Твои гнедые потравили
луга мои.

Гнедым твоим
простятся скоро
заветных
слез моих озера
незамутненной чистоты:
на что бы мне рыдать и плакать,
когда б слезами грязь и слякоть
с ног белых не смывала ты?

518. ПЕСНЯ БАЛТИЙСКИХ ВЕТРОВ

И с ветрами Балтика пела,
и с бурями вновь запост.
Не знает горе предела,
но жатва счастья придет.

Звени балтийскими волнами,
Прибалтики песня вольная!

Мы с песнями горевали,
и песня поможет нам.
Ветер приносит дали
к родным морским берегам.

Вставай же, Балтика вольная,
бушуй свободными волнами!

Светает. Кончается горе,
и крылья вихря свистят,
вот грянет гром на просторе —
пророк свободы, и вскоре
нас молнии озарят.

Звени в Прибалтике, вольная
песня грозы раздольная!

519. ВМЕСТЕ С ТОЛПОЙ

Шапку долой,
шапку сними,
вместе с толпой, вместе с людьми
шествуй.

Темные руки в мозолях у них —
кто здесь герой, кто здесь велик
в этой толпе тесной?

Но нашей песне нет преграды
в сердцах толпы, и потому
она ведет на баррикады,
пронзает молнией тюрьму.

И я, певец, со всеми равен,
иду в толпе, где песни дар,
неодолим и полноправен,
рождает вольности пожар.

А если мне от пули сгинуть
судилось на пути таком,
что ж — ведь сумел я сердце вынуть,
стать путеводным огоньком.
И похвалою, а не лестью
мне стало б, что в душе толпы
мои взъерошенные песни —
как новой радости столпы!

520. БЕЛАЯ ГИБЕЛЬ

Туман и туман. Как на грех, маяки
молочным туманом одеты,
когда погибают в волнах рыбаки,
когда умирают поэты.

О, Балтика, Балтика в пенном снегу!
Белесая волна!
Погасли огни на родном берегу.
Туман как глухая стена.

Просвет хоть какой-нибудь мне б отыскать,
пронзить грозовой иглой
ту небыль, что, савану смерти под стать,
висит непроглядною мглой.

Но если б я был удалым рыбаком,
забыв о бесплодных потерях,
расставшись с туманным седым молоком,
обрел бы я солнечный берег.

А если б мне горло сдавила волна
своей ледяною рукою,
смертельное счастье постиг бы сполна
я с бурей — невестой морскою!

521. ТЕМ, КТО ИЩЕТ ЗАРЮ

Небо заткано темными тучами,
не увидишь ни зорьки на нем,
но, тоскуя по солнцу могучему,
ночью светоч искать мы пойдем.

Заблудиться не бойтесь, товарищи,
не теряйте лишь сердца зазря, —
над толпой, в черной темени шарящей,
ярко вспыхнет оно, как заря.

522. ХУДОЖНИКАМ ПРИБАЛТИКИ

Братья, хочу вам сказать я
несколько слов, простых, как мой край родной.
Пусть среди вас кажусь я бродягой, братья,
и девять ветров свистят над моей головой,
всё это пустяк.
Искусство — это еще не всё на свете.
Резче молнии в глазах блестят,
когда свой квадратный лоб круто подставишь
под ветер.

И, сквозь призму ветра
глядя смело,
я призываю: за дело!
Поэты, художники,
Балтику нашу
перделаем, сделаем краше!
Пусть станет выше небо над нами
и каждый почувствует свет и свободу!
Будем — как пламя,
в завтра шагнем, к восходу!

523. ЯБЛОНЯ ИЗ САДА СУДУВЫ

Жребий суровый мой горше яда,
сердце покрылось ржавчиной едкой.
Яблоня из судувского сада
к сердцу приникла сухою веткой.

Память о прелести снежного цвета
режет пилой меня, сердце рвется.
Может быть, яблочк с яблони этой
мне и увидеть-то не придется,
зато эта песня будет пропета —
людям в печали всегда поется.

Ой, наших песен обида глухая,
вас не дожди ли весною омыли?
Яблонька, ой, расцвети ты, сухая, —
жду, чтобы песни тебя оживили.

524. ТРУДНЫЕ СЛОВА О ТЕБЕ

Все эти трудные речи,
слова, как тяжкие гири,
в студеный печальный вечер
с небесной падают шири.

На голову — словно камни,
на сердце — грозным потоком. . .
Их все говорит Литва мне,
потоплена в зле жестоком.

Озера вычерпать можно ль?
Ужели высохнут сами?
То небо, небо тревожно
горящими сыплет словами.

Станьте, слова, стихами,
станьте, стихи, столбами,
чтоб над любимой моей
крышу держать прочней!

Я возвратился в край свой отчий.

По всем чужбинам, где я скитался,
родную землю, как груз тяжелый,
носил я в сердце.
И нету мочи —
истосковался
по тем низинам, росой омытым,
по тем равнинам,
что заблудились под небом серым,
по милым братьям, нуждой забитым.

Как я стремился в родимый край свой
из дальней дали,
в страну родную, что крест свой тяжкий
несла, страдая!
В грязи студеной
под темной тучей
казалась ивой она плакучей.

Казалось часто:
родных березок тянулись ветви,
как руки милой,
листва шумела, шелча приветы,
к себе манила:
«Вдали погибнешь! Вернись скорее!
Бороться насмерть с суровой долей
отчизны милой
ты здесь сумеешь...»

Я над собою не властен, что ли?
Ужели тот,
кто бродил по жизни,
внимая только души веленьям,
теперь метаться начнет в сомненьях,
услышав зов своей отчизны?
И я вернулся...
Не разбирая,
что под ногами —
шоссе, проселок, тропа лесная...

Пусть утону я в болотной тине,
рускай погибну
в родной долине!
А будет доля домой добраться —
я за отчизну смогу сражаться.

526. СУРОВЫЙ ПОРТРЕТ

Лишь взгляну на портрет твой суровый
и тоской омраченные очи,
проклинаю я снова и снова
за решеткой пропавшие ночи.

Но, насытись тоскою вначале,
постигаю душою суровой:
есть свои берега у печали,
свет за нею отверзнется новый.

Пред тобой преклоняют колени
звезды в приступе светопоклонства;
не навеки сроднился я с тенью,
ибо вижу в глазах твоих солнце.

Исчезает тоска в моем сердце,
будто радость его посетила, —
расточаются призраки смерти
в миг восхода земного светила.

Вновь я миру прекрасному верю,
снова рву свои тяжкие цепи, —
сокрушим мы острожные двери
и тюремные своды и крепи.

Из-под мрака кирпичного свода,
где тюремные гады и слизни,
вознесу тебя к солнцу свободы,
к негасимому светочу жизни!

527. ПОСЛЕДНИЕ ПОДАРКИ

В ночь, когда стихи слагал я,
от шальной тоски хмелея,
мир насилье оковало,
стала ночь еще темнее.

Сжег я, жалости не зная,
юность, горькую до жути,
чтоб тебе, земля родная,
озарить ночную сутемь.

Подожгла ль синица море?
Я и сам не ведал, кстати,
ибо жил в слепом затворе,
в равелине, в каземате.

Осужденные оковы
осудившим возвращали,
и тебе я возвращаю
все слова твоей печали.

Слов оковы мне дороже,
чем венец, что блещет ярко:
нету у меня для милой
драгоценнее подарка!

528. МОРЯКАМ РАЗВИТЫХ КОРАБЛЕЙ

Матросы фрегатов, разбитых штормами,
Колумбы судьбы беспокойной!
Вы в каждую гавань приносите знамя
души, прославленья достойной.

Опасность вас манит, а тихая заводь
пугает покоем болотца,
и верите вы, что судьба ваша — плавать,
что жить — это значит бороться.

Ночь озарила небеса
сияющим венцом.
Веду тоскливый счет часам:
решетка за окном.

Вслед за Коперником вхожу
в холодный дом светил,
на звезды с горечью гляжу,
мне белый свет не мил.

То ослепление на миг
иль наважденье сна?
Так беспредельно мир велик,
и так земля тесна!

Мне открывается простор
в сиянии ночном,
а я сижу в цепях, как вор,
и мыслю об одном.

Пусть звезды свет свой неживой
погасят навсегда,
чтобы бесчестья моего
никто не увидал.

Но воссиял небесный храм
во всей красе своей,
и звезды падают к ногам
с обрывками цепей.

Исчез бессилья тонкий яд,
и скрылась мгла навек,
и в бесконечность бросил взгляд
свободный человек.

530. ТАЙНА ВСЕЛЕННОЙ

Ночь. Тишина. Глаза глядят. Мерцанья
и темноты настал урочный час.
Как вызвездило! Тайна мирозданья
своим безмолвьем подавляет нас.
А где конец — начало этой шири?
Горючим сердцем к тайне я приник.
Мелькнула точка в бесконечном мире.
Мала Земля. А Человек — велик.

531. А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ

Исчезни, мука жестокая,
уныние, прочь с пути!
Переплывшим море широкое
как лужу не перейти?!

Темны века. Трудно верится
в бездумье ушедших дней.
«А все-таки она вертится!» —
воскликнул вновь Галилей.

В глаза веков без смятения
посмотрим, чтоб всем помочь, —
прогонит свет привидения,
растает глухая ночь.

Тоска, пропади, капризная,
жестокая боль, уймись!
Что выстрадано, то сызнава
откроет нам жизни смысл.

532. ПРИЗРАКИ ЛУННОЙ НОЧИ

...И ходил к нам призрак в гости,
в город лунный по ночам,
там, где лип белели гроздья,
обращенные к лучам.

Был тот призрак — месяц легкий.
В этой белой тишине
я искал тебя — он ловко
с веток рожки строил мне.

Отягченная цветами
ветка над моим плечом.
Полночь выдает все тайны
лунным трепетным лучом.

Что ж ты, месяц полоумный,
с кем ты, месяц, заодно?
Есть любовь — на сердце лунно,
а ушла — темным-темно.

В блеске ночи липы тают,
а одна других белей,
обниму ее — и станет
липа девушкой моей.

533. УЛЫБКА ГЛАЗ

Морскою пеной станут пряди, сивы.
Спохватишься: вот жизнь и пронеслась,
а я не замечал, как ты красива,
пока не увидал улыбки глаз.

Но о причале мне скучать не время, —
пространства рухнули, кипят валы.
Встаю, ложусь — в душе тревоги бремя,
заботы и горьки и тяжелы.

Вот почему глаза мои суровы
и сердце бьется так, что не унять.
А всё ж обкрадывать себя не ново,
я не хочу осколки собирать.

Лишь были бы глаза твои, как прежде,
мне маяком в кипящих волн аду, —
наперекор угаснувшей надежде
с улыбкой глаз твоих не пропаду.

534. НА СТОКГОЛЬМСКОМ МОСТУ

Остановились на Стокгольмском мосту.

Из стали и стекла,
мерцающий в тумане скользком,
маячил город, как скала.

В гранитных берегах стихала
волна, обретшая покой,
людская воля обнимала
ее всесильною рукой.

Давно ли викингов ветрила
метались здесь? Давно ль меж скал
причала здесь ковчег искал,
где город воля сотворила?

Где нынче верфи и дворцы,
где дымным солнцем дышит гавань,
где зданий серые торцы
согреты небом седоглавым.

Где от земли до льдистых звезд,
как викинг нынешнего века,
взметнулся в исполинский рост
Стокгольм — творенье человека!

535. ВСТРЕЧА

Встала ты передо мной вершиной горной,
близкой взгляду и отчаянно далекой.
Наши взоры вдруг взметнулись непокорно,
отмечая омраченной бури клекот.

«Кто ты?» — спрашивал себя сто тысяч раз я.
Но вопросы без ответа оставались,
надвигалось мертвой мглы однообразие,
и в ущельях вихри сослепу метались.

Звук шагов моих заглатывала темень,
беспросветные меня терзали мысли,
будто камни, жутко целящие в темя,
надо мной вопросы грозные нависли.

Но опять меня вело сердцебиенье,
и опять меня манило беспокойство:
зновь бесстрашное орлиное паренье
утверждалось в горней тверди как геройство.

И теперь уже не спрашиваю, кто ты,
и теперь дышу отважней и свободней,
хоть ведут меня вседневные заботы
к околдованной заклятьем преисподней.

Кем бы ни была — хотя б самой судьбою,
я уж больше не страшусь твоих кошмаров:
жажду встречи роковой с одной тобою,
через пропасть протянув мосты пожаров.

Перейду по ним, пройду, неопалимый,
вдохновенный упованием в сердце сущим:
если в пропасти прошедшего не сгину,
то с тобою окажусь в одном грядущем!

536. ЛЕГЕНДА О СТРАННОМ ПОЭТЕ

Жил-был однажды престранный поэт,
вызвавший ненависть ближних,
хоть не спешил он в ответ на навет
в ближнего бросить булыжник.

Только одним и смущал он умы:
резал в глаза правду-матку.
Был он за это под своды тюрьмы
брошен в угоду порядку.

Как он терзался порою ночной
в путях могильного мрака,
но от почтения к правде одной
не отказался, однако.

Разве что стены жалели его
в камере затхлой тюремной;
звал — не дозволялся, увы, никого
голос тоски подъяремной.

Странный, дурашливый был человек,
как говорится в сказанье:
вышвырнув алое сердце на снег,
умер — живым в назиданье.

Только кровавые слезы его
сталь, как огнем, прожигали;
люди, услышав заклатья его,
стены тюрьмы сокрушали.

Т. Тильвитис родился 15 января 1904 года в деревне Гайджия (теперь Утенский район). За антиклерикальные взгляды он был исключен из средней школы города Утены, уехал в Каунас, где работал писарем в Налоговой инспекции, учился в театральной студии. Известность ему принесли не первые, во многом еще подражательные, лирические стихи, а сборники литературных пародий «3 гренадера» (1926) и «13 (Парнас в пародиях)» (1929). Т. Тильвитис был участником футуристской группы «Четыре ветра», написал футуристическую поэму «Распродажа души» (1928). После распада группы работал главным образом в области сатирической поэзии, став самым популярным сатириком в Литве. В 1933—1940 годах был редактором сатирического еженедельника «Купталис» («Башмак»), сотрудничал в прогрессивной печати. Особенно продуктивно и плодотворно Т. Тильвитис работал в советские годы, когда вновь вернулся к лирике, писал поэмы. В 1951 году он вступил в ряды КПСС, принимал активное участие в движении сторонников мира, был председателем Комитета в защиту мира Литовской ССР. Умер Т. Тильвитис 5 мая 1969 года в Вильнюсе.

Из поэм Т. Тильвитиса наиболее значительные: «Пахарн» (ч. 1 — 1930, ч. 4 и переработанное издание всей поэмы — 1965), «Владас Дичюс» (1934), «На земле литовской (Уснине)» (1949; Государственная премия СССР 1951 г.). Т. Тильвитис является автором сборников лирических стихов «Ветер Балтики» (1948), «Сонеты о счастье» (1951), избранной лирики «Прокосы» (1968), нескольких сборников сатирических стихотворений и сатирического романа «Путешествие вокруг стола» (1936). Т. Тильвитис перевел на литовский язык поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Его «Сочинения» изданы в 3-х томах (1954—1955).

Основные поэтические произведения Т. Тильвитиса переведены на русский язык.

Тени
 прячутся в клетушках,
 тихий вечер наплывает,
 ниву у лесной опушки
 пот холодный прошибает.
 Подоконники в сирени,
 спит
 отцовский древний ясень,
 лица розовые реют
 над сиреневою ясью.
 Хорошо под отчим кровом:
 четки вспомнились и розги,
 смесь настурции с навозом
 до сих пор ласкает ноздри!
 За избушкой соловейко
 разливается, удалый:
 то примолкнет, то вдруг вскрикнет
 громче телки годовалой!
 Соловей
 ужалил душу.
 Бык мычит.

Зафыркал рано
 жеребец.

Заныли кошки
 дискантами
 и сопрано!..
 А бычки-то племенные
 на рассвете трубят бодро,
 прут в ворота — и бодают
 лбами тетушкины ведра.
 По весне теленок каждый
 петь Шаляпиным рискует,
 сердце каменное страждет,
 ночью тетерев токует!
 Конопасы делят влюбленно
 арию тореадора:
 батальону баритонов
 не затмить такого хора!

1927

538. ВЛАДАС ДИЧЮС

(Главы из поэмы)

ТАУРАГНАЙ, МОЯ КРАСА

За долами, за горами,
в глухомани с давних пор
Таурагнай маячит в раме
заколдованных озер.
Он спускается со склона,
плещет Таурагнас бессонно.
Слева — тусклое на вид —
озерцо Лабé лежит.
В мае, после непогоды,
и в ненастном октябре
шепчут песню на заре
взбудораженные воды.
Гладь озерная, леса —
Таурагнай, моя краса.

Свой рассказ я начинаю
о родимой стороне.
С детства к нищенскому краю
мать зажгла любовь во мне.
Говорят, в Лабé, за чашей,
проживает сом кричащий.
Говорят, как заорет —
страх берет честной народ.
Рыбий крик вещает горе:
будет холод, недоед,
в довершение всех бед,
мол, война случится вскоре.
Неприметен, невесом,
обитает в иле сом.

Сказки, были да поверья
в деревнях кишмя кишат.
Я пишу. Ржавеют перья.
Рифмы бедностью грешат.
У трясины дремлет леший.

Век ни конный и ни пеший
не проедет, не пройдет:
топь несчастных засосет!
Говорят, в глухую полночь
плачет девушка навзрыд.
Как в огне она горит
и зовет к себе на помощь.
В тишине, приглушены,
голоса детей слышны.

Выйди ночью на поляны.
Словно духи, там и тут
светло-серые туманы
к низким травам тихо льнут.
Злюка ведьма варит ужин.
Старый висельник с ней дружен.
Ей, как богу, тыщи лет.
На нее и смерти нет.
Пахнет хвоей, веет лугом
и настойкой терпкой рос.
Мышка рыщет меж берез.
Коростель скрипит над плугом.
Кто обидит мышку, тот
гибель верную найдет.

Там, где вниз сбегает стежка,
где столетний дуб живет,
в полумраке правят кошки
пир и водят хоровод.
В зарослях, за речкой шумной,
пастушонок полоумный
не отходит от овец.
Чуть поодаль, наконец,
бродит, гулко и уныло
оглашая лес и луг,
всё на десять верст вокруг,
белогривая кобыла.
Я отсюда — и вполне
чудеса знакомы мне.

Дальше путь ведет в Варлине.
Там, где стынет Чертов пруд,

искони в сырой ложбине
Каралюнасы живут.
Хаты сторбились, замшели.
Через дыры, через щели
пробирается сквозняк.
Вечно мается бедняк.
В избах труб и пола нету.
Говорят, дубовый пень
свято чтут там каждый день.
Харч нехитрый — ешь, не сетуй!
Хлеб, картошка и ботва —
вот чем здесь душа жива.

Каралюнасов несметных
перечислить не с руки.
Их по кличкам, многодетных,
различают земляки.
Не припомню, как уж вышло,
одного прозвали Дышло,
ибо тощ он, как багор,
да вдовец и крохобор.
Окрестили всех толково:
кличка Йонаса — Бирюк,
кличка Петраса — Пинчук,
сына Юргиса хромого —
Дичюс... стало быть — Дикарь
(Я заглядывал в словарь).

Верил в детстве я преданьям.
Ныне многие мертвы.
Словом ласковым помянем
сказки милые Литвы.
Столько чувства накалило —
покажу отчизну смело!
У меня в ушах от дум
гул стоит, и треск, и шум.
Был не в шутку я расстроен:
бередить ли раны мне,
иль остаться в стороне
расфуфыренным героем?
Я терялся, я робел
и... поэмой заболел.

Долго мучило названье.
Друга трогать — просто грех.
Перед нами пусть предстанет
самый красочный из всех,
ладно скроенный и честный,
добродушием известный,
независимый, живой —
словом, парень мировой.
Пятна черные виднее
на холсте льняном, друзья.
«Дичюс» — броско вывел я,
все сомнения рассеяв.
Наконец свой тяжкий труд
отдаю я вам на суд.

Владас, Ладзюс малолетний
не скончался, не зачах.
Слава Дичюсов, наследник
быстро стал расти в плечах.
Восприимчивый, смысленый,
не карабкался на клены,
слыл серьезным, впрямь святым,
восхищались часто им.
Проводили домочадцы
за гаданьем вечера:
где и как ему добра
и почета домогаться.
Страсть он к играм поборол
и книжонки приобрел.

Владас был послушным малым,
не перечил старшим он,
назиданья понимал он
и поддакивал им в тон.
В школу выбрался он рано.
Пиджачишко домотканый
узковат был — не беда.
Вожжи в руки — и айда!
Конь гнедой кусал уздечку.
Дичюс мчался напрямик
с пыльной, тонкой связкой книг
к близлежащему местечку.

Он покинул отчий дом,
и забыл родных притом.

Молодежь пошла какая!
Образованна, умна...
Старину припоминая,
новью дышат времена.
Владас Дичюс честь по чести
знанья черпает в уезде,
сортирует голова
факты, цифры и слова.
Он живет не по старинке.
Где большак и где тупик,
недвусмысленно постиг.
Чистит ревностно ботинки.
Часто думает отец:
«Кем же будет молодец?»

Свет я в Утене восславил.
Правда, света в ней на грош.
В ней любовь свою оставил...
Разве молодость вернешь?
Милый мой, она промчится,
пролетит, как будто птица.
Золотые дни — цени.
От безделья — бог храни.
Юность в Утене осталась,
улетучилась как дым.
Грустно в завтра мы глядим,
превозмочь не в силах старость.
Нам былого не вернуть.
В прошлое заказан путь.

Вдаль пробьется, побеждая,
светоч знанья и ума.
У кого башка пустая,
тот потеет задарма.
Шалопайи и невежды,
зря лелеете надежды,
брюки, проще говоря,
протираете вы зря.
Штука чудная — наука.

Для одних всегда она —
процветания страна,
для других — чахотка, мука.
Очень скользкая стезя,
сплоховать на ней нельзя!

Дичюс, рослый и плечистый,
полный бодрости и сил,
разнаряженный и чистый,
с аттестатом прикатил.
Он соскучился по дому,
говорит по-городскому,
не поймешь его никак.
Словно паныч, сняв пиджак,
Дичюс выпалил открыто:
«Мне молитва не нужна.
Да прославится мошна.
Нет на свете выше лита!»
Спать под кленом, захмелев,
завалился светский лев.

Кто споткнулся, тот с оглядкой
перейдет через овраг,
кто рожден с душою гадкой,
тот Литвы заклятый враг.
Жизнь в селе глухом отвратна.
Не вернуться ли обратно?
Всюду слою грязь лежит.
Дичюс ходит и брюзжит.
Есть достаток у немногих.
Обнищало большинство,
в том числе семья его.
Гасит мать светец убогий.
Владас, хмур и раздражен,
прибыл к тете на поклон.

«Слушай, тетя дорогая,
чужды мне и лес и луг.
Суть событий постигая,
за иной я взялся плуг.
В сердце новое желанье.
Действий требует призванье.

Ждут, зовут меня дела.
Тетушка, ты поняла?
Человек ученый, помни,
может многое свершить.
Только надо умно жить.
Опротивело село мне. . .» —
Ей племянник у гумна
поверял мечты сполна.

Наспех Владас пообедал,
полежал часок-другой,
не пустил к себе соседа,
потерял совсем покой.
Суетится мать-старуха:
сыну — лучшая краюха,
режет сало на столе,
варит курицу в котле.
«Может, ныне, может, позже
объяснит сынок незло,
что избрал за ремесло.
Может, всемогущий боже
будет добр, и через год
он еще в ксендзы пойдет».

Над полями, над оградой
вяжут сети пауки.
Веет прелью и прохладой.
Дни осенние близки.
По избе шагает Владас.
Скудный кошт ему не в радость,
на отца глядит в упор.
Назревает разговор:
«Батя. . . Мы простимся в среду.
Ты живи, как прежде жил.
Я нехитрый скарб сложил.
Я опять учиться еду.
Жить у вас охоты нет. . .»

Окончательный ответ
старый даст, видать, не быстро,
до раздумия охоч,

но достичь поста министра
он сынку не прочь помочь.
Помолчав, он начал жестко:
«Понимаю, в чем загвоздка:
з люди выбиться решил.
Я же буду жить, как жил.
Пусть. Но знать хочу, бедовый,
для кого, за что, как бык,
маюсь, высунув язык,
щедро трачусь на обновы,
не жалею ничего.
Отвечай мне, что с того?..»

Ну и мерзкие вопросы.
Побледнел сынок слегка,
впился в кончик папиросы
и повел издалека:
«Мне ли на поле копать,
возле стойла век топтаться,
много нужно ли ума
задавать свиньям корма?
Видит бог, окончу право,
и дела пойдут на лад,
рано, поздно ли — стократ
отплачу тебе я, право.
Хоть я родом и бедняк,
сбросить должен я армяк».

За отцовским росным лугом
мчат составы на восток
с перезвоном, с перестуком,
будоража лежебок.
Парни, росшие в деревне
(нет истории плачевней!),
тщатся, учат день-деньской
ради выгоды одной.
Снимут пенку, выжмут соки,
нахватают громких фраз,
в пестром обществе крутятся,
получают пост высокий,
и живут в родном краю,
как на небе, как в раю.

На разъезде спрыгнув с брички,
Дичюс втиснулся в вагон.
Тараторит по привычке
с томной барышнею он.
Сядет, встанет, извинится
и к девице обратится
благородный кавалер,
для попутчиков пример.
Носовой платок достанет,
скинет плащ, собою горд.
(Насобачился он, черт!)
На соседа грозно взглянет.
Кто подумает, что он
в хате нищенской рожден.

Владас быстро оперился,
поумнел за восемь лет,
возмужал и возгордился.
Пастушка простыл и след.
У него часы со звоном.
У него берет с наклоном.
Галстук в клеточку на нем
вывязан двойным узлом.
Он одет согласно моде.
Мода — для него закон.
К славе путь нащупал он.
Не узнать в хлыще и моте
мальчугана, что навоз
у избы грузил на воз.

Поезд мчится. Ветер гонит
облака, угрюм и зол.
Мой герой в своем вагоне
одпокашников нашел.
Дичюс щедрым быть умеет,
лит имеет — не жалеет.
Деньги — мелочь, ерунда.
Их пришлет отец всегда.
Остановка три минуты...
Владас вышел на вокзал,
взял газеты и журнал,
помахал рукой кому-то

и, к стеклу приплюснув нос,
расставанье перенес.

Пролетают реки, нивы,
перелески, бурелом.
Дичюс с братией, счастливый,
восседает за столом.
Он, как будто сын барона,
дарит взгляды благосклонно,
разбирает список блюд,
чем наестся можно тут?
«Обер! Мы враги диеты.
Что? Баранина? О нет.
Может, порцию котлет?
Что закажем? Я — котлеты.
Не напутай, запиши.
Я голоден — поспеши».

«Ты в какую область метишь?
Для чего зубрил азы?
Может быть, без цели едешь?
Может быть, пойдешь в ксендзы?»
— «Мечу, братцы, я в юристы:
труд и прибыльный и чистый.
Сердце — против. Но, увы,
не терять же головы.
Приобщусь, должно быть, к праву.
Хоть и скучное оно,
в наше время всё равно
можно жить с него на славу», —
Дичюс пышно говорил
и задумчиво курил.

Молодое поколенье
навсегда развращено.
Навевает размышленья
очень мрачное оно.
Высший свет — предел желанья,
хмель побед, залог признанья,
несказанная краса,
небеса и чудеса.

Высший свет — исток расцвета,
мир возможностей больших.
Не зевай. Используй их.
Это почесть. Деньги это.
В детстве замки сняты нам,
будущего дивный храм.

Быт студенческий, нехватки,
сложность правовых наук
валят с ног юнцов без хватки
и калечат слабых вдруг.
Право — мудрое занятие:
уйма всяческих понятий
о ворах, насчет семьи
Интересно, черт возьми.
Скажем, кто-то напаскудил,
нмярек попал впросак —
оправданье так и сяк
ищут в толстых книгах судьи.
Ищут в кодексах они. . .
Но оставим их в тени.

Сколько можно о пороке
громогласно говорить?
Нет, не в силах наши строки
в жизни зло искоренить.
Тут нужны иные средства,
чтоб его лишить наследства.
Только будущность, светла,
пстребит причину зла.
Мы заветною тропею
за столпами вслед идем.
Кто открыто, кто тайком,
между жизнью и собою,
благодарные весьма,
строим пышные дома.

В годы краж и ограблений
свет гасить возбранено!
Но гляжу — погрязла в лени
молодежь давным-давно.
Не поможешь миной кислой,

остроумной, едкой мыслью
и насмешкой не проймешь
золотую молодежь.
Зычный окрик бесполезен.
И вчерашний свинопас,
околпачив грубо нас,
в господу, как Дичюса, лезет.
Лезет, лезет — исполать!
На отчизну — наплевать.

У науки, как у палки,
существуют два конца.
В ней воюет правда с жалким
измышлением лжеца.
Наш интеллигент нимало
не пугается финала.
Жизнь случайностей полна.
Но особенность одна,
вне сомненья, очевидна:
отпрыски рабов, друзья,
прут в удельные князья
неустанно и бесстыдно.
Сей недуг из года в год
возмутительно растет.

Что у Дичюса за планы
возникают в голове?
Как он, сытый и румяный,
возвеличится в Литве?
Может, он войска возглавит,
красотой себя прославит, —
не предвидишь наперед,
осчастливит ли народ.
Любим розовые краски,
фантазируем в тиши,
рвемся в город из глуши
без раздумий и опаски.
Лакомый кусок нам люб,
на него мы точим зуб.

Как во временной столице
приголубят повичка,

не могу я поручиться
и не ведаю пока.
Дичюс мой приятель старый.
Были мы хорошей парой.
Вместе прятались в овсе
и бродили по росе.
Вместе с ним в лапту играли
в приозерных камышах
и под вечер на большак
стадо медленное гнали.
Я недолго с ним дружил,
дружбой он не дорожил.

Кто-то пробежал меж нами
(нет, не только черный кот).
Он попал, судите сами,
в городской водоворот,
у повес и белоручек
нахватался всяких штук,
чопорным и важным стал.
Ну а я... А я отстал...
Раньше нас еще роднило
наше бедное село.
Всё быльем, брат, поросло.
Обмакну перо в чернила
и продолжу без прикрас
свой о Дичюсе рассказ.

Поезд мчится мимо пашен,
мимо рощ. В глазах рябит.
Дичюс чем-то ошарашен,
чуб, как лен, он теребит.
Он волнуется, трепещет,
мысли черные зловеще
и без удержу ползут:
где отыщет он приют?
Где службенку он добудет?
Будет ли отец еду
привозить хоть раз в году?
Посылать ли деньги будет?
Скоро город. Скоро цель —
позади давно туннель.

Замелькали семафоры,
и в вагонах неспроста
начались поспешно сборы.
Суматоха... Суета...
Дичюс ловко с верхней полки
снял мешок и две кошелки, —
в них белье, пирог, сыры —
материнские дары.
Наступил конец дороги.
Владас в дымке увидал
свой давнишний идеал —
Каунас, вздыбленный и строгий.
Полный страхов и тревог,
мой герой схватил мешок.

Тут главу и кончим ныне,
часть большого полотна
о цветущем гражданине,
чья судьба не столь ясна.
На досуге, от докуки
ты возьми поэму в руки,
поразмысли над строкой,
мой читатель дорогой.
Вдохновению покорный,
только Дичюсом дышу,
дифирамб ему сложу
под шумок волны озерной.
Слог простой не отвергай —
родился он в Таурагнай.

НЕМАН ТЕЧЕТ

Неман в бликах, в переливах
к морю синему течет,
и ноябрь неторопливо
сказки осени плетет.
На ветру играют волны,
пригорюнился безмолвный
тополь, сбросивший наряд.
Ветви голые торчат
неприветливо и сиро.

Редко солнце из-за туч
шлет веселый теплый луч.
Грустным звукам вторит лира,
и гнетущая тоска
крадется исподтишка.

Я не сдамся ей без боя.
Прочь, незваная хандра!
Зябнут липы, в лужах стоя,
льет и льет как из ведра.
Вновь потоки дождевые
хлынули на мостовые.
Листья падают, кружась,
в хлябь осеннюю и грязь.
Будем жить не унывая.
В нас пока что не остыл
жаркий молодости пыл.
Искра светится живая.
Не чураясь кутерьмы,
поживем в столице мы.

Каунас — город досточтимый,
стариною ветхой мил.
Бег веков неумолимый
в нем немного пощадил.
Стены замка Неман точит,
камни дождь сечет и мочит,
ими дети бьют стекло —
время Витовта прошло.
Храм Перкунаса забытый
разъедают плесень, гниль,
покрывает густо пыль
знатный дом иезуитов.
Всё меняется вокруг.
Что же будет завтра, друг?

Сгорбилась, как старушонка,
разрушается вконец
и Мицкевича хатенка.
В пей прославленный певец
жил в изгнании когда-то
нелюдимо, небогато.

«Дзяды» до зари писал, —
кажется, я не соврал...
Люди умные считают:
ей пришла пора на снос,
с мертвеца какой, мол, спрос.
Раз считают — значит, знают.
Барды новые придут,
ни к чему лачуга тут.

На горе Наполеона
ветер к долу гнет лозу.
Багровеет Шанчяй сонный,
расположенный виизу.
Ветви шепчутся в печали:
«Бонапарта мы встречали.
Обесчещен, одинок,
он бежал, не чуя ног.
Кони ржали. Неман синий
их, ярься, волок на дно
с маршалами заодно,
задохнувшимися в тине.
Их величие вода
унесла бог весть куда».

Окружают Каунас тесно
невысокие холмы.
Но они страшней, чем бездна,
надвигаются из тьмы.
Тут зарыты миллионы.
Тут мужик изнеможенный,
надрываясь для господ,
проливал под палкой пот.
Царь жестокий краем правил.
От нашествий свой покой
оградил стеной глухой
и кругом форты поставил.
До сих пор хранят форты
крови пролитой следы.

Царство горя, царство мрака.
Закоулки... Пустыри...
На цепи хрипит собака.

Копшатся упыри.
В норах крохотных и темных
прозябает люд бездомный,
сквернословит, пьет, ревет,
на себе лохмотья рвет.
Там прижился голод жуткий.
Там пристанище нашла
голь без крыши, без угла
и ютятся проститутки.
Стон идет из-под земли.
Но вперед, вперед пошли.

Чтобы труд мой был продолжен,
и к тому ж попал в печать,
кой о чем я просто должен
непреречно умолчать.
Но молчать, когда рабочий
изнывает дни и ночи,
хоть других обул-одел, —
отвратительный удел.
Тот клейменный, драный, битый,
тот кончается от ран.
Бьет резиновый «банан»,
топчут конские копыта.
Как убийц с больших дорог,
мужиков суют в острог.

Каунас пыжится, грохочет,
ощетинивши мосты.
В нем булыжник кровоточит,
кровью политы цветы.
В чистом поле, на отшибе,
не страшась, встречают гибель
коммунары вчетвером.
Выстрел... Падают ничком.
От греха и от позора
ходуном идет земля,
колыхаясь и пыля.
Псов неистовствует свора.
Над притихшею Литвой
мрак сгустился гробовой.

Наши внуки, удосужась,
отличат, где сон, где явь.
Потрясет их души ужас,
неожиданно воспрям.
Не легенда, не придуман,
он стучит в виски угрюмо.
Беспросветный, черный миф
быта нынешнего — жив.
Новых жертв застенки жаждут,
жаждут камеры в ночи.
И пекутся палачи
о намордниках для граждан.
Мастера заплочных дел.
Я на смерть вблизи глядел...

Вырастают цитадели,
хаты чахлые теснят.
В старину мечи звенели,
ныне денежки звенят.
Мещанин их тихой сапой
хапает, как прежде хапал.
Словно шило из мешка,
лезет шпиль особняка.
Из любой стены сочится
и течет наемный пот.
Толстосум всю крадет
и стремится отличиться,
слабых рубит он сплеча,
теток Витовта ища.

Стих сравненье украшает.
Каунас — частый пульс Литвы.
Каунас мне напоминает
мудреца без головы.
Убаюкивая Неман,
высится на зависть всем он.
За дворцы и роскошь вилл
край он по миру пустил.
Человек наш упоенно
хочет в обществе блистать,
златоустом видным стать,
кошельком брэнчать в салонах.

Золотой телец в Мадрид
скоро Каунас превратит.

Он достоин песнопений.
Он изящен, говорлив
и пестрит от украшений,
пустоту свою прикрыв.
Я терялся в нем, прохожий.
Но не то меня тревожит.
Я, о дичюсах скорбя,
тороплю вперед себя.
Каунас тонкие деревья
подстригает каждый год.
Темнота и недород
извели тебя, деревня.
В модной шляпе голова,
прохудились рукава.

Каунас — город-галерея.
В раму вставь и пяль глаза.
Обтесался, хорошея,
и вознесся в небеса.
Если мы дома, считая,
назовем культурой края,
то столпы его, видать,
божьим ангелам под стать.
Не сочтите, судьи наши,
что поэт сошел с ума:
вознесенные дома —
осязаемый символ кражи.
Будешь рохлей, вахлаком —
ты построишь в ряд ли дом.

Дичюс прибыл из лачуги
в стольный город над рекой.
«Погружусь я в глубь науки.
Обрету в труде покой».
Ритмом города захвачен,
он волнения не прячет,
застревает в горле ком.
Дичюс шепчет: «Заживем!»
Всё — прекрасно. Сплошь — повинки.

Масса связей, масса лиц,
не подонков, не тупиц.
По селу справляй поминки,
пой, хмелей, душа моя!
Я студент. В столице я».

От природы хваткий, крепкий,
но не знающий узды,
разобьется Владас в щепки —
явью сделает мечты.
Представительный, серьезный,
важный, как чиновник грозный,
он рожден повелевать,
не ржаной ломоть клевать.
Говорит он плавно, четко.
Предвкушая торжество,
сыплет, сыплет на него
взгляды страстные кокотка.
Пусть мне вдовушки простят,
но для них подростки — клад.

Рок счастливый ли, проклятый
ждет героя моего?
Дичюс будет адвокатом.
Адвокатом? У кого?
Будет ли из года в год он
печься о правах народа?
Предпочтет родимый край
или жирный каравай?
Защитит ли от навета,
от гоненья, от шпика
оборванца-бедняка?
Лично я не верю в это.
Редко видим мы таких
бескорыстных и святых.

В тягость лекции лентяю.
Он достаточно учен.
Словно воск, надежды тают.
Скукой Дичюс удручен.
Не к лицу ему покорно
шелушить науки зерна.

Владас Дичюс не дурак.
Выше знаний ставит фрак.
У него ума палата.
Взгляд приятный и живой.
Дичюс — парень мировой,
одаренный, франтоватый.
Но — иду на лит в пари —
с червоточиной внутри.

Трудно ли в кафе шумящих
о науках поболтать?

В эру пуговиц блестящих
мудрено ли не блистать?

Надо разодеться, надо
уснащать свои тирады
непременным «так сказать»,
дочь банкира в жены взять,
делать радостную мину
при плохой игре всегда.

Тот, кто лезет в господа,
до чего ж сродни пингвину:
гордо смотрит сверху вниз
преуспевший блюдолиз.

Каунас — бражник и гуляка.
Каунас — море-океан.
Через край струится влага.
Не теряйся — будешь пьян.
Наплевав на мрак деревни,
пьет, пирует Каунас деревний.
Он сияет, он гремит
и до одури шумит.

Наводнили город села
в серых шапках до ушей
и в рубахах, полных вшей.
Извините мне тяжелый,
дерзкий поворот стиха,
неуклюжесть пастуха.

В Плунге кончив два-три класса,
бросив сеять и косить,

норовит любой пролаза
важным барином прослыть.
Хочет жить легко и сыто
в окруженье пышной свиты,
хочет грязь с колен стереть
и в министрах постареть,
для потомков самых дальних
состоянье сколотив, —
вот где кроется парыв,
общества недуг печальный.
Спать, гулять, транжирить, есть —
наша слава, наша честь.

Коммерсанты и чинуши,
адвокаты, доктора
бесподобно водку глушат
в ресторанах до утра.
Злачных мест не счесть в столице.
Хочешь до смерти напиться,
хочешь всё спустить — изволь
в легендарный «Метрополь».
В нем приезжий из Ретавы
дорогой коньяк берет,
чтобы скрыть свой бедный род
и карман почти дырявый.
Возвратится он назад,
именитей став навряд.

Хлещет сладкий грог у стойки
не маркиз и не бурбон —
капитан, служака бойкий,
местечковый. . . Бисмарк он.
Как тропическая птичка,
с ним щебечет невеличка
из-под Гарлявы княжна,
сладолюбива и нежна.
Кто смеется, кто тоскует,
кто копается в меню,
кто добытые на дню
сплетни светские смакует.
В карты режутся с утра
и скандалят шулера.

Однокурсники-студенты
разместились за столом.
На груди змеятся ленты.
Пьют жрецы науки ром.
Вылупившись из дерюги,
щеголяют явно други
брюками а-ля Париж
(ими Каунас покоришь!).
Этот — проповедник жаркий.
Этот — черный кофе пьет.
Этот — прощельга, мот,
наливает — «Прозит!» — чарки.
Хрен и шницель, спирт и торт —
современный патюрморт.

Дичюс блещет в «Метрополе»,
устает от баловства,
а кругом кряхтит от боли
разоренная Литва.
Исцеление от сплина
Владас ищет в терпких винах,
вспоминает невзначай
свой далекий Таурагнай
и приказывает властно,
с кельнером затеяв спор:
«Не болтай. Тащи ликер. . .»
И опять — легко и ясно.
Широко разинув рот,
Дичюс слушает фокстрот.

Я сюжет, скажу заране,
гладко строить не привык,
да к тому же в ресторане
заплетается язык.
И политик-аналитик,
и, как литик, тонкий нытик,
и откормленный кабан
посещают ресторан.
Ежедневно в ресторанах
разбиваются сердца,
и прискорбного конца
мой герой дождется рано.

Милый Владас, где ты, где?
Не забудь меня в беде...

Джаз наигрывает рьяно.
Блеет сиплый саксофон.
Статный Дичюс пляшет с панной,
лобызает ручки он
и мяукает упрямо
о любви, и млеет дама.
Владас дышит в ухо ей,
прижимается плотней,
то ее от всех уводит,
то скрывается в толпе.
Он завидует себе,
карих глаз с нее не сводит.
Мысль роится в голове:
«Как на небе — так в Литве».

Но, набрав знакомый номер,
он другой звонит домой.
Без нее давно бы помер
мой земляк, приятель мой.
«Нина?» — «Владас...» — «Здравствуй! Рада?
Как спалось? Мигрень? Досада...
Я не мог прийти... Ждала?
Ах, научные дела...
Можно мне к тебе явиться,
помечтать у милых ног?
Я чертовски одинок.
Я твой раб. Моя царица,
говоришь, что мужа нет...
Я лечу, лечу... Привет!»

У свободной птицы крылья
широки и смел полет.
Срок придет, и, обессилев,
птица мертвой упадет.
Владас Дичюс, ты не знаешь,
где присядешь, но летаешь.
Что ни ночь — иной ночлег.
Но подумай, человек!
Быть с друзьями надоело.

Владас шумный ресторан
покидает, сильно пьян.
Он глядит осоловело.
«Я, коллеги, удалюсь,
овладела мною грусть».

Он галоши надевает,
плащ, пятнистое кашне
и шофера подзывает:
«В гости срочно нужно мне.
Ты мечтал о пассажире?
Шире дверцу, шире, шире...
Не глазей, быстрее вези.
Благодарствую... Мерси».
Неожиданно нахмурясь
и нахохлясь, как петух,
мчится к Нине во весь дух
довелас и «доктор юрис».
«Жми, на все педали жми,
чтоб успели мы к восьми...»

Преисполненный отваги,
как зулусский президент
после принятой присяги,
молодой сидит студент.
К благотельнице Нине
Владас катит на машине.
Он не хам. Он не мужик.
Он пешком ходить отвык.
Я тебя ценю, машина!
Опасаюсь катастроф.
Впрочем, может и любовь —
обольстительная Нина —
шею Дичюсу свернуть.
Услан терниями путь.

Нина — славная супруга
воротилы и дельца,
перетянутая туго,
безрассудочно юнца
поздней страстью полюбила,
мужа лысого забыла.

До сих пор запретный плод
ей покою не дает.
Ей мерещутся нередко
ненасытные орлы,
что достойны похвалы. . .
Нина — щедрая наседка.
Женщина солидных лет
не загадка, не секрет.

Связь подростка со старухой
новизной не поразит,
коль старуха — потаскуха,
а подросток — паразит.
Вылезает Владас робко.
Двери. Лестница. И — кнопка.
«Кто там? Дичюс?» — «Нина, я. . .»
И, дыханье затая,
он разглядывает мебель
и ступает не спеша.
Владас мямлит: «Хороша!
Может, быть, а может, небыль?»
Владас негою объят.
Нина чувствует: он рад.

На балу они случайно
познакомились. И он
ей понравился, как тайна.
Был улыбкой награжден.
А сегодня он во власти
неуемной, жгучей страсти.
Нина душу бередит.
Он взволнованно глядит
на сверкающие плечи,
на рисунок стройных ног,
на прозрачный шелк чулок.
Оба радуются встрече,
очутившись тет-а-тет.
Что ж, пора гасить и свет. . .

Разозлю, видать, кого-то,
но не стоит правду стричь.

У меня одна забота —
лучше Дичюса постичь.
В наше время, безусловно,
чепуха угар любовный.
Гражданин смеясь живет
и берет себе развод.
Он, как встарь, не прибегает
ни к веревке, ни к ножу.
Тихо молвит: «Ухожу.
Наше счастье погибает. . .»
Да, в столице тьма семей,
где в загоне Гименей.

Владас Дичюс беспечальный
славы радостной достиг.
В затененных тихих спальнях
стал известен и велик.
Первый франт он среди франтов,
в красной шапке корпоранта,
неприступный, гордый пан,
сувенир любви — тюльпан, —
как огонь, горит в петлице.
Дичюс жадно всё окрест
карими глазами ест.
Он боится оступиться.
«Как дела идут, мадам? . .
Обещания не дам. . .»

Дичюс бросился в объятья
милых женщин, добрых вдов.
«Тайны быта должен знать я.
Я на всё, на всё готов».
Кто упрямца одолеет?
Над губой пушок чернеет.
Кровь клокочет, кровь поет.
Как по маслу жизнь течет.
Да, любовь — цветок природы,
но шутить не стоит с ней.
Жалко гибнущих парней.
Не пойдем мы в наши годы
их восторгов и невзгод.
Дальше в путь! Рассказ не ждет.

Без особенной науки
можно счастье отыскать,
лобызать коготке руки
и любовницу ласкать.
Дичюс думает жепиться:
«Есть ли смысл корпеть, учиться?
Для таких, как я, бродяг,
может быть, спасенье — брак?»
Но от мысли от крамольной
он отделаться спешит.
Словно ястреб, он кружит
над добычею, довольный.
Мой герой неукротим.
Грех господствует над ним.

Иногда мрачнеет Владас,
папиросами дымит,
в «альма матер» (эка гадость!)
он плетется, неумыт.
Карты, женщины и пиво —
пожелтел студент блудливый.
Он на лекциях подчас
засыпает, отличась.
Мысль его порою гложет:
он стремится как-нибудь
осознать событий суть.
Но, увы, никак не может.
«Дорога мне стать моя —
не пойду в доценты я...»

Владас любит жить бездумно,
воду без толку толочь.
«Я устал: была безумно
романтическая ночь!..»
Он торопится на воздух,
философствует о звездах.
Не смогли покой вернуть
Козерог и Млечный Путь.
Дичюс, друга встретив, сонно
и сочувственно пропел:

«Что ты, братец, захирел?
Где сейчас твоя Альдона?...
На планете много дур...
Гаудеамус игитур!»

(1934)

539. ПЕСНИ МОРСКОЙ СВОБОДЫ

1

Под ветром то зеленое, то синее,
Ты лижешь берег пеною с разбега,
И пароход, как перышко гусиное,
Скользит меж волн по воле человека.

Дрожим, пугаясь, люди сухопутные,
Когда сапог наш пропускает воду...
Могуч лишь тот, кто знал дороги трудные,
Кто любит злое море в неполаду.

Моряк сразился с бурей могучею,
Он паруса вознес ветрам навстречу,
И вал несет ладью его бегучую
Прямой дорогой мысли человеческой.

Стремясь смелей в морскую даль
бездвестную,
Отважного стихия не обманет,
И ты найдешь свободы край
за бездною,
И злое море снова тихим станет.

Плыви вперед, пусть ветер в море
мечется, —
Вперед, куда свобода кличет мужа.
Тому, кто встал за волю человечества,
Плыть в бурном море, а не в тихой
луже!

А море с вешней позолотою
Шумит, шумит в сквозном дыму,
И я перед его свободою
Стою, завидую ему.

Морские праздники веселые
Здесь волны празднуют до тьмы,
А море слезы льет тяжелые
На край моей земли-тюрьмы.

И словно разъярившись сызнова,
Рычит и прыгает оно.
В руках у папа ненавистного
Моя Литва давным-давно...

И налетая с новой силою,
Терпением наделена,
Волна пытается землю милую:
Верна ль по-прежнему она?

Земля — в дыханье моря-матери,
В немолчном, гневном шуме вод, —
Как не шуметь, когда предатели
Грызут, как псы, родной народ!

Огромным сердцем море бьется
То бешено, то замирая,
Оно выносит нас, литовцев,
К свободе, брызгами играя.

Пьет солнце брызги, пену моря —
Кто замечает это в жизни?
Так смой же, буря, рабства горе,
Пролейся ливнем по отчизне!

Волна под вечер солнце скроет,
Но озарит нам солнце воды!
Когда ж, друзья, какой зарею
Мы встретим с вами день свободы?

Весь берег волнами измерен,
Они чего-то ищут страстно.
Не тех ли, кто свободе верен
И видит будущее ясно?

1936

540. ДРАМА

Дерзкая, визгливая запевка.
Сноп суют в машину за снопом.
Гибкая, как ящерица, девка,
кровь, как говорится, с молоком.

Ничего, ты не помрешь бобылкой:
ты теперь у богача в горсти!
С ним (колдует он над молотилкой)
послезавтра под венец идти.

А другой-то — темноглаз, застенчив,
на стогу, в соломе до бровей...
Но звенит машина, как бубенчик:
«Счастья не видать душе твоей!»

Прыгнуть бы на стог высокий. Вызвать
всё как есть. Остаться бы сам-друг!
Зерна ржи она грызет капризно,
рвется в ночь из материнских рук.

Богатей сует снопы в машину.
Ну, а плоть, пока еще ничья,
платье рвет. Из глаз готовы хлынуть
яростные слезы в три ручья!

1937

541. HEILIGE NACHT

Подрок паренек в берлинских дворах.
Stille Nacht, heilige Nacht...

На фабрике — слезка во всех углах...
Stille Nacht, heilige Nacht...

Взяли отца. В грудь стучится прах!
Stille Nacht, heilige Nacht...

Он крикнул: «Долой!» — И, всего в синяках, —
Stille Nacht, heilige Nacht...

За городом к стенке поставили... Трррах!!!
Stille Nacht, heilige Nacht...

1938

Поэт и прозаик И. Шимкус родился 27 августа 1906 года в Риге, в семье рабочих, выходцев из Жемайтии. В 1914 году возвратился в Литву вместе с родителями. Учение свое начал в прогимназии в Паланге, а потом в гимназии для взрослых в Каунасе. В Каунасе И. Шимкус вместе с другими молодыми писателями включился в антифашистскую деятельность, был одним из организаторов журнала «Трячас фронтас» («Третий фронт»), сотрудничал в других прогрессивных изданиях. В 1933—1940 годах работал в редакции ежедневной газеты «Летувос жиннос» («Литовские известия»). С 1942 года — член КПСС. Он был редактором газеты «Тарибу Летува» («Советская Литва»), председателем правления Союза писателей Литовской ССР (1947—1954) и редактором литературного журнала «Пяргале» («Победа»). Умер 28 октября 1965 года.

И. Шимкус издал два поэтических сборника: «За дверью» (1927) и «Сказки из цемента» (1929). Стихи с перерывами писал и в последующие годы. Ему также принадлежат книги рассказов «Борьба за бога» (1937), «Рассказы» (1953), «Завтра будет хорошая погода» (1962) и сборник литературно-критических статей «О литературе» (1956).

Некоторые стихотворения И. Шимкуса переводились на русский язык.

542. О СЕРДЦЕ ИЗ ЦИНКА

Как мое сердце мне надоело —
 Болью набухший комок живой.
 Вот бы сделать славное дело:
 Выковать из цинка его!

Пустое, сверкающее, звенящее,
С крышкой надежной и герметичной.
Наполнил радостью цинковый ящик,
Завинтил — и гуляй в настроенье отличном!

Сердце поет в блаженстве и неге,
Как патефон, бездумно и весело.
Рубашка трещит от напора энергии?
Расстегни пуговицу, верни равновесие!

Леса бы стали тогда из стали
Отлитыми.

Небеса — из стекла.

Сердца бы вечно звенели, блистали,
И вечно беспечно бы жизнь текла.

Вечно?

А может быть, лишь до времени?
А может быть, чувства замки сбывают?
И в цинковой камере, тесной, тюремной,
Любовь, очнувшись, затеет бунт

И ринется неудержимо через
Версты, запреты, тенета слов!
А утром — где сердце?

Сердце исчезло...

Взрывом, взрывом его разнесло!

(1929)

543. ЛЮБИМОЙ

Б. С.

Цветы уселись отдохнуть на ветку сливы.
Кружился в яблонях душистый ветер.
Как спетый птицами,
беспечным и счастливым
Был первый поцелуй твой на рассвете.

И вот уж мох брусничкой алой вышит,
И в небе зной лазури поубавил.
Как ягоды смородины, как зреющие вишни,
Я губы твой брал горячими губами.

Украшь свои ветки свечами
И всех уверяй: это — солнце!
Уверен, что ствол твой тухлявый
От ярости не затрясется.

Тебя засмеют даже свиньи,
Что землю вокруг разрывают...
Скажи-ка, ну что в тебе толку
Родному литовскому краю?

Однажды придут дровосеки,
Они тебя срубят под корень.
Напрасно ты листья растило,
Жирея народу на горе!

1936

545. ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

В буржуазном Каунасе власти переименовали улицу Юлюса Янониса и назвали другую улицу именем феодала гетмана Сапегги.

Расширился Каунас —
Дома под горою,
Дома на горе.
В крестах, монументах,
Довольный собою,
Он греет, как печь на холодной заре,
Апостолов лита и цента.

Друзей ты нашел бы под кровлей худою,
В домах, что присели, согнулись.
А может быть, и за тюремной стеною.
Так вот, Янонис Юлюс...
Взглянул бы и понял бы, как мы росли,
Какою дорогой пошли.

А может быть, в Каунасе в самом деле
Не место тебе?
Другие думы тобой владели,
Ты о другой мечтал судьбе.

Иной резон — господин Сапега,
Знатный вельможа, голубая кровь:
Ростки его из-под серого снега
Пробиваются вновь и вновь...

Нет, не грусти, Янонис Юлюс:
Изменятся очертанья улиц,
Много нового будет
На горе, под горою...
Меняется время,
Меняются люди,
Меняется всё остальное...

Скажу тебе просто, как мужчина мужчине:
Вышвырнутый, схваченный за ворот,
Когда-нибудь почетным гражданином
Ты вернешься в свой город!

1936

546. ДВА ЛУЧНИКА

1

Прокатится день, точно спутанной пряжи клубок...
И пряжа — ты, и день бегущий — ты.
А если не ты,
лучше буря и пропасть у ног,
Чем это царство тьмы и пустоты.

Стук в двери... Бегу, оскользаюсь на гладком полу,
Сжимаю в пальцах звонкие ключи.
Сейчас отомкну, отворю, разгляжу, полюблю!
Но там не ты, не ты,
а дождь в ночи...

Я руки тяну, я хочу приголубить звезду,
Горит она в дáли, звенит, маня.
Зажмурив глаза,
по небесной тропинке иду.
Тропинка — ты,
и ты — звезда моя.

Но пусто вокруг.

И, однако же, близится день.

И знаю я, что ждал его не зря:

Лишь солнце взойдет —

упадет на порог твоя тень.

Ты — тень и свет, и солнце, и заря.

2

Скачет лошадка по солнечному лучу,
В сердце ко мне запрыгнет она, дрожа,
Я на пороге встретить ее хочу,
Чтоб не на час — навек ее удержать.

Это — твоя игрушка, любовь твоя!
Я для нее готовил сердце давно:
Сквозь ожиданье брел я, печаль тая,
Вешал в окне фонарик, когда темно.

Скоро лошадку дикую я приручу —
Крепкие пути разве что смерть порвет.
Скачет она по солнечному лучу.
В сердце мое запрыгнет она вот-вот!

(1939)

547. МЕЛОДИЯ ПОЛУТОНОВ

Тонет «сегодня» в угрюмом тумане,
«Завтра»
с древесной листвою слетает,
И неизвестность владеет умами,
Полям влачится, стерню оплетает.

За сердце держимся, жмем до упора,
Чтобы не вспыхнуло, не вспорхнуло.
Сам себе каждый оплот и опора.
Смотрим, как дни уползают понуро.

Грязь с красотою — в кровном единстве,
Листик зеленый — гниения вестник.
Завтрашний день не замедлит родиться,
Ну, а куда он ведет — неизвестно.

Холодно сверху.

Но глубже — не пламя ль?
В душах вопросы остры и бессонны:
Верить ли, думаешь, строишь ли планы
Ты, человек?

Ждешь ли нового солнца?

О, ведь не вечно же гнуться и падать!
Должен же свет воссиять над страной...
Явится новый, решительный пахарь,
Вздыбит он поле с гнилою стернею!

(1939)

548. МОЯ ЛИТВА

Прижалась к сердцу ветка
Сосны, дыша едва.
В зеленой ветке светлой —
Моя Литва.

Пылит снежок, и дымка
Так сказочно жива,
В той дымке-невидимке —
Моя Литва.

Я слышу вновь рожденные,
Призывные слова —
Зовет освобожденная
Моя Литва.

Венцом трудов державных
Украшена глава,
Омыта солнцем славных
Моя Литва.

Ты вольной между вольных,
Звездой утра вставай,
Цвети в веках раздольно,
Моя Литва.

1942, 1947

К. Якубенас родился 28 января 1908 года на хуторе Каушишкяй (теперь Биржайский район). В 1928 году окончил гимназию в Биржае и поступил на юридический факультет Каунасского университета. За участие в антифашистском движении был в заключении с 1929 по 1931 год и с 1933 по 1935 год, неоднократно подвергался преследованию в административном порядке. Из-за постоянных полицейских преследований был вынужден прервать учение в университете. В начале гитлеровской оккупации был арестован и только случайно избежал расстрела. Умер 8 января 1950 года в Вильнюсе.

Первые стихи К. Якубенаса появились в печати в 1924 году. Он сотрудничал в прогрессивных литературных изданиях. К. Якубенас издал сборники стихов «Спящая земля» (1929), «Да здравствует живая жизнь» (1931), «Гудит синий бор» (1936), «Двадцать годиков» (1938); последние два сборника были конфискованы цензурой. В его лирике преобладали социальные и гражданские мотивы, порою они приобретали характер стихийного бунтарства. Он писал также острые сатирические стихи. К. Якубенас является автором нескольких известных поэтических сборников для детей («Орешки», 1936, «Сто жаворонков», 1941, и других). Наиболее полное издание его стихотворений — сборник «Гудит синий бор» (1957). К. Якубенас переводил на литовский язык романы американской писательницы П. Бак и произведения В. Гюго.

Стихи К. Якубенаса на русский язык переводятся впервые.

Мы вольное раздуем пламя,
Огонь кровавый запалим.
Обидчикам не сладить с нами.
В бой! Не видать пощады им.

За мир счастливый мы поспорим.
Тот мир, прекрасный, как звезда,
Создаст в тоске по ясным зорям
Усталый человек труда.

Не сдайся вражеским ударам,
Не уступай врагу побед,
Борьбу мы начали не даром —
Пусть сгинет угнетенья след!

Тебя сгибало горя иго,
Лишал надежды капитал.
Дождешься радостного мига,
Врага сразишь ты наповал.

1928

550

Дни стали скучными, сонными,
Низко береза склоняется.
Ветер, пронизанный стонами,
Всё по округе слоняется.

Жалуюсь камню холодному,
Ветер, гуляка шальной,
Стужи испивший, хмельной
Мчится ко мне, несвободному.

Быть не березой плакучею,
Цепи сорвать и презреть.
С бурей промчатся над кручею,
С ней умереть!

1930

551

Над лачугой черной
Ветра свист тоскливый...
Пахарь сеет зерна,
Сгорбившись над нивой.

527

Синий край, где ели
И сосна веками
Плакали и пели
Вместе с бедняками.

Пели о тяжелой
О батрацкой доле,
Жизни невеселой
У господ в неволе.

Петь — свободным птицам
В роще на просторе.
Беднякам — томиться
В безысходном горе. . .

Сон в лачуге ветхой,
Горе за плечами. . .
И сердца, как ветры,
Мечутся ночами.

1930

552

Заря освобождения
В тюрьме еще желаннее.
Заря святого мщения
За наши испытания.

Примолкла цепь стальная,
И не гремят запоры.
Угомонились, зная,
Что буря грянет скоро.

Вдали видны сполохи,
В путь льдины потянулись.
Крестьяне правят сохи —
Лишь трусы не проснулись.

Весну несут нам птицы,
Цветы теснят друг друга.

Мороз не возвратится,
Отбушевала вьюга.

Нам туча грозовая —
Как весть о буре новой.
Нам ветры распевают,
Что время рвать оковы.

Заря освобождения
В тюрьме еще желаннее.
Заря святого мщения
За наши испытания.

1930

553

Помню песни березы кудрявой,
Я их слушать любил у гумна.
И ветров пронесется орава —
И наклонится низко она.

У березы встречался я с милой,
Эти песни хотел разгадать.
Береза шумела, нам радость сулила,
На сердце была благодать.

Кто ведал, что будет удел мой печальным,
Плакучей березы грустней.
Не с милой я скован кольцом обручальным,
Цепями — с неволей моей.

Сквозь прутья решетки на месяц беспечный
Смотрю я всю ночь напролет.
И слышу — в зеленой фате подвенечной
Береза мне песни поет.

1931

1

Реки вскрываются,
Пажиты талые.
Вновь распускаются
Цветики алые.

Буря здесь пашет
Слова и снега.
Тонут поля наши
В реках багровых.

Кровью вспоенный,
Вращенный бедою,
Край разоренный
Зарос лебедою.

Пашня и дол!
Долго ждать вам придется.
Парень ушел
За свободу бороться.

2

Вырос под оградой
Синий василек.
Парень-бедолага,
Что ты нажил впрок?

— Нажил шапку честно я,
Шапку набекрень.
И коса железная
Служит мне весь день.

День и ночь работушка —
Не передохнуть.
Черная работушка
Мне сдавила грудь.

Ветви в чаще пригибались.
Мужики в поход сбирались.

Как сошло их войско с места —
Лес зеленый расшумелся.

Птицы в чаще распевали,
А крестьяне восвали.

Раздобудут волю силой,
Или всех возьмет могила.

Встало войско у развилки —
Затряслись у бар поджилки.

У крестьян винтовок нету —
Баре подняли мушкеты.

На опушку пушки тащат,
Сразу задрожала чаша.

Сосны гнулись на поляне,
Полегли в бою крестьяне.

Зачялось широко поле
Горюшком зеленым.
Льется кровь. В борьбе за волю
Гибнут миллионы.

Мать с отцом утерли слезы,
Сына проводили.
Над Литвой нависли грозы,
Бешено завывли.

Буря скрылась, мать скончалась,
Но не скрылось горе.
Буря новая примчалась,
Свищет на просторе.

Без пощады валится
 Бор под топором.
 Разве может сжалиться
 Барин над рабом?

Беспощаден барин,
 Всех нас губит зной.
 И погиб мой парень,
 Пахарь молодой.

Друга в одночасье
 Пуля обожгла,
 Чтоб настало счастье,
 Расступилась мгла.

Кличем с поля
 Ураган.
 Будет воля
 У крестьян.

Прогоняя
 Всех господ,
 Жизнь другая
 К нам идет.

1930—1932

Тучи я вижу с порога.
 Близко штормов полоса,
 И охватила тревога
 Синие наши леса.

Бьется о берег зеленый
 Море и радует взгляд.
 Юность, как волны, бессонна,
 Буре настроена в лад.

Пойте, высокие сосны,
Ритмом бушующих строф.
Берега гуд перекрестный
Тонет в напевах ветров...

Синее море да дюны,
Берег зеленой сосны...
Пой же, зеленая юность,
Песню синей волны.

1932

561

Я спустился горушкой —
Речка серебрится.
«Где топить мне горюшко?
Дай ответ, водица!»

Шел я тропкой долгою,
В бор вошел дремучий.
Говорил я с елкою,
С елкою колючей:

«Елочка плакучая,
Что же с нами будет?
И когда же мучиться
Перестанут люди?»

Только речка чистая
Мне в ответ молчала,
Только ель ветвистая
Мне не отвечала.

1934

562

Дотемна из-за двери несется
Лязг тяжелых тюремных ключей.
Может, мне не видать больше солнца,
Не избавиться от палачей.

Не видать звездной ночи сиянья,
Тот цветами усыпанный дол,
Где мои начались испытанья,
Где я горькую юность провел.

Не слетят сюда птахи лесные
И не будут мне петь по весне.
Надсмеются тюремщики злые,
Встречусь с волею только во сне.

Нет, рассыплются скоро оковы,
Новым солнцем зальется страна,
И свободное вырвется слово,
И другие взойдут времена.

1934

563

Снова мир забурлил потрясенный —
Лишь коварству дано побеждать.
Подымаются павшие троны,
И готовится бойня опять.

Да, истории поле вовеки
Засевалось людскими костями.
Не мельчали кровавые реки —
Как же люди остались людьми?

Источают елей пацифисты,
Корчат ангелов мира они.
Хоть проворны они и речисты,
Гром не смолкнет от их болтовни.

Отвечай, с кем пойдешь ты в сраженья?
На кого наведешь пулемет?
Никому нет от бури спасенья,
Лишь над трупами солнце взойдет.

Охмелевший, бреду я в тумане,
Сердце вспыхнуло жаждой борьбы.
Кто укажет мне путь к полю брани,
Что ж не слышу я зова трубы?

534

Я хочу, чтобы с песнею повой
В обновленный проникнул я мир,
Чтобы сорваны были оковы
И низвергнут последний кумир.

1935

564

Над родимым краем
Ветры прошумели.
Мы в лаптях шагаем,
Сермяги надели.

Солнышко пригреет —
Тянет сошку кляча,
Как за вечерет —
Закричишь, заплачешь.

Синь туман над нивой,
Над лесной поляной,
Над судьбой глумливой,
Долей окаянной.

Марева и росы
Над Литвой недаром —
Слезы тех, кто босы,
Отольются барам.

1936

565

Счастье мне сулят давно липы и березы,
Что сулили, всё равно — пасулили слезы.

Зреет колос в тишине, поле колосится,
Но в печали обо мне клонится пшеница.

Мглою занесло село в этот вечер росный.
Стонут о моей судьбе вековые сосны.

535

За долги забрали дом, отняли землю.
Слышу звон чужой косы, и душа томится.

Путь теряется вдали. Стали дни напастью.
Этим же путем брели братья по несчастью.

Телефонных проводов гул томит округу.
Пристав продает мою жалкую лачугу.

Хлеба кто меня лишил и родного крова?
Придорожные цветы не проняют слова.

Нем, ромашка, твой венец, бледен в час
расцвета...
И у каменных сердец не найти ответа.

1936

566

Прекрасно пышных роз цветенье,
Пока мороз не смял куста.
В труде рождается, в боренье
Немеркнущая красота.

Пусть ползают в грязи мокрицы,
Глаза себе завяжет трус.
Удел наш — к высоте стремиться,
Жизнь без тревог — ненужный груз.

1938

567. НАДОЕЛИ МНЕ СТРОКИ ПЕЧАЛИ

Надоели мне строки печали
И в тиши соловьиная трель.
Снова пушки загрохотали,
Им не песни нужны, а шрапнель.

Коль окажется лира разбитой,
Я один буду плакать о ней.
А поля будут кровью омыты
И слезами седых матерей.

536

Их беда во мне ввек не замолкнет,
Не замолкнут и строчки стихов.
Я от лиры найду лишь осколки,
Что ж останется им от сынов?

1938

568

Желтые сурепки,
Можжевельник синий
Да репейник цепкий
Разрослись в долине.

Жаворонок серый,
Блеклый отблеск дня,
Да любви нет меры
В сердце у меня.

Белая ромашка,
Голубой чабор,
Пестренькая кашка
Расплели узор.

Речка да дорога,
Озеро, родник. . .
Здесь костелов много,
Много горемык.

Елочка кривая
Под сухой сосной. . .
Отчего ж, не знаю,
Мил мне край родной!

Елочка томится —
Доняла жара.
Высохла землица,
Грустная пора.

1939

537

Я к вам шел зеленеющей нивой,
 Лугам, влажным от утренних рос.
 Я бы пел вам о доле счастливой,
 Я бы весть о свободе принес.

Посулил я вам песню о мире,
 О лугах, где хлопочет весна.
 Но едва прикоснулся я к лире —
 Песню горя запела струна.

Вижу доли под ласковым небом,
 Слышу птичью рассветную трель,
 И рокошет проснувшийся Неман,
 И торопится шустрый апрель.

Но я слышу — над садом росистым
 Тихо крылья расправила смерть.
 Небосвод только кажется чистым —
 Беспросветна небесная твердь.

Так почувешь грозу в туче серой,
 Хоть раскатов не слышно пока.
 Жизнь бы черпать тебе полной мерой,
 Да близка гробовая доска.

Сквозь крикливую речь патриотов,
 Сквозь свистящий над миром свинец,
 Сквозь сирены и вой самолетов
 Слышу стон материнских сердец.

Помню я, как один заключенный
 Из тюрьмы руки к воле простер.
 Но не сладил с решеткою черной,
 Цепи рабства влачит до сих пор.

Цепи рабства сковали нас, братья,
 Нет над нами свободных небес.
 И принять мы не можем в объятья
 И луга, и долины, и лес.

1939

Здесь дома высоки, точно башни,
 Здесь шуршит на красавицах шелк.
 Вы забыли родимые пашни,
 Пот соленый на бороздах щек.

Не видать вам бескровные лица,
 Не видать землепашцев в лаптях.
 Негодяй в патриота рядится,
 Тонет истина в лживых речах.

Плачут в люльке голодные дети,
 Громко стонет мой попраный край.
 Кто ж за благо народа радетель?
 Тот, кто многие тысячи крал.

Нет свободы, печальны рассветы,
 Оглушенные звоном цепей.
 Но поют лишь о розах поэты,
 Восхищаются лирой своей.

Грустно смогрит береза на поле,
 Орошенное горькой росой.
 Стонет край разоренный. Доколе
 Будет плакать литовец босой?

Высоки здесь нарядные зданья,
 Шелестит на красавицах шелк.
 Вы отцов позабыли страданья,
 Пот соленый на бороздах щек.

1939

Звезды в небе ясном!
 Всё вы, звезды, знаете.
 Но мой дом напрасно
 Мне напоминаете.

Пусть вас туча спрячет,
От меня скрывая.
Чтоб не знать, как плачет
Матушка седая.

Чтоб не знать, не видеть —
Будет день постылый, —
Мать ко мне не выйдет,
Обнимусь с могилой.

Золотые звезды!
Лучше б вы молчали,
Осушили б слезы
Горя да печали!

1939

П. Цвирка родился 12 марта 1909 года в деревне Клавгяй (теперь Каунасский район). В 1926—1930 годах учился в Каунасском художественном училище, активно сотрудничал в журнале прогрессивных писателей «Тряяс фронтас» («Третий фронт»). В 1936 году впервые посетил СССР. К концу 30-х годов он стал убежденным сторонником социализма. С 1940 года — член КПСС. После установления в Литве советской власти П. Цвирка руководил Союзом советских писателей Литвы, был избран депутатом Верховного Совета республики. Он сыграл большую роль в сплочении литовских писателей разных поколений на основе социалистической идеологии.

Литературную деятельность П. Цвирка начал в 1924 году. Первой его книгой был сборник стихов «Первая месса» (1928), который по требованию духовных властей был конфискован.

С начала 30-х годов П. Цвирка от поэзии отошел и активно выступал в качестве прозаика. Первый сборник рассказов «Закат солнца в Никской волости» (1930) посвящен жизни крестьян. Он является автором сатирического романа «Франк Крук» (1934) о капиталистической Америке и литовской буржуазии, романа «Земля-кормилица» (1935), в котором показан путь бедняка-крестьянина к революционной борьбе. Роман «Мастер и сыновья» (1936) рисует жизнь литовской деревни в начале XX века. Последующие книги — сборники рассказов «Повседневные истории» (1938), «Корни дуба» (1945). П. Цвирка много писал для детей (сборник «Сахарные барашки» и другие). В годы Великой Отечественной войны вышли сборники «Карающая рука» (1942), «Серебряная пуля» (1943). П. Цвирка — автор многих литературно-критических и публицистических статей, очерков, он один из значительных литовской советской литературы. Умер П. Цвирка 2 мая 1947 года.

Стихи П. Цвирки переводились на русский язык.

572. ПИСЬМО ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЕ

Черкнуть бы, право, два-три слова
Всем деревенским беднякам:
Как жизнь? Что доброго, что злого?
Что радостно, что горько вам?

Ободрить их короткой вестью,
Что мы с деревней заодно,
Мы помним всё, мы с вами вместе,
За вас стоим давным-давно.

Слова найти бы задушевней,
Чтоб услышал их весь народ:
Пусть веряг пахари в деревне,
Что время пахаря придет!

Что их страданья, их невзгоды
Страданьем стали и для нас,
Что близится весна народа —
Не за горами этот час!

1930

573. СЫН-АГИТАТОР

Ксендз, будучи в деревне нашей,
Ругательски ругал меня.
Сказал он, что твой сын, мамаша,
Достоин адского огня.

Посыпались проклятья градом:
«Смутьян, наглец, безбожник, бор!»
Всем без изъятья демократам
Он вынес грозный приговор.

А сын своих не прячет мнений,
Он повторяет вновь и вновь,
Что надо разделить именья
И в шею выгнать всех панов.

Не надо, матушка, унынья,
Что сын по-прежнему поет.
Пускай грозит петля, но ныне
За бедных жизнь он отдаст.

1930

574. ПРИЗЫВ К МОБИЛИЗАЦИИ ПОЭТОВ

Слышал я, как поэты говорят:
«Люблю я, дескать, пролетариат.
Да здравствует эстетика труда,
Машины, трубы, провода,
Конструкции турбин и домен.
По вечерам и там и тут
Готов я любоваться черным дымом,
Приятно поглядеть, как по домам
Расходится рабочий люд.
Шаг этих толп однообразных —
Ведь это музыка, ведь это суший праздник!»

Другой поэт высказывался так:
«Ах, я влюблен в рабочего простого,
Изнеможенного, худого.
Ведь жизнь такого горемыки
Заманчивый сюжетец для поэмы».

Безмозглые романтики!
Вы слепы, глухи, немые.
Прислушайтесь к штормам Атлантики,
К проклятьям безработных иммигрантов.
Длинноволосые! В элегиях унылых
О бедном брате льющие слезу,
Поющие красиво о машинах!
Кто дифирамб машинам лепетал,
Тем самым славил капитал.

Нет!
Необходим другой поэт
Отважной Армии Труда.

Мы объявляем, что мобилизован навсегда
 Любой,
 Способный выйти в бой,
 Способный молот взять или топор,
 Нести плакат иль знамя.
 Способный дать отпор
 Реакции — вперед, за нами!
 Пора давно настала.
 Планета на два стана раскололась.
 Возвысьте голос
 Против капитала!
 Не надо добряков слезоточивых,
 Не надо междометий «ох» и «ах»,
 Гоните к черту страх!
 Мы слышим в демонстрациях рабочего
 Поэзию иного рода.
 Трах-та-ра-рах!

1930

575. МЫ ГОВОРИМ О ПОТОПЕ

Когда поток голодных заливаает Манхеттен.
 Стонет Азия
 И далекий Сидней,
 Пухнет с голодухи Германия,
 И толпы, толпы, толпы безработных
 В Чикаго,
 Гамбурге,
 Ливерпуле,
 Шанхае —

Мы говорим о потопе.
 Безработица и голод на всех континентах:
 Безыменные,
 Без родины,
 Без движимого и недвижимого,
 Бредущие из страны в страну
 В поисках нового Эльдорадо,
 Эти люди готовы
 Вброд перейти океан,
 Перевалить через горные кряжи,

Доползти до Северного или Южного полюса, —
Дайте им хлеба.

Глаза их тусклы и печальны, —
На Западе нет молочных рек
И кисельных берегов,
Только полные биржи труда.
Бродят по улицам, площадям и докам,
Ходят с опущенной головой,
Повесив на живот фанерную дощечку:
«За полдоллара готов на круглосуточный труд».
И так

 в Чикаго,
 Гамбурге,
 Ливерпуле,
 Шанхае.

Мы
Говорим о потопе
Буквально:
Это реальность!
Поймите,
Не будьте детьми!

Когда поток голодных заливаает Манхеттен
И капиталисты готовятся,
Разглагольствуя о родине и нации,
Дубинками и газом
Калечить и бить безработных —
Мир еще ближе
К потопу.
Необходимо соединить усилия
Для нового мирового потопа!

Помним рассказ матерей
В сумерках, за печкой,
Пока не уснешь:
«Сорок дней
И сорок ночей
Лил дождь...»
Знаем легенду о погибших народах,
О Ноевом ковчеге,
Хаме,

О чистых и нечистых —
Но здесь говорим одно:
Ты, избранная раса,
Для которой потом и кровью
Рабочий добывает богатство,
Вы, министры и банкиры,
Предписывающие простому человеку
Веселить вас,
Украшать вам жизнь,
Вы, набившие золотом банки,
Кричите,
Пишете,
Проповедуете христианское смирение —
Блаженны, дескать, неимущие, —
А сами мастерите
Несгораемые сейфы и каменные подвалы.
Это для вас мы, простые каменщики,
Возводили каменные, мраморные, стеклянные дворцы,
Разбили для вас парки и сады.
Это для вас
У Ганга и Нила
И в Иерусалимских садах
Черные, красные, желтые, белые руки
Срывают сладчайшие плоды.
Есть у них рубище и черствая корка.
Вам — 99 процентов,
Нам — один.
Всё служит вам:
Религия, государство и параграфы законов.
Старая сказка, жестокая сказка:
Один работает, другой — ест.

Рупора орут о том,
Сколько миллиардов
У Моргана, Рокфеллера, Форда,
Сколько унаследовал господин Шмидт,
Сколько тысяч заплатила мисс Эдди
За зонтик и белую собачонку,
Сколько стоила тросточка мистера Джекки,
Сына миллионера, —
И тут же слышим
Из других рупоров,

Сколько сокращено рабочих
На фабриках, на верфях и в шахтах.

Слышим:

«Безработными заполнены улицы

В Чикаго,

Гамбурге,

Ливерпуле,

Шанхае.

Столкновение в Нью-Йорке,

Полиция не смогла сдержать разъяренной

толпы,

100 раненых, 5 убитых. . .»

Громче, шире, вольней гудит океан.

Слишком много расплодилось тунеядцев,

Слишком много на земле нужды,

Нестерпимо ярмо эксплуатации.

Так же было при фараоне Хеопсе,

При Навуходоносоре,

Но мы —

Переделаем мир!

Избранные знатных пород,

Капиталисты, плантаторы, банкиры

И прочий буржуазный сброд,

Стройте ковчег,

Впустите избранных тварей по паре,

Но предупреждаю:

До Арарата вам не доплыть!

Не принесет вам голубь

Оливковую ветвь!

Нет!

1931

576. С ТОБОЙ МИЛЛИОНЫ

Сбираются тучи. Дожди наплывают в долины.

Поющие птицы ныряют в пучину рассвета.

И снова разведрилось. Ясные ночи не длинны.

И годы, как спелые ягоды, сыплются с веток.

Пройди по земле — от тебя она горя не прячет,

И хлеб и нужда повсеместно верны миллионам.

Родится ребенок, взрослеет, смеется и плачет —
Он малая капля в живом океане соленом.

Ты под вечер выйдешь, трудом и заботой измучен,
Приникнешь губами к реке, утолишь свою жажду —
Вот так миллионы у водных прохладных излучин
Свой лоб освежают, с усталостью борется каждый.

Ты женщину встретишь в саду иль на улице где-то —
Любовь зарождается музыкой смутной и странной.
Индус или негр одинаково чувствуют это,
Одним она — радость, другим — как смертельная рана.

Рожает ли женщина — в ту же секунду на свете
Таких матерей, как она, миллионы. И в ту же секунду
Приходят на землю для горя и радости дети.
И в каждой лачуге надежда затеплилась скудно.

Ты спишь под кустом, под мостом прикорнул,
И жесткие камни кладешь ты себе в изголовье,
Так с голодом борются, в холоде спят миллионы.
Товарищи-братья, вы связаны горем и кровью.

Ты выброшен с фабрики. Ранним гудком не разбужен,
Ты бродишь по городу, нищий, голодный, бездомный.
Таких же, как ты, миллионы, и с ними ты дружен.
Вам не за что взяться и не на что жить вам — запомни!

Ты в плотных рядах демонстрантов, под знаменем алым.
Китайцы, японцы и негры шагают с тобою.
Рабочие мира идут по фабричным кварталам —
С тобой, за тобой, пред тобой миллионы, готовые к бою!

Поэт А. Рукас родился 10 сентября 1907 года в Шяуляе. В 1927 году окончил учительскую семинарию и несколько лет был учителем начальной школы. В 1933—1939 годах учился в Каунасском университете, работал журналистом, а позднее был актером в Вильнюсском театре «Вайдила». Умер 21 июля 1967 года.

А. Рукас публиковался в изданиях демократического направления, был оппозиционно и критически настроен к существующему буржуазному режиму, сочувствовал человеку труда. Издал сборники стихов «Строфы» (1938), а в эмиграции «Башни, любовь и быт» (1951) и поэму «Путь моего народа» (1966).

Стихи А. Рукаса на русский язык переводятся впервые.

577. МЫ ВЫХОДИМ, МИЛЛИОНЫ

Блещет мир полей зеленых,
Топи да болота...
Мы выходим, миллионы,
Как всегда, — работать.

Мы выходим, миллионы!
Труд наш — это праздник.
Пусть свобода нашим склонам
Светит солнцем красным!

Мы выходим, миллионы —
Пусть земля проснется!
В мир своих полей зеленых
Принесем мы солнце!

Между 1935 и 1938

578. ЗАКАТЫ СОЛНЦА

В лучах заката неземных
Страданья духа отразились,
Земная боль трепещет в них.
И с перепутья, где скрестились
Суровых наших дней пути,
Как нам в грядущее идти?

Ржаное поле плачет,
И всхлипывает луг,
Рыданьем лес охвачен,
И осень хищная вокруг
Костлявые ручищи тянет,
Аукает и душу ранит. . .

И в ветровом протяжном свисте,
Что рвется с четырех сторон,
Дрожит последний листик
И, погружаясь в долгий сон,
Кружится желтых листьев стая,
Печалью дали застилая.

Между 1935 и 1938

579. СОГНУТОЕ ДЕРЕВО

Северные ветры
дуют — не спасешься.
Дерево, ответь мне,
почему ты гнешься?

Как мне не сгибаться:
страшный вихрь опасен.
Пали — не подняться —
рядом дуб и ясень.

Дуб и ясень рядом,
как легли, не встали.
И других согнули,
ветви им связали.

ветры гнут, ломают,
на леса густые
ветры налетают».

За деревья снова
я волнуюсь очень,
их судьбой суровой
тяжко озабочен.

Между 1935 и 1938

Поэт Ю. Круминас родился 6 июля 1914 года на хуторе Палиония (теперь Ширвинтский район). Учился в гимназиях Укмярге и Каунаса, в Каунасском университете, занимался журналистикой и переводами. Умер 1 июня 1951 года.

Ю. Круминас печатался главным образом в прогрессивных изданиях. Протест против социальной несправедливости, изображение тяжелой доли человека из народа — преобладающие мотивы его лирики. Ю. Круминас издал сборники стихов «Эксперименты» (вместе с Д. Шумпутисом, 1939), «Искры в ночи» (1940). В эмиграции — сборник стихов «Корабль возвращения» (1946).

Стихи Ю. Круминаса на русский язык переводятся впервые.

580. ЛЕСОПИЛЬНЯ В ЛЕСУ МОЕГО ОТЦА

Как печально сосны мне шумели,
Осыпали ясени росу...
Кто поймет дремучий говор ели,
Леса заповедную красу?

Лес, мой лес, посеянный ветрами,
Солнцем зацелованный стократ,
Всласть омытый росными утрами, —
Каждой нашей встрече был я рад.

Если б мой отец владел тобою,
Ты бы не звенел, не шелестел, —
Ветер вместе с тучей грозовой
В лесопильне у него б гремел.

Помнишь, леса тайною объаты,
В озаренье чувства своего,
Мы с тобой, любимая, когда-то
Издали смотрели на него?

На сосну взглянув, ты мне сказала:
«Про любовь нам шелестит она. . .»
А отец сказал бы, как бывало:
«Десять мне досок дала б она».

Между 1936 и 1940

581

Может быть, оттого, что вполголоса песен
Мать не пела, склоняясь над зыбкой,
Стал теперь для меня мир печален и тесен
И не радует детской улыбкой.

А ведь было, — шумели веселые клены,
Вербы возле гумна расцветали.
Где же вы затерялись, зеленые склоны?
Что так мрачны угрюмые дали?

Ветер мчался над полем. Река гнала волны.
Вход железный тюрьма закрывала.
Заключенный сидел в каземате безмолвном
Ждал спасенья от страшного шквала.

Но не сломлено сердце, стучит ретивое,
Не страшна мне решетка глухая,
Пусть горит в беспокойных ночах надо мною
Взор деревни, что слез не скрывает.

Будет в песнях тоска вековечная скрыта,
Горек хлеб от соленого пота,
Но деревня моя с головой непокрытой
Пред зарею откроет ворота!

Между 1936 и 1940

Прислушайся — в ночи бушует ветер,
 В тиши звучит так странно этот шум.
 Сумеет ли постичь, поймет ли кто на свете
 Единство нас с тобой сроднивших дум?

Уставились нам в спину злые взгляды,
 И грубость рук нам будет сердце рвать.
 И может, в час тревог единственного надо
 Нам — тишины, спокойствия опять.

И кто поймет стремленье сердца к сердцу,
 Которое мы свято бережем,
 Тьме не подвластную любовь единоверцев,
 Что озаряет нас своим огнем.

И нашу песню, что с нуждою спорит,
 С крошечной мглой на правый бой ведет,
 Чтоб сбросить навсегда, сломить преграды горя,
 От сердца к сердцу кинуть клич — вперед!

Бушует в душах пусть свободы ветер,
 Пусть ночи от его шагов звенят,
 Открыв для всех людей большие чувства эти,
 Что всем, не только нам, добро творят.

Между 1936 и 1940

Ходит долом лето. Все поля в цветенье.
 Чу, запели косы песню погребенья.

Тки узор, сестрица, быстрыми перстами.
 Рано или поздно ясный день настанет.

Не горюй, что руту срежет холод вскоре.
 Косы твоих братьев уничтожат горе!

Между 1936 и 1940

А тучи высоко в дали небесной!
 А тучи из шелков прозрачно-белых!
 Зачем люблю я землю, словно песню,
 Когда вокруг печали нет предела?

Бегут, как струны, борозды прямые.
 Мне кажется, по ним отец шагает.
 Летят из горсти зерна золотые,
 Зеленые ростки приподнимают.

Хотел бы приласкать тяжелый колос,
 Овсу хотел бы низко поклониться.
 Когда щемит мне душу горя голос,
 И мне бы хорошо взрасти пшеницей.

И мне бы хорошо услышать шорох,
 Когда коса созревший стебель режет.
 О, если б жизни, что ютится в норах,
 Сумел вернуть я молодость и свежесть!

Между 1936 и 1940

Льет дождь. Ты смотришь, как на окнах
 Обильный проступает пот.
 И стынет грудь от брызг холодных,
 Разбившихся о переплет.

Как взгляд твой мрачен. Как печален!
 Красив, хотя и полон слез.
 Так клен взирает вдоль прогалин
 На стайку пеструю берез.

Дождь припускает с силой новой.
 И небо всё мрачней — увь! —
 И для тебя, и для кленовой,
 И для березовой листвы.

И как надменность сходит с клена,
Так ты теряешь гордый вид.
А на березовые кроны
Всё тот же самый дождь летит.

Об этой гордости жалея,
Теперь себя жалеешь ты.
Но не становится светлее:
Дождь льет на крыши, на мосты.

И так всегда смотреть из комнат
На дождь ты будешь. Всё грустней.
И на ресницах капли дрогнут —
Дождинки слабости твоей.

Между 1936 и 1940

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборник «Литовские поэты XX века» хронологически продолжает изданный в этой же серии сборник «Литовские поэты XIX века» (М.—Л., 1962). Цель настоящего сборника — познакомить русского читателя с развитием литовской поэзии в первой половине XX века, с наиболее характерными ее представителями и лучшими образцами их творчества.

В сборник включены только те поэты, которые оставили заметный след в литовской поэзии и уже закончили свой творческий и жизненный путь. Такой принцип составления сборника, разумеется, несколько ограничивает его полноту и оставляет за его рамками некоторых поэтов, внесших определенный вклад в литовскую поэзию первой половины XX века и до сих пор плодотворно работающих. Однако и настоящий состав сборника достаточно полно отражает все существовавшие направления, школы и течения в литовской поэзии этого периода, дает рельефную картину сложного и противоречивого процесса ее развития.

В сборник включены произведения, написанные до 1940 г., т. е. до вступления Литвы в состав Советского Союза. Эти хронологические рамки нарушаются лишь в отдельных случаях, когда творчество советского периода того или иного поэта было очень непродолжительно (например, творчество Л. Гиры и И. Шимкуса).

Материал в сборнике расположен в хронологическом порядке, но хронологический принцип не абсолютизируется: основным отправным пунктом является не только дата рождения, но иногда и время вступления в литературу. Поэты в данных хронологических рамках сгруппированы по представляемым ими направлениям и течениям. Так что небольшие отклонения от хронологии неизбежны, хотя сам принцип является основополагающим. Это позволяет наглядно показать самый процесс развития и реальное место каждого поэта в большом поэтическом хоре своего времени.

Внутри разделов стихотворения расположены в хронологической последовательности; если известны авторские даты или они могут быть установлены по косвенным данным, то они ставятся под текстом без скобок, если авторских дат нет, то тексты датируются по первым публикациям или по выходным данным отдельных сборников (эти даты заключаются в угловые скобки); в тех случаях, когда даты написания стихотворений не установлены, а датировка по выходным

данным сборников не дает правильного представления о реальной хронологии, стихотворения не датируются, а даются в том порядке, в каком расположены самими авторами в изданных при их жизни сборниках. Эти редкие случаи оговорены в примечаниях.

В основу переводов положены последние прижизненные издания книг поэтов или собрания сочинений, изданные уже посмертно. Все стихотворения помещены без каких-либо сокращений; в избранном составе и отрывках представлены только поэтические циклы и поэмы. Впервые на русском языке так широко представлена литовская поэзия первой половины XX века. Стихотворения многих поэтов на русский язык до сих пор не переводились. Более половины переводов сделаны специально для настоящего сборника, а уже существующие переводы во многих случаях заново пересмотрены и отредактированы.

В примечаниях в первую очередь объясняются реалии: исторические факты, имена, названия местностей, национальная атрибутика и т. д. Если реалии фигурируют в тексте неоднократно, пояснение дается в примечаниях при первом упоминании их и без последующих отсылок. Пунктуация у отдельных поэтов (например, у Б. Сруоги), отличающаяся некоторыми отступлениями от общепринятых норм, приведена в соответствие с современными правилами пунктуации русского языка.

Всем организациям и лицам, оказавшим помощь в издании настоящего сборника, приносим благодарность.

СТИХОТВОРЕНИЯ

АДОМАС ЯЕШТАС

2. *Жемайтийцы* — жители Жемайтни, исторически сформировавшейся западной части Литвы.

6. *Тартар* — в древнегреческой мифологии бездна в недрах земли, куда Зевс заключал низвергнутых титанов; царство умерших или самая глубокая его часть.

МОТЕЮС ГУСТАЙТИС

7. *Пенсильвания* — штат на северо-востоке США. В угольных шахтах Пенсильвании работали многие литовцы-эмигранты. *Нерис*, *Шяшупе* — притоки Немана. *Нямунас* — Неман.

8. Стихотворение посвящено жертвам первой мировой войны и выражает антивоенные взгляды поэта.

9. Стихотворение является откликом на Февральскую революцию в России. *Лаокоон* (греч. миф.) — троянский жрец бога Аполлона. Лаокоон с двумя сыновьями был задушен змеями по повелению богов за то, что против их воли пытался спасти Троию — помешать троянцам втащить в город деревянного коня, в котором скрывались греческие герои.

ЙОНАС ЖИЛЮС

13. *Валахия* — историческое название территории между Карпатами и Дунаем на юге Румынии.

МИКАЛОЮС ДАРЦЕЛИС

19. В балладе использован широко распространенный мотив литовского фольклора. *Кястулис* (? — 1382) — литовский князь, легендарный полководец, организатор борьбы против тевтонского ордена крестоносцев, военной организации немецкого рыцарства, возникшей в эпоху крестовых походов. Этот орден в 1230 г. начал кровавые походы на земли древних пруссов, а позже и литовцев. Полный разгром крестоносцы потерпели во время Грюнвальдской битвы в 1410 г. от объединенных литовских, польских и русских войск.

ЙОНАС БНЛЮНАС

28. *Швянтойи* — правый приток Нерис. На берегу реки Швянтойи стояла родная деревня Й. Билкнаса.

ЙОВАРАС

32. *Дубиса* — правый приток Немана ниже Каунаса.

35. В стихотворении отражены настроения поэта в связи с начавшейся революцией 1905—1907 гг.

38. Через аллегорический образ березки (березка по-литовски мужского рода) поэт выразил глубокую печаль в связи с начавшейся реакцией после подавления революции 1905—1907 гг. и вместе с тем твердое убеждение, что революция победит.

ВАНДА ДИДЖЮШТЕ

45. Стихотворение было напечатано в 1913 г. в литовской рабочей газете правдистского направления «Вильнис» («Волна») и отражало новый подъем революционного движения.

ЛЮДАС ГИРА

47. *«Кампе тупи, кампе тупи»* (буквально: «Торчит в углу, торчит в углу») — идиоматическое выражение, основанное на звукоподражании (имитация ритма), когда вчетвером обмолачивают хлеб цепами.

49. *Край один в Литве я знаю.* Имеется в виду Дзукия, южная часть Литвы. В оригинале стихотворение написано на дзукском диалекте.

52. *Руга* — садовый цветок, воспетый в народных песнях, символ девичьей чистоты

56. *Демядис* — садовое растение, в народных песнях упоминается как образ красоты, живучести.

58. *Канкли* — литовский народный струнный инструмент.

59. В оригинале — три березы (береза на литовском языке мужского рода).

62. *Анапилс* — царство умерших. Это название, якобы основанное на данных древнелитовской мифологии, придумано историком Т. Нарбутом в первой половине XIX в.

71. Стихотворение стало любимой песней бойцов литовского соединения Советской Армии.

КЛЕОФАС ЮРГЯЛОНИС

72. *Праамжюс* — имя бога, вымышленное историком Т. Нарбутом и якобы основанное на данных древнелитовской мифологии.

ЭДУНДАС СТИПОНАЙТИС

79. *Диана* (римск. миф.) — богиня, покровительница охоты; отождествлялась с греческой Артемидой.

80. *Тремоло* — музыкальный прием, очень быстрое и последовательное повторение одного или нескольких звуков. *Дольче* — музыкальный термин, обозначающий нежную, мягкую игру.

81. *Эол* (греч. миф.) — владыка ветров; струны его арфы звучали при дуновении ветра.

ЗИГМАС РЕЛЕ

90. *Эльфы* (греч. миф.) — духи природы, населяющие воздух, землю, горы, леса и жилища людей.

ЮЛИОС ЯКОБИС

100. *Весталка* — жрица богини Весты, обязанностью ее было поддерживать вечный огонь в храме.

116. Написано Ю. Якобисом после того, как в Шяуляе он ближе соприкоснулся с жизнью и революционной борьбой пролетариата. Стихотворение было напечатано в литовской рабочей газете правдистского направления «Вильнис» («Волна»).

123. Предполагается, что это стихотворение — фрагмент из задуманного поэтом большого стихотворения или поэмы. Тематически

оно связано с неоконченным стихотворением «Вставь, Россия!». В русском переводе оба стихотворения печатались как фрагменты одного произведения.

127. Вся Литва осенью 1915 г. была оккупирована кайзеровскими войсками. Около двухсот тысяч беженцев войны из Литвы хлынули в глубь России.

129. *Клумбы* (лит.) — обувь на деревянной подошве.

125, 130, 134, 135. Все эти стихотворения (вместе с некоторыми другими) — из задуманного поэтом, но до конца не осуществленного цикла «Дни детства». Всего написано восемь стихотворений. Мысль создать такой цикл у поэта возникла в начале 1916 г., хотя некоторые стихотворения цикла написаны еще в конце 1914 или в начале 1915 г.

132, 133. Стихотворения написаны на русском языке. Кроме этих стихотворений Ю. Янонис по-русски еще написал два стихотворения из цикла «Жизнь» и «Автобиографический рассказ» (известен только небольшой отрывок).

145. Предсмертное стихотворение поэта. Адресовано Юсте Рудзинскайте, любимой девушке, с которой он познакомился еще в Шяуляе.

ВЛАДАС РЯКАШЮС

148, 149. Оба стихотворения были напечатаны в подпольном листке «Жемайтис комунистас» («Жемайтский коммунист», 1919, № 1), редактором которого и был В. Рякашюс. Поэт выразил думы и чаяния загнанных в подполье или тюрьмы революционеров, воспел бойцов революции 1918—1919 гг. в Литве, павших от террора буржуазных националистов.

АРТУРАС РЯГРАТИС

151. Стихотворение написано под влиянием стихотворения Ю. Янониса «Песня батрака».

152. Союз литовских пролетарских писателей и поэтов имени Ю. Янониса был основан в 1921 г. в Москве. Одним из создателей и руководителей был и А. Рягратис.

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

Стихотворения Ю. Балтрушайтиса не датированы. Они расположены в том порядке, в котором напечатаны самим автором. В своей автобиографии, написанной в 1914 г., поэт утверждал, что пишет и литовские стихотворения, но первое его литовское стихотворение появилось в печати лишь в конце 1927 г. Библиографический журнал «Книгос» («Книги», 1922, № 1) сообщил о подготовленном для печати сборнике литовских стихотворений Ю. Балтрушайтиса «Там, где

вечный огонь», но сборник так и не вышел. В 1930 г. в интервью с корреспондентом журнала «Науяс жодис» («Новое слово», № 10) уже сам поэт говорил о подготовленной им книге литовских стихотворений, по первую такую книгу — «Венок из слез» — он прислал в издательство лишь летом 1940 г. из Парижа. Над литовскими стихами он очень интенсивно работал в последние годы жизни, находясь в оккупированном гитлеровцами Париже и в злача скромное, а временами и голодное существование.

160. *Серяджюс* — маленький городок на правом берегу Немана, западнее Каунаса. *Алитус* — город на левом берегу Немана.

166. Одно из первых литовских стихотворений Ю. Балтрушайтиса, опубликованное в 1929 г. *Ноша смертная Христова*. Согласно Евангелию, Христос нес на гору Голгофу, к месту своей казни, деревянный крест.

187. Отрывок из предисловия к поэме «Пыль и звезды» (всего в предисловии двенадцать строф). Некоторые фрагменты из предисловия впервые были напечатаны в журнале «Раштай» (1943, № 3). Сама поэма, видимо, не была написана.

АДОМАС ЛАСТАС

201. В стихотворении отразились чувства и мысли поэта, вызванные Февральской революцией.

ИНТРАС ВАЙЧЮНАС

207. В стихотворении, написанном во время первой мировой войны, поэт выразил чаяния беженцев войны — литовцев, оторванных войной от родного края. Стихотворение стало популярной народной песней.

224. *Месса* — католическая обедня.

226. *Полова* — отходы при обмолоте и очистке зерна; мякина.

ФАУСТАС КИРША

233. В стихотворении отразились чувства поэта во время первой мировой войны.

237. *Сутартине* — вид литовской народной песни, имеющей полифонический характер (отдельные мелодии объединяются способом контрапункта).

БАЛИС СРУОГА

Большинство стихотворений Б. Сруоги не датировано, но они написаны в период 1915—1920 гг. Они расположены в том порядке, как их расположил сам поэт при жизни в своих сборниках.

254. *Вирбалис* — пограничный городок Литвы с Восточной Пруссией.

258. *Радаста* — садовый цветок, упоминаемый в народных песнях.

272. Написано в Мюнхене, где Б. Сруога учился в университете. *Атлант* (греч. миф.) — титан, по приказу Зевса держащий на голове и руках небесный свод.

ВПЩАС МПКОЛАЙТИС-ПУТНАС

279. *Rex* (лат.) — король, владыка.

293. *Гетера* — у древних греков жепщина, ведущая свободный образ жизни.

299. *Иисус придорожный* — кресты с изображением Христа, деревянная народная скульптура, по-литовски — рупнишоелис.

ВУТКУ ЮЗЕ

312—316. В стихотворениях нашли отклик революционные события 1917—1919 гг. в России и в Литве.

КАЗИС БИНКИС

329. *Рядно* — толстый холст из грубой льняной ткани.

333. *Клуня* (обл.) — сарай.

336—342. В оригинале цикл триолетов имеет название «Уты» (ута по-японски — песня). К. Бинкис один из первых мастерски использовал форму триолета в литовской поэзии.

346. *Вернувшись в каменные виллы, ложатся спать аристократки.* Окрестности Тиргартена (зоопарка) считались аристократическим районом Берлина.

348. *Нас два с половиной миллиона* — численность тогдашнего населения Литвы. *Труба Иерихона.* В Библии упоминается город Иерихон, стены которого обвалились от боевых труб израильтян.

349. *В грохоте дермовозовой канонады.* В ту пору нечистоты из города вывозили в бочках. *Вавилонская башня* — башня в столице Вавилонского царства. По библейскому сказанию, люди после мирового потопа пытались построить башню «вышнюю до небес», но разгневанный бог смешал им языки и рассеял их по всей земле.

351. *De jure* (лат.) — по праву, юридически.

ЮОАС ТИСЛИВА

367. *Лит* (литас) — денежная единица в буржуазной Литве, сто центов.

368. *Осанна* — молитвенный возглас древних евреев и христиан. *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — последняя царица Египта из династии Птоломеев

371. *Плеяды* — название звездного скопления в созвездии Тельца.

373. *Лйго* — рефрен праздничных песен, название праздника Ивана Купалы.

АНДРИОС ДАБУЛЯВИЧИОС

380. Автор использовал интонацию и некоторые образы стихотворения С. Есенина «Письмо к матери». *Как тогда, в девятнадцатом*. В 1918—1919 гг. в Литве происходила пролетарская революция, на большей части территории республики была установлена советская власть.

382. После фашистского переворота в Литве были казнены четыре руководящих деятеля Компартии Литвы: К. Пожела, Ю. Грейфенбергерис, К. Гедрис, Р. Чарнас (27 декабря 1926 г.).

АЛЕКСАНДРА МЯРКИТЕ

384. Стихотворение было посвящено выходу первого номера литовского коммунистического общественно-литературного журнала «Кибиркшис» («Искра»).

386. Поэтесса несколько лет работала в Советской Белоруссии, которую по праву считала своей второй родиной.

БРОНИОС ПРАНКУС-ЖАЛПОВИОС

390. *Ай-Петри, Аю-Даг* — горные вершины в Крыму, у побережья Черного моря. *Как перед Мицкевичем сосланным*. Великий польский поэт А. Мицкевич (1798—1855), сосланный в глубь России за активное участие в патриотической организации молодежи — филлятов, был отправлен затем в 1825 г. на службу в Крым. В 1826 г. в России были изданы его «Крымские сонеты». *Шанчжай* — рабочая окраина Каунаса. *Сувалкия* — западная часть Литвы, находящаяся за Неманом. *Варкалис* Пятрас (1893—1921) — руководитель подпольной коммунистической организации в Куишкисе. Как бывшему военному, в 1920 г., во время наступления Красной Армии на Варшаву, партия поручила ему руководить вооруженным выступлением в своем округе. Восстание тогда не состоялось, но в распоряжении Варкалиса остался небольшой склад оружия. При обыске он был обнаружен, и это послужило поводом для расправы буржуазии с поэтом: он был в 1921 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. Б. Пранкус-

Жалюнис действительно сидел с ним в одной камере Каунасской тюрьмы. *Ливадия* — поселок в Крыму, недалеко от Ялты, бывшее царское имение, после революции превращено в курорт для трудящихся.

АЛЕКСАС ИСУТИС

401. Стихотворение написано в Испании, где поэт сражался в рядах интернациональных бригад. Впервые оно опубликовано в 1938 г. уже после гибели поэта в горах Арагона. На русский язык переведено с некоторыми сокращениями.

ПЯТРАС КАРУЖА

407. В стихотворении отразились критические настроения поэта, вызванные резкими социальными контрастами в буржуазной Литве, отрывом правящих кругов от народа. Такие настроения были свойственны и поэтам (в том числе и П. Каруже), которые отнюдь не находились в оппозиции к господствующему режиму.

ВИТАУТАС МОНТВИЛА

428. *Стоморговцы*. Морг — мера земли, около полугектара; здесь в значении — сельские богатей.

443. Первый вариант произведения был опубликован в 1926 г. в издании коммунистического направления «Мусу скардас» («Наше эхо»). В 1940 г. поэт существенно переработал свое произведение, и в наст. изд. печатается второй вариант. *На электрическом стуле умрет*. Буржуазная охранка Литвы, когда у власти находились партии блока христианских демократов (1920—1926), пыталась заключенных революционеров электричеством.

ЛЕОНАС СКАБЕЙКА

446. Образ черного ангела, возможно, навеян стихотворением В. Миколайтиса-Путинаса «Черный ангел».

447. Л. Скабейка вместе с А. Венцловой под этим же названием «Зеленые вихри» собирались в 1927—1928 гг. выпустить литературный журнал и учредить книгоиздательство. Но этот замысел не осуществился, были изданы только сборники стихов обоих поэтов с эмблемой «Зеленый вихрь».

454. Стихотворение впервые опубликовано в прогрессивном журнале «Культура» и в творческом пути поэта знаменовало существенный поворот влево. По своим идейно-художественным особенностям оно приближалось к тому типу гражданской лирики, который культивировали поэты, сгруппировавшиеся вокруг антифашистского журнала «Тряхые фронтас» («Третий фронт»). *Лоэнгрин* — герой оперы Р. Вагнера (1813—1883) «Лоэнгрин». *Карузо Э.* (1873—1921) — выдающийся итальянский певец, драматический тенор.

468. Стихотворение посвящено памяти четырех видных деятелей Компартии Литвы, см. примеч. к № 382.

481. Стихотворение направлено против критиков из буржуазного лагеря, укорявших поэтессу за революционный дух ее стихотворений.

486. *Су* — французская довоенная монета достоинством в 5 сантимов.

490. *Йонас* — герой многих литовских сказок. *Эгле* — героиня известной сказки «Эгле — королева ужей».

491. *Ширвинта* — речка в родных местах поэтессы, приток Шляшупе.

496. Под заглавием «Дикие яблони» поэтесса намеревалась издать сборник стихотворений, написанных в период 1939—1940 гг. Так же назван отдел в «Избранном» (1941), объединяющий произведения этих лет. В этом стихотворении, равно как и в стихотворениях «Ветер новых дней», «Героика», «Любовь к родине», отразилась раздумья поэтессы, вызванные начавшейся второй мировой войной.

500—502. Цикл составлен из 6 стихотворений. Впервые он был целиком опубликован в 1940 г.

КАЗИС БОРУТА

Стихотворения К. Борута не датированы. Они написаны на протяжении 1921—1939 гг. Располагаются они в том же порядке, какой установил сам автор в книге избранной поэзии «Проложенная борозда» (1964).

511. В стихотворении нашли отклик события 1927 г.: группа лиц из социал-демократов, эсеров и либеральной партии ляудиников организовала в Таураге восстание против фашистского режима в Литве. Восстание было жестоко подавлено. *Жагаре* — городок на северо-западе Литвы. *Таураге* — город западной Литвы. *Тевтоны* — крестоносцы; см. примеч. 19.

522. Стихотворение было впервые напечатано в антифашистском журнале «Тряяс фронтас» («Третий фронт») в 1930 г. К. Борута был одним из активнейших сторонников сотрудничества всех левых писателей и художников Прибалтики.

524. *Потоплена в эле жестоком*. Имеется в виду фашистский режим в Литве.

525. В 1927 г. К. Борута за антифашистскую деятельность был выслан из Литвы и жил как политический эмигрант в Латвии, Австрии, Германии. В Литву вернулся в 1931 г.

527. Стихотворение открывало сборник поэта «Хлеб насущный» (1934), изданный друзьями в то время, когда он сам находился в заключении за антифашистскую деятельность.

534. *Викинги* — древнескандинавские мореплаватели, сочетавшие разбой с торговлей.

ТЕОФИЛИС ТИЛЬВИТИС

538. *Таурагнай* — местечко в восточной части Литвы, недалеко от родной деревни поэта. *Варлине* — название местности; место, где много лягушек (варле на литовском языке — лягушка), заболоченное поле. *Утена* — районный центр в восточной части Литвы; здесь некогда время учился поэт, отсюда недалеко и его родная деревня. *Лит* — литас, см. примеч. 367. *Витовт* (Витаутас) — великий князь Литвы (ум. 1430), при котором литовское феодальное государство достигло наибольшего могущества. *Храм Перкунаса* — готический дом в Каунасе, архитектурный памятник XV в. Согласно легенде, на нем стояла статуя Перкунаса (Перуна). *Знатный дом иезуитов* — здание бывшей коллегии (школы) иезуитов, основанной в 1642 г. С начала XIX в. в этом здании была уездная школа, в которой в 1819—1823 годах преподавал А. Мицкевич. *Мицкевича хатенка* — домик на улице А. Мицкевича, в те времена принадлежавший к фольварку Картофлишки, собственности С. Добровольского, руководителя уездной школы; здесь часто гостил А. Мицкевич, а жил он в самом здании школы (т. е. в бывшей иезуитской коллегии). *«Дядьки»* — драматическая поэма А. Мицкевича, вторую и четвертую части которой поэт написал в Каунасе. *На горе Наполеона*. На левом берегу Немана находится гора Наполеона. По свидетельству современников, с этой горы он наблюдал, как по понтонным мостам через Неман переправляется его армия. *Шанчляй* — рабочий пригород Каунаса. *«Банан»* — полицейская дубинка. *Встречают гибель коммунары вчетвером*. Имеется в виду расстрел буржуазными властями четырех деятелей Компартии Литвы после переворота 1926 г. *Плунге, Ретави, Гарлява* — небольшие города Литвы, здесь — символ захолустья, провинции. *Бисмарк* (1815—1898) — германский государственный деятель. *Прозит* (prosit — лат.) — на здоровье; приветствие при вышивке. *Зулусский президент* — здесь ироническая метафора, обличающая чванство и высокомерие «золотой молодежи». *Тет-а-тет* (tête-à-tête — франц.) — свидание, разговор с глазу на глаз, наедине. *Гименей* (греч. миф.) — бог брака, покровитель супружеской любви. *Альма матер* (alma mater — лат.) — дословно: кормящая мать; так в старину студенты называли университет. *Гаудеамус игитур* (gaudeamus igitur — лат.) — давайте веселиться; строка из старинной студенческой песни.

541. *Stille Nacht, heilige Nacht* (нем.) — ночь тихая, ночь святая; строка из немецкой рождественской песни.

ВОНАС ШИЖКУС

544. *Качающееся дерево* — по мысли поэта, литовская буржуазия.

КАЗИС ЯКУБЕНАС

551—559. Цикл стихов направлен против буржуазной власти, но из-за цензурных соображений время действия перенесено в эпоху крепостничества, делаются намеки на восстания 1831 и 1863 гг.

569. В стихотворении отражены настроения поэта в канун второй мировой войны.

ПЯТРАС ЦВЕРКА

575. *Манхеттен* — остров в устье р. Гудзона, центральная часть Нью-Йорка. *Эльдорадо* — в переносном смысле страна богатств, сказочных чудес. *Ноев ковчег*. По библейской легенде, во время всемирного потопа спасся только один праведник Ной с семьей, бог повелел ему построить ковчег и взять с собой для продолжения жизни на земле животных. *Хам* — в библейской мифологии один из сыновей Ноя, за насмешки над своим отцом проклят и осужден богом быть рабом у своих братьев. *Хеопс* — египетский фараон (начало 3-го тысячелетия до н. э.). Имя его связано с сооружением грандиозной пирамиды-усыпальницы. *Навуходоносор* — вавилонский царь (604—562 до н. э.), овладевший Сирией, Финикией и Палестиной.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- 1—2. *Между с. 80 и 81.*
А. Якштас. Фотография. Между 1910 и 1912 г. (?).
М. Густайтис. Фотопортрет. (Из антологии «Судува», 1924).
- 3—4. *На обороте:*
И. Билюнас. Фотография. 1900 г.
Йоварас. Фотография. Между 1910 и 1920 г.
- 5—6. *Между с. 112 и 113.*
Л. Гира. Фотопортрет. 1925 или 1926 г. (Из его «Сочинений», т. 5, 1963).
К. Юргялионис. Фотопортрет. Между 1910 и 1920 г. (Из антологии «Вайникай», 1921).
- 7—8. *На обороте:*
Э. Стяпонайтис. Фотопортрет. Около 1907—1908 гг. (Из его «Сочинений», 1912).
З. Геле. Фотопортрет. Между 1910 и 1912 г. (Из его сборника «Гелинас», 1963).
- 9—10. *Между с. 176 и 177.*
Ю. Янонис. Фотография. 1915 или 1916 г.
А. Рягратис. Фотопортрет. 1914 г. (Из его «Сочинений», 1962).
- 11—12. *На обороте:*
Ю. Балтрушайтис. Фотография. 1929 г.
А. Ластас. Фотография. 1936 г.
- 13—14. *Между с. 208 и 209.*
П. Вайчюнас. Фотография. 1925 г.
Ф. Кирша. Фотография. Между 1937 и 1940 г.
- 15—16. *На обороте:*
Б. Сруога. Фотопортрет. 1946 г. (Из его «Сочинений», т. 1, 1957).
В. Миколайтис-Путинас. Фотопортрет. Между 1934 и 1936 г. (Из архива вдовы поэта).
- 17—18. *Между с. 304 и 305.*
Бутку Юзе. Фотография. Между 1936 и 1938 г.
К. Бинкис. Фотография. 1920 г.

- 19—20. *На обороте:*
Тислява. Фотография. Середина 1930-х гг.
А. Мярките. Фотопортрет. Начало 1930-х гг. (Из ее сборника «Шагающей юности», 1961).
- 21—22. *Между с. 336 и 337.*
Б. Пранкус-Жалионис. Фотография. 1932 г. (Из архива вдовы поэта)
А. Магинкас. Между 1938 и 1940 г. (Из его сборника «Избранное», 1950).
- 23—24. *На обороте:*
П. Каружа. Фотопортрет. Начало 1930-х гг. (Из его сборника «Песни о вещах и людях», 1933).
М. Линкявичюс. Фотография. 1937 или 1938 г.
- 25—26. *Между с. 432—433.*
В. Монвила. Фотография. Начало 1930-х гг.
Л. Скабейка. Фотопортрет. 1924 г. (Из его сборника «На полуночных площадях», 1964).
- 27—28. *На обороте:*
С. Нерс. Фотопортрет. 1935 или 1936 г. (Из антологии «Антриен вайникай», 1936).
К. Борута. Фотография. 1936 г.
- 29—30. *Между с. 464 и 465.*
Т. Тильвитис. Фотопортрет. 1936 г. (Из антологии «Антриен вайникай», 1936).
Й. Шимкус. Фотография. 1931 г.
- 31—32. *На обороте:*
К. Якубенас. Фотография. Между 1936 и 1938 г. (Из архива брата поэта А. Якубенаса).
П. Цвирка. Фотография. 1940 г. (?)

Оригиналы всех фотографий, за исключением тех, которые воспроизведены по литовским изданиям, и особо оговоренных случаев, хранятся в Рукописном отделе библиотеки Института литературы и языка АН Литовской ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Литовская поэзия XX века (1900—1940). Вступительная статья В. Д. Галиниса	5
--	---

АДОМАС ЯКШТАС

Переводы Л. Хаустова

Биографическая справка	51
1. Желание переселенца	52
2. Море в Паланге	52
3. Повезло уже весной	53
4. «Дипломат»	54
5. Сосны	54
6. Доброе утро, море!	55

МОТЕЮС ГУСТАЙТИС

Биографическая справка	56
7. Из цикла «Из Пенсильвании». «Шяшупе, Нямунас, Нерис!..» Перевод П. Жура	56
8. Из цикла «Тернистой тропой». «Шел пахарь в поле, чтоб се- ять горе...» Перевод Б. Кежуна	57
9. Из цикла «Свобода». «Разбита цель рабства и стона...» Перевод А. Чепурова	58
10. На могиле юности. Перевод Н. Брауна	59
11. Решимость. Перевод Н. Брауна	60
12. Тоска. Перевод Н. Брауна	61

ЁНАС ЖИЛЮС

<i>Биографическая справка</i>	63
13. Восхищение. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	63
14. Он уже из шахты вышел... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	64
15. Прощание с родиной. <i>Перевод Н. Брауна</i>	66
16. Тоска. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	66

МИКАЛОЮС ДАГНЛЕЛИС

<i>Биографическая справка</i>	68
17. Вернись, весна. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	68
18. Зима. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	69
19. Кукушка, <i>Баллада. Перевод Б. Кежуна</i>	70

МАРГАЛПС

<i>Биографическая справка</i>	72
20. Из цикла «Весна». «Широк и гол полей простор...» <i>Перевод А. Чепурова</i>	72
21. Осенний вечер. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	73
22. Как душа отдыхает... <i>Элегия. Перевод П. Жура</i>	74
23. Песня. <i>Перевод П. Жура</i>	74
24. «Отброшены Немапа зимние пути...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	75

ЁНАС ВИЛЮНАС

<i>Биографическая справка</i>	77
25. Товарищам. <i>Перевод М. Светлова</i>	77
26. Желание. <i>Перевод М. Светлова</i>	79
27. Надежда. <i>Перевод Р. Винонена</i>	79
28. Отзвуки детства. <i>Перевод Р. Винонена</i>	80
29. В горах. <i>Перевод Р. Винонена</i>	80

ЁОВАРАС

<i>Биографическая справка</i>	82
30. Солнце всё сильней. <i>Перевод П. Жура</i>	83
31. Ты воскресла, природа. <i>Перевод П. Жура</i>	83
32. Расскажи <i>Перевод П. Жура</i>	84
33. Весеннее утро. <i>Перевод Л. Озерова</i>	85
34. Мне нравятся... <i>Перевод Л. Озерова</i>	86

35. Уже светает... Перевод Л. Озерова	87
36. Когда восходит солнце. Песня времен революции 1905 года. Перевод П. Жура	88
37. Бури. Перевод П. Жура	89
38. Березка. Перевод Л. Озерова	89
39. Ты скажи мне, Литва дорогая. Перевод П. Жура	91
40. Тихий вечер. Перевод П. Жура	92
41. Стосковался я по лету. Перевод П. Жура	93

НАНДА ДИДЖЮЛШТЕ

Биографическая справка	94
42. Другу. Перевод В. Звягинцевой	94
43. Долгая, темная ночь... Перевод Л. Младко	95
44. Спи, дитя! Перевод Л. Младко	95
45. Ты не подумай, брат. Перевод В. Звягинцевой	96

ЛЮДАС ГИРА

Биографическая справка	98
46. Кто не найдет самообмана в этом? Перевод К. Азадовского	99
47. Песенка цепов. Перевод Н. Яворской	100
48. Ночью. Перевод Н. Поляковой	100
49. Мой край. Перевод Н. Яворской	101
50. Моя дудочка, ду-ду. Перевод Н. Поляковой	103
51. Не пестрые соколики... Перевод И. Авраменко	103
52. Шагал я полем... Перевод А. Штейнберга	104
53. Где красота снов... Перевод И. Авраменко	105
54. Коси, коса! Перевод Н. Поляковой	105
55. Ой, валит, ломает... Перевод Н. Поляковой	106
56. Песня курганов (Отрывки из поэмы). Перевод И. Григорьева	107
57. Астры. Перевод И. Авраменко	110
58. Здравствуй, вихрь! Перевод Н. Поляковой	111
59. Три дубка. Перевод А. Александровой	112
60. Народ и поэты. Перевод И. Григорьева	113
61. Когда-то. Перевод К. Азадовского	115
62. Литве. Перевод К. Азадовского	117
63. Утро. Перевод И. Авраменко	118
64. Нерис летом. Перевод Н. Брауна	119
65. Нерис вечером. Перевод И. Авраменко	119
66. Гимн труду. Перевод Н. Поляковой	120
67. Красные маки. Перевод Н. Поляковой	121
68. Лето. Перевод М. Комиссаровой	122
69. Суд народа. Перевод М. Комиссаровой	123
70. Радостные дни. Перевод И. Григорьева	124
71. Дуют ветры от Урала. Перевод И. Григорьева	125

КЛЕОФАС ЮРГЯЛЦИОНИС

Биографическая справка	128
72. Из цикла «Скала». «Высоко, где тучи пушистые дремлют...» Перевод Б. Кежуна	128
73. Море и девушки. Перевод Вс. Рождественского	130
74. Сказка. Перевод Вс. Рождественского	130
75. Пусто. Перевод Вс. Рождественского	131
76. Воспоминание. Перевод Вс. Рождественского	132
77. Не знаю, о чем... Перевод Вс. Рождественского	132

ЭДМУНДАС СТЕГОЛАЙТИС

Переводы Н. Брауна

Биографическая справка	133
78. Две картинки	133
79. «Давно из глубины лесов...»	134
80. Поэту	135
81. Музыка	135

ЗИГМАС ГЕЛЕ

Биографическая справка	137
82. Что пам?.. Перевод П. Жура	137
83. «Буйный ветер-ветерочек...» Перевод М. Комиссаровой	138
84. «Не гляди на меня с укоризной...» Перевод Л. Хаустова	138
85. Скажи... Перевод Л. Озерова	139
86. «Настала ночь, людей и всю ночную...» Перевод К. Аз- довского	139
87. Другьям. Перевод Н. Брауна	140
88. Жара. Перевод М. Комиссаровой	141
89. У окна. Перевод Б. Кежуна	141
90. «Где ты, муза? Откликнись! Куда ты ушла?..» Перевод Б. Кежуна	142
91. «Когда отхлынет шум дневных забот...» Перевод Н. Брауна	143
92. Осень. Перевод Л. Хаустова	143
93. Сегодняшний сон. Перевод Н. Брауна	144
94. Родина. Перевод Л. Озерова	144
95. Плач. Перевод М. Комиссаровой	144
96. Выхожу на луг. Перевод Л. Озерова	145
97. Тополь. Перевод П. Жура	146
98. Совет. Перевод Л. Хаустова	147

Биографическая справка	148
99. Мои песни	149
100. Моя муза	149
101. «Пусть страдает душа оттого, что, дыша...»	150
102. Он	150
103. Весенние звуки	150
104. Мы	151
105. «Окна открыты. Ветер, играя...»	152
106. «Бывало не раз, у окна, перед сном...»	152
107. Кузнец	153
108. «В мировых просторах...»	153
109. Звезде	154
110. «Я мал, но я хочу владеть...»	154
111. Перед бурей	155
112. За светом, за счастьем	155
113. Клоун	155
114. Две судьбы	156
115. Роса при луне	157
116. Из катехизиса рабочего	158
117. Песня борцов	158
118. Параллели	159
119. Новое утро	160
120. Песня батрака	161
121. «Прекрасных образов создать я не могу...»	161
122. Зимняя дорога	162
123. «Пройди Россию вдоль и поперек...»	162
124. Проходят войска	162
125. Зима	163
126. Жертвы войны	163
127. Беженцы	164
128. Побег	164
129. Армия труда	165
130. В зимний вечер	166
131. Видал ли ты?	166
132. Поэт	167
133. Город	168
134. Весна	168
135. Осенью	169
136. Друзья	169
137. Певец будущего	170
138. Бор	170
139. Мозолистым рукам	171
140. Маяк	171
141. «Как темно над родной стороной!...»	172
142. На покосе овса	172
143. Устав от скитаний	173
144. Три дороги	174
145. Ave vita! Moriturus te salutat!	174

ВЛАДАС РЯКАНИЮС

<i>Биографическая справка</i>	176
146. Тайна. Перевод М. Комиссаровой	176
147. На могиле Яиониса. Перевод А. Чепурова	177
148. Узнику. Перевод П. Жура	177
149. «Упали вы, уста сомкнули...» Перевод П. Жура	178

АРТУРАС РЯГРАТИС

<i>Биографическая справка</i>	179
150. Ты знаешь ли край? Перевод Д. Бродского	179
151. Песня литовского батрака. Перевод Д. Бродского	181
152. Сеятелю. Перевод Вс. Рождественского	182
153. «Молот, плуг, верстак, мотыга...» Перевод А. Кленова	183
154. Коммунар. Перевод А. Кленова	184
155. «Иду я по жизни, ее прославляя...» Перевод Вс. Рождественского	184
156. Утром. Перевод Вс. Рождественского	184
157. «Бездны в огне, метеоры в лазурн...» Перевод Вс. Рождественского	185

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

Переводы А. Голембы

<i>Биографическая справка</i>	187
158. Песнь лачуги	188
159. Вечерняя песня	189
160. Неман	190
161. Посох певца	191
162. Бабочка	191
163. Струны страпника	192
164. Песнь мая	193
165. Луч разума	193
166. Ромашка	194
167. Чары мгновенья	194
168. Осенний плач	195
169. Осенний орган	196
170. Кузнец	196
171. Песнь моря	197
172. Бессонница	198
173. Песнопение («Ткач дней одаривает щедро...»)	198
174. Лесная мелодия	199
175. Песнь запада	200
176. Элегия волны	201
177. Провожая анста	201
178. Песнопение («Что же веешь ты, угрюмый ветер?»)	202
179. Песня	203

180.	Мелодия заката	203
181.	Мелодия воспоминанья	204
182.	Серенада	205
183.	Псалом бытия	205
184.	Мелодия странника	206
185.	Аккорд	207
186.	Осенняя песня	208
187.	Пыль и звезды (Отрывок)	209

АДОМАС ЭЛСТАС

<i>Биографическая справка</i>	210	
188.	Ручеек. Перевод М. Комиссаровой	210
189.	«Лучом рассвета...». Перевод Н. Брауна	211
190.	Волны. Перевод К. Азадовского	211
191.	«Черно-серый лик земли...» Перевод М. Комиссаровой	212
192.	За спящим бором. Перевод М. Комиссаровой	212
193.	Вечные тайны. Перевод М. Комиссаровой	213
194.	Слава пахаря. Перевод М. Светлова	213
195.	«Цветики лугов зеленых...» Перевод М. Комиссаровой	214
196.	Весна просыпается. Перевод М. Комиссаровой	214
197.	«Даль, как любовь моя, быстро поблекла...» Перевод Н. Брауна	215
198.	Воинствующим. Перевод М. Светлова	215
199.	В горах. Перевод М. Комиссаровой	216
200.	Белые ночи. Перевод М. Комиссаровой	216
201.	Гражданину России. Перевод М. Светлова	217
202.	Радость ожила. Перевод Н. Брауна	217
203.	Клеверок. Перевод М. Комиссаровой	218
204.	Город уже за спиной. Перевод Н. Брауна	218
205.	Жаворонок-серебро. Перевод М. Комиссаровой	219
206.	Любовь не вернется. Перевод М. Комиссаровой	219

ПЯТРАС ВАЙЧЮНАС

<i>Биографическая справка</i>	221	
207.	Не плачь, сестрица! Перевод Л. Миля	221
208.	«Устало уходит дневное светило...» Перевод Л. Миля	222
209.	«Крылатые над миром тучи...» Перевод Л. Миля	222
210.	«Падают грустные хрусткие листья...» Перевод Л. Миля	223
211.	Тревога. Перевод Л. Миля	223
212.	В дальнюю дорогу. Перевод Л. Миля	224
213.	Приглашение. Перевод Л. Миля	224
214.	Море тревожилось. Перевод Л. Миля	225
215.	Безбрежные дали. Перевод Л. Миля	226
216.	Приди. Перевод Л. Миля	226
217.	После бури. Перевод Л. Миля	227
218.	Сенокос. Перевод Л. Миля	227
219.	Осеннее настроение. Перевод Л. Миля	228
220.	Игра солнца. Перевод Л. Миля	229

221. Сирень расцвела. <i>Перевод Л. Миля</i>	230
222. Сеятель. <i>Перевод Л. Миля</i>	230
223. Зима. <i>Перевод Л. Миля</i>	231
224. Осенняя элегия. <i>Перевод Л. Миля</i>	231
225. Первоцвет. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	232
226. Я иду. <i>Перевод Л. Миля</i>	232
227. Васильки. <i>Перевод Л. Миля</i>	233
228. Лес. <i>Перевод Л. Миля</i>	234
229. Весна. <i>Перевод И. Грушецкой</i>	234
230. Человек, ты знаешь... <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	235
231. Где синие волны. <i>Перевод Г. Оболдуева</i>	235

ФАУСТАС КИРША

Переводы А. Голембы

<i>Биографическая справка</i>	237
232. Веселых я не ведаю краев.	237
233. Ворон	238
234. Мы вертим свой жернов	239
235. Я тишины морской обманной...	239
236. Моря, моря!	240
237. Грудь	241
238—239. Из цикла «Зима»	
1. «В поздний час, когда, сверкая...»	242
2. «В розовеющих сугробах...»	243
240. Из цикла «Тени». «Не увлекут меня страны чужие...»	244
241—243. Из цикла «Отзвуки эха»	
1. «Там, где лес растет от века...»	244
2. «Не всеми звездами влекомы...»	245
3. «Давай постоим у мятежного моря...»	245
244—246. Из цикла «Мимолетные мысли»	
1. «Земля с дремотой не боролась...»	246
2. «Спокоен Неман. Тишь и гладь...»	246
3. «Увы, мне не дано, как вам...»	247
247. Туманная пыль	247
248. О друг!	248
249. Мрамор	248
250—251. Из цикла «Цветущая любовь»	
1. «Не было меж нами ничего...»	249
2. «Полон солнцем синий купол дня...»	249
252. Задумчивость	250
253. Запахло весной	250

БАЛИС СРУГА

<i>Биографическая справка</i>	252
254. Военная элегия. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	253
255. «Шепчутся, шепчутся листья зеленые...» <i>Перевод Л. Миля</i>	254
256. «В замок мой не вхоже время...» <i>Перевод Л. Миля</i>	255
257. Песни заката. <i>Перевод Л. Миля</i>	255
258. Косарь. <i>Перевод Л. Миля</i>	259

259. «Какое празднество великое...» <i>Перевод Л. Миля</i>	260
260. «Глухи замковые стены...» <i>Перевод Л. Миля</i>	260
261. «Дневная песня уже допета...» <i>Перевод Л. Миля</i>	261
262—263. Из цикла «Тропамн богов». <i>Перевод Л. Миля</i>	
1. «О, зайди желашной гостьей...»	261
2. «О любимая, любимая земля!...»	264
264. Снятая птица. <i>Перевод Л. Миля</i>	265
265—266. Из цикла «В лучах». <i>Перевод Л. Миля</i>	
1. «Я от взглядов лучезарных...»	265
2. «Ах, какой сегодня праздник!...»	266
267. Осенние взгляды. <i>Перевод Л. Миля</i>	267
268. Белой ночью. <i>Перевод Л. Миля</i>	267
269. Из цикла «На взморье». «На волнах лазурно-белых...» <i>Перевод Л. Миля</i>	268
270. Туманная песня. <i>Перевод Л. Миля</i>	268
271. Дивно! <i>Перевод Л. Миля</i>	269
272. Город. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	270
273—275. Из цикла «В Альпах». <i>Перевод Л. Миля</i>	
1. На вершине	273
2. Зной	274
3. Восход солнца	274

ВНИЦАС МПКОЛАЙТНС-ПУТНИАС

<i>Биографическая справка</i>	276
276. Звонарь. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	277
277. Пробудилась земля. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	278
278. Вечером. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	278
279. Рех. <i>Перевод В. Корнилова</i>	279
280. Восход солнца в горах. <i>Перевод В. Корнилова</i>	280
281. Сухой лист. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	281
282. Погасли огни. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	281
283. Утреннему солнцу. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	282
284—285. Из цикла «Вершины и бездны». <i>Перевод</i> <i>Д. Самойлова</i>	
1. Вступление	283
2. Вершина	283
286. Пустынный и угрюмый. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	284
287. Пестрые соколы. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	285
288. Земля. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	285
289. Осенней ночью. <i>Перевод Г. Семенова</i>	286
290. На солнечном пиру. <i>Перевод Ст. Куняева</i>	287
291. Раб. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	288
292. В полночь. <i>Перевод Ю. Григорьева</i>	292
293—298. Гимны пессимизма. <i>Перевод В. Левика</i>	
1. «Я песней восхода и песнею славы...»	293
2. «Гений бессмертный, гигант беспощадный...»	294
3. «Дух мой тоска источила голодная...»	294
4. «Смотрю на поруганный жребий, как смотрит...»	295
5. «Даруй человеку благословенье...»	295
6. «Жизнь, ты ничтожна, кратка, величава...»	296

299.	Иисус придорожный. Перевод Д. Самойлова	297
300.	На рубеже двух зорь. Перевод Д. Самойлова	297
301.	Конец сказки. Перевод Ю. Григорьева	298
302.	Странник. Перевод Ю. Григорьева	299
303.	Ожидание. Перевод Г. Семенова	299
304.	Удивительные почвы. Перевод Ю. Морзи	300
305.	Цветок льна. Перевод Л. Милл	300
306.	На дороге к югу. Перевод Ю. Григорьева	301
307.	Литва. Перевод Ст. Куняева	301
308.	Нищий. Перевод Ст. Куняева	302
309.	Баллада. Перевод Ст. Куняева	303
310.	Капли. Перевод Ю. Григорьева	304
311.	Творчество. Перевод Ю. Григорьева	304

БУТКУ ЮЗЕ

<i>Биографическая справка</i>		306
312.	Под флагом борьбы. Перевод Б. Кежун	306
313.	«Нищие путники, день наш грядущий...» Перевод А. Чепурова	307
314.	Погибшим. Перевод М. Комиссаровой	308
315.	«Искупавшись в море крови...» Перевод М. Комиссаровой	308
316.	«Раннее солнце земли поцелуем коснулось...» Перевод М. Комиссаровой	309
317.	Песня жнеца. Перевод М. Комиссаровой	309
318.	Весенние думы пахаря. Перевод П. Жура	310
319.	Деревянная избушка. Перевод А. Чепурова	311
320.	Песня жемайтйцев. Перевод П. Жура	311
321.	Матери. Перевод А. Чепурова	312
322.	Приморское лето. Перевод М. Комиссаровой	312
323.	Жемайтйской земле. Перевод Л. Озерова	314
324.	Картинки жемайтйской деревни. Перевод М. Комиссаровой	314
325.	«Поет гармонь в моей родной деревне...» Перевод А. Чепурова	315

КАЗИС БНИКЯС

Переводы А. Кленова

<i>Биографическая справка</i>		316
326.	«Мне нравится ранняя ясная осень...»	317
327.	В деревне	317
328.	Облака	318
329.	«Ветер рвется в рощи...»	319
330.	«В объятьях холода увяли...»	319
331.	«Стою под деревьями — тихо и мерно...»	320
332.	«Весело кружусь в разливе лета...»	320
333.	Весеннее	321

334. Когда всходило солнце	322
335. Цветы в сене	323
336—342. Т р и о л е т ы	
1. Тюльпаны	324
2. Цветы яблонь	325
3. Водяная лилия	325
4. Фиалки	325
5. Рута	326
6. Васильки	326
7. Маки	326
343. Песня расставания	327
344. «Мне не надо на стенах венков неживых. . .»	330
345. Дитя ветра	331
346. Немецкая весна	332
347. «Удивленные глаза берут любые кручи. . .»	333
348. Салям алейкум	333
349. Пророк	334
350. «Вещает профессор, маститый, серьезный. . .»	336
351. «Старость уселась за огромный письменный стол. . .»	336
352. Ветер-ветренник	337
353. Небесные телята	339
354. 40° С	339
355. «Мне дуга застилают глаза. . .»	342

1003АС ТЫСЯЧА

<i>Биографическая справка</i>	343
356. Песня ночи. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	343
357. Весна. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	344
358. Вишни цветут. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	344
359. Ночь. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	345
360. Ветер. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	345
361. Песня о поезде. <i>Перевод И. Векшегоновой</i>	346
362. Вечер в городе. <i>Перевод И. Векшегоновой</i>	347
363. Господи боже. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	347
364. Осенние слухи. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	347
365. На крыльях ветра. <i>Перевод И. Векшегоновой</i>	349
366. Музыка. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	350
367. Золотой дождь. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	350
368. Песня о хлебе. <i>Перевод И. Векшегоновой</i>	351
369. Колеса. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	353
370. Мой алмаз. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	354
371. Жизнь во сне. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	355
372. Мой конь. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	355
373. Лйго. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	356
374. Ночь летняя. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	356
375. Океанская ночь. <i>Перевод Т. Сырыцовой</i>	357

СТАСИС ЯСЛЮНИС*Переводы Н. Кутова*

<i>Биографическая справка</i>	358
376. Снег	358
377. Шумите, леса	359

АНДРИЮС ДАБУЛЯВИЧЮС

<i>Биографическая справка</i>	360
378. Наш труд. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	360
379. Весна. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	361
380. Вернусь. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	362
381. Лесоруб. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	363
382. Четыре. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	364
383. На рассвете. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	365

АЛЕКСАНДРА ЖЯРКИТЕ*Переводы Вс. Азарова*

<i>Биографическая справка</i>	367
384. Искры	367
385. Водоноша	368
386. Здесь я солнечный край полюбила.	369

БРОНИУС ПРАНСКУС-ЖАЛНОНИС*Переводы Г. Герасимова*

<i>Биографическая справка</i>	370
387. Звезды	371
388. Половодье	371
389. Из стихов о подпольной работе	372
390. Крымские сонеты	372
391. Вернусь в деревню	376
392. Красная площадь	377
393. Сердца коммунаров	377
394. Литовцам, сражающимся в Испании	378

АЛЕКСАС МАГИНСКАС

<i>Биографическая справка</i>	380
395. Революция. <i>Перевод С. Олендера</i>	380
396. Прогулка заключенных. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	381
397. Тюремный гость. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	382
398. В СССР. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	383
399. «Пусть наши руки в оковах...» <i>Перевод С. Олендера</i>	383
400. Матери. <i>Перевод С. Олендера</i>	384

АЛЕКСАС ЯСУТИС

<i>Биографическая справка</i>	385
401. Родине, любимой и матери. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	385

КАЗИС МАЛШИНАУСКАС

<i>Биографическая справка</i>	389
402. О братском торжестве. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	389
403. На бирже труда. <i>Перевод В. Кузнецова</i>	390
404. Не последнее свидание. <i>Перевод В. Кузнецова</i>	390

ВИЯТРАС КАРУЖА*Переводы Н. Брауна*

<i>Биографическая справка</i>	392
405. Однажды утром	392
406. Не знал я	393
407. Литве	393
408. Без родины	394
409. Осеннее	394
410. Ни от земли, ни от небес.	395

МИКОЛАС ЛИНКВИЧИУС*Переводы Вс. Рождественского*

<i>Биографическая справка</i>	396
411. В полночь	396
412. Цветение земли	397
413. Не жалею!	397
414. «Запад канул в синь тумана. . .»	398

КЛЕМЕНАС ДУЛЬБЕ

<i>Биографическая справка</i>	399
415. Кто уносит думы. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	399
416. На лице мое. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	400
417. Песня осенней тоски. <i>Перевод Н. Брауна</i>	400

ВЕНАУТАС МОНТВИЛА

Переводы Л. Озерова

<i>Биографическая справка</i>	401
418. Порыв	401
419. Сын	402
420. Погибшему товарищу	403
421. Весне	403
422. На перепутье	404
423. Новые флаги	405
424. В тюрьме	405
425. Без тысяч	406
426. Присяга рабочего	407
427. «Тебя на фабрике не видно...»	408
428. На широкую землю	408
429. Последние слова	410
430. Любимейшая страна	411
431. Приди!	412
432. Не виновен я...	412
433. Моя отчизна	413
434. Ночь	414
435. Богом покинутая овечка	414
436. Мои слова	416
437. Песнь снежников	416
438. Свободному ветру	417
439. Литве	417
440. У могилы друзей	418
441. «Я, поэт бедноты...»	418
442. Этому не бывать!	420
443. Средневековые оркестры	420

ЛЕОНАС СКАВЕЙКА

Переводы Л. Мила

<i>Биографическая справка</i>	423
444. На торжищах жизни	423
445. Весна в деревне	425
446. Под крылами черного ангела	426
447. Зеленые вихри	426
448. На полуночных площадях	427
449. К синему морю	428
450. Песня соснового бора о свободе	429
451—453. Три стихотворения о мертвой любви и живой жизни.	
1. «Взгрустнули васильки за тихим садом...»	429
2. «Кровавые цветы швырял закат...»	429
3. «Ночь...»	430
454. Слово по поводу литературной акции	430

Биографическая справка	433
455. Море, море! <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	434
456. Рано утром. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	434
457. Ветер. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	435
458. Осеннее солнце. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	435
459. В Альпах. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	436
460. Соколы <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	437
461. Гимн жизни. <i>Перевод М. Петровых</i>	437
462. Сожгите меня. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	438
463. Без костела. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	438
464. Когда я умру. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	439
465. Смейся, жизнь! <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	439
466. Когда меня не будет. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	440
467. «Мгновенье: нажму на сталь однажды.» <i>Перевод Ю. Мор- риц</i>	440
468. Четырем. <i>Перевод В. Державина</i>	441
469. Весенний тост. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	441
470. Летят журавли. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	442
471. По ломкому льду. <i>Перевод В. Левика</i>	442
472—473. Перед грозой. <i>Перевод Ю. Морриц</i>	
1. «Море чернеет тяжело и немощно.»	443
2. Эй, капитан!	443
474. По краю бездны. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	444
475. Не видно дороги. <i>Перевод М. Квятковской</i>	444
476. Незнакомой подруге. <i>Перевод М. Квятковской</i>	445
477. Стражник. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	445
478. Я зацвету. . . <i>Перевод А. Ахматовой</i>	446
479. Сирень. <i>Перевод В. Тушиновой</i>	446
480. С теми, кто волн не боится. <i>Перевод Вл. Корнилова</i>	446
481. Дяди. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	447
482. Вечер на море. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	447
483. Белая гропивка. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	448
484. Слово слеза. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	448
485. Бездомные вороны. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	448
486. Двенадцать су. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	449
487. Я не хочу умирать. <i>Перевод В. Левика</i>	450
488. Мой малыш. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	450
489. Убежавшее счастье. <i>Перевод С. Мар</i>	451
490. Бабушкина сказка. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	451
491. Осенняя пашня. <i>Перевод В. Левика</i>	452
492. Весна в тюрьме. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	453
493. Ее повсюду вижу. <i>Перевод М. Петровых</i>	453
494. Ты проснешься. . . <i>Перевод М. Квятковской</i>	454
495. У камня каменное сердце. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	455
496. Дикие яблоки. <i>Перевод В. Левика</i>	455
497. Ветер новых дней. <i>Перевод М. Квятковской</i>	456
498. Геронка. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	457
499. Любовь к родне. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	458

500—502. Из картин М. К. Чюрлёниса	
1. Цветет солнце. Перевод Н. Астафьевой	459
2. Стрелец. Перевод Н. Астафьевой	459
3. Дружба. Перевод Ю. Левитанского	460

КАЗИС БОРУТА

<i>Биографическая справка</i>	461
503. Ветра вольного воля. Перевод Л. Озерова	462
504. «Кого, не знаю, раньше полюбил.» Перевод Л. Озерова	462
505. Песня о железной смерти. Перевод А. Кленова	463
506. Песня о протянутых ногах. Перевод А. Кленова	464
507. Песня о грустной полуночи. Перевод А. Кленова	465
508. Песня о бестолковой корове. Перевод А. Кленова	466
509. Песня о надломленной плакучей иве. Перевод А. Голембы	467
510. Литва крестов. Перевод Л. Миля	467
511. День гнева. Перевод А. Ревич	468
512. Возглас рассвета. Перевод А. Ревич	469
513. Женщина возле тюрьмы. Перевод Е. Терновского	469
514. Новый пророк. Перевод Е. Терновского	470
515. Балтика. Перевод Л. Миля	470
516. Женщина с Балтийского побережья. Перевод А. Голембы	471
517. Зеленые луга. Перевод А. Голембы	471
518. Песня балтийских ветров. Перевод В. Звягинцевой	472
519. Вместе с толпой. Перевод А. Голембы	472
520. Белая гибель. Перевод А. Голембы	473
521. Тем, кто ищет зарю. Перевод А. Голембы	474
522. Художникам Прибалтики. Перевод А. Ревич	474
523. Яблоня из сада Судувы. Перевод В. Звягинцевой	475
524. Трудные слова о тебе. Перевод В. Звягинцевой	475
525. Возвращение на родину. Перевод Г. Герасимова	476
526. Суровый портрет. Перевод А. Голембы	477
527. Последние подарки. Перевод А. Голембы	478
528. Морьякам разбитых кораблей. Перевод А. Флешина	478
529. Высокая почь. Перевод А. Флешина	478
530. Тайна вселенной. Перевод Л. Озерова	480
531. А все-таки она вертится. Перевод В. Звягинцевой	480
532. Призраки лунной ночи. Перевод Л. Беринского	480
533. Улыбка глаз. Перевод В. Звягинцевой	481
534. На стокгольмском мосту. Перевод А. Голембы	482
535. Встреча. Перевод А. Голембы	482
536. Легенда о странном поэте. Перевод А. Голембы	483

ТЕОФЛИС ТИЛЬВИТИС

<i>Биографическая справка</i>	485
537. Тихий вечер наплывает. Перевод А. Голембы	486
538. Владас Дичюс (Главы из поэмы). Перевод Г. Кановича	487
539. Песни морской свободы. Перевод А. Голембы	515
540. Драма. Перевод А. Голембы	517
541. Heilige Nacht. Перевод А. Голембы	517

ЙОНАС ШИЛКУО

<i>Биографическая справка</i>	519
542. О сердце из цинка. <i>Перевод М. Борисовой</i>	519
543. Любимой. <i>Перевод М. Борисовой</i>	520
544. Качающееся дерево. <i>Перевод Б. Кежуня</i>	521
545. Ты вернешься. <i>Перевод А. Кленова</i>	522
546. Два лучика. <i>Перевод М. Борисовой</i>	523
547. Мелодия полутонов. <i>Перевод М. Борисовой</i>	524
548. Моя Литва. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	525

КАЗИС ЯКУБЕНАС

<i>Биографическая справка</i>	526
549. «Мы вольное раздуем пламя...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	526
550. «Дни стали скучными, сонными...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	527
551. «Над лачугой черной...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	527
552. «Заря освобождения...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	528
553. «Помню песни березы кудрявой...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	529
554—559. Из цикла «Песни косарей». <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	
1. «Реки вскрываются...»	530
2. «Вырос под оградой...»	530
3. «Ветви в чаще пригibались...»	531
4. «Занялось широко поле...»	531
5. «Без пошады валится...»	532
6. «Кличем с поля...»	532
560. «Тучи я вижу с порога...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	532
561. «Я спустился горужкой...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	533
562. «Дотемна из-за двери несется...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	533
563. «Снова мир забурился потрясенный...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	534
564. «Над родимым краем...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	535
565. «Счастье мне сулят давно липы и березы...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	535
566. «Прекрасно пышных роз цветенье...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	536
567. Надоели мне строки печали. <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	536
568. «Желтые сурепки...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	537
569. «Я к вам шел зеленеющей шивой...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	538
570. «Здесь дома высоки, точно башни...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	539
571. «Звезды в небе ясном!...» <i>Перевод Е. Аксельрод</i>	539

ПЯТРАС ЦВИРКА

<i>Биографическая справка</i>	541
572. Письмо деревенской бедноте. <i>Перевод П. Антокольского</i>	542
573. Сын-агитатор. <i>Перевод П. Антокольского</i>	542
574. Призыв к мобилизации поэтов. <i>Перевод П. Антокольского</i>	543
575. Мы говорим о потоке. <i>Перевод А. Кленова</i>	544
576. С тобой миллионы. <i>Перевод П. Антокольского</i>	547

АНТАНАС РУЖАС

Биографическая справка	549
577. Мы выходим, миллионы. Перевод Б. Кежуна	549
578. Закаты солнца. Перевод Н. Брауна	550
579. Согнутое дерево. Перевод Н. Кутова	550

ЮЗАС КРУМИНАС

Биографическая справка	552
580. Лесопильня в лесу моего отца. Перевод М. Комиссаровой	552
581. «Может быть, оттого, что вполголоса песен...» Перевод Вс. Азарова	553
582. «Прислушайся — в ночи бушует ветер...» Перевод Вс. Аза- рова	554
583. «Ходит долом лето. Все поля в цветенье...» Перевод Вс. Азарова	554
584. «А тучи высоко в дали небесной!» Перевод Вс. Азарова	555
585. «Льет дождь. Ты смотришь, как на окнах...» Перевод К. Азадовского	555
Примечания	557
К иллюстрациям	571

ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ XV ВЕКА

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1971 г. 592 стр.

План выпуска 1971 г. № 321

Редактор *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Кюмм*

Корректоры: *Ф. Н. Аурюнина*

и *Н. Г. Клейнер*

Сдано в набор 24/VI 1971 г. Подписано
в печать 14/X 1971 г. М 45466. Бумага
84×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 18¹/₂+8 вкл. (31,5).
Уч.-изд. л. 26,87. Тираж 17 500 экз. Заказ
№ 1062. Цена 1 р. 29 к.

Издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение. Ленинград.

Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при Со-
вете Министров СССР, Красная ул., 1/3.

